

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Концепт: философия, религия, культура

ISSN (Print) 2541-8831
ISSN (Online) 2619-0540

Москва, 2019, №1 (9)

Главный редактор:

Симонов-Вяземский Ю.П. – к.и.н., профессор, зав. кафедрой мировой литературы и культуры МГИМО МИД России

Заместители главного редактора:

Силантёва М.В. – д.филол.н., профессор, заведующая кафедрой философии МГИМО МИД России

Афанасьева Н.Д. – к.пед.н., доцент, заведующая кафедрой русского языка МГИМО МИД России

Шеф-редактор:

Мунтян М.А. – д.и.н., профессор, МГИМО (Россия)

Редакционный совет:

Симонов-Вяземский Ю. П. – к.и.н., профессор, председатель Редсовета (Россия)

Торкунов А.В. – ректор МГИМО МИД России, профессор, академик РАН

Гусейнов А.А. – д.филол.н., профессор, академик РАН (Россия)

Вилимек В. – академик Академии наук Чехии, профессор, Карлов университет (Чехия)

Мионов В.В. – д.филол.н., член-корреспондент РАН, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия)

Терзич С. – гл.н.с. Института истории, член-корреспондент Академии наук Сербии, в настоящее время – Полномочный и Чрезвычайный Посол Сербии в Москве

Аляев Г.Е. – д.филол.н., профессор, Полтавский национальный технический университет им. Ю. Кондратюка (Украина)

Братина Б. – доктор философии, профессор, Белградский университет (Сербия)

Гриер Т. Филип – почётный профессор философии и религии, Дикинсон колледж (Пенсильвания, США)

Гарза Т. – доктор философии, профессор, Университет штата Техас (США)

Деретич И. – доктор философии, профессор, Белградский университет (Сербия)

Зеленев С.Б. – д.э.н., профессор, исполнительный директор Совета по общественному благосостоянию (Нью-Йорк, США)

Капилули С.М. – доктор философии, профессор, Римский университет (Италия)

Клэр Дж. – профессор по литературе Возрождения, Школа искусств Университета г. Халл (Великобритания)

Кирсанова Л.И. – д.филол.н., профессор, Дальневосточный федеральный университет (Россия)

Кнежевич В. – доктор философии, профессор, Белградский университет (Сербия)

Легойда В.Р. – к.полит. н., профессор кафедры мировой литературы и культуры МГИМО, председатель Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ Московского Патриархата (Россия)

Малоежник Маркус Пабло – титулярный профессор, директор департамента изучения международных отношений и региональной безопасности, Университет г. Гвадалахара, штат Халиско (Мексика)

Мотрошилова Н.В. – д.филол.н., профессор, Институт философии РАН (Россия)

Островская Е.А. – д.социол.н., профессор, Санкт-Петербургский университет (Россия)

Писманик М.Г. – д.филол.н., профессор, Пермский государственный институт культуры (Россия)

Пабст А. – старший преподаватель политологии, Школа политических наук и международных отношений Кентского университета (Великобритания), визитинг-профессор Sciences Po в Лилле (Франция)

Подберёзкин А.И. – д.и.н., профессор, директор Центра военно-политических исследований, председатель Диссертационного совета Д 209.002.09 МГИМО МИД России

Романчук А.А. – исследователь, лектор Университета «Высшая антропологическая школа» (Республика Молдова)

Такаши Санами – ассистент профессора, Славистико-Евразийский исследовательский центр Университета Хоккайдо (Япония)

Шахиди Мунира Зиядуллаевна – глава Международного фонда культуры им. З. Шахиди, профессор, Кембриджский университет (Великобритания)

Научный совет:

Алексахин А.Н. – д.филол.н., профессор, МГИМО МИД России (Россия)

Аруманов И.А. – доктор культурологии, профессор, Иркутский госуниверситет (Россия)

Аринин Е.И. – д.филол.н., профессор, Владимирский госуниверситет (Россия)

Бернюкевич Т.В. – д.филол.н., профессор, Забайкальский госуниверситет (Россия)

Веденина Л.Г. – д.филол.н., профессор, МГИМО МИД России

Воевода Е.В. – д.пед.н., профессор, МГИМО МИД России

Глаголев В.С. – д.филол.н., профессор, МГИМО МИД России

Гуревич Т.М. – доктор культурологии, профессор, МГИМО МИД России

Долгов К.М. – д.филол.н., профессор, Институт философии РАН (Россия)

Жбанкова Е.В. – д.и.н., профессор МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия)

Каргина И.Г. – д.социол.н., начальник Управления учебно-организационной работы МГИМО МИД России

Каменец А.В. – доктор культурологии, профессор, РГСУ (Россия)

Карелова Л.Б. – к.филол.н., профессор Института философии РАН (Россия)

Лебедев С.Д. – к.филол.н., доцент, Белгородский госуниверситет (Россия)

Лоевская М.М. – д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия)

Маслин М.А. – д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия)

Семедов С.А. – д.филол.н., профессор, РАНХиГС (Россия)

Соловей В.Д. – д.и.н., профессор, МГИМО МИД России

Скворцов Я.Л. – к. социол.н., декан факультета международной журналистики МГИМО МИД России

Тарасов Б.Н. – д.филол.н., профессор, Литературный институт им. Горького (Россия)

Чутров С.В. – д.социол.н., главный редактор научного журнала «Полис» (Россия)

Шамшури В.И. – д.социол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия)

Шестопа А.В. – д.филол.н., профессор, кафедра философии МГИМО МИД России

Редакция:

Мунтян М.А. – д.и.н., профессор, шеф-редактор, МГИМО МИД России

Коннов В.И. – к.социол.н., доцент кафедры философии МГИМО МИД России

Изотова Н.Н. – к. культурологии, доцент кафедры японского языка МГИМО МИД России

Чупрова И.А. – к.филол.н., секретарь редколлегии, МГИМО МИД России

Сычёва Е.С. – к.культурологии, редактор, МГИМО МИД России

Чмырева В.А. – к.и.н., редактор, Институт экономики РАН

Волков Д.Е. – дизайнер, верстальщик, МГИМО МИД России

Заборников А.В. – администратор сайта журнала, МГИМО МИД России

Federal state autonomous institution of higher education
«Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation»

Concept: **philosophy, religion, culture**

ISSN (Print) 2541-8831
ISSN (Online) 2619-0540

Moscow, 2019, №1 (9)

Editor-in-Chief:

Simonov-Viazemsky Yu.P. – Ph.D of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of the World Literature and Culture MGIMO University (Russia)

Deputy Editor-in-Chief:

Silantyeva M.V. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy MGIMO-University (Russia)

Afanasyeva N.D. – PhD of Pedagogical Sciences, Head of the Department of Russian Language MGIMO-University (Russia)

Editor-in-Charge:

Muntian M.A. – Doctor of Historical Sciences, Professor, MGIMO-University (Russia)

Editorial Council:

Simonov-Viazemsky Yu.P. – Ph.D of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of the World Literature and Culture MGIMO University, Chairman of the Editorial Council

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Professor, Academician of the RAS (Russia)

Guseynov A.A. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Academician of the RAS (Russia)

Vilimek V. – Academician of the Czech Academy of Sciences, Professor Charles University (Czech Republic)

Mironov V.V. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Corresponding Member of RAS (Russia)

Terzich C. – Corresponding Member of the Serbian Academy of Sciences and Arts, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Serbia in Russia

Alyayev G.E. – Doctor of Philosophy, Professor, Poltava National Technical University named after Kondratyuk (Ukraine)

Bratina B. – Doctor of Philosophy, Professor, University of Belgrade (Serbia)

Garza M. – Doctor of Philosophy, Professor, University of Texas, Director of Texas Language Center (USA)

Grier F.T. – Honorary Professor of Philosophy and Religion at Dickinson College (Pennsylvania, USA)

Deretich I. – Doctor of Philosophy, Professor, University of Belgrade (Serbia)

Zelenev S.B. – Doctor of Economics, Professor, Executive Director of the Council on Public Welfare (New York, USA)

Kapilupy C.M. – Doctor of Philosophy, Professor, University of Rome (Italy)

Klare J. Professor of Renaissance Literature/ Co-Director of the Andrew Marvell Centre for Medieval and Early Modern Studies, School of Arts (United Kingdom)

Kirsanova L.I. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, DVFU (Russia)

Knezevich V. – Doctor of Philosophy, Professor, University of Belgrade (Serbia)

Legoyda V.R. – PhD (Political Sciences), Professor at the Department of World Literature and Culture at the MGIMO, Chairman of the Holy Synod Department for Church, Society and the Mass Media Relations of the Russian Orthodox Church.

Maloyezhnik M. Pablo – Titular Professor, the Director of the Department of Studying of the International Relations and Regional Security of the University Guadalajara, the State of Jalisco (Mexico)

Motroshilova N.V. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Institute of Philosophy of RAS (Russia)

Ostrovskaya E.A. – Doctor of Sociology, Professor of St. Petersburg University (Russia)

Pubst A. – Senior Lecturer in Politics at the School of Politics and International Relations in the University of Kent (United Kingdom)

Pismannik M.G. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Perm State Institute of Culture (Russia)

Podberezkin A.I. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of Center of Military-Political Studies, MGIMO-University (Russia)

Romanchuk A.A. – Researcher of University «High Anthropological School» (Republic of Moldova)

Takahashi Sanami – Assistant Professor, Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University (Japan)

Schachidi M.Z. – Head of International Fund of Culture named after Z. Schachidi, Professor of the Cantabrigian University (Great Britain)

Scientific Council:

Aleksahin A.N. – Doctor of Philological Sciences, Professor, MGIMO-University (Russia)

Arzumanov I.A. – Doctor of Culturology, Professor, University of Irkutsk (Russia)

Arinin E.I. – Doctor of Philological Sciences, Professor, University of Vladimir (Russia)

Berniukevich T.V. – Doctor of Philological Sciences, Professor, Zabaykalsky (Chita) University (Russia)

Vedenina L.G. – Doctor of Philological Sciences, Professor, MGIMO-University (Russia)

Voevoda E.V. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, MGIMO-University (Russia)

Glagolev V.S. – Doctor of Philological Sciences, Professor, MGIMO-University (Russia)

Dolgov K.M. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Institute of Philosophy RAS (Russia)

Zhbankova E.V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, M.V. Lomonosov Moscow State University (Russia)

Kargina I.G. – Doctor of Sociology, Head of the Educational and Organizational Work of MGIMO (University) of the MFA of the Russian Federation (Moscow)

Kamenetz A.V. – Doctor of Culturology, Professor, Russian State Sociological University (Russia)

Karelova L.B. – Candidate of Philosophical Sciences, Professor, Institute of Philosophy RAS (Russia)

Lebedev C.D. – Candidate of Philosophical Sciences, docent, University of Belgorod (Russia)

Loevskaya M.M. – Doctor of Philological Sciences, Professor, M.V. Lomonosov Moscow State University (Russia)

Semedov S.A. – Doctor of Philosophy, Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration of the Russian Federation (Russia)

Solovey V.D. – Doctor of Historical Sciences, Professor, MGIMO-University (Russia) Chugrov C.V. – Doctor of Sociological Sciences, Chief Editor of «Polis» (Russia)

Shamshurin V.I. – Doctor of Sociological Sciences, Professor, University of Sankt-Petersburg (Russia)

Shestopal A.V. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department for Philosophy (MGIMO University)

Editorial Staff

Muntian M.A. – Editor-in-Charge, Doctor of History, Professor (MGIMO University)

Konnov V.I. – Ph.D (Sociology), Associate Professor of the Philosophy Department (MGIMO University)

Izotova N.N. – Ph.D (Culturology), Editor (MGIMO University)

Chuprova I.A. – Ph.D of Philosophical Sciences, Secretary of the Editorial Board (MGIMO University)

Sichova T.S. – Ph.D (Culturology), Editor (MGIMO University)

Chmyreva V.A. – Ph.d (History), Editor, (Institute of Economics RAS)

Volkov D.E. – Designer, Coder (MGIMO University)

Zabornikov A.V. – Site Administrator (MGIMO University)

Содержание

В ГОСТЯХ У «КОНЦЕПТА»

Межкафедральный семинар «Лингвострановедческий тезаурус и речевое поведение профессионала-международника» начинает год 75-летия МГИМО своим 100-м заседанием.

Торкунов А.В. Приветственное слово 7

Поздравления:

Иванов Н.В. Семинар стал крупной научной школой 8

Афанасьева Н.Д. Добрые традиции поиска научной лингвострановедческой истины 9

Ильина О.К. Эта замечательная инициатива живёт и развивается, принося пользу на nive образования 10

Делинад М. Блестящая идея организации в МГИМО научной лингвострановедческой площадки 11

Веденина Л.Г. Как это было 12

Список научных трудов постоянных членов семинара 18

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

ФИЛОСОФИЯ И ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЕ

Веденина Л.Г. Лингвистика – культурология – лингвокультурология – лингвострановедение 23

Глаголев В.С. Дано ли нам «предугадать, как слово наше отзовется»? 30

Чичина М.О. Отражение понятий «зрелищность» и «художественность» в русской философии и лингвокультурологии 38

Иванова С.В. Дом глазами русских и англичан 46

Перевозникова А.К. Концепт «Родина» как составляющая национального образа России в русской картине мира 54

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЕ

Успенская Н.А. О святости и благочестии в произведениях современных египетских писателей 62

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Оксентюк О.Р. О связях между языком и реалиями жизни общества 86

Титова Т.Р. Формы обращения и титулование в итальянском языке: коммуникативный шок 95

Кузнецова М.В. Английский сад и его история 104

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЕ

Воевода Е.В. Килт как символ шотландской идентичности 111

Успенская Н.А. Нужен ли палестинцам университет? 121

Глазунова С.Е. Понять другого: вьетнамский культурный код 131

Авакова Ю.А. Морские фразеологизмы в датской общественно-политической лексике 141

Морозова Е.Б. Русские поклоны: взгляд сквозь века 148

Кухарева Е.В. Махмуд Дервиш и его Палестина. Тема родины в творчестве поэта 155

Вороневская Н.В. Стилистические особенности поэзии Р.М. Рильке и вопросы перевода на английский язык 165

Воронец С.М. Мотив человеческого хитроумия в средневековой литературе 173

Аксанова А.Е. Музыка в культуре Индии 185

Орёл Е.В. Италия: мир музыки и бельканто 193

Багузина Е.И. Музыкальное и песенное наследие Великобритании в программе обучения английскому языку 200

Нагорнова Л.Е. Вперёд и с песней: изучать итальянский язык *con anima* и *passione* 207

Березина А.В., Делинад М. Персидский танец: традиции и современность 214

РЕЦЕНЗИИ

О нас пишут

Ковыршина Н.Б. Языки в аспекте страноведения 226

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Долгов К.М. Наталия Ильинична Сац: демиург детского музыкального театра 228

Table of Contents

IN THE VISITATIONS AT «CONCEPT»

The interdepartmental seminar «The linguistic and cultural thesaurus and speech behavior of an international professional» begins the year of the 75th anniversary of MGIMO with its 100th meeting.

Torkunov A.V. Greeting. 7

Congratulations:

Ivanov N.V. The workshop has become a major scientific school. 8

Afanasyev N.D. Good traditions in the search for scientific linguistic truth 9

Ilyina O.K. This wonderful initiative lives and develops, benefiting in the field of education 10

Delinad M. The brilliant idea of organizing a scientific linguistic-cultural platform at MGIMO 11

Vedenina L.G. How it was 12

Chronicle of scientific papers of the permanent members of the seminar. 18

RESEARCH ARTICLES

PHILOSOPHY AND LINGUISTIC AND CULTURAL STUDIES

Vedenina L.G. Linguistics – culturology –linguoculturology – Linguistic and Cultural Studies 29

Glagolev V.S. Are we given to predict «how our word would come back»? 35

Chichina M.O. Reflection of Notions «Increase» and «Art» in Russian Philosophy and Linguoculturology. 44

Ivanova S.V. Home Through the Eyes of Russians and Englishmen 52

Perevoznikova A.K. The «Rodina» Concept as a Component of the National Image of Russia in the Russian

Llanguage Picture of the World. 60

RELIGIOUS STUDIES AND LINGUISTIC AND CULTURAL STUDIES

Uspenskaya N.A. About Holiness and Piety in Modern Arabic Literature. 84

INTERCULTURAL COMMUNICATION

Oksentyuk O.R. Links between Language and Society Revealed through Studying Translation Methods 93

Titova T.R. Italian Forms of Address and Titles: a Cultural Shock 102

Kuznetsova M.V. English Garden and its History 108

CULTUROLOGY AND LINGUISTIC AND CULTURAL STUDIES

Voevoda E.V. The Kilt as a Symbol of Scottish Identity 118

Uspenskaya N.A. Why Palestine Needs University? 129

Glazunova S.E. To Understand the Other: the Vietnamese Culture Code. 139

Avakova Yu.M. Nautical Terminology in Danish Social and Political Discourse 146

Morozova E.B. Russian Bows through Centuries 153

Kukhareva E.V. Mahmoud Darwish and Palestine. The Theme of Motherland in the Works of the Poet 163

Voronevskaya N.V. Stylistic Features of R.M. Rilke’s Poetry and Questions of their Translation into English. . . 170

Voronets S.M. The Motive of Human Cunning in Medieval Literature 183

Aksanova A.E. Music in Indian Culture. 191

Orel E.V. Italy: the World of Music and Belcanto 199

Baguzina E.I. Integrating Music and Song Heritage of Great Britain into the English Language Classroom . . . 205

Nagornova L.E. Along with the Song: Learn Italian “con anima e passione” 212

Berezina A.V., Delinad M.G. Persian Dance: Traditions and Modernity 224

BOOK REVIEWS

О семинаре пишут

Kovyreshina N.B. Languages through Linguistic and Cultural Studies. 226

SCIENTIFIC LIFE

Dolgov K.M. Natalia Ilyinichna Sats: Demiurge of the children’s Musical Theater. 228

Поздравление ректора!

Членов Межкафедрального семинара преподавателей иностранных языков МГИМО *Языковой тезаурус и речевое поведение профессионала-международника* поздравляю со славным юбилеем!

Ваше поначалу скромное начинание за два последних десятилетия утвердилось и разрослось, оно во многом способствовало выдвижению нашего Университета на Всероссийскую арену как лидера-разработчика теории и практики преподавания активно развивающейся лингвокультурологической дисциплины – лингвострановедения. Заложены теоретические основы этой дисциплины, читаются курсы лекций, практические наблюдения в этой области используются в преподавании иностранных языков, созданы учебники и учебные программы, результаты исследований членов семинаров обсуждаются на международных и всероссийских форумах.

На базе семинара проведено 16 ежегодных межвузовских конференций и опубликовано 32 сборника научных материалов.

Желаю коллективу долгой и плодотворной деятельности, успехов и благополучия.

Ректор МГИМО МИД России
академик РАН
А.В. Торкунов

СЕМИНАР СТАЛ КРУПНОЙ НАУЧНОЙ ШКОЛОЙ

Лингвострановедение открывает вершины смысловой жизни языка. Внимательное отношение к культуре, к особенностям повседневного общения носителей языка связывает структуру и прагматику языкового узуса с факторами концептуального поля дискурса, делает изучение языка всесторонним и аутентичным.

В эти дни в Московском государственном институте международных отношений свое сотое заседание проводит получивший широкую известность среди языковых ВУЗов Москвы семинар «Лингвострановедческий тезаурус и речевое поведение профессионала-международника». Семинар был задуман ещё в начале 2000-х годов доктором филологических наук, профессором Людмилой Георгиевной Ведениной и все эти годы проходит при её неизменном руководстве. Л.Г. Веденина – известный лингвист-исследователь, автор «Большого лингвострановедческого словаря», посвящённого языковой культуре Франции.

Семинар стал крупной научной школой. Сотни преподавателей иностранных языков, аспирантов, учёных-лингвистов связали свою профессиональную деятельность с этим семинаром, здесь они представляют свои доклады, участвуют в дискуссиях по всем аспектам изучаемых языков. Различные стороны культурной жизни десятков языков, европейских и восточных, освещались на заседаниях семинара, научное знакомство людей и научное знакомство языков способствует их взаимопониманию.

Семинар имеет большое научное и дидактическое значение. Язык – зеркало культуры. Культура, как никакой другой аспект, развивает интерес к изучению языка, отношение обучающегося к языку становится более тонким, глубоким, профессиональным.

Сотое заседание – это, безусловно, юбилей, показатель утвердившейся и развивающейся традиции. Поздравляю профессора Веденину Людмилу Георгиевну и вместе с ней всех участников Лингвострановедческого семинара МГИМО с этим важным научным достижением.

Желаю всем коллегам участникам семинара здоровья и новых научных успехов!

Заведующий кафедрой романских языков
МГИМО МИД России,
д.филол.н., профессор **Н.В. Иванов**

***ДОБРЫЕ ТРАДИЦИИ ПОИСКА НАУЧНОЙ
ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОЙ ИСТИНЫ***

Уважаемая Людмила Георгиевна!

Столетний юбилей Вашего научного семинара - это знаменательное событие! Преподаватели кафедры Русского языка МГИМО МИД России, многие из которых имели честь быть участниками заседаний семинара «Лингвострановедческий тезаурус и речевое поведение профессионала- международного», отмечают не только высокий научный и профессиональный уровень выступлений, но и атмосферу научного поиска, желания делиться результатами своего творчества с единомышленниками, радость встреч с интересными людьми. Примите мои искренние поздравления и пожелания продолжать добрые традиции поиска истины, обмена опытом, накопленным за долгие годы работы!

Н.Д. Афанасьева,
зав. кафедрой Русского языка
МГИМО МИД России

***ПУСТЬ ЭТА ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ ИНИЦИАТИВА
ЖИВЁТ И РАЗВИВАЕТСЯ***

Уже второе десятилетие в МГИМО продолжается традиция проведения Межкафедрального семинара «Лингвострановедческий тезаурус и речевое поведение профессионала-международника», в котором принимают участие преподаватели языковых кафедр. Целью этого замечательного проекта является обмен опытом, а также ознакомление с новыми гуманитарными исследованиями, которые направляют и формируют процесс преподавания иностранных языков в университете. К ним относятся в первую очередь: национальный характер, социология, языкознание, культурология, философия, педагогика. Вопросы, связанные с этими областями знаний, поднимаются на лингвострановедческих семинарах каждый месяц, а идеи, появившиеся в ходе оживлённых дискуссий, получают дальнейшее развитие в научных изысканиях преподавателей и аспирантов.

Дискуссии участников Межкафедрального семинара стали теми ручьями, которые питают большое озеро ежегодного Межвузовского семинара «Лингвострановедение: методы анализа, технологии обучения», собирающего ведущих специалистов этой области из России и из-за рубежа.

В ознаменование 100-го заседания семинара «Лингвострановедческий тезаурус и речевое поведение профессионала-международника» шлю свои сердечные поздравления его создателю и бессменному руководителю профессору Людмиле Георгиевне Ведениной, а также его организаторам! Пусть эта замечательная инициатива живёт и развивается, принося пользу на ниве образования!

Ольга Карловна Ильина,
зав. кафедрой английского языка № 3
МГИМО МИД РФ

ПОЗДРАВЛЯЮ С ЮБИЛЕЙНЫМ ЗАСЕДАНИЕМ!

Пользуясь случаем, хочу поздравить глубокоуважаемую Людмилу Георгиевну и всех участников межкафедрального семинара «Лингвострановедческий тезаурус и речевое поведение специалиста-международника» с 100-м юбилейным заседанием!

Считаю без преувеличения блестящей идею организации в МГИМО научной площадки, объединяющей специалистов по различным странам и регионам. Профессионал в области международных отношений обязан не только блестяще знать иностранный язык, но и хорошо разбираться в реалиях и тонкостях культуры того или иного народа.

Мне выпала честь выступить с докладом и принимать участие в работе Семинара. Хочу отметить достойную организацию и высокий научный уровень заседаний.

Желаю вам, уважаемая Людмила Георгиевна и участники Семинара, вдохновения, успешной реализации новых творческих планов и свежих идей!

С искренним почтением,
Максим Делинад
Исполнительный директор
Российско-иранского делового совета

С ЧЕГО И КАК ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ И РАЗВИВАЛОСЬ (к 100-му заседанию семинара)

Л.Г. Веденина*

Двухтысячные годы. Начало третьего тысячелетия. Идеи переосмысления иноязычного образования носятся в воздухе. В одном из разговоров профессора кафедры французского языка Л.Г. Ведениной и начальника Управления языковой подготовки МГИМО Г.И. Гладкова собеседники приходят к мысли о желательности создания организма, объединяющего преподавателей всех иностранных языков, изучаемых в МГИМО, для того, чтобы:

- 1) быть в курсе отечественных и зарубежных исследований в области науки о языке и лингводидактики;
- 2) внести посильный вклад в разработку проблем новой лингвокультурологической дисциплины – лингвострановедения, имея в виду учебный процесс в МГИМО.

Преподаватели, заинтересовавшиеся этой инициативой, были приглашены на собрание, которое было назначено на февраль 2003 г. На собрание пришли 30 человек. На нём было решено несколько организационных вопросов:

- семинар будет постоянным;
- он будет проходить в формате учебного общения – 90 минут (выступления докладчиков – 20-35 минут, обсуждение – оставшееся время);
- темы для обсуждения выбираются демократическим путём (предлагает руководитель семинара по согласованию с участниками заседания, причём каждый из присутствующих вправе предлагать свои варианты).

13 февраля 2003 г. семинар начал свою жизнь. Само название семинара – «Лингвострановедческий тезаурус и речевое поведение профессионала-международника», – отражало его главную цель, само предназначение – семинар должен давать знания (тезаурус) в области лингвострановедческой научной дисциплины и учить, как преподавать эти знания студентам при обучении их иностранному языку.

Постоянными участниками семинара являлись кафедры английского (№ 1, 2, 3, 4), немецкого, французского языков, романских языков, языков

* Веденина Людмила Георгиевна – д. филол.н., профессор, с.н.с. МГИМО МИД Российской Федерации.

стран Центральной и Юго-Восточной Европы, русского языка для иностранных учащихся, индоиранских и африканских языков, китайского, вьетнамского, лаосского и тайского языков, японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, языков стран Ближнего и Среднего Востока, а также кафедры философии.

Тематика семинара с самого начала его работы была разнообразной. Участники семинара рассказывали в своих выступлениях о регионах, открытиях, впечатлениях. Типичными примерами могут быть следующие из таковых:

- Н.А. Успенская представила на обсуждение основную проблематику своей монографии «Восток - Запад - Россия» (2011);
- Е.П. Завадская высказалась «О лингвострановедческом компоненте в композиции «Учебника амхарского языка для Ш-1У курсов бакалавриата МО МГИМО» (2009);
- Ю.Н. Кудрявцев выступил с докладом «О цветовых ассоциациях: опыт художника», сопровождавшимся демонстрацией собственных картин (2011);
- Л.Г. Веденина своё выступление посвятила «Актуальным проблемам европейской лингводидактики (о стажировке в Международном центре педагогических исследований, г. Севр, Франция)» (2010);
- А.В. Березина поделилась впечатлениями «О форуме поэзии в Иране» (2017);
- Н.А. Успенская информировала членов семинара о «О языковой ситуации в Палестине», раскрыв весьма интересные материалы, собранные ею во время командировки» (2018).

Руководство семинаром приглашало на заседания специалистов МГИМО и других научных учреждений Москвы с тем, чтобы расширить знания в области смежных наук – философии, религиоведения, культурологии, международных отношений.

На заседаниях Семинара выступили:

- доцент кафедры Международных отношений МГИМО А.В. Мальгин с докладом на тему «Европейский союз в Средиземноморье» (2009)
- профессор кафедры индоиранских и африканских языков О.Г. Ульциферов «Способы формирования культурной компетенции при обучении языкам неевропейских семей» (2009)
- заведующий кафедрой русского языка для иностранных учащихся профессор Н.Д. Афанасьева («Русский язык в мире») (2016)
- профессор кафедры философии Р.Ф. Додельцев «О речевом поведении дипломата (по материалам книги «Практическое пособие по психологии для дипломатов» под редакцией автора)» (2009)
- главный научных сотрудник Института Дальнего Востока РАН доктор экономических наук Л.И. Кондратьева «Ценностное значение мировых религий: китайская система даосизм и конфуцианство» (2010)
- главный научный сотрудник института Дальнего Востока РАН доктор исторических наук С. А. Горбунова «О лингвострановедческой ценности мировых религий: буддизм» (2010)

• исполнительный директор Российско-иранского делового совета, старший преподаватель кафедры восточных языков Астраханского государственного университета М. Делинал выступил на семинаре по теме «Образная система персидского патриотизма: на материале фразеологизмов» (2016).

Предметом обсуждения на семинаре были интересные книги и научные собрания:

- А.К. Перевозникова – «Обзор произведений русской литературы конца XX – начала XXI веков» (2015);
- Т.Р. Титова – «Языковой портрет политика» (2011);
- М.М. Пенцова – «Системообразующие признаки политического дискурса»(2011);
- Л.Г. Веденина – «Концепция Н.Я. Марра и её критики» (2009);
- Н.Л. Самойлова – «Символика цвета: белый цвет в итальянской архитектуре» (2001);
- Е.В. Тихонова – «Идеология восточной медицины» (2012);
- С.Е. Глазунова – «Лингвистика о механизмах восточной медицины» (2012);
- М.В. Кузнецова – «Особенности женской языковой личности» (2008).

В последние годы алгоритм работы семинара был несколько изменён: сейчас выбирается одна общая тема, которая разрабатывается каждым участником применительно к стране изучаемого им языка. Эти выступления, их, как правило, 16 (по 2-3 каждый месяц), занимают два учебных семестра.

Несколько наиболее ярких примеров. Тема «Образ Родины в национальных культурах» была раскрыта в сообщениях: Н.В. Воронежской («Патриотизм по-британски и по-американски», 2017); Т.А. Силантьевой «Румынский кинематограф и национальная идея» (2017); тема «Атрибутика и эмблематика страны изучаемого языка» была разработана на материале вьетнамского языка С.Е. Глазуновой и Р.Н. Зайцевым, а на материале японского языка – Т.Б. Резниковой («Символизм Японии», 2015). В обсуждении темы также приняли участие заведующий кафедрой педагогики и психологии профессор Е.В. Воевода и профессор кафедры английского языка № 4 Н.А. Зинкевич (2016).

Этнодифференцирующие особенности внешности и одежды жителей стран изучаемого языка были охарактеризованы в выступлениях Л.В. Ларионовой («Традиции поведения и общения у тайцев»), Н.В. Мелехиной «Антропологические, этнокультурные и социальные характеристики пакистанцев, А.Е. Аксановой «Внешний облик индийцев» (2014).

С сообщениями на тему «Национальные традиции в искусстве песни» выступили:

- Е.Б. Морозова («Музыкальные традиции Уэльса, Шотландии и Ирландии»);
- Е.Н. Антонова («Феномен популярности «Ливерпульской четвёрки», «The Beatles»);
- А.М. Падежнова («Бразильская народная музыка: больше, чем национальная музыка»);

М.С. Хван («Музыкальный жанр фаду - отражение характера и души португальского народа») (2018).

Кафедра немецкого языка представлена выступлениями В.Н. Долгих «Немецкий язык в культуроносной функции» (2012) и Т.И. Мухаметдиновой «Основная проблематика литературной Германии XXI века» (2013).

Об основных этапах этнической истории Италии говорила в своём выступлении С.М. Воронеж (2018). С сообщением «Проблемы образования в КНР» выступила М.А. Гулёва, преподаватель кафедры китайского, вьетнамского, лаосского и тайского языков (2012). Особенности финской ментальности, отражённой в финском языке, представила Л.Н. Летучева в сообщении «Финский язык: этнолингвистическое сознание» (2013).

В юбилейные лермонтовские дни был заслушан доклад О.И. Румянцевой «Творчество Лермонтова в контексте русского духовного самосознания» (2014).

Мы видим исключительную устойчивость семинара, для которого характерны:

- стойкая периодичность;
- организация выступлений по тематическому принципу (способствующему проведению дискуссий);
- проблемный характер обсуждаемых тем;
- стабильность состава участников.

В 2012 г., когда отмечалось десятилетие семинара, был снят фильм (45 мин.), в котором работа семинара представлена со всеми подробностями. Семинар «Лингвострановедческий тезаурус и речевое поведение профессионала-международника» продолжил свою работу.

Несколько слов о рождении лингвострановедческой науки в МГИМО. В 1980-е гг. не существовало информационной сети и когнитивный диапазон преподавателей иностранных языков был менее широк, чем в наши дни. Сведения об общественной и повседневной жизни в странах изучаемого языка нужно было отыскивать в разрозненных источниках, классифицировать и обобщать их, и только потом нести в аудиторию. А в аудитории нас встречали студенты, которые задавали много вопросов, желая знать:

1) как в странах изучаемого языка организованы образование, налоговая система, здравоохранение, транспорт, жизнь семьи, трудовая деятельность, досуг;

2) какие языковые средства используются в этих сферах.

Иными словами, назрела необходимость расширить область функционирования преподаваемого языка, вывести его за пределы существовавших учебников¹. Удалось заинтересовать этой идеей молодых в то время преподавателей кафедры французского языка № 1 – Н.Н. Маслову, Г.М. Ковальчук, Н.В. Лосеву, К.Х. Рекош, Е.А. Старченко, – при участии которых было создано несколько учебных пособий в помощь преподавателю. В авторский коллектив этих пособий вошли преподаватели кафедры государственно-

---

¹ С идеей о необходимости преподавания иностранного языка в социокультурном контексте я начинаю выступать на страницах педагогических журналов и на конференциях: *La langue française dans le monde*. - Иностранные языки в школе, 1985 № 3, с.90-95. *L'interculturel comme dialogue de deux langues et de deux cultures*. *Dialogues hispanicos* № 14, Amsterdam Rodopi, 1994, p. 313-317.

го права доцент М.А. Могунова и кафедры мировой экономики – доцент В.В. Жирнов².

Социокультурные темы стали изучаться на уроках языковой практики во время занятий по французскому языку на III курсе факультетов МО и МЖ. Поскольку учебного времени не хватало, чтобы войти в учебный план, было решено создать факультативный курс «Лингвострановедение Франции» на французском языке. Курс (Cours du civilisation française) родился в 1990 г. (72 часа), он существует и в наши дни на III курсе факультета МО, включает учебные экскурсии в Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (коллекция французской живописи) и Музей музыкального искусства им. М.И. Глинки³.

С 1996 г. на кафедре английского языка №2 на практических занятиях используются созданные преподавателями кафедры (руководитель Е.В. Воевода) лингвострановедческие программы «История и культура Великобритании», «История и культура США». В наши дни лингвострановедение преподаётся на всех 17 кафедрах иностранных языков – в виде специальных курсов или отдельных разделов (тем) практического изучения языка. На кафедре английского языка № 3 проводятся Круглые столы со студентами бакалавриата по лингвокультурологической тематике. Студенты исследуют ценности и приоритеты молодых американцев, выступают с докладами, посвящёнными высоко- и низко- контекстных культурам, феноменам *doublespeak* и *understatement*, влиянию языка на менталитет народа, вербальной и невербальной коммуникации, и другим особенностям национальных культур. Студенты в большинстве случаев представляют результаты собственных исследований и сопровождают презентации иллюстративным материалом.

На факультете Лингвистики и межкультурной коммуникации Одинцовского филиала МГИМО лингвострановедческий блок дисциплин занимает важное место в программе бакалавриата «Перевод, лингвострановедение и межкультурная коммуникация» на английском языке преподаются:

- «Введение в лингвокультурологию»;
- «Лингвострановедение России»;
- «Лингвострановедение англоязычных государств».

Также предполагается изучение предмета «Лингвострановедение стран второго изучаемого языка» на французском, немецком, испанском, итальянском и китайском языках.

На программах магистратуры, кроме лингвострановедения стран первого иностранного языка, читается курс «Лингвокультурологический анализ текста», который подготавливает слушателей к проведению научно-исследовательской работы и написанию магистерской диссертации, а

² Л.Г. Веденина, Б.Б. Григорьев, Г.М. Ковальчук, Е.А. Старченко. *La France d'aujourd'hui: la vie culturelle.* – под редакцией Л.Г. Ведениной. – М.: МГИМО, 1989, с.203; Е.Б. Александровская, Л.Г. Веденина, В.С. Загрядский, В.А. Кожемякина, Н.Н. Маслова. *Франция сегодня: основные направления деятельности государства в области социальной жизни и охраны общественного порядка.* Лингвострановедческое пособие для самостоятельной работы студентов, изучающих французский язык.// под редакцией Л.Г. Ведениной, М.А. Могуновой. М.: МГИМО, 1991, с. 92; Е.Б. Александровская, Л.Г. Веденина, В.А. Кожемякина, К.Х. Рекош. *Франция сегодня: социально-экономическая жизнь.* Учебное пособие по лингвострановедению под редакцией Л.Г. Ведениной и В.В. Жирнова – М.: МГИМО, 1991, с. 85.

³ Программа курса рассчитана на 4 семестра, на практике занятия проходят только в течение двух семестров. См. Л.Г. Веденина *Программа лингвострановедческого спецкурса «Франция сегодня»* (на французском языке) для студентов третьего и четвертого курса факультетов МО и МЖ – МГИМО, утверждена на заседании научно-методического совета по иностранным языкам 19 апреля 2001 г. – М.: 2001.

также формирует навыки, необходимые как переводчикам в сфере экономики, управления и права, так и экспертам по межкультурной коммуникации в профессиональной сфере.

С 2005 г. в МГИМО проводится Межвузовская конференция на тему «Лингвострановедение методы анализа, технология обучения», в которой принимают участие представители 20-25 вузов и научно-методических центров нашей страны. Результаты работы конференции отражены в двухтомных изданиях материалов, содержащих тексты выступления участников и обобщение наблюдений по изучаемой тематике. На пленарных заседаниях конференции выступают крупнейшие специалисты в области языкознания, психологии и лингводидактики, которые знакомят участников с последними достижениями науки, событиями и дискуссиями. Лингвострановедение прочно вошло в научно-учебную жизнь МГИМО.

Список трудов участников семинара по лингвострановедению

2004

1. Веденина Л.Г. выступила на 27-м коллоквиуме международного общества функциональной лингвистики (Будеёвице. Чехия). La culture française dans le miroir linguistique # Langue et société. Dynamique des usages. XXVII colloque international de la linguistique fonctionnelle. Opera romanica №5, Cheske Budejovice, 2004, p. 349-352.
2. Веденина Л.Г. Вышла публикация выступления на 28-м коллоквиуме международного общества функциональной лингвистики. Les contes de France, du Canada et de Russie : portrait comparé. Perspectives fonctionnelles : emprunt économie et variation dans les langues. – Actes de XXVIII colloque de la Société internationale de Linguistique fonctionnelle S-Langues-de-Compostelle, 2004, p. 527 – 531.

2006

1. Веденина Л.Г. выступила на 30-м коллоквиуме международного общества функциональной лингвистики (Кипр). Le concept famille dans le contenu linguoculturel. # Actes de XXXème colloque international de linguistique fonctionnelle, Chypre, 18-21 octobre 2006, p. 197-201.
2. Оксентюк О.Р. Вышла книга «Английский язык для совершенствующихся. Актуальные проблемы сегодняшнего дня. Topical Issues of Today». – М.: МГИМО (Ун-т), 2006 – 107с.
3. Перевозникова А.К. вышло пособие «Россия: страна и люди. Лингвострановедение». Учебное пособие для изучающих русский язык как иностранный. Гриф УМО по специальностям педагогического образования для студентов высших учебных заведений по специальности 032900 (050301) – русский язык и литература (ДПП. ДС.032906 – русский язык как иностранный) – М.: Русский язык. Курсы, 2006 – 184стр.

2007

1. Веденина Л.Г. выступила на 31-м коллоквиуме международного общества функциональной лингвистики (Луго. Испания). Lexemes main-bras dans le contenu socioculturel. # La diversité linguistique. Actes de XXXIème colloque de la Société internationale de la Linguistique fonctionnelle, Lugo, 11-15 septembre 2007, p. 433-436.
2. Кухарева Е.В. Лингвострановедческий словарь арабских поговорок (с лексико-грамматическими комментариями) / сост., автор, перевод Е.В.Кухарева: ред. Т.Ф.Тищенко. М.: МГИМО-Университет, 2007, - 277с. – (Словари лингвистические).

2008

1. Веденина Л.Г. Вышел в свет «Большой лингвострановедческий словарь». Под общей редакцией Ведениной Л.Г. 2-е издание. М. Арт-Пресс книга, 2008г.
2. Кухарева Е.В. Вышел в свет словарь «Арабские пословицы и поговорки». Словарь с лексико-грамматическими комментариями / Е.В.Кухарева. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Восток-Запад 2008г. -303с.

3. Успенская Н.А. Вышла книга «Пособие по переводу текстов Ветхого и Нового Заветов на арабском языке. Развитие навыков последовательного перевода и устного изложения» / Н.А.Успенская Моск. гос. институт междун. отношений (Ун-т), каф. Языков стран Ближнего и Среднего Востока. МГИМО (У) МИД России, 2008, 167с.

2009

1. Веденина Л.Г. Вышла книга «Французское предложение в речи». – 2-е издание – М. Аспект Пресс, 2009г.

2010

1. Веденина Л.Г. выступила на 33-м коллоквиуме международного общества функциональной лингвистики (Корфу. Греция) *L'interculturel dans l'humor # Traduction, Changement en Syntane, La personne Approches fonctionnelistes // Actes du 33-ème Colloque international de linguistique fonctionnelle.*, Corfu, 2010, p. 231-235.
2. Кухарева Е.В. Вышла книга «Арабские пословицы как отражение национального менталитета». Монография / Е.В.Кухарева. – М.: МГИМО (У), каф. Языков стран Ближнего и Среднего Востока. М.: МГИМО (У) МИД России, 2010. – 300с.
3. Перевозникова А.К. вышло пособие «Россия: страна и люди. Лингвострановедение». Учебное пособие для изучающих русский язык как иностранный. Гриф УМО по специальностям педагогического образования для студентов высших учебных заведений по специальности 032900 (050301) – русский язык и литература (ДПП. ДС.032906 – русский язык как иностранный) – М.: Русский язык. Курсы, 2010 – 184стр. 2-е издани, испраленное.
4. Перевозникова А.К. Вышла книга «Русский язык как иностранный: российская дипломатия в лицах: учебное пособие //Перевозникова А.К. Чичина М.О. М.: МГИМО – Университет, 2010, 156 стр.
5. Титова Т.Р. Итальянский язык : Италия : курс лингвострановедения : учеб. пособие для студентов III-IV курсов / Т.Р. Титова, Н.В. Ушакова ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. романских языков. – М. : МГИМО-Университет, 2010. – 297 с. – <http://www.mgimo.ru/publish/document153910.phtml>

2011

1. Кухарева Е.В. Вышла книга «Национальный менталитет в зеркале арабских пословиц. Исследование проблемы взаимосвязи и взаимозависимости языка и национального менталитета с лингвистической точки зрения». Гамбург: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011 – 292с.
2. Кухарева Е.В. Вышла книга «Арабский язык: лингвострановедение: учебное пособие». / Кухарева Е.В. Моск. Гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. Языков стран Ближнего и Среднего Востока. М.: МГИМО -Университет, 2011. – 412с.
3. Перевозникова А.К. Вышло пособие «Русский язык как иностранный для студентов-международников. На материале текстов об ООН. Уровень В2/ А.К.Перевозникова; МГИМО (Ун-т) МИД России, каф. Русского языка для иностранных учащихся, 2011 г. 5,23 п.л.
4. Успенская Н.А. Вышла книга «Восток – Запад – Россия. Процесс культурного взаимодействия». Монография / Н.А.Успенская. Моск. Гос. Ин-т межд. Отношений (Ун-т)

2012

1. Березина А.В. Вышла статья «Леся Украинка – великая украинская поэтесса» (статья на персидском языке) / А.В.Березина // Маджалле-йе тахассоси-йе ше'р. – 2012 - №72. С 196-211.
2. Березина А.В. Вышла статья «Сходства и различия женского мышления в украинской и персидской литературах» (статья на персидском языке) / А.В.Березина // Омид-е Маджд. – 2012 - №58. – С 18-25.
3. Успенская Н.А. Вышла книга «Арабский язык. Регионоведение. Учебно-методический комплекс». МГИМО (У) / Н.Я.Пантюхин, Н.А.Успенская .Моск. гос. ин-т междунар. Отношений, МГИМО (у), каф. Языков стран Ближнего и Среднего Востока, 2012г, 336с.

2013

1. Перевозникова А.К. Вышло учебное пособие «Русский язык для дипломатов». Учебное пособие по языку специальности для иностранных учащихся. /Перевозникова – М.: Русский язык. Курсы, 2013, 168 с.
2. Перевозникова А.К. Вышло учебное пособие «Путешествие по России. Русский язык как иностранный. Сопроводительный лексико-грамматический курс к видеоматериалам по страноведению России: учебное пособие под общей редакцией Перевозниковой А.К. Авторы составители: А.К.Перевозникова, Т.Ю.Игуменцева, О.В. Рудакова, К.В.Семизарова. – М.: МГИМО-Ун-т, 2013. С.5-7, 72-84 (1п.л.)

2014

1. Веденина Л.Г. Вышел учебник «La france et ses habitans». М. Аспект Пресс, 2014г.
2. Кухарева Е.В. Вышла книга «Лингвострановедение: учебное пособие по арабскому языку», второе издание, исправленное и дополненное, с мультимедийным обеспечением / Е.В.Кухарева; МГИМО (Ун-т), 2014г. 421с. (Серия «Языки Востока»).
3. Успенская Н.А. Вышел учебник «Арабский язык: международные отношения: экономический аспект»: учебно-методический комплекс / Н.Я.Пантюхин, Н.А.Успенская. Моск. гос. ин-т междунар. Отношений, МГИМО (у), каф. Языков стран Ближнего и Среднего Востока, 2014г, 339с. (Серия «Иностранные языки в МГИМО. Языки Востока»)

2015

1. Веденина Л.Г. Выступила на конгрессе в Варшавском университете. La ponctuation en français signes syntatiques, communicatiks, sémantiques //Regants sur l'oral et elécrit. Warszawa, 2015, p. 136-142.
2. Багузина Е.И. Вышла книга «Развитие коммуникативной компетентности посредством интернет и цифровых технологий». Глава 3, страницы 43-66 в монографии «Магия инновации: новые технологии в обучении иностранным языкам» под редакцией Д.А.Крячкова, Е.Б.Ястребовой, О.А.Кравцовой; Кеймбридж Сколаз Паблшинг 2015, 334с.

3. Elena I. Baguzina in coauthor of chapter 3. "Developing Communicative Competence Through Internet and Digital Technologies, (p43-66) in the book "The magic of Innovation: New Techniques and Technologies in Teaching Foreign Languages" edited by Dmitry A/ Kryachkov, Elena V.Yastrebova and Olga A.Kravtsova. Cambridge Scholars Publishing 2015, 334p.
4. Кухарева Е.В. Вышел словарь «Лингвострановедческий словарь арабских паремий» // Е.В.Кухарева; Моск.гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, 2е изд. Исправленное и дополненное, М. МГИМО 2015г. 240с. (Серия «Энциклопедии и словари МГИМО»)

2016

1. Веденина Л.Г. Вышла публикация выступления в Минске на круглом столе конференции, посвящённой 85-летию проф. Степановой А.Н. «О нарушении правил типографского оформления текста» // Аномалия в языке, гармония в речи. Сборник статей по материалам круглого стола, посвящённого 85 летию профессора А.Н.Степановой, Минск, МГЛУ, 2016, с. 18-26.
2. Кухарева Е.В. Вышла статья «Арабский мир: межэтнические контакты – путь к взаимопониманию». Сборник статей. Гамбург. LAP LAMBERT Academic Publishing/ 2016. 110с.

2017

1. Веденина Л.Г. Вышла книга «Человек в лингвоэтнокультурном пространстве». – М. Языки славянской культуры, 2017.
2. Березина А.В. Вышло пособие «Обучение персидской графике». Рабочая тетрадь в четырёх частях (часть 1): учебные материалы / А.В.Березина, М.Г.Делинад; под ред. Гладковой Е.Л.; МГИМО МИД России, каф. Индоиранских и африк. Языков – Москва МГИМО-Ун-т, 2017, 53с.
3. Березина А.В. Вышло пособие «Обучение персидской графике». Рабочая тетрадь в четырёх частях (часть 2): учебные материалы / А.В.Березина, М.Г.Делинад; под ред. Гладковой Е.Л.; МГИМО МИД России, каф. Индоиранских и африк. Языков – Москва МГИМО-Ун-т, 2017, 53с.
4. Березина А.В. Вышел перевод «Перевод стихов Газве А. Финальный эпизод мира: сборник белых стихов» / пер. с персидского Березиной А.В., А.В.Ивина. – Москва: Садра, 2017, 72с.
5. Березина А.В. Вышла статья «Семь поэтов будущего» / Березина и другие; под ред. М.Дж.Асмана. – Тегеран: Сурэ-йе мэхр, 2017 С. 48-59.
6. Березина А.В. Интервью с Анной Березиной: от востоковедения до съёмок в сериале / Анна Березина// Дибаче.ир – 2017 – 30 мая.
7. Успенская Н.А. Вышел учебник «Арабский язык. Регионоведение. Учебно-методический комплекс». МГИМО (У) / Н.Я.Пантюхин, Н.А.Успенская .Моск. гос. ин-т междунар. Отношений, МГИМО (у), каф. Языков стран Ближнего и Среднего Востока, 2017г, 350с.
8. Успенская Н.А. Вышла книга «Становление реалистического направления в египетской прозе первой половины XX века». Монография. / Нина Успенская; Моск. Гос. Ин-т междунар. Отношений (ун-т) М-ва иностр. Дел Рос. Федерации, каф. Яз. стран Ближнего и Среднего Востока. – М.: МГИМО (ун-т), 2017. – 192 с. (Научная школа МГИМО).

1. Березина А.В. Вышло пособие «Обучение персидской графике». Рабочая тетрадь в четырёх частях (часть 3): учебные материалы / А.В.Березина, М.Г.Делинад; под ред. Гладковой Е.Л.; МГИМО МИД России, каф. Индоиранских и африканских языков. Москва: МГИМО – (Ун-т), 2018, 66с.
2. Березина А.В. Вышло пособие «Обучение персидской графике». Рабочая тетрадь в четырёх частях (часть 3): учебные материалы / А.В.Березина, М.Г.Делинад; под ред. Гладковой Е.Л.; МГИМО МИД России, каф. Индоиранских и африканских языков. Москва: МГИМО – (Ун-т), 2018, 64с.
3. Березина А.В. Интервью с доктором Анной Березиной, поэтом, переводчиком, преподавателем университета из России / А.В. Березина // Исламская культура. – Тегеран, 2018. - №5. – С.
4. Перевозникова А.К. вышло пособие «Россия: страна и люди. Лингвострановедение». Учебное пособие для изучающих русский язык как иностранный. Гриф УМО по специальностям педагогического образования для студентов высших учебных заведений по специальности 032900 (050301) – русский язык и литература (ДПП. ДС.032906 – русский язык как иностранный) – М.: Русский язык. Курсы, 2018 – 184стр. 5-е изд. Переработанное и дополненное.
5. Перевозникова А.К. Вышло пособие «Иностранцы в службе России: учеб. Пособие по русскому языку для иностранных учащихся. В 2-х ч. Ч.1: уровни А2 – В1 / А.К.Перевозникова, Л.И.Корягина, А.А.Апостолиди и др. под общей ред. Перевозниковой А.К. МГИМО Ун-т, МИД России, каф. Русского языка – М.; МГИМО – Ун-т, 2018г, 180 стр.
6. Перевозникова А.К. Вышло пособие «Иностранцы на службе России: учеб. Пособие по русскому языку для иностранных учащихся. В 2-х ч. Ч.2: уровни В2 / А.К.Перевозникова, Л.С.Пушаева, Т.В.Черненко и др. под общей ред. Перевозниковой А.К. МГИМО Ун-т, МИД России, каф. Русского языка – М.; МГИМО – Ун-т, 2018г, 195 стр.

ЛИНГВИСТИКА – КУЛЬТУРОЛОГИЯ – ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ – ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЕ

Л.Г. Веденина

Аннотация. Лингвострановедение – раздел лингвокультурологии, рассматривающий особенности стран изучаемого языка в их лингвистическом выражении. Лингвокультурология (этнолингвистика, лингвоантропология) отпочковалась от культурологии в 60-х годах XX в. Она оформилась в самостоятельную дисциплину после выхода в свет специального номера американского журнала «Этнография речи» (1964 г.) со статьями ряда известных исследователей, среди которых были V. Labov, E.T. Hall, D.H.ymes. Эти авторы констатировали назревшую необходимость объединить усилия лингвистики, истории, антропологии, этнографии, социологии в условиях раскрытия огромного потенциала языка человека.

Следует отметить, что концепция социокультурной детерминированности явлений языка человека возникла не на пустом месте. Она была подготовлена работами европейских учёных прошлого – В. Гумбольдта в Германии, А. Мейе и Э. Бенвениста во Франции, А.А. Потебни в России. Позднее отдельным вопросам соотношения языков и культур уделяли значительное место в своих исследованиях крупнейшие отечественные учёные – А.Ф. Лосев, М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, Д.С. Лихачёв, Р.А. Будагов.

В МГИМО интерес лингвострановедению пробудился в 1980-е годы, обучение ведётся по двум линиям – как преподавание самостоятельной дисциплины и как компонент занятий по языковой практике. Учебный материал профессионально ориентирован. Примером профессиональной ориентированности занятий по лингвострановедению может служить программа аспекта «Франция сегодня» для студентов III-IV курсов МГИМО, подготовленного кафедрой французского языка МГИМО. Она рассчитана на обучаемых разных специальностей – международных юристов, экономистов, журналистов. Программа включает 30 тем, из которых лектор отбирает те, которые имеют нужную направленность.

Для факультета «Международные отношения» релевантными будут русско-французские и французско-русские связи, политические партии Франции, государственное устройство страны.

Для студентов экономических специальностей – трудовое законодательство, транспорт, здравоохранение.

Для студентов факультета «Международной журналистики» – средства массовой информации Франции, традиции и обычаи французов, демографические характеристики общества.

Ключевые слова: Лингвокультурология, лингвострановедение, культуроносный, педагогика, французский, русский.

1960–1970-е гг. в Европе и в России были временем, когда наука о языке переживала творческий взлёт, расширяла поле своей деятельности, включала в свой арсенал проблематику, граничившую с другими областями знания. Крупнейший французский лингвист Андре Мартине назвал её ведущей наукой, наукой-лоцманом, *science-pilote*. Родились новые научные дисциплины – психолингвистика, лингвокультурология. Это состояние, а также возникшую в обществе потребность в расширении контактов, появление новых аудиовизуальных средств общения лингводидактика осмыслила в разработке новых методик, направленных на развитие и обучение коммуникативных навыков и умений.

В 1973 г. вышла книга Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова «Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Методическое руководство», где впервые прозвучал термин «лингвострановедение». Этим термином обозначили область лингвокультурологии, отвечающую потребностям лингводидактики – изучению специальных и культурных особенностей жизни стран изучаемого языка, реалий и слов, непонятных носителям иной культуры. Будучи основателями Института русского языка имени А.С. Пушкина, авторы столкнулись с необходимостью внедрения методики объяснения иноязычным студентам слов, обозначающих незнакомые им реалии русской действительности. Термин «лингвострановедение» вошёл в лингводидактическую повседневность (параллельно бытовали его синонимы – «мир изучаемого языка», «межкультурная коммуникация»)¹.

Лингвострановедческие знания составлены из сведений об отличиях иноязычного социума от социума, в котором находится субъект, интересующийся жизнью этого иноязычного общества. Каковы эти сведения?

1. Прежде всего лингвострановедческие знания предполагают знание реалий, объектов, концептов, которые отсутствуют в одном из сопоставляемых социумов (историческая память, социальные институты, организация повседневной жизни). Знания совокупности таких реалий называются когнитивной базой. Известно, что владение языковыми конструкциями, не дополненное владением когнитивной базой, неизбежно приводит к коммуникативным сбоям, т.е. пониманию без проникновения в истинный смысл, который очевиден для тех, кто принадлежит к данному социуму.

Так, человеку, не знакомому с событиями 23 августа 1577 года во Франции, будет непонятен юмористический смысл фразы «Стояла тихая варфоломеевская ночь», основанный на несовместимости определений тихая – варфоломеевская.

2. Вторая сфера объектов, относящихся к лингвострановедению, связана с миром человека, его способностью отражать окружающий мир. Психологи считают, что отсутствие оптимальной общности сознания коммуникантов делает невозможным стопроцентное донесение информации от говорящего к слушающему и наоборот. Возникает естественное желание сократить зону непонимания, и путь к этому лежит через изучение особенностей языкового сознания инофона.

Ещё один пример: *Иностранцу, который готовит письменное обращение к вышестоящему лицу, полезно знать следующее.*

*Несколько лет назад во Франции прошла горячая полемика по поводу необходимости создания слов женского рода для обозначения профессии (большая часть такого рода названий представлена в языке существительными мужского рода: *médecin, ingénieur, professeur* etc). После долгих споров на правительственном уровне с участием Французской академии*

¹ Приведём толкование терминов, которое представляется нам наиболее точным: **Лингвокультурология** – научная дисциплина, изучающая соотношение кода языка и кода культуры. **Лингвострановедение** – раздел лингвокультурологии, изучающий особенности стран изучаемого языка в их лингвистическом выражении, вектор которых определяется профессиональной ориентацией исследователя.

было принято допущение в официальной (но не государственной) документации употребления нескольких таких слов в женском роде (*Madame la Ministre, la Conseillère*). Однако в языковом сознании французских женщин ещё не стёрлось представление о преимуществе мужского рода в профессиональной среде, и обращение *Madame le Directeur* воспринимается ими как более лестное (значимое), чем *Madame la Directrice*.

3. Лингвострановедческие сведения включают сведения о различиях языкового поведения коммуникантов – носителей разных культур. К ним относятся привычки, стратегии – то, что специалисты называют «культурными сценариями»:

– вербальные реакции (способы начала и окончания речи, отклики, пере-спросы, употребление соединительных элементов);

– невербальные реакции (позы, жестикаляция, мимика, расстояние между коммуникантами)².

Обобщая сказанное, можно заключить, что составляющие коммуникативной базы и коммуникативно маркированные особенности ментальности и речевого поведения инофонов составляют материал, который изучает лингвострановедение.

Встаёт вопрос: какие средства являются носителями лингвострановедческой информации? В первую очередь, это лексические единицы (слова или словосочетания), затем грамматические единицы и семантические единицы (значение или компонент значения), их мы называем культуруносными компонентами (в другой терминологии: лингвокульту-ремы).

Существует несколько способов изучения культуруносных компонентов – описательный (дескриптивный), экспериментальный, метод поля, метод сопоставительного (контрастивного) анализа. Приведём в качестве примера

организацию работы по составлению лингвострановедческого словаря «Франция», где была использована комбинация метода поля и контрастивного метода.

Для того, чтобы представить культурологический пласт французского лексикона комплексно и системно, в авторский коллектив были введены специалисты-франковеды, которые вели работу над словарём в тесном взаимодействии с филологами – таким образом выявление лингвострановедческих реалий велось параллельно филологами и специалистами. Было составлено 30 социокультурологических полей:

- 1) государственное и административное устройство;
- 2) судопроизводство;
- 3) атрибутика (гимн, флаг);
- 4) экономика;
- 5) труд, занятость;
- 6) социальное обеспечение;
- 7) здравоохранение;
- 8) военное дело;
- 9) наука;
- 10) школа и образование;
- 11) средства массовой информации;
- 12) туризм;
- 13) спорт;
- 14) история, внешняя политика, общественная жизнь;
- 15) философия;
- 16) религии;
- 17) музеи;
- 18) достопримечательности;
- 19) архитектура;
- 20) изобразительное и декоративное искусство;
- 21) костюм;
- 22) литература и театр;
- 23) музыка, пение;
- 24) танец, балет;
- 25) кино;
- 26) французский язык;
- 27) традиции и обычаи;
- 28) прозвища и литературные персонажи;
- 29) повседневная жизнь;

² Писатель Сергей Довлатов отмечал, что «с переходом на чужой язык теряет 90% своей личности: юмор, игру слов, двусмысленность, недоговорённость, каламбуры, шутки, подтекст, который опирается на значение огромной массы реалий, связанных с жизнью в конкретной культурной среде».

30) французско-русские и русско-французские связи.

Данные поля сопоставлялись с аналогичным полем русского языка. В результате сопоставления формировался список реалий, выражающих специфику той или иной сферы жизни французского общества. Совокупность реалий, выявленных в результате рассмотрения названных полей, представляется в достаточной степени репрезентативным материалом для наблюдений за особенностями «картины мира» французской лингвокультурной общности.

Исходя из того, что лингвострановедение располагает свойственным только ему объектом исследования и использует приёмы анализа, признанные объективными в других науках (в частности, в науке о языке), есть основания считать лингвострановедение самостоятельно сложившейся дисциплиной в рамках проблематики «язык — человек — общество», дисциплиной, синтезирующей данные социологии, психологии, культурологии и лингвистики. Необходимо добавить, что в этой сфере ещё много лагун и неясностей, которые ждут своих исследователей.

Несколько замечаний по поводу лингвострановедения в педагогике. Общеизвестно, что общение на иностранном языке неразрывно связано со знаниями социокультурологического характера. Преподаватели иностранного языка постоянно имеют дело с лингвострановедческими фактами (так, например, сообщая о том, что в Париже находится Эйфелева башня, мы входим в сферу лингвострановедения). *В 60 гг. XX столетия в связи с обоснованием основных положений этнолингвистики (гипотеза Сэпира-Уорфа) и теории обучения языкам как формированию основ нового иноязычного мышления (Г. Фриз, Р. Ладо, Б.В. Беляев) возникла потребность ориентировать обучение на проникновение в язык на большую глубину: было сформулировано положение о том, что для успешного общения коммуникантам необходимо не только владеть одинаковыми языковыми средствами (фонетическими, лексическими, грамматическими), но и общими*

содержательными знаниями о мире. Таким образом овладение социокультурологическими знаниями и умениями вошло в обучение общению на иностранном языке как его необходимая составляющая.

На повестке дня стоит вопрос о замене лингвострановедческой мозаики (суммы разрозненных фактов) упорядоченными, логически связанными сведениями, т.е. системой знаний о строении общества, о культуре страны изучаемого языка.

Преподавателям иностранного языка предстоит решить задачу о том, как соотносить требования науки сегодняшнего дня с возможностями нашей учебной жизни.

Содержание терминов «la civilisation», «культурная компетенция», «лингвострановедческий аспект обучения языку», «иноязычная культура», «мир изучаемого языка» претерпело ряд изменений, отражая эволюцию лингвистической политики стран, а также трактовку вопросов, связанных с проблематикой «язык и общество», «язык и культура». Анализ этих процессов позволяет выделить ряд общих черт и различий в содержании и формах обучения страноведению. Мы стараемся показать это на примере Франции и России.

В течение трёх последних десятилетий в этих странах происходит становление лингвострановедения как самостоятельной дисциплины, отпочковавшейся от истории, искусствоведения и литературоведения. Не существует более лингвострановедения как «общеобразовательного довеска» к учебному процессу – обосновывается концепция этой дисциплины как необходимого составляющего процесса формирования коммуникативной компетенции обучаемых. Обучение ведётся по двум линиям – как преподавание самостоятельной дисциплины и как элемент занятий по языковой практике. Эти линии перекрещиваются, взаимно дополняя, но не дублируя друг друга.

Анализ эволюции педагогического процесса позволяет выделить три основных этапа:

- 1) 60-е – середина 70-х гг. XX века,
- 2) середина 70-х гг. – вторая половина

90-х гг. 3) XXI век – наши дни. На первом этапе в изучении лингвострановедения доминирует исторический подход. Обучаемым сообщаются сведения исторического плана, начиная со времён образования французского государства и заканчивая рубежом XIX–XX вв. Составителями учебных материалов являются, как правило, историки, искусствоведы и литературоведы. Этот принцип изложения страноведческой информации реализуется в известном учебнике «Основные этапы французской цивилизации» (J. Thoraval «Les grandes étapes de la civilisation française») [Thoraval, 1972: 8-11]. Параллельно с преподаванием лингвострановедения как самостоятельной дисциплины развивается другая линия обучения, состоящая в насыщении страноведческой информацией процесса практического преподавания французского языка. Информация страноведческого характера сообщается обучаемым в учебных текстах – в форме отрывков из произведений французских писателей (рассказ о Париже, моде, рынках и пр.) или в форме вымышленных сюжетов (как это делается, например, в первом томе учебника французского языка Ж. Може, где рассказывается о канадской семье, переехавшей на жительство во Францию и познающей особенности французского быта (G. Mauger «Cours de langue et de civilisation françaises» [Mauger, 1953]).

2) Второй этап в преподавании лингвострановедения характеризуется отказом от построения преподавания на исторической основе и от использования вымышленных сюжетов. Авторы учебных материалов обращаются к современности и строят преподавание на документальной основе, широко используя отчёты Национального института статистики и изучения экономики, данные социологических опросов, интервью. Выходят в свет учебники по лингвострановедению современной Франции. Наиболее значительным среди них представляется учебник М. Паолетти и Р. Стиля «Современная французская цивилизация» (M. Paoletti, R. Steele «Civilisation française quotidienne»), в который, наряду с темами по экономике

и культуре современной Франции, включена актуальная повседневная проблематика [Paoletti, Steele, 1987].

В учебниках по практическому преподаванию французского языка появляются специальные разделы, дополняющие текст и упражнения урока текстом и упражнениями страноведческого содержания. Таково, например, построение учебника А. Моннери «InterCodes. Méthode de français, langue étrangère» [Monnerie, 1989].

3) На третьем этапе лингвострановедение окончательно «отпочковывается» от истории, искусствоведения и литературоведения и, наполняясь данными социологии, становится дисциплиной о жизни современного общества. Определяется содержание этой дисциплины, уточняются её цели и задачи.

Остановимся на отличительных чертах концепции французских лингвострановедов и на концепции, которая предлагается нами.

1. Основные различия в построении обучения культуре страны изучаемого языка касаются принципов отбора материала:

а) французская педагогика идёт по пути увеличения объёма информации о современном состоянии общества, для лингвострановедов России характерно повышение интереса к традициям страны. Так, например, тот факт, что французские женщины получили право участия в выборах в государственные органы страны только в 1945 году, становится более понятным в сопоставлении с другими достижениями женщин в борьбе за свои права – признание (равной с мужем) юридической ответственности за поступки несовершеннолетних детей (1970 г.), право подписи налоговой декларации (1980 г.), право подписи семейного банковского счёта (1980 г.);

б) французской учебной литературе в большей степени свойственно обилие сведений частного характера, отсутствие обобщений, тогда как русские тяготеют к системной подаче сведений. Французская традиция преподавания цивилизации базируется на «горизонтальном» прин-

ципе –характеристике развития страны по векам (исторические события, факты литературы, произведения театра, музыки, балета в XVI в., в XVII в., в XVIII в. и т.д., а в последнее время – только в 80-90-х гг. XX в.) Этот подход не даст возможности показать специфику эволюции определённой сферы жизни страны, вклад этой страны в европейскую цивилизацию. Более эффективным представляется «вертикальное» построение обучения – характеристика архитектуры, живописи, музыки, кино с момента зарождения до наших дней.

2. Французская педагогика в большей степени ориентирует процесс обучения на формирование практических умений, например, объяснить схему, составить документ пр. Русским специалистам наиболее актуальным представляется преодоление непонимания социально-культурных различий между странами: они видят свою задачу в подготовке учащихся к вхождению в европейский культурный контекст, чтобы сделать возможной их социальную деятельность в странах изучаемого языка В связи с этим представляется необходимой организация процесса обучения как комплекса с построением занятий по культуре и практике языка (одновременное прохождение тем, согласованный

лексический минимум, согласованный контроль).

3. Для осуществления поставленных задач становится неэффективным обучение лингвострановедению как набору сведений о географии, особенностях политической системы и экономики страны изучаемого языка. Появляется потребность в подготовке учащихся к коммуникации на уровне национального менталитета. Расширяется само понятие «лингвострановедение», оно включает (кроме страноведения как такового) этнопсихологические характеристики, систему нравственных ценностей, традиции и обычаи, систему ролевых ожиданий, речевой этикет. Важная роль отводится сопоставительному культурологическому анализу – выявлению контактов культур родной страны и страны изучаемого языка. Стремление реализовать такой подход характерно для материалов последнего десятилетия – см., например, учебник Л.Г. Ведениной «Франция: страна, люди» [Vedenina, 2014].

Прямое и безоговорочное заимствование опыта французских специалистов представляется нецелесообразным, более результативным было бы использование педагогических принципов французских коллег применительно к нашей учебной ситуации.

Список литературы:

- Mauger G. Cours de langue et de civilisation françaises. Paris: Hachette, 1953.
 Monnerie A. Intercodes. Méthode de français, langue étrangère, Larousse, 1989.
 Paoletti M., Steele R. Civilisation française quotidienne. Paris: Hatier, 1987.
 Thoraval J. (Dir) Les grandes étapes de la civilisation française. Paris, Bruxelles, Montréal, Bordas, 1972.
 Vedenina L.G. La France et ses habitants. Manuel multimedia de civilisation française. M: Aspect press, 2014.

Об авторе:

Веденина Людмила Георгиевна – д.филол.н., профессор Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России, Лауреат государственной премии в области образования, Кавалер ордена Пальмовая ветвь Французской республики. 119454, Москва, пр. Вернадского, 76. E-mail: l.vedenina@inno.mgimo.ru.

LINGUISTICS – CULTUROLOGY – LINGUOCULTUROLOGY – LINGUISTIC AND CULTURAL STUDIES

L.G. Vedenina

Abstracts. Linguistic and cultural studies is a section of linguoculturology that considers the characteristics of the country of the language being studied in their linguistic expression, the vector of which is determined by the professional orientation of the researcher.

Linguo-cultural studies (ethnolinguistics, linguistic anthropology) detached from cultural studies (philosophy) in the 60-s of the XX century. It took the form of an independent discipline after the publication of a special issue of the American journal "Ethnography of Speech" (1964) with articles by a number of well-known researchers, among whom were V. Labov, E.T. Hall, D.H. Hymes. The authors stated the urgent need to unite the efforts of several scholastic disciplines (linguistics, history, anthropology, ethnography, sociology) in the context of the discovery of the enormous potential of the human language.

It should be noted that the concept of sociocultural determinism of the phenomena of the human language did not originate from a scratch. It was prepared by the works of European scholars of the past – K.W. Humboldt in Germany, A. Meillet and E. Benveniste in France, A.A. Potebnia in Russia. Later, the famous Russian scholars A.F. Losev, M.M. Bakhtin, Y.M. Lotman, D.S. Likhachev, R.A. Budagov studied several areas of connection between languages and cultures.

"France Today", the program for III-IV year MGIMO students, prepared by the Department of the French Language at MGIMO-University is an example of the professional orientation of linguistic and cultural studies. It is designed for students of various specialties – international affairs, lawyers, economists, journalists. The program includes 30 topics, from which the lecturer selects those that have the desired focus. Russian-French and French-Russian ties, political parties of France, the state structure of the country will be relevant for the faculty of "International Relations". Labor law, science, education, transport, and health care are suitable for students of economic specialties. As far as the students of the International Journalism faculty are concerned, it would be better for them to concentrate on French media, the traditions and customs of the country, the demographic characteristics of society (population, family, youth).

Key words: Linguoculturology, linguistic and cultural studies, bearing a cultural connotation, pedagogy, French, Russian.

References:

- Mauger G. *Cours de langue et de civilisation françaises*. Paris, Hachette, 1953. 279 p. (In French).
 Monnerie A. *Intercoodes. Méthode de français, langue étrangère*. Paris, Larousse, 1989. 197 p. (In French).
 Paoletti M., Steele R. *Civilisation française quotidienne*. Paris, Hatier, 1987. 255 p. (In French).
 Thoraval J. (Dir) *Les grandes étapes de la civilisation française*. Paris, Bruxelles, Montréal, Bordas, 1972. 507 p. (In French).
 Vedenina L.G. *La France et ses habitants. Manuel multimedia de civilisation française*. Moscow, Aspect press, 2014. 184 p. (In French).

About the Author:

Lyudmila G. Vedenina – Ph.D. (Linguistics), Professor, Senior Research Fellow of the French Language Department of Moscow State Institute of Foreign Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. E-mail: l.vedenina@inno.mgimo.ru.

ДАНО ЛИ НАМ ПРЕДУГАДАТЬ, КАК СЛОВО НАШЕ ОТЗОВЁТСЯ?

В.С. Глаголев

Аннотация. В условиях превращения СМИ в четвёртую власть проблема действенности системы вербальных описаний и образов, их соответствия реалиям общественной жизни приобретает особое философское значение. Анализ лингвистического скептицизма Ф.И. Тютчева, проявленного им в знаменитой формуле «Нам не дано предугадать...», требует научного внимания со стороны философии языка, литературоведения и культурологии. Тем более, что этот скептицизм на сегодняшний день приобрёл большой вес среди теоретиков и практиков, чьи интересы связаны с темами международных отношений и философской компаративистики. Актуальность подхода, чьё возникновение в истории отечественной мысли можно связать с именами поэта и дипломата Ф.И. Тютчева и писателя и участника дипломатической миссии И.А. Гончарова, таким образом, не вызывает сомнений. Обращение к содержательному рассмотрению их идей в контексте биографического, а также историко-сравнительного методов позволяет проследить основные векторы, сформировавшие лингвистический скептицизм в рамках философии культуры – одной из наиболее практически ценных теоретических рамок, позволяющих реализовать насущные задачи дипломатии как специфической профессиональной деятельности в области международных взаимоотношений.

Неисчерпаемость мира слов и стоящих за ним сокровищ теоретических и практически значимых понятий, с их бесконечностью оттенков смысла и возможностей интерпретации, постоянно требует ответа на один и тот же вопрос: в какой мере в этих значениях и смыслах представлено конкретное содержание? Ведь такое содержание является базовой предпосылкой политико-дипломатического целеполагания и одновременно тем рельефом исходных условий, которые способствуют или препятствуют реализации выдвигаемых целей, соответствующих государственным геополитическим и иным интересам. Анализ опыта субъектов политико-дипломатической деятельности и элементов «возможного», обращение к изучению рефлексии сочетаний этих элементов в конкретных жизненных установках Тютчева и Гончарова представляет собой не только исторический, но и вполне практический и даже прагматический интерес. Так как политика вообще и дипломатия в частности сочетают в себе не только системы научного знания, но и искусство его специфических проявлений.

Новизна настоящей статьи состоит в выявлении и описании феномена лингвистического скептицизма как важного философского принципа, раскрытого в творчестве выдающихся русских мыслителей XIX в.

Ключевые слова: лингвистический агностицизм, лингвистический скептицизм, политическая реальность, дипломатия, философия языка, поэзия и рациональность.

В ситуации, когда информационные процессы вышли на первый план научных дискуссий, а коммуникативистика становится составной частью едва ли не большинства серьёзных социогуманитарных исследований [Симонов, 2017: 7-19; Веденина, 1997: 72; Силантьева, 2017: 48-64], вопрос о том, как точнее интерпретировать вынесенную в заглавие данной статьи мысль Ф.И. Тютчева «Нам не дано предугадать, / Как слово наше отзовется...» [Тютчев, 2003: 197], становится далеко не праздным. Что, если род человеческий в целом и даже его наиболее проницательные представители культуры (а поэзия – её составная часть) не имеют имплицитной возможности предугадывать (то есть корректно предвидеть) последствия своей вербальной деятельности [Афанасьева, 2017: 87-93]?

Какие основания были у незаурядной творческой личности, которой, несомненно, являлся выдающийся поэт России, высказать столь пессимистическое суждение? В поисках ответа уместно вспомнить, что Ф.И. Тютчев – не только поэт, но и профессионал в сфере дипломатии. Дипломат, и в соответствии с занимаемыми им должностями в Министерстве иностранных дел Российской империи, в широком смысле «умелого посредника».

В последующий период своей жизни по роду новых служебных занятий Тютчев, исполняя обязанности государственного цензора, был вынужден заниматься улаживанием и регулированием отношений между государством и литераторами. При этом он, как и многие представители этого вида деятельности, отнюдь не был тупым и ограниченным службистом, как склонна воображать публика, так или иначе задетая цензурными ограничениями и основаниями их применения в отношениях авторов с будущими читателями.

История российской цензуры имперского времени довела до наших дней множество интереснейших ситуаций, оставшихся в дневниковых записях ревнителей «правильных мыслей» и ограничителей «развращающего влияния печатного станка», на который попада-

ли несбалансированные (с точки зрения государственных интересов) суждения и мысли авторов. Опасения цензоров (в значительной мере неоправданные), боявшихся гнева «высших сфер», определяли успех бесцензурных публикаций в герценовском «Колоколе» и «Полярной звезде». В свою очередь, государство не останавливалось перед репрессивными мерами в отношении цензоров, допустивших небрежность, недальновидность и элементарную оплошность. Достаточно вспомнить наказание издателя первого «Философического письма» П.Я. Чаадаева и резкий выговор цензору, допустившему его публикацию.

Поэтому с чисто служебной точки зрения у Тютчева, как и у его собрата по цензорскому статусу у писателя И.А. Гончарова, были достаточные основания предугадывать негативные лично для них последствия в случае несоответствия прошедшей фильтр их должностного контроля той или иной публикации. Речь шла о формальных требованиях цензурного Устава общим установкам «государственной пользы», соответственно толкуемым с позиций власти предрержащих государственных интересов России [Гончаров, 1991: 30-49]. Нет никаких сомнений в патриотических позициях обоих названных цензоров [Хозиева, 2002], начальные этапы биографий которых имеют удивительное сходство. А именно, И.А. Гончаров был послан в составе дипломатической миссии Е.В. Путятина (тогда – вице-адмирала) для установления дипломатических отношений, демаркации границ между Россией и Японией, подписания соглашений о торговом сотрудничестве и условиях посещения японских портов российскими судами.

Всё это и произошло в 1855 г. – более чем за десятилетие до революции Мэйдзи, открывшей ряд направлений сотрудничества японского правительства с внешним миром – после подписания Симодского договора. Последний оставил заметный след в российско-японских отношениях и в целом – в «открытии» Японии миру. «Мягкое притяжение» этой страны и по сей день развёртывается в

формате, где «происходит ... замена противоречия на противоположание» и где, говоря словами Киплинга, «...нет Востока, и Запада нет» [Чугров, 2015: 54]. Экспедиция Путятина была в целом удачной, хотя фрегат «Паллада» и был затоплен у берегов Японии.

Путевой дневник И.А. Гончарова, опубликованный после сухопутного возвращения писателя (уже не с экспедицией) через Дальний Восток и Сибирь в столицу Российской империи, свидетельствует о многообразии тех контактов с влиятельными личностями стран, через порты которых пролёг маршрут легендарного фрегата. Ещё более значимым оказался опыт неустанных наблюдений и компаративных аналитических выводов, которые нашли отражение как в дипломатических документах русского посольства, размещавшегося на фрегате [Массон, 2016: 22-28], так и в систематических и живых отчётах секретаря посла, трудолюбиво и неутомимо ведшего свои записи [Гончаров, 1986; Энгельгардт, 2000: 74-82].

Аналогичный путь (но только в странах, открытых для России со времён Ивана III, не говоря уже о Петре I) проделал в ходе своей дипломатической карьеры Ф.И. Тютчев. Как и положено дипломату, он регулярно составлял свои сообщения и информировал о событиях в странах своей аккредитации российское Министерство иностранных дел. При этом дипломатическая служба, как и последующая работа цензором, не убила в поэте неиссякаемую потребность самовыражения в поэтических образах, наполненных жизненными наблюдениями и глубокими философско-мировоззренческими смыслами. Можно сказать, что оба дипломата – поэт и писатель – удачно сочетали в себе навыки трезвого, жёсткого и систематического дипломатического профессионализма со способностями владения живым словом и убедительной демонстрации их в своей литературной деятельности.

Интересно, что, дослужившись в конце жизни до чина придворного камергера, Ф.И. Тютчев проявил незаурядные способности политического публициста

неославянофильского направления. Его статьи по балканской проблеме, оценки политики русского правительства в отношениях с Турцией и странами Западной Европы накануне войны 1877-1878 гг. и после её завершения, а также оценки политики, проводившейся западноевропейскими странами по отношению к России этого периода, отличаются точностью, взвешенностью и прогностической трезвостью. Она оправдалась и в ходе последующих событий, вплоть до начала Первой мировой войны, когда из стран, освобождённых при содействии России, на её стороне оказались лишь Сербия и Черногория [Толстогузов, 2016: 76-84].

Сбалансированность анализа дополнила эмоциональную насыщенность творчества, рождая философское единство осмысленного текста. Такое единство оказалось в равной мере приемлемым и для сухих отчётов, и для публицистики, и для поэзии. Возможно, отсюда же идёт то презрение, которое высказывает один из героев «Обыкновенной истории» И.А. Гончарова – старший из братьев Адуевых, – по отношению к любовным восторгам своего брата, «жёлтеньким цветочкам» легковесной романтики. Таким образом, рационализм и художественная образность сочетаются в творческих лабораториях Тютчева и Гончарова, не вытесняя друг друга и не занимая больше места, чем необходимо для решения очередной задачи, поставленной конкретной ситуацией жизни каждого из них.

Думается, что именно благодаря такой сбалансированности возникла и знаменитая афористическая формула Тютчева «Умом Россию не понять» [Тютчев, 2003: 165]. Он с удивительной, почти «аптекарьской», точностью (и глубиной, которая была свойственна его великому предшественнику А.С. Пушкину) выразил идею многозначности судьбы русского общества, перспектив России как государства и одновременно передал ограниченность всякого рационального моделирования, вплотную подойдя к тем пределам описания её будущих состояний, за которыми система рациональных оснований перестаёт действовать.

«В Россию можно только верить» – во все не означает заносчивое утверждение исключительности её судьбы, якобы превосходящей по своей значительности и влиянию роли других государств мира, известных поэту. Из «судеб мира» никоим образом не исключаются другие участники международной жизни – та же Индия, Китай, Арабский Восток. Да и Америка, в отношении которой царское правительство заняло в период Гражданской войны в США дальновидную и перспективную позицию, которая логично продолжилась отказом от территориальных претензий на Аляску и Алеутские острова. Сохранение их государственного статуса оказалось для России не по силам и средствам в свете тех задач модернизации и освоения Дальнего Востока, которыми занималось правительство царя Александра II.

Даже относительно более близких к территории России регионов одназначная «предугадываемость» была маловероятной. К примеру, водружение православного креста над Стамбульской Софией, которой предполагалось вернуть имя Константинопольской, попутно изменив в благоприятную для России сторону режим пользования Босфором и Дарданеллами. Конечно, это означало выход России на оперативный простор Эгейского и Средиземного морей. Но времена Ф.Ф. Ушакова миновали. Корабли уже не могли штурмовать бастионы, и Галлиполийская трагедия убедительно подтвердила это для России и её союзников в Первой мировой войне.

Двойственность прорицания, его кажущаяся неточность в таком случае проявляют глубину интуиции, состоящей не в отказе от рационального моделирования возможных ситуаций, но в умении гибко и сбалансированно работать с разнообразными моделями, понимая и учитывая ограниченность его возможностей. Для профессионального дипломата разделение прогнозируемых ситуаций и ситуаций, поддающихся прогнозированию с малой долей вероятности реализации прогнозов, благоприятных для государственных интересов собственной страны, является одним из проявлений

профессионализма. Не говоря уже о тех комплексных проблемах, относительно которых определённые прогнозы до известного времени просто невозможны.

За них можно, разумеется, выдавать предписания по моделям, практиковавшимся во время наполеоновских войн австрийским Генеральным штабом и высмеянным Л.Н. Толстым в романе «Война и мир»: первая колонна марширует, вторая колонна марширует, третья колонна марширует... Действительность, однако, стремительно опрокинула череду и порядок абстракции, явив совершенно иной ход событий, нежели предусматривало старательно составленной расписание.

Как поэт, Тютчев знал необъятности возможностей стихии языка, работая с ним по примеру А.С. Пушкина требовательно, вдумчиво и критично. Он знал опасности приблизительного, неточного слова; неудачной грамматической конструкции [Кириенко, 2010: 42-47]. И беспощадно устранял их из окончательного варианта своего текста. Возможно, это помогало ему и в последующих цензорских опытах, которые длительное время проходили параллельно его работе поэта и политического журналиста.

Вместе с тем, он не мог не сознавать символического характера литературной работы, занимающей особое духовное пространство, не тождественное реальной действительности, не совпадающее с ней, но способное время от времени выявлять в реальности новые смыслы и значения. Последняя особенность позволяла относиться к действительности как обладающей свойством пластичности, изменчивости под влиянием духовных усилий. В этом, между прочим, и состоит одна из благородных задач дипломатической работы, позволяющей политикам видеть в привычной им реальности новые возможности и реализовывать их для блага своей страны, её союзников. А при благоприятных условиях, ещё и осуществлять глобальные проекты, способные улучшить стабильность и определять благоприятные возможности для развития человечества в краткосрочных, среднесрочных, иногда – и долгосрочных перспективах.

Однако сами перспективы не являются однозначными. Как любая возможность, они имеют свои pro et contra, а сочетание их плюсов и минусов составляют причудливую и непрерывно меняющую свои конфигурации систему предпочтений и ограничений, среди которых политику предстоит выстраивать свою деятельность. Путь его, чтобы быть успешным, не может быть прямолинейным, а должен соответствовать особенностям «рельефа» материальных реалий и тех культурно-духовных ограничений, которые связаны с существованием и функционированием международно-правовых, религиозных, научных, технологических, информационных и других особенностей, сочетание которых и создаёт поле деятельности профессионального политика.

Поэтому, на наш взгляд, в формуле Ф.И. Тютчева «Нам не дано предугадать, / Как слово наше отзовётся» нет ни доли лингвистического агностицизма, утверждающего бессилие вербального мира. Как поэт и журналист, Тютчев не мог не знать его возможности. Но он отдавал себе отчёт в том, что мир слова отличается многомерностью и в определённых случаях таинственностью. Его тайны вовсе не опираются на присутствие потустороннего внечеловеческого божественного промысла, хотя как христианин Тютчев не мог не знать и этой стороны духовной стороны жизни верующего человека.

Таинственность слова связана с удачами и промахами черновой работы литератора, когда нужные лексические единицы не идут на язык и перо, не улавливаются, ускользают, оказываются легковесными, подчас неуклюжими, а то и неадекватными той реальности, которую они предназначены выразить. На пути поэта и журналиста не так много мгновений абсолютного торжества. Вроде того, что пережил А.С. Пушкин по окончании «Бориса Годунова», когда в Михайловском глубокой ночью он бил в ладоши и кричал самому себе: «Ай да Пушкин!..»

Как поэт утончённейшей культуры, Тютчев знал о магических возможностях и вместе с тем коварстве слова. Но, в отличие от Пушкина, он не оставил в своих дневниках и переписке свидетельств своих духовных взлётов и поражений.

Возможно, сказалась обретенная с младых лет дипломатическая невозмутимость, закрытость для внешнего мира при исполнении государственных обязанностей. При этом он, как известно, был не только влюбчив, но и раскрыл себя как поэт любви – неиссякаемой стихии человеческой жизни. Источника духовных свершений и разочарований, подъёмов и упадка настроения, переживаний трепета и отчаяния бездны, готовой поглотить человеческое существо. Исключительная проработанность в творчестве Тютчева многолетних его любовных состояний почти автобиографична. Хотя, как и положено порядочному человеку, его свидетельства не опускаются до пошлой прозы разоблачений, упрёков и попреков. Он сохраняет планку отношения к любимым женщинам, как к источнику вдохновения.

Поэтический опыт Тютчева в сочетании с опытом практическим позволили ему занять позицию лингвистического скептицизма: он верит в могущество слова, он верит в будущее России. Но он далёк от того, чтобы полагать себя той личностью, которая овладела этим могуществом, той личностью, которая в состоянии однозначно прогнозировать будущее любимой страны. В этой позиции недоговорённости, неготовности утверждать себя в роли последней инстанции – концентрация того богатейшего жизненного опыта, который было дано пережить отечественному дипломату, крупному поэту, страстно и тонко чувствующему человеку, непрерывно работавшему со словом, как с неисчерпаемым океаном возможностей самовыражения человеческих культур, их истории и творческого настоящего, в совокупности определяющих будущее человечества.

Список литературы:

- Афанасьева Н.Д. Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя? // Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 1. С. 87-93.
- Веденина Л.Г. Теория межкультурной коммуникации и значение слова // Иностранные языки в школе. 1997. № 3. С. 72.
- Гончаров И.А. Фрегат «Паллада»: Очерки путешествия в 2-х тт. Л.: Наука, 1986. 879 с.
- Гончаров И.А. Цензорские отзывы / Вступ. ст. и публ. В.А. Котельникова // Русская литература. 1991. № 2. С. 30-49.
- Кириенко Н.Г. Поэзия Ф.И. Тютчева и философия немецкого романтизма // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 8. С. 42-47.
- Массон В.В. Путешествие как рефлексия о путешествии («Фрегат "Паллада"» И.А. Гончарова) // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2016. № 2 (24). С. 22-28.
- Силантьева М.В. Интенция другого как основа коммуникативного акта // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. М.: МГИМО, 2017. С. 48-64.
- Симонов Ю.П. Сейчас наступает век философии // Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 2. С. 7-19.
- Толстогузов П.Н. Политическая лирика Тютчева как бесспорное наследие // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. 2016. № 2 (23). С. 76-84.
- Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. Письма. В 6-ти томах. Т. 2. / Сост. В.Н. Касаткина. М.: Классика, 2003. 640 с.
- Хозиева С. Русские писатели и поэты. Краткий биографический словарь. М.: Рипол Классик, 2002. 573 с.
- Чугров С.В. Мягкое притяжение Японии // Полис. Политические исследования. 2015. № 6. С. 53-67.
- Энгельгардт Б.М. «Кают-компания фрегата "Паллада"»: (Из первой редакции монографии Б.М. Энгельгардта. Глава III) // И.А. Гончаров. Новые материалы и исследования. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. С. 74-82.

Об авторе:

Глаголев Владимир Сергеевич – д.филос.н., профессор кафедры философии МГИМО МИД России. 119454, Москва, пр. Вернадского, 76. Научная специализация: философия религии, религиоведение, философия культуры, культурология. E-mail: kfmgimo@gmail.com.

ARE WE GIVEN TO PREDICT HOW OUR WORD WOULD COME BACK?

Vladimir S. Glagolev

Abstracts. *In the conditions of the media turning into the fourth power, the problem of the effectiveness of the system of verbal descriptions and images, their correspondence to the realities of public life acquires a particular philosophical significance. Analysis of Tyutchev's linguistic skepticism he showed in the famous formula "We are not given to predict ...", requires scientific attention from the philosophy of language, literature and cultural studies. Moreover, this skepticism today has gained a lot of weight among theorists and practitioners, whose interests are connected with the topic of international relations and philosophical comparative studies. The relevance of the approach, whose appearance in the history of national thought can be associated with the names of the poet and diplomat F.I. Tyutchev and writer and member of the diplomatic mission I.A. Goncharova, thus no doubt. An appeal to a meaningful consideration of their ideas in the context of biographical, as*

---

well as historical and comparative methods allows us to trace the main vectors that formed linguistic skepticism within the framework of the philosophy of culture - one of the most valuable theoretical frameworks that allow realizing the urgent tasks of diplomacy as a specific professional activity in the field of international interaction.

The inexhaustibility of the world of words and the world of theoretical and practically significant concepts behind it, with their infinity of shades of meaning and possibilities of its interpretation, constantly requires an answer to the same question: to what extent is the specific content presented in these meanings and narratives? After all, such content is the basic prerequisite of political and diplomatic goal setting and at the same time the relief of the initial conditions that contribute to or impede the realization of the set goals that correspond to state geopolitical and other interests. Since politics in general and diplomacy in particular combine not only the systems of scientific knowledge, but also art in its specific manifestations, analysis of the experience of subjects of political and diplomatic activity and elements of the "possible", turning to the study of the reflection of combinations of these elements in specific life settings of Tyutchev and Goncharov represents not only historical, but also quite practical and even pragmatic interest. Thus, the novelty of the presented article consists in revealing and describing the phenomenon of linguistic skepticism as an important philosophical principle, revealed in the work of outstanding nineteenth-century Russian thinkers who were in the public service.

Key words: Linguistic agnosticism, linguistic skepticism, political reality, diplomacy, philosophy of language, poetry and rationality.

References:

Afanasieva N.D. Kak serdsu vyskazat' sebja? Drugomu kak poniat' tebia? [How can a heart be braced in words? Another fathom what is yours?]. *Kontsept: filosofii, religii, kul'tura - Concept: philosophy, religion, culture*, 2017, no. 1, pp. 87-93 (In Russian).

Vedenina L.G. Teoriia mezhkul'turnoi kommunikatsii i znachenie slova [The theory of intercultural communication and the meaning of the word]. *Inostrannye iazyki v shkole - Foreign languages at school*, 1997, no. 3, P. 72 (In Russian).

Goncharov I.A. *Fregat «Pallada»: Ocherki puteshestviia v 2 tt.* [Frigate "Pallas": Essays on a trip in 2 vols.]. Leningrad, Science, 1986. 879 p. (In Russian).

Goncharov I.A. Tsenzorskie otzyvy [Censor reviews] / Introductory Article and publication by V.A. Kotel'nikov. *Russkaia literatura* [Russian literature], 1991, no. 2, pp. 30-49 (In Russian).

Kirienko N.G. Poëziia F.I. Tiutcheva i filosofii nemetskogo romantizma [F.I. Tyutchev's poetry and the philosophy of German romanticism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta - Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 2010, no. 8, pp. 42-47 (In Russian).

Masson V.V. Puteshestvie kak refleksii o puteshestvii («Fregat "Pallada"» I.A. Goncharova) [The journey as a reflection of the journey («Frigate "Pallas"» by I.A. Goncharov)]. *Nauka o cheloveke: gumanitarne issledovaniia - Science about Man: Humanitarian Studies*, 2016, no. 2 (24), pp. 22-28 (In Russian).

Silantieva M.V. Intentsiia drugogo kak osnova komunikativnogo akta [The intention of the other as the basis of the communicative act]. *Lingvostranovedenie: metody analiza, tekhnologiiia obucheniia* [Linguistic and Area Studies: methods of analysis, technology of training]. Moscow, MGIMO, 2017. pp. 48-64 (In Russian).

Simonov Yu.P. Seichas nastupaet vek filosofii [The age of philosophy is coming]. *Kontsept: filosofii, religii, kul'tura - Concept: philosophy, religion, culture*, 2017, no. 2, pp. 7-19 (In Russian).

Tolstoguzov P.N. Politicheskaiia lirika Tiutcheva kak besspornoie nasledie [Tyutchev's political poetry as an indisputable legacy]. *Vestnik Priamurskogo gosudarstvennogo universiteta im. Sholom-Aleikhema - Bulletin of the Sholem Aleichem Amur State University*, 2016, no. 2 (23), pp. 76-84 (In Russian).

Tyutchev F.I. *Polnoe sobranie sochinenii. Pis'ma. V 6 t. T. 2* [Full collection of writings. Letters in 6 volumes. Vol. 2] / Ed. by V.N. Kasatkin. Moscow, Classic, 2003. 640 p. (In Russian).

Khozieva S. *Russkie pisateli i poëty. Kratkii biograficheskii slovar'* [Russian writers and poets. A brief biographical dictionary]. Moscow, Ripol Classic, 2002. 573 p. (In Russian).

Chugrov S.V. Miagkoe pritiazhenie Iaponii [Japan's soft pull]. *Polis. Politicheskie issledovaniia - Polis. Political studies*, 2015, no. 6, pp. 53-67 (In Russian).

Engelhardt B.M. «Kaiut-kompaniia fregata "Pallada"»: (Iz pervoi redaktsii monografii B.M. Engel'gardta. Glava III) [«Cabin-company of the frigate "Pallas"»: (From the first edition of the monograph by B.M. Engelhardt. Chapter III)]. *I.A. Goncharov. Novye materialy i issledovaniia* [I.A. Goncharov. New materials and research] / Ed. T.A. Ornatskaia. Moscow, Russian Academy of Science: Institute of World Literature named after A.M. Gorky, Heritage, 2000. pp. 74-82 (In Russian).

About the Author:

Vladimir S. Glagolev – Doctor of Science (Philosophy), Professor of Philosophy Chair of MGIMO-University under the Ministry of Foreign Affairs of Russia. E-mail: kfmgimo@gmail.com.

ОТРАЖЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ЗРЕЛИЩНОСТЬ» И «ХУДОЖЕСТВЕННОСТЬ» В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

М.О. Чичина

Аннотация. В статье рассматриваются понятия «зрелищность» и «художественность» и их трактовка в лингвистике, русской философии и лингвокультурологии. Подобное междисциплинарное исследование позволяет по-новому взглянуть на процесс порождения художественного текста. Сначала автор обращается к этимологии слов «зрелищность» и «художественность» в русском языке, приводит сочетаемость данных лексем. Далее анализируется стилистическая маркированность слов «зрелище», «зрелищность», обусловленная тем, что русский язык отражает менталитет народа. В основе подлинно русского искусства всегда было заложено стремление к осмыслению важных вопросов бытия, а не подчинение примитивной зрелищности. Несомненно, художественность – это явление более высокого порядка, чем зрелищность. Известный философ И.А. Ильин писал о трёх составляющих подлинного произведения искусства: «внешний слой искусства» – «эстетическая скорлупа», второй слой – «эстетический образ», третий – «главная идея произведения». Эти «три слоя» искусства неразрывно связаны между собой. Автор статьи обращает особое внимание на то, что И.А. Ильин назвал предстоянием, то есть на ответственность за созданное им произведение перед самим собой, перед читателем или зрителем и перед Богом. В статье анализируется, как представители русской литературы в разные исторические эпохи работали над своими художественными текстами. В этой связи цитируются произведения поэта-символиста В. Брюсова и поэта-авангардиста В. Каменского. Оба экспериментировали со стихотворными формами, желая добиться зрелищности текста. Классики русской литературы тщательно работали над словом, для них всегда было важно передать идею произведения, форма была вторичной. Каждое слово, каждый пунктуационный знак для поэтов-классиков был важен. При сопоставлении автором статьи оригинала стихотворения М.Ю. Лермонтова «Пророк» и его последующих публикаций было выявлено, что в современных изданиях нарушена авторская расстановка знаков препинания, которая влияет на восприятие главной идеи поэтического текста. Каким образом? Об этом вы можете узнать, прочитав статью полностью.

Ключевые слова: зрелищность, художественность, русская философия, три составляющие подлинного искусства, эксперимент, логогриф, лексика, семантика, главная идея стихотворения.

Прежде чем перейти к философскому и литературоведческому толкованию понятий, указанных в названии статьи, обратимся к этимологии слов «зрелище» и «художественность». Как указывается в Толковом словаре Живаго Великого русского языка (Живого Великого русского языка) Владимира Даля, ранее общеупотребительным было слово «зрак» (взгляд, взор), однокоренные: «зрачок», «зрение», «зритель», «зреть» («видеть») [Даль, 2008]. То, что мы видим, воспринимается по-разному: удивляет, разочаровывает, устрашает, умиляет, нравится, не нравится. Слово «зрелище» чаще употребляется в негативном контексте из-за аугментативного суффикса -ище-: *страшное зрелище, отвратительное зрелище, ужасающее зрелище*. В положительном контексте обычно используют синоним «картина» (в широком смысле слова): *прекрасная картина, великолепная картина, восхитительная картина*.

Многими лингвистами и писателями отмечалось богатство лексики русского языка, имеющего в своём арсенале различные лексические средства для передачи говорящим или пишущим его восприятия мира. Можно предположить, что первыми яркими впечатлениями предков были восходы и закаты, лес, поле, реки, поляны, горы, одним словом, природа. Любопытно, что *природа* почти всегда воспринимается русским человеком положительно, может быть, потому, что на языке природы с человеком говорит Бог. Редко можно услышать словосочетания: *ужасная природа, страшная природа, отвратительная природа*. Чаще говорят более конкретно: *непредсказуемое явление природы, страшное явление природы, ужасное явление природы*.

С развитием общества и стремлением человека запечатлеть увиденное или услышанное люди стали создавать письменные тексты, затем появились сценические представления различных жанров. В связи с этим возникают и новые слова. «Зрелищность» – существительное более позднего происхождения, суффикс – *ость* имеет значение отвлечённого признака. Синоним к слову *зрелищность–картинность*

(*внешнее впечатление*): *зрелищность спектакля, зрелищность праздника*.

Зрелище как вид сценического действия может отвлекать, развлекать, оно может быть эстетичным, неэстетичным (следовательно, может радовать или шокировать), но, как правило, не затрагивает сердце и душу человека. Известный русский философ И.А. Ильин писал: «Зрелище – это восприятие объекта искусства равнодушным сердцем, холодными глазами», потому что зрелище рассчитано на эффект от увиденного (например, цирковое представление, ледовое шоу), а не на восприятие смысла. Интересно, что и в русской литературе были эксперименты, когда поэты предпочитали форму содержанию. Например, фигурными стихами увлекались символисты и авангардисты. Валерий Брюсов пробовал работать с формой стихотворения:

Я
еле
качая
верёвки,
в синели
не различая
синих тонов
и милой головки,
летаю в просторе
крылатый, как птица,
меж лиловых кустов!
Но в заманчивом взоре,
знаю, блещет, алея, зарница!
Я и счастлив ею без слов!

Логогрифом называется поэтический и стилистический приём, заключающийся в построении фразы таким образом, чтобы количество букв или звуков в исходном слове или словосочетании убывало. Поэт-футурист Василий Каменский, который, кстати, придумал слово *самолёт*, потому что был ещё и авиатором, сочинил запоминающийся логогриф:

И моя небесная свирель
Лучистая,
Чистая,
Истая,
Стая,
Тая,
А
Я.

«Художественность» – это характеристика и одна из составляющих настоящего произведения искусства, явление более высокого порядка, чем зрелищность. Слово «художественность» восходит к существительному «художник», отсюда и прилагательное «художественный». Например: *художественность творчества, талантливый художник, художественный фильм*. Как указывается в Этимологическом словаре, слово «художник» заимствовано из старославянского языка. Образовано с помощью суффикса *-икъ* от *художьныи* — «художественный», являющегося производным со вторичным суффиксом *-ьн-* от *хждогъ* — «искусный, умелый», засвидетельствованного в памятниках. Прилагательное *хждогъ* заимствовано из готского языка: готское **handags* — «искусный, ловкий < ручной>» является производным от *handus* — «рука» [Фасмер, 1986].

Какое произведение литературы можно считать высоко художественным? То, которое затрагивает сердце и душу человека, заставляет мыслить. «Культурное творчество требует от нас предметного служения, духовной преданности и жертвенности, то есть сердца и любви. Оно требует от нас выбора истинной цели, верности чувствования и свободной совести, то есть опять-таки любви и созерцания» [Ильин, 2011а: 297],

Такой подход в искусстве требует больших духовно-нравственных усилий от автора. «Цель творчества – самоотдача», – писал Б.Н. Пастернак. Размышляя о том, каким должно быть художественное произведение, нельзя не обратиться к замечательной работе известного и талантливого философа И.А. Ильина «Путь духовного обновления», посвящённой этой теме. Он писал о трёх составляющих искусства. «Внешний слой искусства («первую скорлупу») можно было бы обозначить как «эстетическую материю»: таковы слова и фразы в литературе; линии и краски в живописи; слышимые звуки в музыке; камень, дерево, металл в скульптуре и архитектуре; тело танцующего, его одежда и обстановка в балете...Осязаемая материя искусства совсем не есть

важнейшее в искусстве; она не есть нечто самодовлеющее, и её нельзя трактовать как «самостоятельное» тело художества... *Художественно только содержательно-необходимое*» [Ильин, 2011б: 361-363].

«Второй «слой» искусства (вторая «скорлупа») есть показуемый и воспринимаемый **эстетический образ**. Это есть то воображаемое художником «обличие» или «очертание», которое подыскивает себе материю, для того чтобы воплотиться в ней и «излучаться» из неё и через неё. Эстетический образ может иметь чувственную природу: таковы обличия материальных вещей - бабочка, цветок, дерево, дом, ландшафт; но он может иметь и нечувственную природу: таковы душевное настроение, например «Меланхолия» Грига, или человеческий характер, например «князь Мышкин» у Достоевского, или духовная борьба людей, например, Брут и Цезарь у Шекспира. А в музыке «образом» является музыкальная *тема*, во всей её индивидуальности, видоизменяемости и судьбе, в её *общении* с другими темами данного произведения» [Ильин, 2011б: 364],

Но законы второго «слоя» тоже не самостоятельны. Как утверждает известный философ, в каждом произведении искусства весь строй образов подчинён опять-таки высшему и важнейшему «слою» — главной идее произведения, *Главно-Сказуемому, Художественному Предмету* и оказываются его верным и необходимым орудием...Его можно было бы обозначить как *духовный «первообраз»* или как живой способ бытия, как классическое, каждому человеку доступное *жизнестояние*. Но сверхзадачей является поиск Истины.

И.А. Ильин в этой связи приходит к выводу: «Нет в искусстве никакой отдельной самодовлеющей формы; ибо форма его вложена в его содержание; и вложена именно потому, что первоначально, в душе самого художника, она выросла из этого главного и таинственного содержания. И прав был тот художник, который сказал бы своему критику: «Не смей воспринимать меня формально,

ибо ты убиваешь моё создание» [Ильин, 2011в: 1152].

О творческой лаборатории писали поэты-классики (А.С. Пушкин «Пророк», «Воздушный корабль», «Свободы сеятель пустынный»; М.Ю. Лермонтов «Выхожу один я на дорогу»). Оба поэта пишут о том, что создание поэзии — это не просто *внимание* — *созерцание*, а сложный процесс, рождённый вдохновением, посланным свыше. Об этом размышлял и А.К. Толстой:

Тщетно, художник, ты мнишь,
что творений своих ты создатель!

Вечно носились они над землёю, незримые оку...

...Много вопросов в пространстве невидимых форм

и неслышимых звуков,

Много чудесных в нём есть сочетаний и слова, и света,

Но передаст их лишь тот, кто умеет и видеть, и слышать,

Кто, уловив лишь рисунка черту,
лишь созвучье, лишь слово,

Целое с ним вовлекает созданье
в наш мир удивлённый...

Именно поэтому каждое слово гениального писателя или поэта не случайно. Как справедливо утверждал И.А. Ильин, каждое слово в стихотворении или романе становится «сконцентрированным итогом многих созерцающих, спрашивающих, проверяющих и выбирающих суждений... Художник обязан отвергать всё, что он переживает как «только возможное», до тех пор пока не появится *предметная необходимость*, повелительно требующая своего признания» [Ильин, 2011а: 352].

Приведём пример того, как М.Ю. Лермонтов работал над словом. Стихотворение «Пророк» посвящено теме поэта и поэзии, в нём Михаил Юрьевич продолжает развивать тему пушкинского пророка. Беловой и черновой автографы стихотворения находятся в Рукописном отделе ГПБ, Собрание рукописей Лермонтова № 12 (Записная книжка, подаренная Лермонтову В. Ф. Одоевским, лл. 13 об.-15 и 23 об.-24). Интересно сравнить два авторских варианта, чтобы погрузиться в

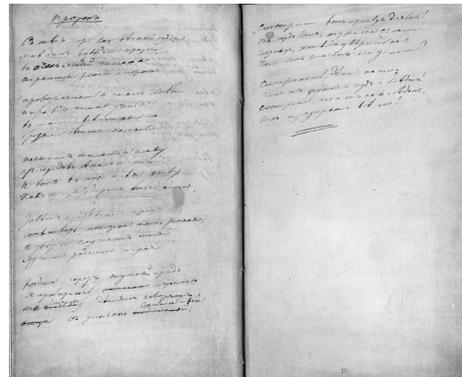
творческую лабораторию поэта. Первоначально М.Ю. Лермонтов хотел написать:

Когда же через шумный град
Я пробираюсь *потаенно*,
То слышу, детям говорят
Отцы с улыбкою *надменной*...

Позднее поэтом рифма была изменена: Когда же через шумный град
Я пробираюсь *торопливо*,
То *старцы* детям говорят
С улыбкою *самолюбивой*...

Замена наречий *потаенно–торопливо*, по нашему мнению, осуществлена М.Ю. Лермонтовым с целью более точной передачи смысла. Действительно, «*потаенно*» пересечь «*шумный град*» очень трудно, а наречие «*торопливо*» передаёт желание лирического героя стихотворения быстро пройти город. Ещё одна поправка поэта: в беловом варианте вместо существительного «*отцы*» появилось существительное «*старцы*», и это важный нюанс. Замена прилагательных: «с улыбкой *надменной*» – «с улыбкой *самолюбивой*» тоже весьма значима. Необходимость её подсказывается следующим текстом:

То *старцы* детям говорят
С улыбкою *самолюбивой*:
«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами:
Глупец, хотел уверить нас,
Что бог гласит его устами?
Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм, и худ, и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»

Автограф стихотворения М.Ю. Лермонтова «Пророк».

Первоначально стихотворение было намного короче, потом Лермонтов, «восстанавливая недостающие звенья сюжета, вставляет три строфы, рассказывая о жизни пророка в пустыне и посещении им города. Чётко определяются теперь образы врагов пророка: это не какие-то неизвестные «отцы» («То, слышу, детям говорят **Отцы** с улыбкою надменной»), а «старцы», вожди племени, верхушка общества («То детям **старцы** говорят»). ...В таком виде стихотворение приобрело сюжетную законченность. Затем стилистическая правка придала стихотворению ту форму, которая кажется незаменимой» [Иконников, 1962]. Об этом написал Иконников С.Н. в своём замечательном исследовании, посвящённом изучению художественного идиостиля Михаила Юрьевича Лермонтова.

Но позволим себе не во всём согласиться с уважаемым автором книги «Как работал М.Ю. Лермонтов над стихотворением»: по нашему мнению, старцы «самолюбивые» потому, что уверены в своей правоте и хотят, чтобы другие верили в справедливость того, что они говорят. Поэт-пророк, как следует из текста стихотворения М.Ю. Лермонтова, стал провозглашать «любви и правды чистые ученья», поэтому осмелился спорить с ними.

Обратим внимание читателей на ещё один интересный факт: в автографе стихотворения «Пророк» Михаила Юрьевича Лермонтова в конце предложения («Глупец, хотел уверить нас, Что бог гласит его устами?») стоит знак вопроса. А в более поздних публикациях, например, в первом томе собрания сочинений издательства «Правда» 1986 г., – восклицательный знак:

Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:
«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами:
Глупец, хотел уверить нас,
Что бог гласит его устами!
Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм, и худ, и бледен!

Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»

Замена пунктуационного знака (вопросительного на восклицательный) существенно влияет на смысл написанного, ибо меняется понимание всего стихотворения. В начале сложноподчинённого предложения используется уничижительное обращение («глупец») в адрес поэта-пророка – главного лирического героя стихотворения, однако можно утверждать, что этот вопрос в большей степени риторический, чем адресный. «Самолюбивые старцы» задают его и детям, и людям, живущим в «шумном граде», – героям «Пророка», и современным читателям. Более того, старейшины задают этот вопрос и самим себе, размышляя: всё-таки этот поэт, побиваемый камнями и презираемый многими, – пророк или нет? Если же в конце предложения («Глупец, хотел уверить нас, Что бог гласит его устами!») поставить восклицательный знак, то нюансировка стихотворения становится иной: из уст «старцев» звучит резкое и ироничное обвинение в адрес поэта-пророка.

Как утверждает С.Н. Иконников, «архаической стилизации речи поэта - пророка подверглись ещё два словосочетания. Первоначально М.Ю. Лермонтов написал: «В глазах людей читаю я», «В меня все близкие мои Бросали бешено камня». В окончательной редакции: «В очах людей читаю я», «В меня все ближние мои...» [Иконников, 1962]. Это придало ритмике стихотворения спокойный размеренный ритм, а, кроме того, слова «очи», «ближние» есть в библейских текстах. У М.Ю. Лермонтова «ближние мои» – это все те, к которым обращался поэт, желая просветить их, сея «семена добра» в душах людей.

Мы рассмотрели только лишь один пример того, как один из классиков русской литературы работал над словом с целью раскрыть в своём художественном произведении художественный замысел. Как известно, в стихотворении «Пророк» М.Ю. Лермонтов развивал тему, затронутую ещё А.С. Пушкиным в его «Пророке». Михаил Юрьевич писал о том, что обще-

ство отходит от своих традиционных ценностей, не прислушивается к тем, кто говорит Истину. Как это ни парадоксально, люди с течением веков не только приобретают, но и теряют. Если общество утрачивает духовность, понимание правильного пути развития, то есть угроза деградации. Позднее об этом очень точно скажет поэт-дипломат Фёдор Иванович Тютчев: «Не плоть, а дух растлился в наши дни // И человек отчаянно тоскует...».

«Растление духа», которое остро почувствовали классики девятнадцатого века (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Ф.И. Тютчев), стало более ощутимым в двадцатом веке. Об этом пишет И.А. Ильин: «Созерцание было заменено наблюдением, а наблюдение стало светским, близоруким и самодовольным; оно велось с величайшим усердием и подъёмом, но в обращении к чувственному миру оно стало уходить всё дальше и дальше от христианского духа... Таков современный культурный кризис. Это кризис нецельного духа, расколотого, расщеплённого человека» [Ильин, 2011а: 326].

В двадцатом веке кризис «расколотого» мировоззрения человека особенно явно ощущается в западных странах, но и в современной России он тоже чувствуется. Можно отметить две тенденции. Одна, отрадная, – возвращение к своим традиционным духовно-нравственным ценностям, вторая – отрицание духовности, ориентированность на англо-американскую модель жизни, культ потребления, стремление к богат-

ству. То же происходит и в современной русской литературе: с одной стороны, стремление к созерцанию как основе творчества, к осмыслению действительности (Ю. Поляков, З. Прилепин, С. Шаргунов, В. Маканин), с другой стороны, постмодернизм, основанный на деструкции, критике прошлого и настоящего (Т. Толстая, В. Сорокин, А. Кабаков).

У классиков русской литературы было то, что, к сожалению, зачастую отсутствует у современных авторов, – понимание своего «предстояния». К сожалению, это слово осталось незамеченным и непонятым большинством наших современников. О нём попытался нам напомнить замечательный русский режиссёр Никита Сергеевич Михалков, назвав свой фильм «Предстояние». Определение этому понятию дал И.А. Ильин: «И вот первое, что необходимо каждому человеку, желающему творить культуру, это чувство своего *предстояния*, своей *призванности* и *ответственности*... Они чувствуют и прозревают великий смысл мирового вращения и своей собственной жизни...» [Ильин, 2011а: 299].

Для большого художника нет в мире ничего случайного, всё взаимосвязано, поэтому каждый писатель, поэт, режиссёр несёт тройную ответственность: перед Творцом, который наделил его талантом, перед самим собой за то, насколько полно, честно и точно передано задуманное, перед теми, к кому обращено произведение искусства.

Список литературы:

Даль В.И. Толковый словарь Живаго Великагорусского языка (Толковый словарь Живого Великого русского языка) [Электронный ресурс]. URL: <http://slovardalja.net/> (дата обращения: 12.11.2018).

Иконников С.Н. Как работал М.Ю. Лермонтов над стихотворением [Электронный ресурс]. Пенза: Пензенское книжное издательство, 1962. URL: <http://m-lermontov.ru/books/item/f00/s00/z0000001/st004.shtml> (дата обращения: 12.11.2018).

Ильин И.А. Путь к очевидности // Путь духовного обновления. М.: Институт русской цивилизации, 2011а. С. 282-475.

Ильин И.А. О художественном совершенстве // Путь духовного обновления. М.: Институт русской цивилизации, 2011б. С. 354-367.

Ильин И.А. Художник и художественность // Путь духовного обновления. М.: Институт русской цивилизации, 2011в. С. 1146-1198.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://vasmer.slovonline.com> (дата обращения: 12.11.2018).

Об авторе:

Чичина Марина Олеговна – к.филол.н., доцент кафедры русского языка МГИМО МИД РФ. Сфера научных интересов: сопоставительный анализ языков, лингвокультурология и экзистенциальная лингвокультурология, современная методика преподавания русского языка, история русской литературы, этническая картина мира (взаимосвязь языка и мышления народа), мультимедийные средства как способ обучения РКИ.
E-mail: m.chichina@inno.mgimo.ru.

REFLECTION OF NOTIONS «INCREASE» AND «ART» IN RUSSIAN PHILOSOPHY AND LINGUO-CULTUROLOGY

Marina O. Chichina

Abstracts. *The article explains how the concepts of "entertainment" and "artistry" are interpreted in linguistics, Russian philosophy and cultural linguistics. Such an interdisciplinary study of these concepts allows us to take a fresh look at the process of generating an artistic text. Firstly, the author analyzes the etymology of the words "entertainment" and "artistry" in Russian, gives the compatibility of these lexemes. Further – the stylistic marking of the words "spectacle", "spectacularity", which is due to the fact that the Russian language reflects people's mentality. The basis of genuine Russian art has always been the desire to understand the important issues of being, not the desire for primitive entertainment. Undoubtedly, artistry is a phenomenon of a higher order than entertainment. Famous philosopher I.A. Ilyin wrote about the three components of a genuine work of art: the "outer layer of art" is the "aesthetic shell", the second layer is the "aesthetic image", and the third is the "main idea of the work". These "three layers" of art are inextricably linked. The author pays special attention to the fact that I.A. Ilyin called the coming, - responsibility for the work created by him, not only to himself, to the reader or the viewer, but also to God. The article analyzes how representatives of Russian literature from different historical eras worked on their artistic texts. For example, the works of the symbolist poet V. Bryusov and the avant-garde poet V. Kamensky are quoted. Both experimented with the form of poems, wishing to achieve spectacular text to the detriment of the content. The classics of the Russian literature worked carefully on the word, it was always important for them to convey the idea of the work, and the form was secondary. Every word, every punctuation mark was important for classic poets. When comparing the original poem "The Prophet" by Lermontov with its subsequent publications it was revealed that the author's punctuation marks, which affect the perception of the main idea of an artistic poetic text, are violated in modern editions. How? You can learn about this by reading the full article.*

Key words: *the concept of "entertainment", "art", Russian philosophy the three components of true art, experiment, logograph, vocabulary, semantics, the main idea of the poem.*

References:

Dal' V.I. *Tolkovyj slovar' Zhivago Velikagoruskago jazyka (Tolkovyj slovar' Zhivogo Velikogo russkogo jazyka)* [The Explanatory Dictionary of the Zhivago Velikagoruskago language (The Explanatory Diction-

---

ary of the Living Great Russian Language). Available at: <http://slovardalja.net/> (accessed 12 November 2018) (In Russian).

Ikonnikov S.N. *Kak rabotal M.Yu. Lermontov nad stihotvorenijem* [How did M.Yu. Lermontov over the poem]. Penza: Penza Book Publishing House, 1962. Available at: <http://m-lermontov.ru/books/item/f00/s00/z0000001/st004.shtml> (accessed 12 November 2018) (In Russian).

Il'in I.A. Put' k ochevidnosti [Path to evidence]. *Put' duhovnogo obnovenija* [Path of spiritual renewal]. Moscow, Institute of Russian Civilization, 2011a. pp. 282-475 (In Russian).

Il'in I.A. O hudozhestvennom sovershenstve [About artistic perfection]. *Put' duhovnogo obnovenija* [The path of spiritual renewal]. Moscow, Institute of Russian Civilization, 2011b. pp. 354-367 (In Russian).

Il'in I.A. Hudozhnik i hudozhestvennost' [The artist and artistry]. *Put' duhovnogo obnovenija* [The path of spiritual renewal]. Moscow, Institute of Russian Civilization, 2011c. pp. 1146-1198 (In Russian).

Fasmer M. *Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka* [Etymological dictionary of the Russian]. Available at: <https://vasmer.slovaronline.com> (accessed 12 November 2018) (In Russian).

About the Author:

Marina O. Chichina – Associate Professor, PhD in Philology, Associate Professor of Russian Language Department MGIMO. Spheres of scientific interests: comparative analysis of languages, cultural and existential cultural linguistics, modern methods of teaching Russian language, history of Russian literature, the ethnic picture of the world (the interrelation of language and thinking people), multimedia as a way of learning trials.
E-mail: m.chichina@inno.mgimo.ru.

ДОМ ГЛАЗАМИ РУССКИХ И АНГЛИЧАН

С.В. Иванова

Аннотация. Описание овнешнённого образа сознания «ДОМ» у русских и англичан, представленное отдельно филологами, культурологами и архитекторами, по мнению автора, нуждается в широком рассмотрении. Чтобы сформировать целостный образ феномена, используются филологический анализ, феноменологический синтез и комплексное описание. Обыденное сознание русских и англичан изобилует мифологемами и стереотипами. Жители Англии полагают, что у русских медведи ходят по улицам городов, а денег куры не клюют. Русские думают, что английская жизнь похожа на красивую сказку с роскошными замками, прекрасными принцами, многочисленными праздниками и занятой игрой в гольф.

Проведённое исследование поможет выстроить картину нынешних реалий в одной плоскости и лучше осознать роль и значимость автохтонных и неавтохтонных образов феномена.

Объектом исследования служат русское и английское жилое пространство среднего горожанина или жителя сельской местности, чаще всего это дом, коттедж или квартира. Предметом рассмотрения в рамках исследования является овнешнённый образ сознания "дом" у жителей России и Англии. Сопоставительный анализ паремических единиц предполагает научную рефлексию о том, что русский ментальный образ явления шире и включает дополнительные семы «домовитость, хозяйственность» и «поддержание чистоты и порядка», а английский аналог содержит уникальную коннотацию «обособленность, уединённость, закрытость».

При сопоставлении физических параметров объекта удалось выделить набор черт автохтонного и не автохтонного образов, установить предпочтительные материал, габариты, особенности дизайна и планировки жилых помещений. Сводные данные представлены в таблицах. Автор показывает, что русских и англичан объединяют тёплое отношение к своему жилищу, создание уютного семейного гнезда и бережное отношение к традициям. Выявленные общие и специфические свойства помогают увидеть сущностно единый подход русских и англичан к быту, что может способствовать лучшему пониманию культур и преодолению разногласий в повседневной жизни.

Ключевые слова: Культурные ценности, английский дом, русский дом, локальные культуры, овнешнённый образ сознания, автохтонный образ, неавтохтонный образ, стереотипы, паремия.

В нынешнее время эпохи глобализации и Интернета порой сложно бывает разглядеть уникальные черты быта и домоустройства локальных культур. Мы стали активно заимствовать друг у друга элементы дизайна и цветового решения, предметы обихода и интерьера. Открытие физических и виртуальных границ предоставило нам широкую возможность впитывать лучшие идеи представителей человечества и активно использовать новинки научно-технических достижений из-за рубежа. Не считается зазорным приобретать мебель, одежду, бытовую технику иностранных производителей.

В недавние, 1990-ые гг. в России это даже считалось престижным. В больших количествах приобреталась видео и звуковая аппаратура – в каждом доме появился импортный видеомаягнитофон или/и видеопроигрыватель, акустическая система, плеер, аудиокассеты. Жители страны стали делать евроремонт в своих квартирах, приобретать итальянскую мебель, немецкие стиральные и посудомоечные машины, японские телевизоры, английские костюмы и пиджаки. Англичане полюбили ездить на экономичных и удобных в эксплуатации российских автомобилях «Лада». Нам есть что заимствовать друг у друга и перенимать лучшее.

Интересно, что английская любовь к саду – “my garden” – коррелирует с привязанностью россиян к своим дачным участкам, только акценты расставляются разные. Так, англичане любую клумбочку или горшок с розой – самым популярным цветком для разведения в Англии – именуют «мой сад». Россияне же ценят в своих пригородных “поместьях” прежде всего дом, в котором можно собраться всей семьёй, пригласить друзей, растопить баньку.

Объединяет нас с англичанами в быту ещё одна общая черта – любовь к домашним животным. И мы, и они очень любим своих кошечек и собачек и содержим их практически в каждом втором доме России и туманного Альбиона. Различия наблюдаются в отношении к жилью и его

обустройству. Безусловно, многое объясняется многовековыми традициями и воззрениями на то, как следует вести домашнее хозяйство, что считать главным, неизменным, а что второстепенным, допускающим изменения и модификации. В жилищном пространстве и у россиян, и у англичан имеются свои особенности, как в физическом, так и ментальном смысле. Представляется небезынтересным установить общие черты и выявить специфические.

В статье предлагается комплексный подход для изучения культурологического феномена, в рамках которого применяются филологический анализ, феноменологический синтез и сравнительное описание. Комплексное описание не проводилось ни в зарубежной, ни в отечественной лингвокультурологической школе. Подобное описание позволяет прояснить некоторые аспекты проблематики. В предыдущем и начале нынешнего века сформировалась обширная база культурологических и узкоотраслевых исследований в области истории и теории культур. Однако внимание авторов концентрируется:

- либо на детальном подробностях архитектурных направлений [Шуази, 2010]; [Шедевры русской архитектуры, 2010];

- либо на социально-экономических вопросах обустройства жилищ [Фокс, 2008: 142-146];

- либо на сравнении Британии 1990-х гг. с реалиями ушедшей со сцены социально-политической советской эпохи [Хьюитт, 1994: 39-46];

- либо на особенностях менталитета и стереотипах поведения [Сергеева, 2007].

Обыденное сознание русских и англичан изобилует мифологемами и стереотипами. Жители Англии полагают, что у русских *медведи* ходят по улицам городов, а денег *куры не клюют*. Русские думают, что английская жизнь похожа на сказку с роскошными *замками, принцами, праздниками* и игрой в *гольф*. Проведённое исследование поможет выстроить картину нынешних реалий в одной плоскости и

лучше осознать роль и значимость автохтонных и неавтохтонных образов феномена.

Базой для проведения исследования послужили труды:

- по философии – С.Н. Булгакова, А.Ф. Лосева, М.В. Эддинс, М. Хайдеггера;
- по психологии – Н.М. Лебедевой, В.Ф. Петренко, В.А. и М.В. Сухаревых, К.Г. Юнга;
- по культурологии – Г.Д. Гачева, К. Касьяновой (В.Ф. Чесноковой), И.В. Кондакова, Ю.М. Лотмана, Э. Сепира.

Методология исследования. Исходным методологическим принципом работы является положение о том, что материальные объекты, созданные представителями различных этносов, содержат в себе культуруносные смыслы и могут служить инструментом выявления особенностей мироположения отдельных культур.

Материал исследования. Корпус основных источников работы включает: публицистические материалы (страноведческие очерки журналистов-международников, воспоминания дипломатов, путевые заметки писателей, Интернет-издания), кинофильмы, специальную литературу (страноведческие, энциклопедические, фразеологические, толковые словари), учебную литературу и пособия (языковые видеокурсы, переводные словари, сборники пословиц и поговорок) и результаты включённого наблюдения.

Объектом исследования служат русское и английское жилое пространство среднего горожанина или жителя сельской местности, чаще всего это дом, коттедж или квартиры.

Предметом рассмотрения в рамках исследования является овнешнённый образ сознания “дом” у жителей России и Англии.

Процедура исследования. Предварительным этапом работы послужил анализ специальной и учебной литературы, видеокурсов и художественных фильмов, на основании которого было составлено схематическое описание овнешнённого образа сознания «дом» у русских и англичан. Он был дополнен анализом толковых и синонимических словарей.

В английской лингвокультуре дом – это *милый дом, очаг, домохозяйство, вотчина, родительская крыша, родовое гнездо, уют и комфорт, «home, sweet home, “the place where, when you go there, They have to take you in” – Robert Frost, “the place to do things you want to do” – Zelda Fitzgerald* [Roget’s international thesaurus, 1992: 169].

У русских домом называют *строение для жилья; избу с хозяйством; распорядок; семейство; род, говоря о владельных или высоких особах. Весь дом выбежал на улицу. Дом этот княжит уже три века. Просим к нам всем домом. Дом не велик, да лежать не велит. Дом вести – не лапти плести. Дома и солома съедома* [Даль, т.1, 1996:465-466].

Сопоставление русских и английских паремических единиц представлено в таблице.

Данные таблицы помогают сделать вывод о неконгруэнтности понятий “ДОМ” у русских и англичан. Русское ментальное образование шире и включает, кроме четырёх общих с английским компонентов – “милый, уютный”, “дома сам себе господин”, “дома и солома съедома”,

Таблица 1. Русские и английские пословицы и поговорки (аналоги)

Русские пословицы	Английские пословицы
В гостях хорошо, а дома лучше.	East or West, home is best.
Дома и стены помогают.	There is no place like home.
Своя земля и в горсти мила.	Home is home though it be never so homely.
На своей печи – сам себе голова.	An Englishman's house is his castle.
Всяк кулик своё болото хвалит. Всякая сосна своему бору шумит.	Every bird likes its own nest.

Русские пословицы	Английские пословицы
Дома и солома съедома.	Dry bread at home is better than roast meat abroad.
(Всякому мила своя сторона).	The wider we roam, the welcomer home.
Всяк кулик на своём болоте велик. На своей улочке и курочка храбра.	Every dog is a lion at home.
А) Муж – дому строитель, нищете отгонитель. Хозяйкою дом стоит. Б) Хозяин в дому, что медведь в бору; хозяйшка в дому, что оладышек в меду. В) Кошка да баба завсегда в избе, а мужик да собака завсегда на дворе. Г) Не красна изба углами, красна пирогами.	Men make houses, women make homes.
Дом не велик, да лежать не велит. Горе тому, кто непорядком живёт в дому.	–
Дом вести – не лапти плести. Всякий дом хозяином держится. Дом красится хозяином. Домом жить – обо всём тужить. Добрая жена дом сбережёт, а худая рукавом растрясёт.	–

“муж – строитель, жена – хозяйшка”, – также “заботу о доме, порядок” и “чистоту, прибранность”.

Физические параметры сооружений: материалы, дизайн, интерьер. Издревле на Руси *деревом* как основным строительным материалом отстраивали практически все виды сооружений: жилые дома, городские укрепления, дворцовые здания и храмы [Анисимова, 1994:184]. Примечательно, что иностранцы отдают должное традиционному деревянному русскому дому и передают транслитерацией его звучание – *isba*, тем самым подчёркивая его уникальность и своеобразие. Они указывают, что такой дом является национальным символом, передающим неприязнительность и основательность русского человека в быту [Gaynor, 1995:10].

Во времена Екатерины II избы претерпели функциональные и структурные изменения: животных перестали держать в жилых покоех; деревянные и *каменные* дома стали возводить с высокими кровлями, широким навесом и большими окнами; спальные покои и приёмные для гостей стали отдельными комнатами. По свидетельству неутомимого русского археолога и этнографа первой половины XIX в. Александра Власьеви́ча Терещенко, «наши земледельцы в сравнении с прежними годами изменили устройство самих

изб: делают их просторными, с перегородками, палатами, нарами и примостками и заботятся о чистоте» [Терещенко, Ч. 1, 1997:110]. Отметим, что большие площади домов и квартир и соблюдение чистоты строения являются характерными особенностями у русских.

Удивительно, что работа *каменщиков* Соединённого Королевства многовековой давности служит до сих пор жителям Британских островов практически в неизменном виде. Меняется обстановка и убранство внутри помещений, латается крыша, но стены зданий остаются нерушимыми. “В Лондоне часто дивишься тому, как англичане переделывают старые дома. От первоначальной постройки не остаётся решительно ничего, кроме фасада. Но фасад этот с превеликими хлопотами и дополнительными затратами заботливо сохраняют в неприкосновенности, хотя здание от фундамента до крыши возводится заново. В этом суть английского подхода к жизни. Вместо того чтобы до основания сломать старое и на его месте воздвигнуть нечто совершенно новое, англичанин, как правило, старается многократно перестраивать, подновлять, приспособливать к новым условиям то, что уже есть” [Овчинников, 2006:558].

Подытожим вышесказанное и добавим некоторые наблюдения. Итак, ан-

гличане не рушат старые стены, считая их основным достоинством жилого помещения. В дизайне интерьера англичан царит *монохромная гармония* с привлечением декоративных эффектов краски – бороздки, шероховатость, пористость. В России используются приглушённые тона в *смежной цветовой гармонии*. Особым шиком у русских считается полностью *деревянный интерьер*.

В Англии размещают некоторое количество светильников малой мощности для создания мягкого *рассеянного света*. Россияне отдают предпочтение *яркому освещению* с привлечением дополнительных светильников. В английском интерьере можно увидеть большое количество *декоратив-*

ных вещей – вазы, рамки, книги, картины, статуэтки, в русском оформлении количество предметов арт-декора значительно меньше.

Очень интересно отметить любовь к *цветочной тематике* у обоих этносов, при этом в Англии она прослеживается в *текстиле, обоях, бордюрах, потолочном оформлении*, а у русских “ушла” в *резьбу по дереву* (резная мебель, ставни, наличники) и *комнатные растения*. Ср.: [Мельникова, 2006: 92-93; Претти, 2010: 234-239; Sharpe, 1995: 9-27, 42-55; Gaynor, 1995]. Представим основные параметры в сводных таблицах.

В результате исследования мы выяснили, что:

Таблица 2. Русский дом

Автохтонный образ	Неавтохтонный образ
смежная цветовая палитра интерьерного дизайна в приглушённых тонах	внешне серые и одинаковые (высотки)
особый шик – полностью деревянный интерьер	большая площадь
яркое освещение с дополнительными светильниками	чистота
цветочная тематика дизайна прослеживается в: а) резьбе по дереву, б) комнатных растениях	непритязательность и основательность
наличие сада/огорода	каждый 2-ой имеет кошку или собаку
	незначительное количество элементов арт-декора

Таблица 3. Английский дом

Автохтонный образ	Неавтохтонный образ
не рушить стены старых домов – главное достоинство жилья	разные, с “характером”
монохромная цветовая гармония с декоративными эффектами краски	небольшая площадь
рассеянный свет с небольшим количеством светильников	можно ходить в уличной обуви
большое количество декоративных вещей	эклектика в оформлении
цветочная тематика прослеживается в: а) текстиле, б) обоях, в) бордюрах, г) потолочном оформлении	бытовые неудобства (н-р, нет смесителя)
имеет сад/клумбу/цветочный горшок	каждый 2-ой имеет кошку или собаку

1. Русский и английский внешние образы сознания “дом” совпадают не полностью, а частично. Соответствующие понятия имеют разные валентности и не равновелики по объёму. У русских в понятие “дом” закладывается ещё ведение домохозяйства, соблюдение чистоты и порядка, приготовление вкусной еды (пирогов). У английского понятия есть дополнительная сема “обособленность, уеди-

нённость, закрытость” – “Мой дом – моя крепость”.

2. Автохтонные и неавтохтонные образы феномена и в русском, и в английском языках не совпадают. Иностранному взору заметнее внешняя оболочка и физические характеристики объектов, в то время как местные жители ценят превыше всего уют, покой, стабильность.

3. Существующие профанные ментальные образы корректируются экспертными описаниями с привлечением иллюстративного материала – фото- и киносъемки, схем, чертежей и выкладок. Наполняются смыслом образные выражения *уйти несолоно хлебавши* и *to be in; дома* и *солома съедома* и *to bring something home to someone* и т.д.

4. Описанные автохтонные и неавтохтонные образы помогают уточнить и дополнить существующие ментальные схемы, выявляя гораздо больше точек соприкосновения, чем поводов для недопонимания в эпоху глобализации.

Полученные данные позволяют установить границы понятия «ДОМ» в русской и английской лингвокультурах, выяснить их коэффициент подобия и степени валентности. По-разному ставятся смысловые акценты и конкретизируются образы; всё же русских и англичан объединяют тёплое отношение к своему жилищу, формирование уютного семейного гнезда, бережное отношение к традициям. Выявленные общие и специфические свойства помогают увидеть сущностно единый подход русских и англичан в быту, что может способствовать лучшему пониманию культур и преодолению разногласий в повседневной жизни.

Список литературы:

Анисимова О.М., Кусков В.В., Одесский М.П., Пятнов П.В. Литература и культура Древней Руси: Словарь-справочник / Под ред. В.В. Кускова. М.: Высш. шк., 1994. 336 с.

Даль В.И. Пословицы русского народа. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://vdahl.ru/>

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1: А – З. СПб.: ТОО «Диамант», 1996. 800 с.

Дубровин М.И. Английские и русские пословицы и поговорки в иллюстрациях / Худож. В.И. Тильман. М.: Просвещение, 1993. 349 с.

Кусковская С.Ф. Сборник английских пословиц и поговорок. Мн.: Выш. шк., 1987. 253 с.

Мельникова Е.В. Культура и традиции народов мира (этнопсихологический аспект). М.: Диалог культур, 2006. 304 с.

Овчинников В.В. Сакура и дуб: Ветка сакуры. Корни дуба. М.: Аст; Аст Москва; Хранитель, 2006. 570 с.

Претти Р. Библия интерьерного дизайна. Пер. с англ. И. Крупичевой. М.: Эксмо, 2010. 256 с. : ил.

Сергеева А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. 5-е изд. М.: Флинта; Наука, 2007. 320 с.

Терещенко А.В. Быт русского народа. Ч. 1. М.: Русская книга, 1997. 288 с.

Фокс К. Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения / Пер. с англ. И.П. Новоселцкой. М.: РИПОЛ классик, 2008. 512 с.

Хьюитт К. Понять Британию. М.: Высш. шк., 1994. 199 с. Учебная серия «Язык и культура».

Шедевры русской архитектуры / ред. группа О. Сахнюк, Т. Евсеева, Е. Сучкова. М.: Мир энциклопедий Аванта+, Астрель, 2010. 183 с.

Шуази О. Мировая архитектура: История. Стили. Направления. М.: Эксмо, 2010. 544 с.

Gaynor E. Maisons russes / Photographies: Kari Haavisto. Koln: Benedikt Taschen Verlag GmbH, 1995. 287 p.

Roget's international thesaurus. 5th ed. / edited by Robert L. Chapman. NY: HarperCollins Publishers, 1992. 1141 p.

Sharpe S. The beautiful land Britain / Photographies: John Freeman. L.: Bison Books, 1995. 80 p.

Об авторе:

Иванова Светлана Вячеславовна – к.филол.н., старший преподаватель МГИМО МИД России. 119454 Россия, Москва, пр. Вернадского 76. Научные интересы: лингвокультурология, теория языка, когнитивистика. E-mail: s-ivanova@list.ru.

HOME THROUGH THE EYES OF RUSSIANS AND ENGLISHMEN

S.V. Ivanova

Abstracts. *The article is devoted to analyzing the concept of HOME as cross-perceived by Russians and Englishmen. A linguistic analysis, phenomenological synthesis and complex description add to the integrity of the phenomenon in question. The author maintains that issues treated by linguists, culture specialists and narrow experts should be regarded jointly.*

Ordinary consciousness of both Russians and Englishmen abounds in mythologems and stereotypes. So, English people tend to consider that Russian towns team with wild bears, rambling haphazardly; or the locals have money to burn. Conversely, the Russian folk are of the opinion that England is somewhat a fairy domain under the control of charming princes. The conducted research contributes to a greater awareness of the current reality and the importance of the autochthonous and non-autochthonous phenomenon representations.

The object of the study is the Russian and English living space of an average citizen or a rural man, most often it is a house, cottage or apartment. The subject is the way of perceiving "home" by the residents of Russia and England. The contrasting analysis of proverbs induces the premise that Russian mental image is bigger and incorporates additional connotations "domesticity" and "regular housekeeping". While comparing the physical parameters of the Russian and English homes, sets of features for indigenous and non-aboriginal images have been established, as well as popular materials, dimensions, and design. The data are presented in tables.

The article reveals that Russian and English people share warm attitude towards their homes, delicate handling of national traditions, and creating snug and cosy family nests. The unveiled common and specific features show that Russians and Englishmen see eye to eye on the daily grind, which can promote better understanding between the cultures and contribute to eliminating disagreement on the world arena.

Key words: *cultural values, Russian home, English home, local cultures, indigenous image, non-aboriginal image, stereotype, proverb.*

References:

Anisimova O.M., Kuskov V.V., Odesskiy M.P., Pyatnov P.V. *Literatura i kultura Drevney Rusi* [Literature and culture of Ancient Rus: Reference guide] / Ed. V.V. Kuskova. Moscow, Higher school, 1994. 336 p. (In Russian).

Dal' V.I. *Poslovitsy russkogo naroda* [Russian proverbs]. Available at: <http://vdahl.ru/> (accessed 1 December 2018) (In Russian).

Dal' V.I. *Tolkoviy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t. T. 1: A-Z* [Dictionary of the agile Great Russian language: in 4 vol. V. 1: A-Z]. Saint-Petersburg, Diamant, 1996. 800 p. (In Russian).

Dubrovin M.I. *Angliyskiye i ruskiye poslovitsy i pogovorki v illustratsiyakh* [English and Russian proverbs and sayings illustrated] / Artist V.I. Tilman. Moscow, Education, 1993. 349 p. (In Russian).

Kuskovskaya S.F. *Sbornik angliyskih poslovits i pogovorok* [A collection of English proverbs and sayings]. Minsk, Higher school, 1987. 253 p. (In Russian).

Mel'nikova E.V. *Kul'tura i traditsii narodov mira (etnopsikhologicheskii aspekt)* [Culture and traditions of peoples (ethno-psychological aspect)]. Moscow, Dialogue of cultures, 2006. 304 p. (In Russian).

Ovchinnikov V.V. *Sakura i dub: Vetka sakuri. Korn' duba* [Sakura and oak: A branch of sakura. Oak roots]. Moscow, AST; AST Moscow; Keeper, 2006. 570 p. (In Russian).

Pretty R. *The ultimate interior designer*. London, Octopus publishing group, 1997. 256 p. (Russ. ed.: Pretti R. *Bibliia inter'ernogo dizaina* / Per. s angl. I. Krupichevoi. Moscow, Eksmo, 2010. 256 p.)

Sergeeva A.V. *Russkiye: stereotypy povedeniya, traditsii, mental'nost'. 5-e izd* [Russians: stereotypes of behaviour, traditions, mentality. 5 ed.]. Moscow, Flint; Science, 2007. 320 p. (In Russian).

Tereschenko A.V. *Byt russkogo naroda. Ch. 1* [Everyday life of the Russian people. V. 1]. Moscow, Russian book, 1997. 288 p. (In Russian).

Fox K. *Watching the English. The hidden rules of English behaviour*. London, Hodder and Stoughton, 2004. 228 p. (Russ. ed.: Foks K. *Nabliudaia za anglichanami. Skrytye pravila povedeniia* / Per. s angl. I.P. Novoseleiskoi. Moscow, RIPOL klassik, 2008. 512 p.)

Hewitt K. *Understanding Britain. 2nd ed.* Oxford, Perspective Publications Limited, 1996. 265 p. (Russ. ed.: Kh'iuitt K. *Poniat' Britaniiu*. Moscow, Higher school, 1994. 199 p.)

Shedevry russkoy arkhitektyri [Masterpieces of Russian architecture] / Eds. O. Cakhnuk, T. Evseeva, E. Suchkova. Moscow, World of encyclopedias AVANTA+, Astrel, 2010. 183 p. (In Russian).

Choisy A. *Histoire de l'architecture*. Paris, Gauthier-Villars, 1899. 2 vol. 880 p.; 642 p. (In French) (Russ. ed.: Shuazi O. *Mirovaia arkhitektura: Istoriia. Stili. Napravleniia*. Moscow, Eksmo, 2010. 544 p.)

Gaynor E. *Maisons russes. Photographies: Kari Haavisto*. Koln, Benedikt Taschen Verlag GmbH, 1995. 287 p.

Roget's international thesaurus. 5th ed. / edited by Robert L. Chapman. New York, Harper Collins Publishers, 1992. 1141 p.

Sharpe S. *The beautiful land Britain. Photographies: John Freeman*. London, Bison Books, 1995. 80 p.

About the Author:

Svetlana V. Ivanova – PhD in Philology, Senior teacher at MGIMO. 76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454. Interested in theory of language, culture studies and cognitive science.
E-mail: s-ivanova@list.ru.

КОНЦЕПТ «РОДИНА» КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗА РОССИИ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

А.К. Перевозникова

Аннотация. В концептосфере «национального образа России» концепт «родина» занимает ключевое место в русской языковой картине мира и представляет собой единство языкового и культурного содержания. Данная статья посвящена анализу языковых средств, репрезентирующих концепт «родина» в русской языковой картине мира. С целью лингвокультурологического описания концепт ареала родина можно представить в виде структуры, которая определяется базовой для русской культуры константой «родная земля», восходящей к древнейшим мифологическим архетипам «мать-сыра земля», «родина-мать», «земля-матушка». Этот образ закрепился в пословицах и поговорках и сегодня имеет сакральное значение, ассоциируясь с женщиной как продолжательницей рода и нации. Этот признак актуален и в сознании современных носителей русского языка, о чём свидетельствуют данные «Русского ассоциативного словаря». Содержательная структура концепта актуализируется в ядерных смыслах: ««родная земля как географическая среда обитания», «большая родина», «малая родина», «восприятие родины и отношение к ней», образное, метафорическое переосмысление данного концепта.

При рассмотрении языковых репрезентантов концепта «родина» в диахронии прослеживается эволюция его содержательной стороны. Процесс эволюции заключается в накоплении концептуальных признаков в результате движения данного концепта от природно-этнического через этапы религиозно-этического и гражданского понятия о родине к идее национальной идентификации на основе истории, религии, языка и литературы. В статье это иллюстрируется паремиями и примерами из произведений художественной литературы. Содержание и употребление лексем, входящих в «патриотическую триаду» – родина, отечество, отчизна – рассматривается в диахронии. В современном российском дискурсе интерпретация концепта «родина» представляется широкой и разнообразной, создавая полифонию оценок и трактовок её содержания в сознании носителей русского языка.

Ключевые слова: национальный образ, концепт «родина», содержательный признак, языковая репрезентация, ядерный смысл.

«Национальный образ страны» – понятие многогранное и многоуровневое. Его можно рассматривать в философско-культурологическом, историко-культурном, этнопсихологическом и социопсихологическом аспектах. Поскольку «национальный образ – сформировавшееся устойчивое представление о существенных типических чертах определённой нации, которое находит свое выражение в вербальных и невербальных формах» [Борисенко, 2008: 4], логично обратиться к анализу данного феномена с позиций лингвокультурологического подхода, нацеленного на выявление его концептуальных признаков в семантике того или иного языка. В связи с этим национальный образ любой страны представляет собой разноплановую концептосферу, включающую такие концепты, как «мир» и «родина», «типичные черты нации» и «духовные ценности», «язык как хранитель культуры» и «имидж страны», «свой и чужой» и др.

В концептосфере «национального образа России» концепт «родина» занимает ключевое место в русской языковой картине мира и представляет собой единство языкового и культурного содержания. Данная статья посвящена анализу языковых средств, репрезентирующих концепт *родина* в русской языковой картине мира, так как он является одним из важнейших

в русском национальном сознании, входит в список «1000 самых употребительных русских слов» и стоит в одном ряду с морально-нравственными категориями, *добро, любовь, дружба, патриотизм, свобода и воля*.

Национально-культурная специфика концепта «родина» определяется детерминантой – базовой для русской культуры константой *родная земля*, которая восходит к древнейшим мифологическим архетипам [Степанов, 2001: 170-181]. Историко-этимологический анализ происхождения слова *родина* указывает, что в основе его лежит древнерусский корень *-род-*, образованный от индоевропейской основы *Hordû*, что значит *род, собрание/единство потомков*. В славянской мифологии бог *Родъ* стал воплощением рода, единства потомков одного предка, который дарует жизнь, плодородие, долголетие. В древнерусских списках языческих божеств *Родъ* и связанные с ним женские мифологические существа – *рожаницы* – обычно следуют непосредственно за главными богами.

Возникновение концептуального признака «**родина-мать**» связано с этим архетипическим представлением о *матери-сырой земле*. В славянской мифологии умение рожать/родить означало силу женщины и животворящую силу земли [Мифы народов мира, 1988: 384-385, 450-456]. Образ *родины-матери* восходит к архетипу праматери как началу и источнику всего живого и как к концу жизненного пути – возвращению в лоно *матери сырой земли*. До настоящего времени сохранились в языке выражения *мать-сыра земля, родина-мать, земля-матушка*, и этот образ закрепился в пословицах и поговорках: *Одна у человека родная мать, одна у него и родина; Береги землю родную, как мать любимую; Родина сторона – мать, чужая – мачеха*.

В русском подсознании и культуре «мать» и сегодня имеет сакральное значение и ассоциируется с женщиной как продолжательницей рода и нации, без которой дальнейшее существование нашей страны – родной земли – обречено. Этот признак актуален и в сознании со-

временных носителей русского языка, о чем свидетельствуют данные «Русского ассоциативного словаря»: почти треть реакций (65 из 205) на слово-стимул *родина* представлена лексемой *мать* [Русский ассоциативный словарь, 2002: 420, 428, 558]. Более того, этот образ получил материальное воплощение: он запечатлен в скульптуре «Родина-мать зовёт!» в Волгограде (считается одним из 7 чудес России) и в скульптурах в Москве – на Поклонной горе и в Крылатском.

С целью лингвокультурологического описания концептуализированную область *родина* можно представить в виде структуры, которая актуализируется в четырёх содержательных сферах:

- территориально-пространственной, обусловленной географической средой обитания;
- историко-культурной, связанной с определёнными событиями в жизни страны;
- психологической, выражающей восприятие родины и отношение к ней;
- художественной, связанной с образным, метафорическим переосмыслением данного концепта.

При рассмотрении языковых репрезентантов концепта *родина* в диахронии четко прослеживается эволюция его содержательной стороны. Так, ядерный смысл «родная земля как географическая среда обитания» включает в себя репрезентацию природно-ландшафтных признаков: описание лесов, полей и рек, картины родной природы, русского пейзажа. Более всего привлекают внимание необъятные просторы нашей родины, о чем поется и в государственном гимне Российской Федерации: «От южных морей до полярного края раскинулись наши леса и поля...». Но Россия не всегда занимала одну шестую часть суши.

Процесс эволюции заключается в накоплении концептуальных признаков в результате движения данного концепта от природно-этнического представления через этапы религиозно-этического и гражданского понятия о родине к идее национальной идентификации на основе национального языка, литературы,

религии, истории. Ведь по мере расширения территории страны и изменения духовно-нравственных ценностей менялись и номинации страны: Русская Земля, Русь, мать-земля, Святая Русь, Московия, Россия, Российская империя, Советский Союз, Российская Федерация, «Россия – священная наша держава».

В словаре В.И. Даля даётся такое толкование: *родина* – «родимая земля, чьё-то место рождения». В широком значении это «земля, государство, где кто родился»; в узком – «город, деревня»: *И кости по родине плечут. Родима деревня краше Москвы* [Даль, 1994, Т. 4: 11]. В современном русском языке этот признак соответствует понятию «**малая родина**»: *Дедушка давно мечтал посетить места, где родился, где лежат в могиле его предки, одним словом – родину* (А.Н. Рыбаков. «Тяжёлый песок»), – и актуализируется за счет топонимов и названий малых населённых пунктов, то есть соответствует репрезентантам «место рождения и проживания»: *Родина Ломоносова – деревня Денисовка близ Холмогор. Ядерный смысл «малая родина» подразумевает родные истоки человека, где жили предки и в данный момент живут родные и близкие. Круг близких ограничен лексемами отец и мать/мама/матушка, родители, родственники, жена, дети, друзья-одноклассники, который объединяет представления о доме и родном крае.*

В пословицах и поговорках концептуальный признак «малая родина» также реализуется лексемами с корнем -род-: *Мила та сторона, где пупок резан; Где кто родился – там и пригодился; Русский человек без родни не живёт; Своя земля и в горсти мила; С родной земли умри – не сходи; На чужой стороне родина милей вдвойне.* В стихотворениях классиков и современных поэтов о родине, как правило, упоминаются всё, что связано с родными местами: *Если скажут слово «родина», Сразу в памяти встаёт Старый дом, в саду смородина, Толстый тополь у ворот ... А другим, наверно, вспомнится Свой родной московский двор. В лужах первые кораблики, Где недавно был каток ... Или степь от маков красная, Золотая*

целина ...Родина бывает разная, Но у всех она одна! (З. Александрова); *Гой ты, Русь, моя родная, Хаты – в ризах образа... Пахнет яблоком и мёдом По церквам твой кроткий Спас. И гудит за косогором На лугах весёлый пляс* (С. Есенин); *Страна моя! Твоих сибирских рощиц Бессмертен шум, целебна тишь тайги* (М. Ромашкинская) [Стихи о России].

По мнению многих писателей и исследователей (Н.А.Бердяева, Ю.С. Степанова, Д.С. Лихачева, С.Г. Воркачева, В.Н. Телия), привязанность русских к «своему» пространству, к месту своего рождения настолько эмоционально окрашена, что позволяет говорить об аксиологической ценности данного концептуального признака: *Два чувства дивно близки нам, В них обретает сердце пищу: Любовь к родному пепелищу, Любовь к отеческим гробам* (А.С. Пушкин).

Ещё один ядерный смысл концепта родина, зафиксированный в толковых словарях С.А.Кузнецова, Д.Н.Ушакова, С.И.Ожегова и в БТСРЯ, «страна, в которой человек родился и гражданином которой является», «отечество», «родная страна», «государство». Этот концептуальный признак соответственно актуализируется в речи в значении **‘большая родина’**. Этот концептуальный признак родины как «земли, края отцов, где живут родные и близкие», этимологически связан со словами *отчина*, *отечество* и *отчизна*, которые образованы от одной общеславянской основы *отък в значении ‘земля отцов’. *Отчизна* – «место рождения, родина»: *Рыбам море, птицам воздух, а человеку отчизна вселенный круг* [Даль, 1996, Т. 2, 600].

Использование лексем синонимического ряда – *отечество* и *отчизна* – в этом значении в современном русском языке стилистически маркировано (книжное, высокое). Чаще всего они встречаются в художественных произведениях, в публицистике, в официальной речи для создания торжественной тональности текстов, а также связаны с императивами патриотического сознания: долгом и обязанностью перед Родиной оберегать, защищать её, служить ей и даже жертво-

вать, если надо, своей жизнью: *Жить – родине служить; Для Родины своей ни сил, ни жизни не жаль; Кто за Родину горой – тот и герой; Любовь к родине сильнее смерти; Родина – мать, умей за неё постоять*.

Интересно заметить, что содержание и употребление лексем, входящих в «патриотическую триаду» (термин С.Г. Воркачева) – *родина*, *отечество*, *отчизна*, менялось на протяжении истории России. Так, в XVIII в. образ «родины-матери» уступает место понятию «отечество» в связи с тем, что государство во главе с императором, называющим себя «отцом отечества», ставило целью служение на благо отечества, формируя ценностные ориентиры национального самосознания. Ср.: *«Ты должен посвятить отечеству свой век, Коль хочешь навсегда быть честный человек»* (Д.И. Фонвизин).

В XIX в. лексемы «родина» и «отечество» уже дифференцировались в употреблении. По наблюдениям В.В. Виноградова, в творчестве А.С. Пушкина слова «отечество» и «отчизна» приобрели «острый общественно-политический и притом революционный смысл» [Виноградов, 1935: 256], в то время как слово «родина» обозначало только «место, где кто родился». В стихотворении «К Чаадаеву» поэт призывал своих единомышленников *«отчизне посвятить души прекрасные порывы»*, а в стихотворении «Деревня» он задаётся вопросом: *«И над Отечеством свободы просвещённой Взойдёт ли наконец прекрасная заря?»*. Его преемник М.Ю. Лермонтов после поражения декабристов в стихотворении «Родина» открыто противопоставляет «родину» как Россию народную «отчизне», представляющей официальную Россию.

В первые десятилетия советской власти лексема «отечество» обрела новое общественно-политическое звучание. В словаре Д.Н. Ушакова даётся такое толкование слова «отечество»: «страна, с которой все трудящиеся связаны общностью стремлений к подлинной свободе, к социализму» [Ушаков, 1935-1940, Т. 3]. В. Маяковский в 30-е гг. XX в. славит *«Отечество, которое есть, но трижды, которое*

будет». В годы Великой отечественной войны лексема «родина» была «реабилитирована» и приобрела статус символа патриотизма: «В тридцатые годы из одной лишь политики он [Сталин] оживил забытое, пятнадцать лет не употреблявшееся и на слух почти позорное слово Родина» (А.И. Солженицын).

Некоторые исследователи, например, И. Сандомирская [Сандомирская, 2001], говорят о том, что в советский период, и, в частности, во время войны, понятие «родина» было не только символом общенародного единения (ср., известный плакат «Родина-мать зовёт!»), но и объектом идеологического манипулирования (ср., зловещее предупреждение сотрудников НКВД тем, кто оказался в плену: «Родина разберётся!»).

В современном российском дискурсе интерпретация концепта «родина» представляется широкой и разнообразной, создавая полифонизм оценок и трактовок её содержания в сознании носителей русского языка. Д.Г. Ларионова в своём диссертационном исследовании выявила около 50 содержательных признаков данной концептуализированной области на основании различных словарей и текстов «Национального корпуса русского языка» [Ларионова, 2011]. В нашей статье попытаемся проиллюстрировать некоторые из этих содержательных признаков, опираясь на стихотворения классиков и современных российских поэтов из поэтических подборок с сайтов ljubimaja-rodina.ru (18 стих.) [Стихи о России] и aromatschatya.ru/dushevnye-stihi-o-rossii (22 стих.) [Моя ненаглядная Русь!].

Почему стихи? Прежде всего, потому, что вся русская поэзия пронизана любовью к родине, которая справедливо считается неотъемлемой чертой русского национального характера [Тер-Минасова, 2000:176]. Как писал поэт А. Дементьев, «нет России без сыновней любви» («Нет России без леса...»).

К числу устойчивых содержательных признаков концепта «родина», закрепившихся в сознании современных носителей русского языка, можно отнести следующие:

– Родина – это символ материнского начала: *Россия – Ты мне, как вторая мама, я рос и вырос на твоих глазах* (Е. Кисляков); *Люблю, как мать свою родную, Ты идеал моей мечты* (Ю. Левчук); *О, мать моя, Россия, Русь, незыблем трон твой златоглавый* (А. Черный);

– Родина – это символ связи с детством, со счастливыми воспоминаниями: *Я себя не мыслю без России, Без родной земли, где всё моё, Где легла мне на сердце впервые Песня колыбельная её* (М. Лисянский); *Для нас ты начало начал. Твоя деревенька простая мой самый надежный причал* (Н. Цветкова); *И будто я – мальчонка в шубке, И за тебя, родная Русь, Как бы за бабушкины юбки, Спеша и падая, держусь* (Я. Смеляков);

– Родина – широкое, необъятное пространство: *Родное, русское раздолье – как сердце этим дорожит!* (Л. Журавлева); *Бесконечная Россия Словно вечность на земле! Тонут время и пространство в необъятности твоей* (П.А. Вяземский);

– Родина – самая прекрасная для живущих на ней земля: *Лучше Родины нашей нет на свете, друзья!* (А. Прокофьев); *Милее нет на свете края, О Русь, о родина моя. Тебе, в тоске изнемогая, Слагаю гимны я* (Ф. Сологуб); *Как хорошо, что есть Россия – Святая, вечная Земля! Пусть будут земли и другие, Но мне нужна одна – моя!* (Л. Журавлёва);

– Родина – это богатая и изобильная земля: *Всем ты преисполнена, земля Русская...* (Слово о погибели Русской земли);

– Родина – уникальная, не похожая ни на какую другую страну: *Никакая родина другая Не вольёт мне в грудь мою теплынь* (С. Есенин); *Всё в ней особо и неповторимо, Русская песня и русское слово. Цвет облаков, что проносятся мимо, Пушкин, Есенин и басни Крылова* (Ст. Мостовой);

– Родина – непобедимая страна, преодолевшая все невзгоды и победившая своих врагов: *О, Россия! С нелёгкой судьбою страна* (Ю. Друнина); *Стоишь, несокрушимая вовек! А над тобой, родимая Россия, Сиянье славы тысячи побед!* (М. Ромашкинская);

Родина – земля, вызывающая чувство гордости: *Горжусь твоей историей великой и силой духа русских бунтарей* (И. Наумкина); *...Сама ты сделала немало Для всех людей моей большой Земли! Весь мир собой от гибели спасала, чтобы народы в счастье жить могли* (В. Подобудчик);

– Родина – это земля, к которой человек испытывает чувство иррациональной любви: *Но люблю тебя, родина кроткая, А за что – разгадать не могу* (С. Есенин); *Еду я на родину, Пусть кричат – уродина, А она мне нравится, хоть и не красавица* (Ю. Шевчук);

– Родина – это многострадальная земля: *О, Россия! С нелёжкой судьбою страна...* (Ю. Друнина); *...великая Россия, истерзанная распрями страна!* (И.Наумкина); *Не раз тебя пытались бросить в бездну, не осознав твою святую суть* (В. Подобудчик);

– Родина – это объект тоски, но-стальгии для находящихся в чужой зем-

ле: *Вдали от Родины тоскую. В моей душе, Россия, ты. Люблю, как мать свою родную, Ты идеал моей мечты* (Юл. Левчук); *Бывают ночи: только лягу, в Россию поплывет кровать* (В. Набоков);

– Вера в будущее родины: *Моя любимая Россия, Ты поднимаешься с колен!* (Е. Камаева); *России миссия великая дана – духовность возродить отныне* (Г. Таравкова. Будущее России); *Моя любовь, душа моя, Россия! Я верю, что ты садом расцветёшь и станешь Храмом солнечным, красивым, Потомкам нашим счастье прине- сёшь!* (Е. Мартишин).

В этих красивых, патриотических, торжественных и душевных современных стихах о России и любви к ней выражены **личностные чувства по отношению к родине**, которые позволяют подтвердить устойчивость основных содержательных признаков концепта «родина» и многообразии их языковой репрезентации в наше время.

Список литературы:

Борисенко И.В. Национальный образ России: философско-культурологический анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2008. 28 с.

Виноградов В.В. Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. М.-Л.: «Academia», 1935. С. 1-462.

Воркачев С.Г. Слово «Родина»: значимость составляющая лингвоконцепта // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж: ВГУ, 2006. С. 26-36.

Даль В.И. Пословицы русского народа: в 2 т. М.: Терра, 1996. Т. 1. - 426 с.; Т. 2 – 420 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1994. Т. 1 - 1743 с.; Т. 2 – 2030 с.; Т. 3 – 1782 стб.; Т. 4 – 1916 стб.

Ларионова Д.Г. Национально-культурная специфика концептуализированной области «patria» и её учет в обучении русскому языку американских студентов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2011. 25 с.

«Любимая Родина». Стихи о России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.Ljubimaja-rodina.ru> (дата обращения: 5.12.2018).

Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1988. 1390 с.

Моя ненаглядная Русь. Душевные стихи о России [Электронный ресурс]. URL: <https://aromatyschatya.ru/dushevnye-stihi-o-rossii> (дата обращения: 5.12.2018).

Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Под ред. Ю.Н.Караулова. М.: АСТ, 2002. Т. 1 – 781 с.

Сандомирская И. Книга о родине: опыт анализа дискурсивных практик. Wien, 2001, 282 с.

Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001. 990 с.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 624 с.

Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д.Н.Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935-1940. Т. 1 – 1562 стб.; Т. 2 – 1040 стб.; Т. 3 – 1424 стб.; Т. 4 – 1502 стб.

Об авторе:

Перевозникова Алевтина Кузьминична – к.филол.н., доцент, доцент Кафедры русского языка МГИМО МИД РФ. Россия, 119454, г. Москва, Проспект Вернадского 76. Научная специализация – лингвокультурология, язык дипломатии. E-mail: aperevoznik@yandex.ru.

THE «RODINA» CONCEPT AS A COMPONENT OF THE NATIONAL IMAGE OF RUSSIA IN THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

A.K. Perevoznikova

Abstracts. *In conceptsphere “the national image of Russia» the concept “Rodina” occupies a key place in the Russian language picture of the world and represents the unity of linguistic and cultural content. This article is devoted to the analysis of language, spheres that represent the concept of a motherland in Russian linguistic picture of the world. With a view to lingvoculturological conceptual description area birthplace can be represented as a structure that defines the base for Russian culture constant native earth («rodnaya Zemlya»), dating back to ancient mythological archetypes such as mother earth, motherland, Terra Mater. This image was fixed in proverbs and sayings, and today has a sacral meaning associated with a woman as the ascetic nature and nation.*

This topic is also relevant in the minds of modern Russian language media, as evidenced by the data of the Russian Association of the dictionary. Meaningful concept structure is updated in the nuclear sense: “native land as geographic Wednesday habitats”, “Patria”, “little homeland”, “perceptions and attitudes towards their motherland”, shaped, metaphorical redefining of this concept. When considering the linguistic representatives of the concept “Rodina” diachronically, the evolution of its content is traced. The process of evolution is the accumulation of conceptual signs as a result of the movement of this concept from nature-ethnic-religious through ethical and civic notions of homeland to the idea of national identity through the history, religion, language and literature. In the article it is illustrated by proverbs and sayings and by the examples from fiction. Content and use of tokens belonging to the “patriotic triad” – motherland, fatherland, native country – is considered in diachronic. In the modern Russian discourse the interpretation of the concept of “motherland” appeared to be wide and varied, creating polyphonism of evaluations and interpretations of its content in the minds of Russian language media, supported by verses of classics and modern Poets.

Key words: *national image of Russia, the concept of “homeland”, meaningful signs of the concept, linguistic representation of the nuclear meanings of the concept of “motherland”.*

References:

Borisenko I.V. *Natsionalnyi obraz Rossii: filosofsko-kulturologicheskii analiz: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [National image of Russia: a philosophical-culturological analysis: author. dis. ... cand. philos. sci.]. Rostov-on-Don, 2008. 28 p. (In Russian).

Vinogradov V.V. *Yazyk Pushkina. Pushkin i istoriya russkogo literaturnogo yazyka* [Pushkin's Language. Pushkin and the history of the Russian literary language]. Moscow – Leningrad, «Academia», 1935. pp. 1-462 (In Russian).

Vorkachev S.G. Slovo «Rodina»: znachimostnaja sostavlyayuschaya lingvokonsepta [Word «homeland»: meaningful of the lingvokonsept component]. *Jazyk, kommunikacija i social'naja sreda* [Language, communication and social environment]. Voronezh, VSU, 2006. pp. 26-36 (In Russian).

Dal' V.I. *Poslovy russkogo naroda: v 2 tt.* [Proverbs of the Russian people: in 2 vols]. Moscow, Terra, 1996. T. 1. - 426 p.; T. 2 - 420 p. (In Russian).

Dal' V.I. *Tolkoviy slovar szivogo velikorusskogo yazyka: v 4 tt.* [Explanatory dictionary of the live great Russian language: in 4 vols.]. Moscow, Progress, 1994. T. 1 - 1743 p.; T. 2 - 2030 p.; T. 3 - 1782 stb.; T. 4 - 1916 stb. (In Russian).

Larionova D.G. *Nacional'no-kul'turnaja specifika konceptua-lizirovannoj oblasti «patria» i ejo uchet v obuchenii russkomu jazyku amerikanskih studentov: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [National-cultural specificity of konceptual field of "patria" and its accounting in education of American students: author. dis. ... cand. ped. sci.]. Saint-Petersburg, 2011. 25 p. (In Russian).

«Ljubimaja Rodina». *Stihi o Rossii* [«Favorite Homeland». Poems about Russia]. Available at: <http://www.Ljubimaja-rodina.ru> (accessed 5 December 2018) (In Russian).

Mify narodov mira. Jenciklopedija: v 2 tt. [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia: in 2 vols.]. Moscow, Soviet Encyclopedia, 1988. 1390 p. (In Russian).

Moja nenagljadnaja Rus'. Dushevnye stihi o Rossi [My beloved Rus. Spiritual poems about Russia]. Available at: <https://aromatyschatya.ru/dushevnye-stihi-o-rossii> (accessed 5 December 2018) (In Russian).

Russkij asociativnyj slovar': v 2 tt. [Russian associative dictionary: in 2 vols.] / Ed. Yu.N. Karaulov. Moscow, AST, 2002. T. 1 - 781 p. (In Russian).

Sandomierskaya I. *Kniga o rodine: opytanaliza diskursivnyh praktik* [A book about the experience analysis of discursive practices]. Wien, 2001. 282 p. (In Russian).

Stepanov J.S. *Konstanty: slovar russkoy kultury* [Constants: dictionary of Russian culture]. Moscow, Academic project, 2001. 990 p. (In Russian).

Ter-Minasova S.G. *Jazyk i mezhkulturnaya kommunikaziya* [Language and intercultural communication]. Moscow, Slovo, 2000. 624 p. (In Russian).

Tolkovij slovar' russkogo jazyka: v 4 tt. [Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 vols.] / Ed. D.N. Ushakova. Moscow, OSIZ, 1935-1940. T. 1 - 1562 stb.; T. 2 - 1040 stb.; T. 3 - 1424 stb.; T. 4 - 1502 stb. (In Russian).

About the Author:

Alevtina K. Perevoznikova – Candidate of Science (Linguistics), Associate Professor of Russian for Foreigners Department MGIMO(U). Lingvoculturology, teaching Russian as a foreign language, cross-cultural communication. E-mail: aperevoznik@yandex.ru.

О СВЯТОСТИ И БЛАГОЧЕСТИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ЕГИПЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Н.А. Успенская

Аннотация. В данных очерках рассмотрены темы святости и благочестия, веры и национального сознания, духовности и молитвенного общения с Творцом, взаимоотношений восточных «традиционалистов» и так называемых «западников», в той или иной степени затрагивавшихся автором в её монографии «Восток – Запад – Россия: процесс культурного взаимодействия». Данные категории рассматриваются на примерах произведений современных арабских писателей, «Светильник Умм Хашим» Яхьи Хакки, «Вершина любви» Ихсана абдель Куддуса, «Три апельсиновых дерева» Яхьи Тахира Абдаллы, «Дни» Таха Хусейна в сравнении с такими произведениями, как «Белая гвардия» М. Булгакова, «Ночи Кабирии» фильма Федерико Феллини, «Книга раздумий и тихих созерцаний» И. Ильина, и ряда произведений А.П. Чехова.

Автор стремится показать на данных примерах, какое место занимают данные авторы и указанные произведения в мировой литературе, как они соотносятся с известными нам произведениями и авторами, каковы общие черты и точки соприкосновения между ними. В данной работе поднимается проблема взаимоотношения религии и научной логики, которую отобразил в своём произведении «Светильник Умм Хашим» Яхья Хакки, а также отношение к этой проблеме западных и восточных мыслителей.

Автор сравнивает ценности, присущие исламу и христианству, и показывает, как они реализуются в произведениях восточных и западных авторов. Здесь также рассматривается история возникновения и развития взаимоотношений Востока и Запада и как эта проблема отражена в вышеуказанных произведениях.

Ключевые слова: арабская литература, духовность, религия, мораль, ислам, христианство, культурное взаимодействие, научное мировоззрение.

Понятие святости чаще всего связывают с религией. В работах, посвящённых исламу, даются определения святости, которые в основном характеризуют её как «приближенность

к Богу», а святого – как лицо, приближённое к Богу. Известно, что в исламе, в отличие от христианства, отсутствует институт канонизации святых. Мусульманские «святые» возводятся в этот ранг

народом. При этом существуют общенародные «святыи», как, например, Святая Зейнаб, и «святыи», известные только жителям определённой местности.

Главной отличительной чертой святого является благочестие, которое в словаре Даля определяется, как «истинное богопочитание; благоговейное признание Божественных истин и исполнение их на деле» [Шimmel, 1999:95]. Святость и благочестие трудно конкретизировать с точки зрения понятий светской жизни, они требуют специального анализа и не укладываются в рамки обывательских норм. Изображение святых в светской литературе является делом наиболее трудным, и немногие писатели готовы отважиться на попытки подобного литературного воплощения.

В своей работе мне хотелось бы остановиться на двух таких попытках: это рассказ Яхьи Хакки «Святой никогда не ошибается» и рассказ Ихсана Абдель Куддуса «Вершина любви». Яхья Хакки – известный египетский прозаик, маститый писатель, его повесть «Светильник Умм Хашим» стала одним из самых любимых произведений египтян. Вопросы соотношения веры и сомнения, добра и зла, морали и нравственности не раз поднимались в его произведениях. Поэтому появление в его рассказе фигуры молодого человека, ищущего Божьей милости, Божественных истин, не было неожиданностью для почитателей его творчества, несмотря на то, что Яхья Хакки – писатель сугубо светский.

Героем рассказа является молодой человек знатного происхождения, получивший огромное наследство. После непродолжительного раздумья он решает отказаться от баснословного богатства в пользу брата, а сам выбирает путь богоискательства. Он присоединяется к группе отшельников, которые во главе со старцем скитаются по пустыне. Они изредка заходят в селения и города, чтобы обратиться к народу с проповедью или просто пополнить запасы пищи. Эта группа отшельников напоминает одну из ранних суфийских общин, людей, которые, по словам Калабази, исследователя ранне-

го суфизма, «покинули сей мир, ушли из дому, бежали от своих сотоварищей. Они скитались по земле, умерщвляя плотские желания ... и теперь потребляют мирские блага лишь в той мере, чтобы прикрыть наготу и утолить голод».

Этот же путь был характерен и для ранних христиан. Во главе такой общины обычно находился старец – опытный наставник. Яхья Хакки пишет о нём следующее: «Он освободил себя от семейных уз, друзей, родины и отправился скитаться, неся свою проповедь людям. Он говорил им о развращающей власти денег, призвал присоединиться к нему, чтобы посвятить себя одному лишь Богу, довольствуясь нищей и бродячей жизнью» [Хакки Яхья, 1973:70].

Мы не знаем, какие причины заставили юношу присоединиться к процессии старца. Он утверждал, что к этому его побудил ангел, явившийся ему во сне. Очевидно, что молодой человек сам стремился к подвижнической жизни, так как он безропотно и смиренно шёл в конце процессии, путаясь в своём широком шерстяном плаще, не поднимая взгляда на окружающих и пытаясь погрузиться в молитву.

Однажды процессия проходила мимо богатого поместья, о хозяине которого шла дурная слава из-за распутного образа жизни. Говорили, что, несмотря на огромное богатство, он и гроша не подаст нищему, так как непомерно скуп. Старец принимает решение посетить этот дом с тем, чтобы «разрушить ещё один оплот дьявола и спасти души его обитателей» [Хакки Яхья, 1973:71]. И пока, сидя за столом, уставленным яствами, святой старец ведёт свою проповедь, параллельно дьявол ведёт свою. Молодая красивая дочь хозяина обращается к юноше с необычными и смелыми речами. Она говорит ему, что Бог одинаково милостив и к скитальцам, и к простым смертным, что радость богопознания можно ощутить, не только молясь и перебирая чётки, но и в танце, тесно прижавшись к партнёру, или в музыке. Ведь музыку тоже создал Бог! Она предлагает ему свою любовь и приглашает его остаться во дворце, что-

бы насладиться мирскими удовольствиями. Её слова попадают в цель, нашему герою трудно сопротивляться соблазну. «Сейчас перед ним простиралась жизнь, полная доступных ему наслаждений. Тысячи голосов нашёптывали ему: останься и испей их до дна» [Хакки Яхья, 1973:74].

Но герой Хакки не свернул со своего пути и устоял перед искушением. Он покинул дворец вместе с наставником и другими его учениками. В его поведении произошла лишь одна, несущественная на первый взгляд, перемена. Если раньше он шёл в конце процессии, то теперь он переместился в самое её начало, поближе к наставнику, как бы ища у него поддержки. Хакки пишет, что главной причиной его решения продолжить подвижнический путь был страх потерять веру в себя. «Иначе, если бы он передумал, никто никогда не смог бы ему верить, в том числе и он сам» [Хакки Яхья, 1973:74]. На первый план здесь выступают такие категории, как честь и совесть. Именно они представляют собой тот краеугольный камень, на котором автор возводит свою систему ценностей.

Путь аскетизма, атрибутами которого всегда были чётки, вериги, власяница, одиночество, воздержание изначально считался прямой дорогой к достижению святости. Но это не значит, что каждый, ступивший на неё, достигнет желаемого результата. Это путь избранных. Существуют ли иные пути, более простые и доступные тем, кто ищет смысл жизни и высших истин?

Чтобы проследить развитие этой темы в современной египетской литературе, обратимся теперь к рассказу Ихсана Абдель Куддуса «Вершина любви». Ихсан Абдель Куддус — это писатель, в творчестве которого трудно было ожидать появления темы богоискательства. Юрист по образованию, журналист по профессии, главный редактор самого популярного в Египте политического еженедельника «Роз аль Юсиф» и газеты «Аль-Ахбар», он писал рассказы, как говорится, «на злобу дня». Сюжеты из газетных хроник находили в них своё художественное осмысление и воплощение. Любовный треуголь-

ник, семейные неурядицы и скандалы, политические коллизии и даже террористические акты – далеко не полный их перечень. Рассказ «Вершина любви», на мой взгляд, занимает в творчестве этого писателя особое место.

Героиня этого рассказа проходит долгий жизненный путь, который с самого начала и до глубокой старости неуклонно ведёт её к святости. Более того, автор утверждает, что она изначально была «святой» или «ангелом». Тем не менее, земной путь этой женщины и даже загробная её жизнь, показанная в рассказе, удивительно близка и понятна многим самым простым людям. Первое, что отличает героиню Куддуса — это чувство всеприсутствия Бога. «Всё, что она видела, до чего дотрагивалась, пробовала на вкус, напоминало ей о Боге» [Куддус Ихсан, 1968:5].

Но прежде, чем познать Бога, будучи ещё ребёнком, она узнала нечто, что послужило для неё средством богопознания. Это нечто было любовью. «Прежде, чем она узнала Бога, она полюбила всё вокруг: людей, коров, буйволов, кур, собак. Она полюбила землю, растения, камни. Она полюбила мелодию, которую наигрывал на флейте феллах, сидя на краю канавы. Она полюбила кваканье лягушек, которые прыгали возле канала. Она любила жизнь во всех её проявлениях» [Куддус Ихсан, 1968:6].

Любовь героини ко всему окружающему не имеет границ. Прежде всего, она направлена на всех обездоленных и самых несчастных. В деревне жил мальчик, один из её сверстников. Неожиданно он заболел проказой, и его изгнали из деревни. Мальчишка был вынужден скитаться по окрестностям и прятаться от людей, а если он появлялся в деревне, то его прогоняли самым беспощадным образом. Положение его было плачевным. Самым ужасным для него было то, что он был лишён человеческого общества и даже не мог общаться с родителями и родственниками. «Он был весь покрыт язвами, уши его отвалились, а нос провалился. Она встречалась с ним в поле, играла с ним, пела ему деревенские пес-

ни, тайком под одеждой таскала ему еду» [Куддус Ихсан, 1968:6].

Она месяцы напролёт ухаживает за больной подругой, которая поранила ногу об оросительное колесо, «пока улыбка не вернулась на её губы, радость – в сердце, и свет надежды и любви к жизни вновь не загорелся в её глазах» [Куддус Ихсан, 1968:6].

Героиня рассказа готова дарить своё время, свои усилия каждому, кто в этом нуждается. Она беспредельно добра к людям и животным. Считается, что мусульмане не любят собак. Но в литературе мы нередко находим примеры, подтверждающие противоположное. Так и в данном рассказе. Облезлая бродячая собака, которую жители деревни забрасывают камнями при одном её появлении, ластится к нашей героине и радуется её ласке. А когда собака съёт морду в тарелку девочки, то последняя не прогоняет её, а смеётся и ест вместе с ней.

Девочке снится ангел, и он обещает ей, что, если она и дальше будет жить так, помогая несчастным и обездоленным, то Бог распахнёт перед ней ворота рая. И героиня рассказа мужественно проходит свой жизненный путь, до глубокой старости помогая людям переносить их невзгоды, пока физические силы её не истощились, и она не отошла в мир иной тихо и мирно на руках скорбящих и плачущих односельчан.

Бог сдержал Своё обещание и принял её в рай, который Ихсан Абдель Куддус нарисовал как общество святых, наслаждающихся Божественной благодатью. Но происходит нечто странное. Наша «святая» слышит непонятные звуки, они усиливаются и напоминают ей стон. Ангел разъясняет ей, что это стон тех, кто испытывает мучения в аду, Бог позволил только ей слышать эти кошмарные вопли. Никто другой не слышит стонов грешников. Вначале наша героиня протестует - она столько раз слышала эти ужасные звуки на земле, столько раз она была свидетельницей человеческих страданий и мучений. Она устала от них на земле и просит избавить её от них на небе. Но ангел возражает ей: такова воля

Бога, а он мудр! Тогда наша героиня выпрашивает у Него разрешения посетить ад и получает согласие. Она видит страшные картины мучений грешников, адское пламя, которое обжигает их и совсем не вредит ей. И тогда она принимается за уже известную ей работу: начинает ухаживать за грешниками, утешать их, поить водой. Но работы очень много, одной ей не справиться, и тогда она убеждает других святых присоединиться к ней, и они вместе дружно берутся за дело. Кончается рассказ следующим образом. Два ангела сидят рядом, и один говорит другому: «Слышал новость? Вышел приказ – ад закрывают» [Куддус Ихсан, 1968:18].

Сочетание серьёзности и мягкости, элементов фантастики и реализма, отсутствие малейшего налёта сусальности отличает это небольшое произведение. Оно повествует о простых и понятных вещах, которые, тем не менее, служат мостиком к высшим истинам. Оно рассказывает о добродетели, которая встречается каждому в повседневной жизни.

Добродетели героини рассказа многочисленны. Но главное, что движет ею – верховный закон любви. Все остальные законы ничто перед любовью. Путь любви, которым она идёт, единственно верный путь. Недаром Ихсан Абдель Куддус называет эту любовь беспредельной, называет её «вершиной любви». Героиня Куддуса настолько любила людей, что готова была отказаться от райского блаженства, если им не могли наслаждаться остальные. Мы знаем примеры, когда святые мужи были готовы пожертвовать вечным блаженством ради спасения ближних. Вспомним молитву Моисея за свой народ, который сделал себе золотого тельца вместо Бога: «Прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты меня вписал» [Ис. 2, 32].

Павел Флоренский писал, что человек получает по мере того, как отдаёт себя, что любить — это значит наслаждаться счастьем другого и счастье чужое признавать за своё. А по мнению шотландского богослова Друммонда, нам нужно жить завтра только потому, что есть люди, которых мы хотим видеть завтра, с которыми

ми мы хотим быть, которые нас любят, и которых мы хотим любить. Он считал, что на Страшном Суде нас не будут обвинять ни в чём, кроме недостатка любви. Иоанн Шаховской считал, что для существа доброго творить добро всем - радость, а не творить - мучение, что смысл жизни состоит в бесконечной, переливающейся через край любви.

Религиозные взгляды Ихсана Абдель Куддуса, так же как и Яхьи Хакки, определены исламом. Представление о мусульманском благочестии состоит в поклонении Богу, молитве, посту. Мусульманин должен подавать закят и совершать хадж по мере возможности. Он не должен никому причинять несправедливость или вред. Благочестие героини Куддуса выходит за эти рамки. То, как она выполняла основные предписания ислама, остаётся «за кадром», хотя нет сомнения в том, что она их исполняла. Основное внимание в рассказе сконцентрировано на другой стороне её жизни – на любви к ближнему до полного самоотречения. Но об этом мы читаем не в Коране, а в Евангелие: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга» [Ин.13,34]. «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» [Ин.15,13].

Остаётся предположить, что заповедь любви хоть и не предписывается мусульманину, но не противоречит предписаниям ислама, особенно, если это касается тех, кто стремится к благочестивой и добродетельной жизни. В подтверждение этого я предлагаю обратиться к творчеству наиболее яркой и выдающейся личности в современной арабской литературе — Таха Хусейна. Он был выходцем из простой многодетной крестьянской семьи и добился невероятных успехов: стал доктором египетского университета, доктором Сорбонны, занимал должность профессора древней истории в египетском университете, был видным государственным и общественным деятелем, знаменитым писателем. Его причисляют к классикам современной египетской литературы. При этом Таха Хусейн был слеп, он ослеп в раннем детстве после перенесённого заболевания.

Его отличала большая уравновешенность, умение владеть собой во всех ситуациях, подчинять свои эмоции высшей целеустремлённости. Среди произведений этого писателя особое место занимают его воспоминания «Дни». В 1929 г., когда писатель уже преодолел сорокалетний рубеж, вышла первая часть его автобиографической трилогии. Из этой книги мы можем почерпнуть многие сведения о том, как жили в деревне в то время, какие нравы и обычаи доминировали, какая обстановка царил в семье писателя, как относились родители к детям, каковы были отношения между родителями, как строились отношения с соседями. Перевод Крачковского, который поначалу воспринимается как трудный и чересчур детальный, более напоминающий подстрочник, полностью воспроизводит стиль египетского писателя, его эмоциональное состояние, малейшие оттенки его настроения.

В первой части этой книги мы читаем об одном очень важном трагическом событии для Таха Хусейна и всей его семьи. Когда будущему писателю было одиннадцать лет, умер его старший брат, юноша семнадцати лет. Он занимался медициной и во время эпидемии холеры помогал врачам в лечении этого опасного заболевания. Во время этих мероприятий, когда эпидемия уже пошла на спад, он неожиданно заразился и скоропостижно скончался на руках родных. Это событие повлияло на одиннадцатилетнего Таха совершенно особенным образом: именно в этот период он стремился всеми способами – иногда милостыней, иногда чтением Корана, иногда постясь, – но обязательно приблизиться к Богу.

Он пишет, что толкали его на это не страх, не опасение. «Он знал, что брат его был юношей, воспитанником светских школ и небрежно относился к выполнению своих религиозных обязанностей. И мальчик, совершая различные религиозные обряды, хотел снять со своего брата некоторые прегрешения. Брату его шёл восемнадцатый год жизни, а мальчик слышал от шейхов, что молитва и пост обязательны для человека, когда

он достигает пятнадцати лет. Мальчик рассчитал сам, что брат его должен Аллаху пост и молитву за три полных года, и вменил себе в обязанность совершать пять молитв ежедневно два раза – один раз за самого себя, другой раз за брата, и поститься в году два месяца – месяц за самого себя, месяц за брата.

Он обязался скрывать это от всей семьи и сделал это специальным заветом между собой и Богом. Он будет давать есть бедняку или сироте от попадающих в его руки пищи или плодов, прежде чем возьмёт свою долю» [Хусейн Таха, 1989:73]. И маленький Таха добросовестно выполняет этот завет, явив тем самым яркий пример добродетели истинно верующего человека. Этому не учили его в школе, об этом не говорили ему его родители, эта мысль сама пришла к нему в голову. А кто внушил её мальчику, пусть каждый решит для себя сам, в меру своего собственного восприятия и своих взглядов.

А вот как отвечает на этот вопрос сам Таха Хусейн. Воспоминания написаны в виде разговора, который он ведёт со своей дочерью, вернее, в виде монолога. При этом писатель спрашивает свою дочь о том, кто направлял его жизнь, кто вёл его по жизни. И сам же отвечает на него следующим образом. «Разве ты его не узнаёшь? Посмотри на него! Это тот ангел хранитель, который склоняется над твоей кроваткой, когда наступает вечер, чтобы ты встретила ночь спокойно в сладком сне. Он склоняется над твоей кроваткой, когда наступает утро, чтобы ты встретила день радостно и весело. Разве ты не обязана этому ангелу сопровождающим тебя покоем ночи и весельем дня? И вот этот ангел, моя дочка, склонялся над твоим отцом и заменил ему нужду довольством, отчаяние – надеждой, бедность богатством, а несчастье – счастьем и светом! Долг твоего отца перед этим ангелом не меньше твоего долга. Поможем же друг другу, дочка, вернуть этот долг, хотя нам не удастся выполнить и части того, что мы хотели бы» [Хусейн Таха, 1989:80].

Эта цитата является ключом к мировоззрению Таха Хусейна, которое лежит в основе всего его творчества и жизни.

Мы рассмотрели произведения современных египетских авторов, затрагивающих одну тему. Эти писатели принадлежат к различным поколениям, их политические и литературные взгляды во многом разнятся. Но один момент является, бесспорно, объединяющим для рассмотренных произведений. Он присутствует в них в качестве одного из персонажей. Этим персонажем является Божественный ангел, отношение к которому Таха Хусейн выразил совершенно определённо. Это отношение и объединяет трёх выдающихся писателей.

Эволюция веры и национального сознания в произведении современного египетского писателя Яхьи Хакки «Светильник Умм Хашим»

По единодушному мнению большинства исследователей, египтяне больше всего ценят в людях набожность. Э.У. Лэйн ещё в середине позапрошлого века в книге о нравах и обычаях египтян отмечал, что, если мусульманин не занят делом или разговором, он почти наверняка произносит какую-нибудь религиозную формулу. Если его смущает дурная мысль или воспоминание о нехорошем поступке, он вздыхает: «Прошу прощения у Аллаха Великого!» [Васильев, 2000:187].

По мнению известного российского востоковеда А.М. Васильева, «для массы египтян Аллах — воплощение писаного и неписаного закона общественной совести, высшей справедливости» [Васильев, 1989: 190]. Он пишет, что, «приступая даже к пустячному делу, египтянин машинально произнесёт: «Во имя Аллаха, милостивого и милосердного!», а, завершив работу, скажет: «Хвала Аллаху!» «Аллах с человеком постоянно — в семье, в быту, в труде, в учёбе, в любви и ненависти, за трапезой и во сне. Однако упоминание Аллаха чаще всего — привычка, как наше «слава Богу», «ей Богу» [Васильев, 1989:188].

Что это за привычка, является ли она следствием механического повторения и заучивания религиозных формул, или смысл её кроется в гораздо более глубоко-

ких сферах? Если это всего лишь привычка, то каковы её последствия? Ответы на эти вопросы мы попытаемся найти в произведениях современного очень популярного египетского писателя Яхьи Хакки. В самой известной его повести «Светильник Умм Хашим», которая по единодушному мнению критики изображает национальный египетский характер, писатель подробно и поэтапно описывает развитие религиозного чувства главного героя, раскрывает генезис веры как процесс, непосредственно связанный с развитием национального сознания.

В повести изображена простая крестьянская семья шейха Раджаба и его жены г-жи Адили. Эти весьма благочестивые люди приезжали в Каир вместе со своими детьми, среди которых был Исмаил, с тем, чтобы обратиться к Святой Зейнаб, одной из наиболее почитаемых в Египте святых, и попросить её заступничества, помощи и молитв. «Как только они достигали священных ступеней, ведущих в мечеть, отец жестом заставлял Исмаила опуститься на колени и, подобно другим членам семьи, мальчик целовал «эти благословенные ступени». Благодаря инстинкту подражания, Исмаила даже и не надо было понуждать делать это. Пока он вот таким образом целовал камень, люди, входившие и выходившие из мечети, едва не наступали ему на голову.

Какой-нибудь педант теолог, глядя на всё это семейство, раздражённо отворачивал лицо, ругая ужасные времена и призывая Бога на помощь против такого «идолопоклонства, ереси и невежества». Тем не менее, большинство людей при этом обычно снисходительно улыбались наивности этих крестьян, одежда которых пахла землёй, молоком и навозом. Они понимали, как много надежд эти простые люди возлагали на этот визит и что они не могли найти другого способа, чтобы выразить тепло своих чувств, любовь и поклонение этой Святой» [Хакки Яхья, 1975:60].

По выражению Ибрагима Ахмеда Шааляна, семьёй в Египте правит не закон, а

традиция. Власть семьи сильнее закона, семья диктует нормы поведения. Эти нормы члены семьи воспринимают от своих предков и передают их следующим поколениям. Так происходит и в данной повести: поколение шейха Раджаба пытается передать своему сыну Исмаилу религиозные традиции: совершать молитву, посещать святые места, чтить любимых ими святых и т.д. Имя главного героя Исмаила совпадает с именем библейского прародителя египетского народа — Исмаилом, сыном Авраама и его невольницы Агари. Согласно Библии, по требованию жены Авраама Сарры Агарь и Исмаил были изгнаны из дома Авраама. Они заблудились в пустыне Вирсавии и чуть было не умерли от голода и жажды. Тогда Агарь «подняла вопль и плакала». Бог ещё раньше обещал Аврааму, что произведёт от Исмаила «великий народ». И теперь в пустыне он опять говорит об этом, на сей раз Агари: «Встань, подними отрока и возьми его за руку, ибо Я произведу от него великий народ» [Бытие 21:15-21].

Совпадение имени главного героя повести с именем библейского родоначальника египетского народа вряд ли носит случайный характер, похоже, что Яхья Хакки ставит своей целью создать собирательный образ египтянина, и его имя подчёркивает этот факт.

На страницах повести Исмаил как бы вновь переживает один из самых драматических моментов своей жизни, период своего духовного становления.

Он получает в семье прочные религиозные основы и навыки. Ему прививают их точно так же, как учат мыть лицо и вести себя за столом, соблюдать правила общежития. Есть мнение, что такое религиозное воспитание бесперспективно, так как лишает человека возможности осознанного выбора. Нередко можно услышать, что выбор религии должен происходить в сравнительно зрелом возрасте и независимо от мнения кого-либо, даже родителей, тогда вера будет иметь прочную основу и выдержит любые превратности судьбы.

Вера Исмаила, да и все остальные его убеждения, подвергаются серьёзным ис-

пытаниям. Он едет в Европу чтобы стать врачом. Шейх Раджаб ценой самоотверженного труда обеспечивает своему сыну европейское образование. В Европе Исмаил оказывается в своеобразном духовном вакууме. В представлении европейцев религия — это механизм, созданный для управления народными массами. Они считают, что образованный человек должен быть свободен от неё, как от предрассудка. По мнению Васильева, «египтянин психологически нуждается в принадлежности к большой семье, к большой группе, которой он будет давать и у которой будет брать» [Васильев, 2000:112].

Так и Исмаил: помимо религиозных традиций, он воспринял от своих родителей отношение к людям, особенно к тем, кто находится в тяжёлом положении и нуждается в помощи. «Исмаил большую часть своего времени и внимания уделял самым слабым своим пациентам, тем, кто был морально подавлен, чьи нервы были расстроены из-за гигантских усилий, которые они должны были прилагать, чтобы выжить (а в Европе таких легион). Он обычно сидел и слушал молча их жалобы, полагая, что говорить с ними надо, немного спустившись до их уровня» [Хакки Яхья, 1975:87]. Такое поведение Исмаила вызывает резкую критику его коллег. В этом проявляется столкновение восточной и западной психологий: сострадания — с одной стороны, и холодной практичности — с другой.

Подруга Исмаила, молодая врач Мери, которая символизирует западный образ мысли, заметила его в окружении больных и сломленных людей, которые буквально висли на нём и чуть ли не рвали его на части. Она подошла к нему и резко произнесла: «Ты не Иисус Христос. Тот, кто стремится жить как Ангел, бывает побеждён дьяволом. Ты разве не знаешь, что жалость допустима только дома? Эти люди тонут, и они ищут кого-нибудь, кто протянет им руку. Но, ухватившись за неё, они тянут его за собой на дно. Твои восточные чувства плохи и нежелательны, они непрактичны и бесполезны. Их слабость и бессмысленность очевидна. Сильные чувства только те, которые

человек не показывает другим» [Хакки Яхья, 1976:88].

Душа Исмаила содрогнулась от её резких слов. Он почувствовал, как они, точно нож, режут по живому, отсекая части его тела, которые соединяли его с другими. «Однажды он проснулся и обнаружил свою душу полностью разрушенной. Религия в его представлении превратилась в простой обман, созданный лишь для управления народными массами. А человек мог стать сильным и счастливым, только отделившись от толпы и глядя на неё исключительно со стороны» [Хакки Яхья, 1975:88]. Быть одним из многих здесь считалось чем-то постыдным.

Итак, Исмаил тяжелее всего переживает своё столкновение с философией индивидуализма. Она буквально обрушивается на него и ломает его психологию. Ведь, по мнению многих учёных, индивидуализм чужд египтянину. «Горожанин и феллах расслабляются в толпе. Постоянно, из поколения в поколение, он живёт в человеческой массе. Он — часть этой людской массы и до недавнего времени не представлял себе другой жизни» [Васильев, 2000:112].

Васильев отмечает, что в условиях, когда жизнь человека зависит от труда многих, групповое начало стало характерной чертой египетского общества. «Феллаху индивидуализм противопоказан. Но он оказывается невозможным и для городских низов, ремесленников, торговцев» [Васильев, 2000:112]. По его мнению, бюрократия и чиновничья среда также исключают индивидуализм в любой форме. «Как это ни парадоксально, на первый взгляд, индивидуализм в Египте был чужд и высшим слоям общества, власть имущим» [Васильев, 2000:112]. Исмаил в Европе не только не нашёл понимания своих взглядов, он столкнулся с атакой на них. Он был лишён общения с людьми своей конфессии, но не нашёл здесь и христианства. Ведь, по словам его коллег, попытки подражания Иисусу Христу обречены на провал.

Схема эволюции религиозного сознания Исмаила до его возвращения в Египет выглядит следующим образом: рели-

гиозное чувство, привитое родителями, ещё не осознанное и не выстраданное, приходит в столкновение с европейской цивилизацией, имеющей основанную на научной логике и практицизме антирелигиозную, индивидуалистскую философию; она наталкивается на попытки Исаила сохранить свои нравственные установки, заложенные ранее, но они терпят поражение и, казалось бы, наступает полная потеря его первоначальных принципов, утрата веры и религиозного чувства.

Схема развития национального сознания Исаила несколько отличалась от этого процесса: первоначально Исаил был центром, вокруг которого вращались все члены его семьи, он был её надеждой. Его отношения с родственниками, соседями, в школе были очень гармоничны: он был преданным сыном, мечтал выучиться и служить своему народу. После приезда в Европу он понимает степень отсталости и невежества египтян, его представления о родине уже лишены идеализма, но он готов приложить все свои силы и знания, чтобы вытащить свой народ из этого состояния. Он полон желания вернуть свой сыновний долг родителям, обеспечив им безбедную и счастливую старость, основав свою клинику на родине. Потеряв веру в Бога, Исаил ещё не утратил чувства патриотизма.

И только по возвращении в Египет обе схемы, приходят в полное соответствие друг с другом. Религиозное и национальное сознание первоначально были результатом воспитания в семье. На них во многом повлиял и личный пример родителей Исаила, та обстановка взаимной заботы, преданности и самоотверженности, которая царилла вокруг него. Это была крестьянская семья с самыми что ни на есть патриархальными обычаями. Эти обычаи сохранились в ней и после переезда в Каир. В данном случае мы имеем дело с зёрнами нравственного и религиозного потенциалов, которые были заботливо подготовлены не им самим, а его родителями.

Но, прежде чем принести свой плод, зерно должно... умереть. Это аксиома, о

которой говорил Иисус Христос и подтверждение которой мы нередко находим в жизни. То же самое происходит и с нашим героем. Убеждения Исаила подвергаются сокрушительному удару, и, казалось бы, окончательно умирают, когда он возвращается из Европы в Египет. Картины отсталости, которые на сей раз возникают перед Исаилом, рождают протест, отвращение, ненависть. Исаил ненавидит всех: отца, мать, шейха мечети, людей, наполняющих площадь Святой Зейнаб. Теперь он видел своих соотечественников такими: «Они были похожи на непригодные разваливающиеся каменные остатки колонн на пустынной земле: их назначение состояло в том, чтобы стоять на пути людей. Их речь напоминала крики животных, они с жадностью набрасывались на скудную пищу и поглощали её. Исаил всматривался в их лица: он мог заметить на них лишь выражение глубокой апатии, как будто все они были курителями опиума. Ни одно лицо не имело человеческого выражения». «Их тела не мылись годами, и не знали, что такое мыло». «Их оцепенение могло остановить любой прогресс» [Хакки Яхья, 1975:101].

Если, будучи за границей, Исаил, не задумываясь, отвергает предложение работать в одной из европейских клиник и стремится обратно на родину, то теперь он очень сожалеет о том, что не остался и не принял этого предложения. В отношении Исаила к своему народу и своим родным проявляется полное нетерпение и неприятие их взглядов и образа жизни. Видя, как г-жа Адила закапывает масло из лампадки Святой Зейнаб в глаза Фатимы, он приходит в бешенство и, ворвавшись в мечеть, разбивает лампадку на глазах шейха Дардири и верующих. Нужно отметить, что как последние, так и родители Исаила проявили по отношению к нему максимум терпения и великодушия. Единственное чувство, которое они испытывали по отношению к Исаилу, были жалость и сожаление.

По мнению героя Хакки, египтяне живут в мире предрассудков, глубокой отсталости и их главными отличительными

чертами являются трусость, инертность и лень. «Исмаил чувствовал себя как птица, попавшая в капкан, которую посадили в клетку, из которой она всячески пыталась высвободиться. Он чувствовал себя связанным в своём доме, который он не мог выносить, и прикованным к площади, которая вызывала у него чувство отвращения. Тщетно он пытался убежать» [Хакки Яхья, 1975:101].

Кажется, что прошлое умерло для Исмаила, и его вера уступила место научной логике и практицизму, воспринятым им на Западе. А вместо патриотических чувств появляется лишь разочарование. Исмаил уходит из дома, его уходу предшествует драматическое событие: по его вине теряет зрение его двоюродная сестра, его невеста. Лечение, которое, несомненно, принесло бы положительный результат в европейской клинике, здесь заканчивается полной неудачей. Недоумение, горечь, стыд – вот гамма чувств, которые захлёстывают его на этот раз.

Исмаил снимает комнату в доме, которым владеет богатая гречанка – мадам Ифталиа. И в этот момент происходит новое знакомство Исмаила с Западом и европейцами. Раньше он имел о них представление, как о людях, которые каждое утро, несмотря на непогоду, мороз или дождь, шли на работу целеустремлённо и спокойно, с решительным и спокойным выражением лица. Они научили его работать, под их руководством он стал квалифицированным врачом. Европейцы на Востоке выглядят и ведут себя совершенно иначе. Их стремление к наживе здесь не прикрыто ничем. Их единственная цель здесь – заработать как можно больше на всём. Ещё раньше Исмаил понял, что они чётко делят людей на своих и чужих. С чужими можно всё, их можно обирать, эксплуатировать, с ними не надо быть любезными.

Здесь мадам Ифталиа была среди чужих. С того момента, как он «попал в её лапы», она обирала его буквально на всём, начиная с пожелания доброго утра и обязанности открывать ему дверь. Однажды она оштрафовала его за то, что он взял лишний кусок сахара за завтраком.

Как-то раз Исмаил сделал ей небольшой подарок, который состоял из сигарет и кекса. Мадам Ифталиа с удовольствием его приняла. Это не помешало ей тут же сделать ему замечание за то, что он слишком долго засиделся в комнате и тратил электричество. «Несомненно, европейцы в Египте сделаны из другого теста, нежели те, которых он видел в Европе» [Хакки Яхья, 1975:111]. Образ мадам Ифталиа показывает несовместимость западных принципов с восточным образом жизни. На фоне, казалось бы, отсталого нищего Востока проступает уродство этих принципов и духовная нищета европейцев.

И если в Европе недостаток духовности он восполнил за счёт погружения в науку, студенческую жизнь, любовные утехы, то здесь, в Египте, будучи отрезанным от соотечественников по своей вине, он не может компенсировать его ничем. Исмаилу становится тошно в доме мадам Ифталиа, он старается как можно больше времени проводить вне дома, и ноги сами несут его на площадь Святой Зейнаб, в район, где он провёл своё детство. Он приходит туда и часами, молча, наблюдает за её обитателями. А обитатели площади — это, казалось бы, всякий сброд: мелкие торговцы, нищие, проститутки, окуриватели помещений, парикмахеры и т.д. И теперь уже эти люди не вызывают у него отвращения, а, напротив, притягивают его.

И если раньше он называл их терпение проявлением идиотизма, то теперь это терпение пробуждает в нём чувство глубокой вины. В его памяти часто возникает образ Фатимы, которая никогда не жаловалась, пока он лечил её, и, потеряв зрение в результате этого лечения, она даже ни разу его не упрекнула. Исмаил чувствует себя палачом. Глубокое раскаяние приводит к неожиданным событиям. Наступил Рамадан. Рамадан в произведениях Хакки фигурирует часто, ему всегда придаётся большое значение. Не следует связывать с ним какой-либо символики. Рамадан — это пост, назначение которого понятно лишь верующему человеку. Пост берёт своё начало ещё в ветхозаветной

эпохе и является неотъемлемым догматом Ислама.

Наступил Рамадан, и произошло буквально следующее: «Когда пришёл Рамадан, это дошло до него не сразу. Он как-то чаще и дольше стал задерживаться на площади, раздумывая об окружающем. Определённо в воздухе появилось что-то, что-то новое. Это отражалось и на поведении людей, и даже на неживых предметах. Было так, как будто мир сбросил свою старую одежду и надел новую. Кругом была атмосфера какого-то затишья, перемирия после тяжёлой битвы» [Хакки Яхья, 1975:115]. И на этом фоне Яхья Хакки показывает, как пробуждается вера, а рядом с ней и национальное сознание Исмаила: «Он осмотрелся на площади. Его взгляд скользил по людям, которых он больше не считал невыносимыми. Он начал улыбаться их шуткам, и их смех напомнил ему дни его детства... Исмаил вдруг почувствовал себя защищённым и ощутил твёрдую почву под ногами. Больше не было скопища одиночек перед ним, напротив, это был народ, сплочённый в единое целое чем-то очень важным. И это что-то была вера, прошедшая испытание временем» [Хакки Яхья, 1975:112].

Вера и национальное сознание в произведении Хакки неразрывно связаны друг с другом. Бог обещал Аврааму, что произведёт от его сына «великий народ», и Он сдержал Своё обещание. И выполнив его, Он не мог оставить этот народ без Своего покровительства. Таков, как представляется, подтекст этого произведения. В ночь «Предопределения» Исмаил опять приходит на площадь. По верованию мусульман, это ночь, когда Коран был ниспослан на землю. В 97-й суре Корана, которая так и называется «сура Предопределения» говорится, что «Ночь Предопределения лучше тысячи месяцев», что Ангелы и дух в эту ночь «с соизволения их Господа по всякому делу» нисходят на землю.

Эта ночь играет особую роль в процессе прозрения Исмаила: «На секунду, его мысли остановились. Его внимание было привлечено звуком глубокого дыхания, эхом раздававшегося по всей площади.

Это, должно быть, Святой Идрис. Исмаил поднял взгляд и увидел... — купол мечети был окутан светом, который исходил изнутри. Он содрогнулся с ног до головы. «О, Свет! Где и почему Ты был далеко от меня все эти годы? Как я стремлюсь к Тебе! Плотное облако, которое закрывало мои глаза и сердце, рассеялось. Теперь я понимаю, что пряталось от меня - не может быть науки без веры. Она (Фатима) верила не мне, но в твоё благословение, твои чудеса и силу, Умм Хашим!» [Хакки Яхья, 1975:113]. Исмаил вернулся обновлённым к своей науке и медицине, на сей раз он был защищён верой. Он вновь берётся за лечение Фатимы и не отчаивается от того, что болезнь слишком запущена и давно приняла хроническую форму. Он настойчиво борется с ней, пока не появляется надежда. Он добился успеха, и Фатима предстала перед ним полностью здоровой. И тогда он не нашёл ни в своём сознании, ни в своём сердце ни малейшего признака удивления, которое он боялся там обнаружить.

Итак, схема развития религиозного чувства Исмаила после возвращения на родину выглядит следующим образом: сначала полное уничтожение веры, потеря жизненных идеалов. Вера покидает Исмаила, а религия представляется ему полным обманом и предрассудком – разочарование в европейском образе мышления и жизни, которые принимают в Египте уродливые формы эксплуатации и наживы – попытка восполнить духовную пустоту путём сначала созерцания своих соотечественников, затем попыткой общения с ними. Чувство глубокого раскаяния сопровождает Исмаила весь этот период – прозрение героя, когда его душа в один миг озаряется светом веры. Это происходит так же неожиданно, как расцветает цветок за одну ночь. Зерно, посаженное в землю, сначала умирает и теперь даёт свой росток, являясь основой новой жизни.

Такова схема возрождения веры Исмаила. Зёрнышко, заботливо посаженное его родителями, которые приложили для этого все свои усилия и никогда не теряли терпения и надежды, не могло про-

пасть даром. Всегда вознаграждается то, что делается бескорыстно и самоотверженно. Примерно по той же схеме происходит возрождение патриотического чувства героя. Поначалу оно существует со знаком минус, единственное желание героя – бежать из Египта, который он в тот момент сравнивает с «растёкшейся грязной лужей посреди пустыни». «Над ней кружились и жужжали тучи мух и москитов, а стадо тощих буйволов двигалось по нему по колено в грязи» [Хакки Яхья, 1975:102]. О соотечественниках он говорит следующее: «Раздетые и разутые, с кровью в моче и червями в кишечнике, они всегда переносили удары по своей длинной шее со смиренной улыбкой, уродовавшей их лица» [Хакки Яхья, 1975:101]. Исмаил считает, что история вынесла свой вердикт Египту, сравнивая его с огромным деревом, которое росло, набирало силу, принесло богатые плоды и теперь должно было засохнуть и умереть.¹

Таков результат работы разума героя. Разум, но не его душа ищет выход из создавшейся ситуации путём бегства в Европу. А душа? Душа противится этому. Каждый раз, когда Исмаил возвращается в дом мадам Ифтали, он обдумывает разные способы отъезда в Европу. И каждое утро он вновь оказывается на том же месте, где всегда — на площади Святой Зейнаб. Так же неожиданно, как происходит пробуждение веры, просыпается чувство национального сознания. Исмаил просит шейха Дардири дать ему немного масла из лампадки мечети Святой Зейнаб и выходит на площадь, прижимая к себе флакончик с маслом, и обращается к обитателям площади: «Идите ко мне все. Некоторые из вас делали зло, лгали. Но в моём сердце всё ещё есть место для вашей грязи, невежества и предрассуд-

ков. Ведь вы и я одной крови. Я дитя этой местности и этой площади. Время было несправедливо к вам. И чем несправедливее оно было, тем дороже вы стали мне» [Хакки Яхья, 1975:118].

В итоге Яхья Хакки показывает, как вера Исмаила и чувство национального сознания сливаются в единое целое, образуя союз, который является воплощённой гармонией. Картина, которую рисует Яхья Хакки в финале повести, отдалённо напоминает произведение Чернышевского «Что делать?». Эта финальная сцена должна быть наиболее дорога египетскому читателю, так как она согревает его душу надеждой на настоящее счастье, где царят бескорыстие и любовь.

Исмаил основал клинику для лечения глазных болезней. Его гонорар никогда не превышал одного пиастра за консультацию. Среди его пациентов не было элегантных господ, он лечил босоногих бедняков. Его имя стало гораздо более известно в деревнях, окружающих Каир, чем в самом городе. Крестьяне носили ему подарки: мёд, яйца, уток, цыплят. «Используя самые простые средства, он делал операции, которые повергли бы в изумление любого европейского врача. Он лишь придерживался основ своей науки, не применяя хитроумных инструментов и технологий. В первую очередь он опирался на Бога, а уже во вторую — на своё образование и мастерство. Поэтому Бог благословил его знание и умение. Он никогда не стремился разбогатеть, например, купить землю или богатый дом. Его единственной целью было лечить своих бедных пациентов» [Хакки Яхья, 1975:122].

Но образ Исмаила не является выхоленным, лишённым живых человеческих черт. Следуя воле родителей, он женился на своей двоюродной сестре и

¹ После выхода повести в свет прошли десятилетия. И вот в настоящее время опять поднимается тот же вопрос, опять звучит мнение, что «Египет кончился», исчерпал себя как «лидера» в арабском мире. В 2002 г. на международной конференции «Диалог культур», проходившей в Аммане, в кулуарах говорили о том, что египетская культура переживает глубокий кризис. Западные исследователи приводили в доказательство тот факт, что за последние годы в десятки раз снизилось производство художественных фильмов, а количество компьютеров на душу населения недопустимо мало. Некоторые аналитики привыкли даже духовные ценности конвертировать в свою валюту, которой они измеряют и морально-нравственный потенциал страны и её народа.

стал отцом большого многодетного семейства. Его образ в конце произведения сильно напоминает сразу нескольких чеховских героев: дядю Ваню, Ионыча, доктора Дымова и других. «К старости он сильно располнел. У него был отличный аппетит, он много и с удовольствием ел, любил посмеяться и пошутить. Одевался он неряшливо, пепел от сигарет был на всей его одежде: он был заядлым курильщиком и к тому же астматиком» [Хакки Яхья, 1975:122].

Образ Исмаила отличает одна черта, которая свидетельствует о тёплой симпатии, которую проявляет к нему автор. Яхья Хакки подробно, почти фотографично рисует его улыбку: «Как только смех срывался с его губ, он тут же возникал в его глазах. Нет более выразительных глаз, чем глаза людей, страдающих грудными болезнями: маленький бесёнок, казалось, выпрыгивает из них к вам. Они полны любви, понимания, юмора, доброты и терпения. Как будто они говорят вам: «Мир состоит не только из тебя и меня. В нём много волшебства, красоты, радости и совершенства. Счастлив тот, кто чувствует это. Ищите их, вы должны искать...» [Хакки Яхья, 1975:122]. Если в молодости глаза человека должны искриться огнём, то в старости они должны излучать свет. Этот свет и находит автор в глазах своего любимого героя.

Вера и религиозное чувство главного героя повести «Светильник Умм Хашим» претерпевает сложную и длительную эволюцию. Долгих семь лет прошло с момента его отъезда в Европу, и за эти семь лет произошли коренные изменения в духовном состоянии Исмаила. В произведении есть ещё один образ, который переживает драматические события в течение этих же семи лет. Это образ Наймы. Найма — молодая красивая женщина с вьющимися волосами и красивой фигурой. При её появлении мужчины сразу же обращают на неё внимание. Найма — проститутка. В повести ничего не сказано о том, что толкнуло её на этот путь. Ясно одно — это происходит вопреки её воле, порочный образ жизни заставля-

ет Найму страдать, и она просит Святую Зейнаб заступиться за неё перед Богом с тем, чтобы Он избавил её от этого позорного ремесла.

Она обращается к святой Зейнаб со словами молитвы, которая исходит прямо из её души. Она говорит о том, что Бог очистил святую Зейнаб от человеческих страстей и дал ей место в раю. Поэтому все больные, падшие и сломленные люди обращаются к ней, как к их посреднику перед Богом. Наима говорит, что её душа, измученная от унижений, просит об освобождении. Она живёт как в кошмаре и готова принять волю Господа, какой бы она ни была. Молодая женщина верит в своё освобождение, она надеется на Божью милость, но хотела бы знать, когда произойдёт её освобождение.

Вера этой девушки настолько сильна, что она даже на минуту не усомнилась, что Бог простит её и изменит её судьбу. Антоний Сурожский говорит, что о силе веры свидетельствует та степень надежды, которую вкладывает человек в свои молитвы, важно, насколько человек верит в то, что Бог простит его. Так и эта девушка, живёт надеждой, что придёт этот радостный день, и она зажжёт перед своей любимой святой пятьдесят свечек. Невольно вспоминается история преподобной Марии Египетской, которую раскаяние привело в пустыню, а надежда на Божью милость и вера позволили пробыть там долгих 47 лет.

Наиме пришлось ждать семь лет. И, наконец, этот день наступил. Он совпал с днём, когда Исмаил пришёл в мечеть Святой Зейнаб в ночь «Предопределения» и увидел, как Наима передаёт шейху Дардири пятьдесят свечек, которые тот одну за другой зажигает и ставит перед усыпальницей святой Зейнаб. Прозрение Исмаила происходит одновременно с освобождением Наймы. И все эти долгие семь лет она терпеливо ждала и надеялась, в то время как Исмаил пережил разочарование, отречение от веры и от своего народа. Яхья Хакки всего на нескольких страничках показывает, насколько разными путями Бог ведёт к Себе людей.

Есть ещё один существенный вопрос, который возникает после прочтения этого произведения. Как относиться к маслу из лампадки «Святой Зейнаб», которое Исмаил стал применять вместе со своими лекарствами. Профессор Оксфордского Университета М. Аль-Бадауи считает, что это была форма компромисса, которую Яхья Хакки здесь использовал. «Что Исмаил действительно делает с этим маслом? Лечит ли он им больные глаза Фатимы наряду с настоящими лекарствами? Если так, то верит ли он в его силу на самом деле? Должны ли мы воспринимать это как своего рода атавизм? Или же он применяет его лишь для того, чтобы завоевать доверие девушки? Здесь автор оставляет нас в неведении, и читателю трудно сделать какой-то определённый вывод относительно этого.

Исмаил вряд ли мог верить в эффективность этого масла, не отступив при этом от своих научных убеждений и принципов. Мы не можем также предположить, что он использовал его сознательно как «приманку», чтобы завоевать доверие своих пациентов, принимая во внимание значение момента его духовного прозрения. Но, возможно, мы и не должны так тщательно анализировать этот момент. Главная идея, которая была высказана ещё Эйнштейном, что наука без религии слепа, это всё, что имеет здесь значение, хотя конкретный пример, выбранный здесь для иллюстрации, довольно неудачен, поскольку он является символом не столько религии, сколько вредного предрассудка [Хакки Яхья, 1973:12].

Итак, масло из лампадки — символ вредного предрассудка? Или же это проявление особой милости Бога к людям? Решение этого вопроса лежит вне нашей компетенции. Мы отмечали что, в исламе нет института канонизации святых. Но, вместе с тем, у мусульман есть святые. Вместе с тем, но не вопреки этому. Есть святые, которые известны и почитаются небольшими группами людей, например, жителями одной деревни. Есть святые, которых почитают почти все мусульмане. К ним относятся «Святая Зейнаб»,

она же «Умм Хашим» (родоначальница династии Хашимитов), она же «Мать обездоленных» (Умм аль-аваджиз). «Святая Зейнаб» была внучкой пророка Мухаммеда. В честь неё в одном из районов Каира воздвигнута мечеть, которая так же, как и площадь, на которой она стоит, носит имя Умм Хашим.

Недаром вокруг мечети всегда полно народу. Жизнь кипит на площади с рассвета до заката. Простые люди предпочитают трудиться под покровительством и защитой любимой ими «святой». Площадь «Святой Зейнаб» стала центром многих произведений египетских писателей, героями которых являются простые жители Каира, погружённые в заботы сегодняшнего дня о хлебе насущном, которые при решении всех проблем, прежде всего, привыкли обращаться к молитве, а уже потом предпринимать какие-либо действия. Является ли использование масла из мечети Святой Зейнаб вредным предрассудком, как считают многие, среди которых и доктор Аль-Бадауи, или же проявлением более высокой степени веры — решать не нам.

Проводить научные исследования в вопросах веры нет смысла так же, как пытаться определить при помощи какого-нибудь прибора степень любви или ненависти, бездарности или гениальности. Хочу только отметить, что людям православным такое отношение мусульман к маслу от «Святой Зейнаб» вполне понятно. В отличие от людей других конфессий, православный человек ищет Бога во всём, поэтому он благоговейно относится и к Святой воде, запасая её впрок, к просфорам, к помазаниям, используя соборное масло для лечения всех болезней. Святые в православии имеют большое значение, и духовный путь православного человека без участия конкретных святых, которые покровительствуют ему, практически невозможен.

Что касается позиции самого Яхьи Хакки, то осмелюсь сделать предположение, что использование героем масла из лампадки «Святой Зейнаб» вряд ли имеет символическое значение. Масло — это не символ, и использование его — это

акт веры. Можно говорить о предрассудках, которые царят среди простых, безграмотных людей. Но можно говорить и о примерах проявления глубокой веры, которые у простых людей встречаются гораздо чаще, чем у людей образованных. Этот факт отмечал ещё Пушкин, наблюдавший за крестьянами в селе Михайловском. Об этом писал и Таха Хусейн в своих воспоминаниях «Дни». Наука не может вступить в противоречие с верой, как предполагает доктор Аль-Бадауи.

Образованность человека на первом этапе отделяет человека от веры, так как голос разума в начале научного пути часто заглушает голос души. Это произошло с главным героем повести Исмаилом. И только прочная связь его с родиной, своим народом, голос совести дают ему возможность обрести ту веру и то спокойствие, с которыми он прожил всю свою жизнь. Позиции Яхьи Хакки в данном произведении, как и во всех других, определяются взглядами ортодоксального ислама. Как никто другой, он прочно стоит на этих позициях и чётко разграничивает Божественное начало и действие дьявольских сил. И Бог, и дьявол для Яхьи Хакки это не абстрактные категории, а вполне осознанные им реальности. Если внимательно всмотреться в героев его произведений, то начала этих двух реальностей проступают в них довольно чётко, и автор чётко их разграничивает.

Другая проблема, не менее важная, затронута в произведении Яхьи Хакки: взаимоотношение Востока и Запада. Автор признаёт очевидность превосходства Европы в техническом отношении. Он считает, что Восток, и, в частности, Египет должен воспринимать достижения научно-технического прогресса. Но он должен делать это не в ущерб своим духовным основам. Хакки не обрушивается с явной критикой на Запад, как это делает Тауфик аль-Хаким в своей повести «Птичка с Востока», и он не предлагает Западу учиться духовности на Востоке.

Каким образом решает Яхья Хакки проблему Востока и Запада? Проблема Востока и Запада в египетской общественной мысли появилась в конце

XVIII в., с момента установления французского колониального господства. Появление в Египте французской научной миссии продемонстрировало техническое и научное превосходство Европы над Египтом. Уже тогда многие молодые египтяне направились на учёбу в страны Европы. Примерно с этого времени в египетском обществе начинают говорить о необходимости перенимать европейские достижения в научной и технической областях.

Появляются «западники», которые ратуют за подражание Западу во всём, появляются даже сторонники реформирования ислама, которые считают, что необходимо модернизировать его, приспособить к требованию эпохи, что является следствием западного влияния. Западникам противостояли традиционалисты, которые, прежде всего, отсылали к первоисточникам, к Корану и сунне как началу всех начал. Они выступали против копирования Запада и считали возможным перенимать там только отдельные элементы цивилизации.

Проблема Востока и Запада, технического превосходства последнего и отсталости первого стоит и в произведении Яхьи Хакки. Так же, как и многие способные молодые люди, Исмаил едет учиться в Англию. Его отец решил отправить сына в эту далёкую, в его представлении покрытую снегом, страну, несмотря на то, что это стоило ему огромных усилий. Когда Исмаил жил и учился в Англии, ездил на каникулы в студенческие лагеря, его семья в Египте практически голодала, чтобы собрать для него необходимые средства. Шейх Раджаб и члены его семьи являются яркими представителями традиционных, патриархальных взглядов. Эти же взгляды разделял и Исмаил до поездки в Европу. Попав туда, он сразу же оценил степень развития западной цивилизации и отсталости своей страны и ту пропасть, которая лежала между ними.

Позиция Исмаила в отношении проблемы взаимоотношения Востока и Запада во многом, а скорее всего полностью совпадает с позицией самого Хакки. В течение долгих лет Яхья Хакки занимал-

ся дипломатической деятельностью и занимал ряд постов в Западной Европе, в частности, в Италии и Франции. Женясь на француженке, он был вынужден оставить дипломатическую карьеру и вернуться в Египет. Можно предположить, что, находясь в Европе, да ещё и на высших дипломатических постах, Яхья Хакки, как и его герой, смог оценить степень европейской развитости и цивилизации. Он не был «традиционалистом» и нередко призывал черпать из западных достижений полной чашей. Был ли он «западником»?

На этот вопрос можно ответить, проследив за эволюцией взглядов его героя. После знакомства с европейской цивилизацией у Исмаила сложилось следующее представление о представителях этой цивилизации. Это спокойные, решительные люди, которые не составляют долгосрочных планов, но которые принимают решения, тщательно проанализировав все «за» и «против». Они умеют наслаждаться природой, красивым пейзажем, живописью и музыкой. Они общительны, но не допускают особой духовной близости ни с кем, даже с друзьями или любовниками. Они безапелляционно отсекают от себя людей слабых, неприятных, претенциозных, меланхоличных и общаются только с теми, чьё общество доставляет удовольствие. Европейцы выгодно отличаются от представителей его народа дисциплиной, практичностью, ровным настроением. Исмаил вначале покорён новыми отношениями, религия в его сознании заменилась научной логикой, и вместо того, чтобы думать о райских кущах, он теперь думал о красоте природы и её тайнах.

Отправляя сына в далёкие края, шейх Раджаб наставлял его: «Мой совет тебе — живи за границей, как ты жил дома, строго соблюдая свою религию. Однажды допустив небрежность, ты никогда не знаешь, куда это может тебя завести» [Хакки Яхья, 1975: с. 78]. Исмаил допускает эту небрежность, и это приводит его к полной потере своих прежних убеждений, без которых он мог обойтись, живя среди европейцев, но не мог жить среди своих

соотечественников. Несколько насмешливо Исмаил отзываясь о европейских женщинах: поначалу его ошарашивает их сексуальная свобода и неразборчивость, которую он сравнивает с поглощением фруктовых плодов с дерева: «Для них дерево жизни унижено разного рода фруктами. У них всегда хороший аппетит. Почему они должны расстраиваться и плакать по поводу одного потерянного фрукта, если на дереве ещё так много других» [Хакки Яхья, 1975:90].

Исмаил признаёт превосходство западной цивилизации, но он далёк от восхищения ею. Думая о подарках для своих родителей, он отдаёт себе отчёт в том, что во всей Европе не нашлось бы ни одной вещи, которая бы подошла для них. В произведении шейх Раджаб и госпожа Адиля олицетворяют коренное население Египта, которое отличается традиционными консервативными взглядами. В самые тяжёлые минуты разочарования в своём народе и своей стране Исмаил вспоминает англичан, которые с упорством и решительностью, с присущими им дисциплиной и пунктуальностью спешат выполнить свою работу в любую погоду, в туман и пургу. В то время, как его соотечественники малейшую непогоду воспринимают как стихийное бедствие и предаются панике.

Знакомство Исмаила с мадам Ифталией меняет его отношение к Европе и европейцам. Вначале он недоумевает, почему европейцы у него на родине не такие, как у себя дома? Как отмечает Васильев, «Запад не был миролюбивым, доброжелательным соседом за забором. За ним нельзя было просто наблюдать, изучать его, спокойно прикидывая, что из его опыта подходит, а что нет. Запад бесцеремонно ворвался в Египет в XIX в. своими товарами, своими займами, закабалившими страну прямой военной оккупацией. Запад в лице Великобритании пришёл отнюдь не как филантроп, не как старший брат, протянувший руку помощи отставшему Египту, не для того, чтобы поднять его на уровень своей цивилизации, а как циничный эксплуататор и грабитель» [Васильев, 2000: 264]

Этот момент не ускользает и от Яхьи Хакки. Он акцентирует на этом внимание своего героя, и это служит в конечном итоге главной причиной его отворачивания от Запада. Позиция Исмаила отражает общественное мнение Египта, о котором Васильев пишет следующее: «И сколько раз прекраснодушные иллюзии арабских либералов разбивались вдребезги при столкновении с голым хищничеством Запада. Поэтому с XIX в. до наших дней образ Запада в глазах египтян противоречив, двойствен: Запад как соблазнительный пример для подражания и Запад как ненавидимый угнетатель-эксплуататор и агрессор» [Васильев, 2000:264].

Эта двойственность некоторое время присуща и Исмаилу. Но всё-таки он преодолевает её и делает свой выбор. Его взгляды ближе всего теперь к взглядам его отца – шейха Раджаба. Последний ведь тоже понимал необходимость учиться у Запада, он даже отправил туда своего любимого сына. Вспомним совет, который он давал ему тогда, – строго соблюдать свою религию. Этот момент в произведении является очень важным. Потеряв свои религиозные убеждения, Исмаил теряет всё, восстановив веру, он обретает весь мир. Религиозные взгляды героя полностью отражают взгляды автора.

Вряд ли можно отнести Яхью Хакки к явным «западникам», которые видели необходимость приобщения к достижениям Запада во всех областях: военной, научно-технической, социальной, политической, правовой и идеологической. Взгляды Хакки в некоторой степени созвучны мнению Ат-Тахтави, который полагал, что в основе модернизации Египта должен лежать синтез западной и восточной цивилизаций. В произведении Яхьи Хакки европейцев в Египте символизирует мадам Ифталия. Её поведение, вполне приемлемое в Европе, здесь кажется совершенно противоестественным. Инонациональный, антиегипетский характер местного капитализма в Египте отмечает и Васильев, который пишет, что носителями капиталистических отношений были нахлынувшие в страну

предприниматели-инородцы – греки, ливанцы, французы, армяне, евреи, – своеобразные «полуарабы», «полуевропейцы», по своей социальной сути целиком ориентированные на Запад.

А поведение Исмаила подтверждает мнение российского востоковеда о деформированном и болезненном характере капиталистического развития Египта, которое началось ещё до английской оккупации. Васильев отмечает, что оно было уродливым и антинациональным, поскольку нахлынувшие в страну предприниматели властью денег грозили уничтожить духовный потенциал страны. Произведение Хакки является художественной иллюстрацией этого тезиса. Главный герой повести с самого начала чувствует в Европе недостаток духовности. Здесь нет неприятия христианства, которое принято приписывать мусульманам. Дело в том, что Исмаил не встретил там Христа. Подражание Христу в той среде, в которую он попадает, считается бессмысленным.

В чём состоит духовность людей, которые отсекают от себя людей слабых, неприятных, нуждающихся в помощи, и общаются только с теми, чьё общество доставляет удовольствие? Что здесь от Христа? Недаром Исмаил поначалу был просто раздавлен таким отношением. И так ли безобидна сексуальная свобода, которой он был ошарашен поначалу. Может быть, именно по этим причинам, в первую очередь, именно на Западе пробивает себе дорогу клонирование. Возможно, те же самые принципы холодной научной логики и расчёта привели к использованию европейскими врачами живого эмбриона человека в косметологии.

И сам Яхья Хакки, и его герой не делают выбора в пользу Запада. Сам писатель оставляет дипломатическую работу в пике своей карьеры и вместо лёгкой и красивой жизни в Европе он возвращается в Египет. Герой его повести после долгих и мучительных колебаний также отказывается от жизни в Европе, перспективной должности в английской клинике и возвращается на родину, где он встречает массу трудностей. Почему?

Чтобы ответить на этот вопрос, приведу первые и последние строчки из книги «Египет и египтяне» А.М. Васильева. «Я пил нильскую воду пять лет: год - студентом и четыре года, работая в Каире. Не став египтянином, я почувствовал себя в долгу перед Нилом, перед Египтом, перед египтянами и решил написать эту книгу» [Васильев, 2000:3].

Исмаил и его создатель оба были египтянами, они также чувствовали себя в долгу перед своей великой родиной и великим народом. «Что касается будущего, то автор этих строк верит в Египет и египтян... В стране на Ниле могут появиться политические лидеры и мыслители, соответствующие вызову, брошенному эпохой. Нужно только уметь ждать. И терпеть. В конце концов повторим ещё раз, вслед за египетским феллахом: «Ас-сабр-хейр» («Терпение — добро»)» [Васильев, 2000: 351].

Исмаил и его создатель, так же, как и российский востоковед, верили в будущее Египта. И у обоих египтян было достаточно терпения, чтобы ждать и надеяться. И в том будущем, на которое они надеялись, будет и их посильная лепта.

**Восток и Запад:
к вопросу о духовности
в произведениях арабских
и русских авторов**

Египетские писатели и критики нередко отмечали духовное родство, которое связывало их творчество с русской литературой. Можно наблюдать очевидные параллели между произведениями Яхьи Хакки, Юсуфа Идриса, Махмуда Теймура, братьев Убейдов и других писателей первой половины XX в. и произведениями Горького, Толстого, Чехова и др. Здесь речь идёт о непосредственном влиянии, когда арабские авторы воспринимали произведения русских писателей в качестве образца. Эти параллели касаются не столько внешних черт – сюжета, портрета, ситуаций, в которые попадают герои, сколько глубокого духовного родства героев, схожести их характеров и поведения в определённого рода ситуациях.

Нередко такого рода параллели можно отыскать даже в произведениях, которые никаким образом не соприкасались и не оказывали непосредственного влияния друг на друга.

Возьмём самую сокровенную сферу духовности – общение человека с Богом. В качестве иллюстраций нам послужит рассказ Яхьи ат-Тахира Абдаллы «Три апельсиновых дерева», повесть Яхьи Хакки «Светильник Умм Хашим», роман Михаила Булгакова «Белая гвардия», фильм Федерико Феллини «Ночи Кабирии» и книга Ивана Ильина «Поющее сердце».

В рассказе Яхьи ат-Тахира Абдаллы описывается лагерь палестинских беженцев. В нём живёт женщина из Яффы со своей маленькой дочкой Аззой. Её муж Хамад умер в этом лагере от голода. «Там, в Яффе, Хамад был сильным и неутомимым. Его называли «Море». А ещё называли «Ночь». Он смеялся шуткам... и всегда улыбался ей, своей жене... И был счастлив... там, в Яффе. Но пришли чужие, обступили со всех сторон. И сейчас там чужие. А он добрался сюда и умер. Умер на чужой земле». [Живи Египет, 1973:222].

Взрослый сын женщины Джасим ушёл воевать с оккупантами. Как объясняет палестинка: «Хоть один из нас должен быть там, чтобы впредь там были не они, а мы». Она рассказывает своей маленькой девочке, какой красивый у них дом в Палестине. А рядом с домом растут три больших апельсиновых дерева. Эта женщина проявляет необыкновенное мужество в той ситуации, в которой она оказалась, а в отношениях со своей маленькой дочерью – глубокую любовь и нежность. Она не позволяет себе ни минутной слабости, ни дурного настроения, ни жалоб на судьбу. «Ты будешь большая... И пойдёшь на базар за свежими овощами к обеду... У нас там есть базар... В Палестине много базаров. У нас в городе очень большой базар. Я буду старая. Ты станешь вести всё хозяйство. Будешь одна спать на кровати. Не станешь уже спать со мной. Вырастешь. У тебя будет своя кровать, а у меня своя. На твоей кровати будет белая простыня. И на моей тоже белая простыня...».

Несмотря на нечеловеческие условия жизни в лагере за колючей проволокой, эта женщина не утратила ни жизнерадостности, ни даже какой-то поэтики, присущей её характеру: «Мать спросила:

- Ну как, добрая у тебя мама?
- Да, мамочка, ты очень добрая.
- Я добрая и старая.
- Да, старая и добрая.
- А дочка у меня добрая и маленькая... и красивая.
- Я добрая и маленькая.
- А когда вырастешь, будешь большая, добрая и красивая.
- Буду большая и красивая.
- Будешь стирать платья ... красные, и жёлтые, и зелёные.
- Все-все – и красные, и жёлтые, и зелёные». [Живи Египет, 1973:225].

Когда наступает ночь, и девочка засыпает, женщина даёт волю своим чувствам, воспоминаниям, она мысленно обращается к сыну, который далеко, и даже не известно, жив он или нет. «Услышь мой голос, Джасим. Я молюсь за тебя и жду. Услышь меня, мой единственный. Я молюсь за то, чтоб завтра и я, и ты, Джасим, увидели бы свой дом и свои деревья» [Живи Египет, 1973: 227].

Обращаясь к спящей девочке, мать шепчет, что Джасим обязательно придёт и заберёт их в Яффу, где их родной дом, где они радовались любой земной твари. И в этот момент из души этой женщины вырывается молитва к Тому, Кто может всё: спасти их, защитить, покарать обидчика. «Почему, когда нам так трудно, Ты прячешься от нас? Явись, о Господи! Спаси наших близких от смерти и унижения. Занеси карающую Свою длань! Порази злодея, гордящегося своей ненасытностью, грабителя, хулящего имя Господне. Разве суд Твой не превыше всего?! Пусть враг наш узнает смерть и страдания. Ведь они убийцы, Господи. Они не пахнут нашу землю. Не собирают хлеб. Мы пахали и сеяли, и собирали... хлеб, оливки, апельсины. Мы жили честно и поступали справедливо, и говорили правду, и не чинили зла ближним. И доходы наши были честными, мы не брали взяток и не обманывали невинных людей.

Воспылай гневом, о Господи. Обрушь гнев Свой на злодея. Спаси нас. Порази того, кто занял Твой дом, Твои святыни. Верни моему сердцу право радоваться и петь. Вот уж заря, я вижу её серебристый свет, чистый и ясный, как наше право на счастье. Чистый, как наши сердца, как справедливость. Разве не таковы мы, Господи?!» [Живи Египет, 1973:228].

В этих словах и надежда, и мольба, и жажда справедливости, и требование наказать обидчика, и вопрос «за что?», который задаёт себе каждый, на пути кого встречается неудача, испытание, горе. Душа этой женщины наполняется скорбью, и эта скорбь переносит её в пространство, близкое к Богу, где она может разговаривать с Ним почти как равная, как дочь с Отцом, потому что её страдания и её любовь к детям, мужу, родине дают ей на это право.

Как писал И.А. Ильин, молитва имеет способность увести человека от страдания, она возносит его к Тому, Кто послал ему это испытание и призвал к терпению. «Терпение совсем не есть «пассивная слабость» или «тупая покорность», как думают иные люди; напротив, оно есть напряжённая активность духа. И чем больше оно прикрепляется к смыслу побеждаемого страдания, тем сильнее становится его творческая активность, тем вернее наступает его победа. Терпение есть не только искусство ждать и страдать, оно есть, кроме того, вера в победу и путь к победе, более того, оно есть сама победа, одоление слабости, лишения и страдания, победа над длительностью, над сроками, над временем: победа человека над своей тварностью и над всякими «жизненными обстоятельствами». [Ильин, 2006:278]. Терпение помогает нашей героине победить в её трудных «жизненных обстоятельствах», потому что та сила духа, которая в ней проявляется, уже есть победа.

Обратимся к ещё одному из вышеупомянутых произведений – роману Булгакова «Белая гвардия». Ситуация, описанная в романе, по своей заострённости весьма схожа с той, которую мы встречаем в произведении арабского автора. Он был написан в 1922-1923 гг., в нём рас-

сказывается о событиях «смутного времени», свидетелем которых был автор: гражданская война, предательство союзников, вступление на Украину петлюровских войск, бегство гетмана. Семью Турбиных, которая занимает центральное место в романе, постигают тяжёлые потери: умирает мать, Елену предаёт муж – Сергей Тальберг, он бежит в Берлин, оставив жену в этой опасной обстановке. В одной из комнат лежит умирающий Алексей Турбин, старший брат Елены, о котором врач сказал, что надежды нет никакой. Младший брат, семнадцатилетний Николка, принимает живое участие во всех событиях, ему старательно помогает нелепый Лариосик, родственник, приехавший из Житомира, и трое друзей Алексея Турбина, среди которых офицер, по прозвищу Карась.

Главное, что отличает семью Турбиных, это то, насколько бережно и заботливо они относятся друг к другу. И никто из них не думает о себе, о своих несчастьях. Дружба и любовь царят в этом семействе, и эпицентром этой любви является Елена. Измученная тревогой за брата, она закрывается в своей комнате. «Плачет, Никол, - отчаянным голосом прошептал Лариосик, вздохнул, на цыпочках подошёл к Елениной двери, наклонился к замочной скважине, но ничего не разглядел. Он беспомощно оглянулся на Карася, стал делать ему знаки, беззвучно спрашивать. Карась подошёл к двери, помялся, но потом стукнул всё-таки тихонько несколько раз ногтем в дверь и негромко сказал:

– Елена Васильевна, а Елена Васильевна...

– Ах, не бойтесь вы, – донёсся глуховато Еленин голос из-за двери». [Булгаков, 2006: 292].

Ощущая полную свою беспомощность перед происходящим, Елена идёт к иконе Божьей Матери. По словам Ивана Ильина, «человеческий дух не знает более действенного, более чистого утешения, чем молитва», и «молитва, восходящая из чистой совести, бывает чудотворной» [Ильин, 2006:153, 152]. Елена зажигает лампадку перед иконой Богородицы. «Когда огонёк созрел, затеплился, вен-

чик над смуглым лицом Богоматери превратился в золотой, глаза её стали приветливыми. Голова, наклоненная набок, глядела на Елену... Елена слезла со стула, сбросила с плеч платок и опустилась на колени. Она сдвинула край ковра, освободила себе площадь глянцевого паркета и молча положила первый земной поклон. Елена с колен исподлобья смотрела на зубчатый венец над почерневшим ликом с ясными глазами и, протягивая руки, говорила шёпотом:

– Слишком много горя сразу посылаешь, Мать-Заступница. Так в один год и кончаешь семью. За что? Мать взяла у нас, мужа у меня нет и не будет, это я понимаю. Теперь уж очень ясно понимаю. А теперь и старшего отнимаешь. За что? Как мы будем вдвоём с Николом? Посмотри, что делается кругом, Ты посмотри... Мать-Заступница, неужто ж не сжалишься?.. Может быть, мы люди и плохие, но за что же так карать-то?

Она опять поклонилась и жадно коснулась лбом пола, перекрестилась и, вновь простирая руки, стала просить:

– На Тебя одна надежда, Пречистая Дева. На Тебя. Умоли Сына своего, умоли Господа Бога, чтоб послал чудо...

Шёпот Елены стал страстным, она сбивалась в словах, но речь её была непрерывна, шла потоком. Она всё чаще припадала к полу, отмахивала головой, чтоб сбить назад выскочившую на глаза из-под гребёнки прядь. День исчез в квадратах окон... и совершенно неслышным пришёл Тот, к Кому через заступничество смуглой Девы взывала Елена. Он появился рядом у развороченной гробницы, совершенно воскресший, и благостный, и босой. Грудь Елены очень расширилась, на щеках выступили пятна, глаза наполнились светом, переполнились сухим бесслёзным плачем. Она лбом и щекой прижалась к полу, потом, всей душой вытягиваясь, стремилась к огоньку, не чувствуя уже жёсткого пола под коленями. Огонёк разбух, тёмное лицо, врезанное в венец, явно оживало, а глаза выманивали у Елены всё новые и новые слова. Совершенная тишина молчала за дверями...

– Мать-Заступница, – бормотала в огне Елена, – уприси Его. Вон Он! Что ж Тебе стоит. Пожалей нас. Пожалей. Идут Твои дни. Твой праздник. Может, что-нибудь доброе сделает Он, да и я тебя умолю за грехи. Пусть Сергей не возвращается... Отымаешь, отымай, но этого смертью не карай... Все мы в крови повинны, но Ты не карай. Не карай. Вон Он. Вон Он... Вон Он.

Огонь стал дробиться, и один цепочный луч протянулся длинно, длинно к самым глазам Елены. Тут безумные её глаза разглядели, что губы на лице, окаймлённом золотой косынкой, расклеились, а глаза стали такие невиданные, что страх и пьяная радость разорвали ей сердце, она сникла к полу и больше не поднималась» [Булгаков, 2006: с. 297].

Елена искренне изливает своё отчаяние, своё бессилие перед Богом и просит Его совершить чудо. Здесь можно разглядеть разницу в мировоззрении самого Булгакова и героини романа. Елена добровольно соглашается в молитве на потерю мужа, предлагая эту жертву в обмен на жизнь брата. Булгаков называет это суеверием. Но такого рода жертвы ради ближнего в православной литературе можно встретить часто. Чудо происходит в тот же вечер, Алексей Турбин приходит в себя и начинает выздоравливать. А через некоторое время Елена получает письмо из Берлина от своей знакомой, которая пишет о том, что Сергей Тальберг готовится вступить в брак с некой Лидочкой Герц.

Теперь обратимся к повести Яхьи Хакки «Светильник Умм Хашим». Многие писатели в своих произведениях описывали площадь св. Зейнаб: Абд ар-Рахман аш-Шаркави, Тауфик аль-Хаким, Яхья Хакки, Нагиб Махфуз и другие. Именно простые люди и бедняки, которые прежде всего уповают на помощь Аллаха, предпочитают жить или трудиться поближе к этому месту, чтобы быть под покровительством любимой ими «святой».

В повести Яхьи Хакки есть образ молодой красивой женщины, которую зовут Наима. Наима – проститутка, порочный образ жизни заставляет Наиму страдать,

и она просит Умм Хашим заступиться за неё перед Богом, с тем чтобы Он избавил её от этого позорного жребия: «О, Умм Хашим, защитница несчастных женщин! Не отврати глаз твоих от меня и лица твоего. Вот я стою и плачу в надежде на твою жалость и в мольбе протягиваю к тебе свои руки. Пожалуйста, возьми их! Бог очистил тебя и защитил. Он дал тебе место в Раю, и сердце твоё исполнено доброты. Если больные, падшие и сломленные люди не будут просить тебя, то кого ещё они могут просить? Если другие нас забыли – то ты нас не забудь! Когда мой жребий будет изменён? Разве это не ужасно, что моё тело не принадлежит мне, что я даже не чувствую боли? Вот тут, на этих ступенях моя душа, измученная от унижений, просит об освобождении. С тех пор, как Божья милость покинула меня, моя душа живёт как в кошмаре, как будто она находится между жизнью и смертью. Я принимаю волю Господа и вручаю себя Ему. Я знаю, что не погибну до тех пор, пока ты меня не оставишь. Но будет ли моё спасение в далёком будущем, или же оно тут, совсем близко? Я дала обет, что в тот день, когда Бог простит меня, я украшу твою священную усыпальницу пятьюдесятью свечками. О Умм Хашим, сестра Аль-Хусейна!» [Хакки Яхья, 1975:79-80].

«Девушка затем прижалась к решётке гробницы и поцеловала её. Поцелуй шёл от самого сердца и был не похож на поцелуи, которые дарят женщины её профессии. И кто знает, может быть сама «святая Зейнаб» была с другой стороны этой решётки, готовая принять от неё этот поцелуй» [Хакки Яхья, 1975:80]. Наима не сомневается, что Бог простит её. Только вот когда? Избавление приходит через долгих семь лет. Через семь лет в ночь «Предопределения» Наима приносит в мечеть пятьдесят свечей, и шейх Дардир, который служит в мечети святой Зейнаб, зажигает их одну за другой у изголовья гробницы.

Пример из повести Яхьи Хакки хотелось бы сравнить с историей Кабирии из фильма Федерико Феллини «Ночи Кабирии» (1957). Кабирия – женщина той же профессии, что и Наима. Её играет Джу-

льетта Мазина. Её героиня, несмотря на свою профессию, сохранила доброе и по-детски доверчивое сердце. Однажды вместе с толпой верующих Кабирия попадает на праздник Божией Матери, видит, как горячо молятся паломники. Каждый просит о чём-то своём, многие со слезами. Тогда Кабирия бросается на колени и искренне и тоже со слезами умоляет Деву Марию изменить её судьбу.

Вскоре в жизни Кабирии появляется мужчина, на вид положительный, который предлагает ей руку и сердце. Он зовёт её поехать с ним на место его работы в другой город. Кабирия продаёт все свои пожитки, при этом получает довольно внушительную сумму. Она едет к своему жениху, а последний, ограбив её, убегает с деньгами. Молодая женщина чудом остаётся в живых. Разочарование её столь велико, что она предпочла бы смерть. Исполненная горя, она бредёт по ночной улице. Её нагоняет толпа простых людей, которые возвращаются со свадьбы. Людям весело, они видят заплаканную девушку, пытаются её развеселить, и Кабирия начинает улыбаться им, не столько потому, что им это удалось, но в силу того, что ей неудобно омрачать чью-либо радость.

Возможно, большинство зрителей картины, особенно западных зрителей, восприняли такой разворот событий как злую шутку, которую сыграла вера героини в её судьбе. Ведь, с точки зрения обывателя, такой конец картины должен рассматриваться как неудача. Печальный финал картины, который немного смягчается доверчивой улыбкой молодой женщины, говорит о том, что Кабирия не сможет вернуться обратно в свой город и тем более к своей прежней профессии. А это означает, что и её просьба была услышана.

Во всех упомянутых произведениях мы сталкиваемся с примерами человеческого страдания, то есть того, что каждый человек старается избежать всеми возможными способами. Но, по словам Ильина, страдание является «солью жизни», Ангелом Хранителем, который ограждает человека от пошлости. Нужно

отметить, что героини всех названных произведений лишены даже её слабого налёта. Они предельно просты и искренни. Ни одна из них не гордится своими страданиями, но и ни одна из них не считает себя обречённой или проклятой. Они не уклоняются от испытаний, не спасаются бегством, как это делает Тальберг, не обманывают себя. Они встречают испытания мужественно, лицом к лицу, но при этом понимают, что сами не могут их преодолеть. Вот тогда они обращаются к Творцу, и Он даёт им новые жизненные силы, которые помогают им выстоять.

Есть мнение, что верующему человеку художественная литература не нужна. Но где бы тогда он смог найти примеры таких пламенных и искренних обращений к Богу, какие мы с вами только что встретили? Что касается разницы восточного и западного менталитета, то здесь она сглаживается благодаря Божественному началу, которое говорит во всех четырёх героинях: «Ибо для каждого неверующего может настать время величайшей беды, когда его захваченное врасплох и потрясённое сердце вдруг начнёт молиться из своей последней глубины – в такой скорбной беспомощности, такими вздохами отчаяния, такими вдохновенными призывами, о коих он дотоле и не помышлял. Тогда он почувствует как бы землетрясение во всём своём естестве, и неведомое пламя охватит его душу. Может быть даже так, что человек при этом сам не будет знать, к Кому он взывает, и уже совсем не будет представлять себе, откуда и какое может прийти спасение. Он взывает к Кому-то, Кто всё может, даже и невозможное; он молит этого Неизвестного о помощи, которая уже не в человеческих силах, молит в твёрдой уверенности, что есть на свете истинная Благость и она внимлет ему. И к этой неведомой, но всемогущей Благости он и обращается с молитвой, которая, как водный поток, внезапно прорывает все прежние плотины... Он говорит с этим Существом так, как если бы он знал Его от века...» [Ильин, 2006:156]. Потому что глубоко верующие люди, которые могут поставить себя перед лицом Всевышнего,

отчаянно взывая к Нему, добиваясь Его милости, находятся в одной ментальной плоскости, для которой уже не имеют значения ни вероисповедание, ни раса, ни национальность.

Список литературы:

- Булгаков М. Белая гвардия. М., 2006.
Васильев А. Египет и египтяне. М., 2000.
Живи Египет. Рассказы. М., 1973.
Ильин И. Поющее сердце. М., 2006.
Кудус Ихсан Абдель. Вершина любви. Каир 1968.
Хакки Яхья. Светильник Умм Хашим (на арабском языке). Каир, 1975.
Хакки Яхья. Светильник Умм Хашим и другие рассказы. Лондон. 1973.
Хусейн Мустафа. Яхья Хакки – писатель и критик (на арабском языке). Каир, 1970.
Хусейн Таха. Избранное. Москва, 1989.
Шаховской Иоанн архиепископ Сан-Францисский. Апокалипсис мелкого греха. Санкт-Петербург, 1997.
Шиммель Аннемари. Мир исламского мистицизма. Москва, 1999.

Об авторе:

Успенская Нина Алексеевна – к.филол.н., доцент Кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО (Университет) МИД РФ. Россия, 119454, г. Москва, Проспект Вернадского, 76. E-mail: n.uspenskaya@mail.ru.

ABOUT HOLINESS AND PIETY IN MODERN ARABIC LITERATURE

Nina A. Uspenskaya

Abstracts. *These chapters are taken from monographies of N. Uspenskaya "East – West – Russia: the protheses of culture interaction". In these chapters the author touches the themes of holiness and piety, faith and national conciseness, spirituality and intercourse with God in pray, relations between eastern traditionalists and the supporters of the west way of development. These categories are shown through the heroes of the works of contemporary Arabic writers such as "The saint's lamp" by Yahya Haqqy, "The apogees of love" by Ihsan Abdel Kuddus, "Three orange trees" by Yahya Tahir Abdalla, "Days" by Taha Husein compared to such works as "White Guards" by Mihail Bulgacov, "The nights of Cabiria" the film of Federico Felliny, " The book of meditation and quiet contemplations" by Ivan Ilin and some works by Chekhov. The task of the author is to show by these examples the place of Arabic writers in World literature, their relation to famous works and their authors, to show the common features and common points of view. The author of the monographies touches the problem of intercourse between religion and science, which was shown by Yahya Haqqy in his "Saint's lamp", as well as the attitude of western and eastern intellectuals to it. In these chapters the author compares the values of such religions as Islam and Christianity and shows its realization in the heroes of works of considered authors. Here also shown the history of development of the problem of East and West and its reflection in mentioned above works.*

Key words: *modern Arabic literature, spiritualism, religion, moral principles, Islam, Christianity, culture interaction, scientific point of view.*

References:

- Bulgacov M. Belaya gvardiya ["White Guards"]. Moscow, 2006.
- Vasiliev A. Yegipet I yegiptiane. ["Egypt and Egyptians"]. Moscow, 2000.
- Givy Yegipet. Rasskazy. ["Long live Egypt". The stories]. Moscow, 1973.
- Ilyin I. Poyushee serdtse ["The singing hart"]. Moscow, 2006.
- Cuddus Ihsan. Vershina lubvy ["The apogees of love"]. Cairo, 1968.
- Haqqy Yahya. Cyndil Umm Hshim. ["The saint's lamp"] Cairo, 1975.
- Haqqy Yahya. Cyndil Umm Hshim ["The saint's lamp and other stories"]. London, 1973.
- Husein Mustafa. Yahya Haqqy mubdian ya nakidan ["Yahya Haqqy – the writer and critic"]. Cairo, 1970.
- Husein Taha. Izbrannoe [Selected works]. Moscow, 1989.
- Shahovskoy Joan. Apocalipsis melcogo greha ["The Apocalypses of small sins"]. Sant-Petersburg, 1997.
- Shimmel Annemary. Mir islamscogo mistisizma ["The world of Islamic mystery"]. Moscow, 1999.

About the Author:

Nina A. Uspenskaya – PhD in Philology, Associate Professor of Department of the Middle and Near East languages, MGIMO (University).

О СВЯЗЯХ МЕЖДУ ЯЗЫКОМ И РЕАЛИЯМИ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА И О ПУТЯХ ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА

О.Р. Оксентюк

Аннотация. В статье предпринимается попытка обобщить и развить существующие классификации различных аспектов прагматической адаптации при переводе, позволяющей получателям информации на языках источника и перевода извлекать одинаковую информацию о направленности из оригинала и перевода. При этом языковые средства создания прагматической направленности в каждом случае должны быть привычными для получателя информации, иначе информация эта будет искажена, даже если указанное искажение выявится не прямо, а опосредствованно. Это может произойти в том случае, если у получателя информации на языке перевода появится чувство неосознанной досады из-за того, что понимание было замедлено и осложнено непривычной формой подачи материала.

Рассмотрение прагматической адаптации при переводе предлагается проводить, используя инструментарий социолингвистики, поскольку оба данных направления имеют в значительной степени одинаковый объект исследования: они анализируют связи и соответствия между языком и реалиями жизни общества. Существующую в теории перевода классификацию текстов по типам (ориентированные на носителя языка источника, на носителя языка перевода, произведения художественной литературы, научные тексты) и уровням («внутриязыковой», «межъязыковой») предлагается дополнить «межвариантным» уровнем прагматической адаптации.

Этот уровень исследования позволяет рассматривать перевод текстов на тот или иной вариант языка, представленный несколькими национальными литературными вариантами. В статье рассматривается несколько примеров указанного типа адаптации на примере 3-х переводов пьесы А.П. Чехова «Три сестры». Автор объясняет, почему локально-маркированные единицы американского варианта английского языка, используемые переводчиком американского издания перевода пьесы, неприемлемы в британском издании. В работе приводятся примеры того, что прагматическая адаптация на «межвариантном» уровне может затрагивать не только лексические, но и грамматические аспекты. В статье делается вывод, что изучение прагматической адаптации при переводе необходимо продолжать.

Ключевые слова: перевод, прагматическая адаптация, социально-культурные особенности, социолингвистика, американский и британский варианты английского языка, частота употребления.

Анализ единиц языка в процессе коммуникации, ставший сегодня таким популярным, позволяет рассматривать одну и ту же лингвистическую проблему с нескольких смежных ракурсов исследования. Так, прагматическая адаптация при переводе, рассматриваемая как «возможность для получателей информации на языке источника и языке перевода извлекать одинаковую информацию о прагматической направленности соответственно из оригинала и перевода» [Комиссаров, 1980:116], может иметь тот же объект исследования, что и социалингвистика. Последняя выступает в этом случае как «раздел языкознания, изучающий причинные связи между языком и фактами общественной жизни» [Ахманова, 1966].

Сказанное выше подтверждается тем обстоятельством, что «описание процесса перевода имеет дело не только с системой эквивалентных связей между двумя языками, но и с особенностями реализации (функционирования) этой системы в переводческой деятельности» [Комиссаров, 1980:133]. Процесс перевода в этой связи (вне зависимости от того, говорим ли мы об устной или письменной его разновидности) предстаёт в виде своеобразного коммуникативного акта, а отношения «отправитель информации – переводчик – получатель информации» можно рассматривать как ролевые отношения говорящих, чья речевая деятельность имеет соответствия на уровне их социального взаимодействия [Оксентюк, 1985:2].

И совсем не случайно, поэтому – лингвисты сегодня объединяют вышеуказанные направления исследования. Так, значительный интерес в этой связи представляет анализ путей прагматической адаптации «связанных с детством» русских и англоязычных фраз и высказываний, проведенный А.Л. Кораловой и Л.Р. Стоун, один из разделов которого так и называется «Некоторые социалингвистические особенности «детских фраз» и перевод» [Коралова, Стоун, 2013:48]. Авторы предлагают убедительное объяснение (с социалингвистических позиций),

например, того, почему обращённую к ребёнку воспитательную фразу «Doit, or I'll send you to bed without supper» невозможно перевести как «Если не сделаешь этого, отправишься в кровать без ужина».

Учитывая социально-культурные особенности России, как считают исследователи, данный перевод был бы неприемлем [Коралова, Стоун, 2013: 52]. В работе также по-новому осмысливается такое привычное в теории перевода понятие как «ложные друзья переводчика»: оно наполняется новым социалингвистическим смыслом, Так, сочетание «to play doctor», «to play house», «to play our office», согласно наблюдениям, используются в английском языке в основном как эвфемистические высказывания. Они описывают не только интерес детей к противоположному полу, но и вполне взрослые сексуальные отношения. Интересно здесь также заметить, что данная статья появилась в журнале в рубрике «Переводя культуру», ещё раз подчёркивающей тесную связь социалингвистических исследований с анализом прагматического уровня перевода.

Прагматическая адаптация при переводе затрагивает весьма разнородные явления, поэтому прежде, чем говорить об ее аспектах, нужно определить, какие типы переводимых текстов подвергаются анализу и переводятся ли они с родного языка или на него. Учёт этих двух факторов необходим для того, чтобы правильно оценить особенности адаптации в том или ином случае [Оксентюк, 1984:3]. Так, например, представляется, что предложенная немецким учёным А. Нойбертом [Neubert, 1968] много лет назад классификация текстов по типам при сравнении прагматических аспектов перевода с родного языка и на него не утратила актуальности, несмотря на глобальные перемены в сфере массовой коммуникации в эпоху Интернета.

Этот исследователь выделяет следующие категории:

- во-первых, материалы/тексты местных СМИ, ориентированные на носителя языка источника;

– во-вторых, материалы/тексты, ориентированные на носителя языка перевода;

– в-третьих, тексты, занимающие промежуточное положение между первыми двумя (к этой группе относится художественная литература);

– в-четвертых, тексты без специальной ориентации, как на носителей языка источника, так и на носителей языка перевода (в этом случае имеются в виду научные тексты).

Интересно здесь отметить существенное улучшение качества передачи на язык перевода текстов и материалов в первых двух категориях в нашей стране, чему, безусловно, способствовал тот факт, что Россия открылась для внешнего мира и способна сейчас привлекать к работе в данной сфере деятельности носителей языка перевода. Вне всякого сомнения, это позволяет добиваться высокого уровня прагматической адаптации, представляя нашу точку зрения и нашу страну в целом за рубежом, примером чего может служить популярность во многих странах таких российских СМИ, как RT (Россия сегодня) и Sputnik International (Агентство Спутник).

Свидетельством популярности данных агентств также служат и те изощёренные, а часто просто грубые, методы борьбы с представляемой Россией альтернативной точкой зрения, к которым прибегают правительства ряда стран. Исходя из эмоционального накала их критики, вполне можно заключить, что они считают любое альтернативное мнение (доступное для **беспрепятственного** его **понимания** иноязычной аудиторией вследствие высокого уровня прагматической адаптации) прямой угрозой своему существованию.

Различия в прагматической адаптации текстов указанных выше типов не следует, как представляется, рассматривать только по шкале «уменьшение – увеличение». Здесь важно учитывать в первую очередь разнородность прагматических аспектов при переводе. Однако, как считает А.Д. Швейцер [Швейцер, 1973:262], даже при переводе текстов четвёртого

типа «прагматические аспекты отодвигаются на задний план» крайне редко.

Выше говорилось о сравнении прагматических аспектов при переводе с родного языка и на него. Не будет ли в этой связи обоснованным предположить, что характер прагматических поправок в этих двух случаях (при наличии текста одного и того же типа) неизменен? В практике перевода существуют несколько различные мнения по этому вопросу. Так, непререкаемый авторитет для нескольких поколений переводчиков с русского языка на английский общественно-политических текстов Н.С. Стрелкова считает, что в первую очередь необходимо передать идеи автора, используя при этом языковые средства, которые не обязательно должны быть похожими, а могут и сильно отличаться от языковых средств оригинала. Она предлагает переводчику на английский язык «взять ситуацию, описанную автором, и подобрать подходящие языковые средства, типичные для передачи подобной ситуации носителем английского языка» [Strelkova, 2013:7].

Необходимость полностью руководствоваться данным положением не всем кажется бесспорной. Здесь подвергается сомнению целесообразность полной прагматической адаптации при переводе общественно-политических текстов. А.Д. Швейцер, например, говорил в одной из своих работ [Швейцер, 1973: 262] о том, что вовсе не нужно создавать у англоязычного читателя ощущение, что он читает не перевод с русского языка, а статью из английской или американской газеты. Очевидно, обе указанные установки должны в равной мере приниматься во внимание, то есть переводчику с русского языка информационных материалов нельзя упускать из вида несколько иной характер прагматической адаптации, чем при переводе на русский язык. В то же самое время ему надо стремиться сохранить некоторое сходство с подобными материалами на русском языке. По-видимому, учёт этих противоречивых тенденций является одним из важных аспектов прагматической адаптации при переводе текстов первых двух типов.

Следует заметить, что исследователи не так уж часто предпринимают попытки систематизировать прагматические аспекты адаптации при переводе. Так, в своё время была предложена классификация аспектов прагматической адаптации уже упомянутой выше А.Л. Кораловой [Коралова, 1983: 33], которая рассматривала случаи адаптации, оставляя неизменными два параметра: она, во-первых, анализировала третий тип текстов (художественную литературу), во-вторых, изучала переводы на русский язык. Автор предлагала исследовать причины, «блокирующие» перенос образных выражений, на «межъязыковом» и «внутрилингвистическом» («внутриязыковом») уровнях. Это, по её мнению, позволило бы классифицировать прагматические поправки.

Представляется, что данные уровни целесообразно учитывать, говоря и о прагматических аспектах перевода с русского языка текстов первого типа. Необходимость прагматической адаптации на «межъязыковом» уровне вызвана, что общеизвестно, различием в объёме фоновых знаний у носителей языка источника и языка перевода. Однако не будет безосновательным предположение, что для каждого типа текстов на первый план будут выступать различные поправки. Так, например, при переводе художественных текстов прагматическая адаптация довольно часто осуществляется с помощью приёма генерализации, то есть незнакомая читателю иностранная реальность заменяется понятием более общим по смыслу и знакомым. Рассмотрим, например, два перевода реплики Вершинина, одного из героев пьесы «Три сестры» А.П. Чехова:

Вершинин: ... Вчера я мельком слышал, будто нашу бригаду хотят перевести куда-то далеко. Одни говорят, в **Царство Польское**, другие – будто в Читу [Чехов, 1961: 576].

Vershinin: ... I heard something yesterday about our brigade being transferred a long way away. Some people think it may be **Poland**, others say **Eastern Siberia** [Chekhov, 1973: 134].

Vershinin: ...I believe they were saying yesterday that our brigade might be transferred to somewhere a long way away. Some said it was to be **Poland**, and some said it was **Cheeta, in Siberia** [Chekhov, 1966: 300].

Как мы видим, оба переводчика, по-разному интерпретируя данную реплику на другом языке, единодушны в одном – они адаптируют географическое название, используя приём генерализации, причём во втором случае приём «генерализация» используется как разъяснение или уточнение. Обращаясь к «внутриязыковому» уровню прагматической адаптации, следует, прежде всего, выделить такой её аспект, как поправка на своеобразии языковой системы [Коралова, 1983: 35]. Так, Н.С. Стрелкова в своей книге [Strelkova, 2013: 55] уделяет внимание, к примеру, особенностям перевода глагола «создавать», который в английском языке имеет, казалось бы, чёткие эквиваленты «to make», «to create». Автор, однако, предупреждает, что для носителей английского языка более привычным при переводе будет глагол, который тесно ассоциируется с тем или иным видом или сферой деятельности, о которой идёт речь:

Они обещали «создать» все условия.

They said they would «provide» the right/necessary conditions.

Корпорация была «создана» в 1917 году.

The corporation was «founded» in 1917.

Нужно подумать о «создании» филиала.

We ought to think / be thinking about «opening» a branch office.

«создавать» полотна

«to paint» pictures

«создавать» музыку

«to compose / write» music

Интересно ещё одно, сделанное здесь же, наблюдение исследователя, предлагающее социолингвистическое объяснение того, почему не рекомендуется при переводе такой фразы, как «жизнь и творчество замечательного артиста», употреблять прилагательное «wonderful» («замечательный»). По мнению Н.С. Стрелковой, американскому быва-

телю настолько надоели всевозможные рекламные объявления, использующие данное прилагательное для восхваления своего товара, что они могут не оценить его в том смысле, в котором оно воспринимается на языке источника. Таким образом, система английского языка, как в случае с глаголом «to create», налагает на употребление слова свои внутренние ограничения. В случае с прилагательным «wonderful» причины ограничения употребления слова находятся скорее в сфере социолингвистики и связаны с реалиями жизни американского общества.

Ориентируясь на тот или иной вариант английского языка, которым пользуется получатель информации на языке перевода, можно выделить ещё один уровень прагматической адаптации при переводе с русского языка на английский, а именно, «межвариантный» уровень прагматической адаптации. Как известно, в переводах текстов первых двух типов (по упомянутой выше классификации А. Нойберта), адресованных, например, носителям американского варианта английского языка, нежелательны локально-маркированные единицы британского варианта английского языка, так как это будет препятствовать прагматической адаптации текста. Очевидно, что рассмотрение прагматической адаптации на этом уровне возможно только при переводе на тот язык, который представлен несколькими национальными литературными вариантами.

Часто цитируемым примером прагматической адаптации на межвариантном уровне при переводе текстов первого и второго типов могут служить варианты перевода существительного «рост, повышение» в словосочетаниях «рост, повышение зарплаты». Так, если текст адресуется американцам, лексико-семантический аналог «a payraise» вполне обоснован. Однако для британской аудитории более уместным будет перевод «a payrise» с употреблением лексико-семантического аналога, принадлежащего британскому варианту английского языка.

Учет прагматической адаптации на «межвариантном» уровне должен вестись не только в плане рассмотрения лексических единиц. Так, например, известно, что собирательные существительные английского языка типа «public, audience, committee, government» согласуются как с глаголами во множественном, так и с глаголами в единственном числе:

The audience was/were enjoying every minute of the show.

Our Planning Committee has/have considered your request.

The government has/have broken all its/their promises.

Существует правило, согласно которому множественное число употребляется тогда, когда обозначаемая собирательным существительным группа рассматривается не как единое целое, а как бы расщепляется на некоторое число составляющих её индивидуумов. Однако, как показывают наблюдения, глагол во множественном числе при собирательных существительных «более характерен для британского варианта английского языка, чем для американского варианта» [Leech, Svartvik, 1983:201]. Интересно, что речь здесь идёт, в первую очередь, о различной частотности употребления одной и той же единицы в разных вариантах английского языка, что добавляет ещё одну грань к трактовке понятия «межвариантной» прагматической адаптации при переводе. Указанный аспект «межвариантного» уровня прагматической адаптации находится в полном соответствии с выводами социолингвистов о различной частотности одних и тех же единиц в американском и британском вариантах английского языка.

Стоит заметить, что «межъязыковой» уровень прагматической адаптации перевода в том своём аспекте, где происходит поправка на своеобразие языковой системы, может совмещаться с «межвариантным» уровнем прагматической адаптации. Так, перевод словосочетания «политический деятель» на американский вариант английского языка с помощью существительного «politician» нередко может блокироваться тем обстоятельством, что

для американцев, гораздо чаще, чем для англичан, оно имеет довольно сильные негативные («disparaging») коннотации, употребляясь в данных случаях в значении «политикан», «политический делец» [Швейцер, 1981: 62].

Интересно проследить ещё один случай того, как поправка на своеобразие языковой системы может совмещаться с адаптацией на «межвариантном» уровне при переводе художественной литературы. Рассмотрим несколько случаев перевода прилагательного «странный» и родственного ему по значению существительного «чудачка» в пьесе А.П. Чехова «Три сестры» [Чехов, 1961] в трёх переводческих версиях, подготовленных в прошлом веке, соответственно, издательством «Прогресс» [Chekhov, 1973], британским издательством «Penguin Books» [Chekhov, 1966] и американским издательством «Saxton House» [The Plays, 1945]. Данные переводы вышли в свет в течение приблизительно одного временного периода. Проанализируем то, как были переведены четыре реплики персонажей пьесы:

Ирина: **Странно**... [Чехов, 1961: 538]

Irina: How **queer**! [The Plays, 1945: 102]

Irina: What a **strange** thing to do! [Chekhov, 1966: 254]

Irina: That's **strange**. [Chekhov, 1973: 98]

Ирина: ...Ну, что ты, Маша, плачешь, **чудачка**... [Чехов, 1961: 541]

Irina: ... But why are you crying, Masha, you **queer** girl... [The Plays, 1945: 104]

Irina: Now what are you crying for, Masha, you **funny** girl? [Chekhov, 1966: 258]

Irina: ...Why are you crying, Masha, you **funny** girl? [Chekhov, 1973: 101]

Вершинин: ...И может статься, что наша теперешняя жизнь... будет со временем казаться **странной**, неудобной, неумной.... [Чехов, 1961: 543]

Vershinin: ...And it may be that our present life...will in time seem **queer**, uncomfortable, not really sensible... [The Plays, 1945: 105]

Vershinin: ...It may well be that in time to come the life we live today will seem strange

and uncomfortable and stupid... [Chekhov, 1966: 260]

Vershinin: ... The time may come when our present life ...will seem very **strange**, awkward, stupid... [Chekhov, 1973: 102]

Маша: Ах, как она одевается! Не то чтобы некрасиво, не модно, просто жалко. Какая-то **странная**, яркая желтоватая юбка... [Чехов, 1961: 543]

Masha: Oh how she dresses! It's not that her clothes are merely ugly or out of fashion? They are simply pitiful. A **queer** gaudy yellowish skirt... [The Plays, 1945: 106]

Masha The way she dresses herself is awful! It's not that her clothes are just ugly and old-fashioned, they are simply pathetic. She'll put on some **weird-looking**, bright yellow skirt... [Chekhov, 1966: 261]

Masha: Oh, the way she dresses! You couldn't exactly say that her clothes are unattractive or out of fashion, but you just feel sorry for her. She'll put on a **ghastly fringed** yellow skirt... [Chekhov, 1973: 103]

Вполне очевидно, если внимательно посмотреть на приведенные выше переводы, что в том из них, который подготовлен американским издательством, для перевода указанных выше лексических единиц используется исключительно прилагательное «queer», которое в других версиях перевода отсутствует. Одним из объяснений этого может служить тот факт, что в системах американского и британского вариантов английского языка позиции данного прилагательного несколько различаются. Так, если посмотреть на определения слова соответственно в американском и британском словарях, можно увидеть, что британский словарь Лонгман (Longman) уже в первом значении определяет его как «неприемлемое для употребления оскорбительное слово» («taboo and offensive word»). Словарь не рекомендует его использование («Do not use this word»). В американском же словаре Вебстер (Webster) негативно-окрашенное значение хотя и присутствует, отнюдь не числится в ряду первых значений данного слова. Можно поэтому предположить, что оно в меньшей степени неприемлемо для американцев.

К тому же, учитывая, что здесь приводятся оттенки значений слов в современных словарях, отражающих всевозможные оттенки современной политкорректности в отношении к сексуальным меньшинствам, что полвека назад не было так актуально, можно предположить, что в период создания перевода употребление прилагательного «queer» звучало в американском варианте английского языка вполне нейтрально. Однако можно так же предположить, что в британском варианте английского языка оно уже тогда было неприемлемым, свидетельством чему являются переводы, вышедшие в издательствах «Прогресс» и «Penguin». Можно также вероятно прогнозировать, что игнорирование прагматической адап-

тации на «межвариантном» уровне при переводе художественной литературы может проявиться весьма неожиданным образом. Так, например, если русский интеллигент конца девятнадцатого века начнет употреблять в речи американизмы, это существенно сместит акценты в восприятии данного персонажа не только англичанином, но и, по всей видимости, американцем, потому что подобное отождествление вряд ли оправдано.

В заключение следует ещё раз подчеркнуть, что при рассмотрении прагматической адаптации требуется анализ очень разнородных явлений, что делает необходимой дальнейшую разработку методов исследования данного лингвистического направления.

Список литературы:

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
- Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. М.: Международные отношения, 1980. 167 с.
- Коралова А.Л. Прагматические барьеры в передаче образности при переводе // Взаимодействие прагматических компонентов текста при переводе. М.: МГПИИЯ, 1983, вып. 213, С. 31-40.
- Коралова А.Л., Розан Стоун Л. Мы родом из детства // Мосты. Журнал переводчиков. 2013. № 1 (37). С. 48-59.
- Оксентюк О.Р. Прагматика перевода и социолингвистика: о прагматической адаптации при переводе с русского языка на английский общественно-политических текстов. Депонированная рукопись № 21223 20.06.1985.
- Оксентюк О.Р. Пути анализа прагматической адаптации при переводе с русского языка на английский. Депонированная рукопись № 17130 14.06.1984.
- Чехов А.П. Собрание сочинений: в 12 тт. Т. 9. Пьесы. М.: Художественная литература, 1961. 620 с.
- Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. М.: Воениздат, 1973. 280 с.
- Швейцер А.Д. Учебное пособие по переводу с английского языка на русский язык (для слушателей ВКП). М., 1981. 256 с.
- Chekhov A. Selected Works in Two Volumes. Volume Two. Plays. М.: Progress Publishers, 1973. 254 p.
- Chekhov A. Plays. L.: Penguin Classic edition, 1966. 464 p.
- Leech G., Svartvik J. A Communicative Grammar of English. М.: Prosveshcheniye, 1983. 304 p.
- Neubert A. Pragmatische Aspekte der Übersetzung // Grundfragen der Übersetzungswissenschaft. Leipzig: Leipzig. Universität, 1968. 189 s.
- Strelkova N. Introduction to Russian – English Translation. М.: R. Valent, 2013. 175 p.
- The Plays of Anton Chekhov. N.Y.: Caxton House, 1945.

Об авторе:

Оксентюк Оксана Романовна – к.филол.н., доцент Кафедры английского языка №2 МГИМО МИД России. 119454, г.Москва, проспект Вернадского 76. E-mail: oxana0747@yandex.ru.

LINKS BETWEEN LANGUAGE AND SOCIETY REVEALED THROUGH STUDYING TRANSLATION METHODS

Oksana R. Oksentyuk

Abstracts. The article makes an attempt to summarize and develop the existing ways of classifying pragmatic adaptation (transcreation), while translating from one language into another. Such methods ensure that the receivers of information both in the source language and the language of translation can get similar messages both from the original and the translated text without having to overcome «transcultural barriers» that slow down and complicate comprehension.

The analysis provides proof that there are correlations between such lines of research as sociolinguistics and pragmatic adaptation of translation (transcreation) because both of them have the same object of research.

The researcher examines the currently used parameters of analyzing pragmatic adaptation and goes on to suggest looking at another possible level of adaptation, which takes into account the national variety of the language (if the language in question has several national varieties).

To illustrate the need for this kind of approach the author provides examples from three versions of Anton Chekhov's play «Three Sisters» prepared by British and American publishers as well as «Progress Publishers» (Moscow). The article also contains examples of why and how texts are adapted: 1) because the systems of languages are incompatible in many ways and at various levels and 2) because the realities of life (in a very broad sense of the word) are very different, which defies easy adaptation. In conclusion the author suggests that further research into this field is needed to develop more approaches to studying pragmatic adaptation.

Key words: translation, pragmatic adaptation of translation/transcreation, sociocultural features, sociolinguistics, American English, British English, frequency of use.

References:

Ahmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, Soviet Encyclopedia, 1966. 608 p. (In Russian).

Komissarov V.N. *Lingvistika perevoda* [Linguistics of translation]. Moscow, International Relations, 1980. 167 p. (In Russian).

Koralova A.L. Pragmaticheskie bar'ery v peredache obraznosti pri perevode [Pragmatic obstacles in the way of translating images]. *Vzaimodejstvie pragmaticheskikh komponentov teksta pri perevode* [Interaction of pragmatic components of the text in translation]. Moscow, MSPIFL, 1983, Vol. 213, pp. 31-40. (In Russian).

Koralova A.L., Rosan Stone L. My rodnom iz detstva [The child is the father of the man]. *Mosty. Zhurnal perevodchikov - Bridges. Journal of translators*, 2013, no. 1 (37), pp. 48-59 (In Russian).

Oksentyuk O.R. *Pragmatika perevoda i sociolingvistika: o pragmaticheskoy adaptacii pri perevode s russkogo yazyka na anglijskij obshchestvenno-politicheskikh tekstov* [Pragmatic level of translation and sociolinguistics: on adaptation at pragmatic level while translating socio-political texts from russian into english]. Deponirovannaya rukopis' [The deposited manuscript number] № 21223 20.06.1985 (In Russian).

Oksentyuk O.R. *Puti analiza pragmaticheskoy adaptacii pri perevode s russkogo yazyka na anglijskij* [Methods of pragmatic adaptation in translating from Russian into English]. Deponirovannaya rukopis' [The deposited manuscript number] № 17130 14.06.1984 (In Russian).

Chekhov A.P. *Sobranie sochinenij: v 12 tt. T. 9. P'esy* [Collection of works: in 12 volumes. Vol. 9. Plays]. Moscow, Fiction, 1961. 620 p. (In Russian).

Shvejcer A.D. *Perevod i lingvistika* [Linguistics and translation]. Moscow, Military Publishing, 1973. 280 p. (In Russian).

Shvejcer A.D. *Uchebnoe posobie po perevodu s anglijskogo yazyka na russkij yazyk (dlya slushatelej VKP)* [Study guide on translating from English into Russian (for students of the Higher Courses of Translation)]. Moscow, 1981. 256 p. (In Russian).

Chekhov A. *Selected Works in Two Volumes. Volume Two. Plays*. Moscow, Progress Publishers, 1973. 254 p.

Chekhov A. *Plays*. London, Penguin Classic edition, 1966. 464 p.

Leech G., Svartvik J. *A Communicative Grammar of English*. Moscow, Prosveshcheniye, 1983. 304 p.

Neubert A. Pragmatische Aspekte der Übersetzung. *Grundfragen der Übersetzungswissenschaft*. Leipzig, Leipzig. Universität, 1968. 189 s. (In German).

Strelkova N. *Introduction to Russian – English Translation*. Moscow, R. Valent, 2013. 175 p.

The Plays of Anton Chekhov. New York, Caxton House, 1945.

About the Author:

Oksentyuk Oksana Romanovna – Ph.D. in Linguistics, Lecturer, Senior Lecturer. English Department №2, MGIMO. E-mail: oxana0747@yandex.ru.

ФОРМЫ ОБРАЩЕНИЯ И ТИТУЛОВАНИЕ В ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ: КОММУНИКАТИВНЫЙ ШОК

Т.Р. Титова

Аннотация. *Статья посвящена формам обращения в итальянском языке. Они являются неотъемлемой и важной составляющей речевого поведения человека и зачастую определяют отношение к говорящему при межкультурном общении. Некоторые формулы вежливости в итальянском и русском языках совпадают (форма tu – ты и Lei – Вы уважительное), но есть и уникальные формы, не представленные в русском языке, что является большой трудностью при изучении языка и при дальнейшем его использовании.*

Ещё одной проблемой при обращении является титул, добавляемый к фамилии или имени человека. Итальянцы любят «выделиться из толпы», поэтому стремятся при любой возможности избежать безликой формы «синьор». Так появляется титул «доктор» для человека с университетским образованием, «профессор» для кандидата наук, «инженер, адвокат, архитектор» для людей с соответствующим образованием. Игнорирование формул вежливости и ошибки при титуловании могут вызвать настоящий культурный шок при общении с итальянцем.

В 1946 г. в Италии, бывшей тогда королевством, прошёл референдум, по итогам которого страна объявила об упразднении монархии и установлении республиканского строя. Соответственно, все прежние аристократические титулы были отменены. Прошло уже более семидесяти лет, но если человек происходит из титулованной семьи, он обязательно сообщит это при знакомстве и будет рад слышать титул графа или маркиза в свой адрес.

В учебной литературе эти формы, несомненно, представлены, но не рассматриваются тонкости и особенности их использования, оставляя это на усмотрение преподавателя. Данная работа призвана заполнить этот пробел и помочь изучающим итальянский язык разобраться в тонкостях обращения. Статья рассчитана на всех изучающих итальянский язык и общающихся с итальянцами.

Ключевые слова: итальянский язык, обращения, формулы вежливости, культурный шок, речевой этикет.

Обращение как формула вежливости является одной из основ речевого поведения человека в обществе, показателем его речевой культуры. «Обращение – это слово или сочетание слов, называющее лицо (реже предмет), которому адресована речь». [Розенталь, Теленкова, 1976:257]. Формы вежливости представляют собою «слова и выражения, а также особую систему форм, употребляющихся в некоторых языках при обращении к старшему или стоящему выше по должности, званию, общественному положению» [Ахманова, 1969:73]. Формы обращения и титулования могут меняться со временем, как естественным образом в связи с изменениями, происходящими в обществе и языке, так и директивным путем по решению властей, навязывающим обществу речевое поведение или пытающимся изменить его.

Представления о вежливости и соответствующее речевое поведение в разных странах и культурах может совпадать, а может и, зачастую, отличаться, что вызывает немалые проблемы у человека другой культуры при межнациональном общении. Не будет преувеличением сказать, что знание правильного речевого этикета важнее правил грамматики или наличия богатого лексического вокабуляра. Ошибка в вежливом обращении и титуловании может привести в недоумение, растерянность и даже возмутить человека другой культуры, вызвать то, что мы называем «культурным шоком». Местоимения обращения к собеседнику или аллокутивные местоимения¹ не сразу появились в итальянском языке.

«В классической латыни существовало только обращение на TU, однако с III в. н. э. появляется обращение на VOS. В староримском сосуществовали оба обращения» [Алисова, Чельшева, 2009:110]. Любое общение начинается с обращения. Сопоставим формулы вежливого обращения в русском и итальянском языках. В современном итальянском языке, так же как и в русском, имеет форму обращения «ты» (tu) и «Вы уважительное»

(Lei), но итальянское речевое поведение во многом отличается от русского.

Рассмотрим итальянскую форму обращения «ты» - «tu» (второе лицо единственного числа). Эта форма имеет две коннотации: пренебрежительную и дружескую. Недопустимо обращаться к незнакомому человеку на «tu», это возможно только при обращении взрослого человека к ребенку или подростку или при общении детей и молодых людей между собой. Возраст, когда взрослый начинает обращаться к молодому человеку на «Вы», приблизительно совпадает в наших культурах.

Любопытно, что «все, связанное с миром небесным, предполагает обращение на tu» [Алисова, Чельшева, 2009:111]. В песне «Caro Gesù» популярный итальянский певец Аль Бано (Al Bano) говорит: «Caro Gesù, posso darti del tu, come amico vicino ti canto» (дорогой Иисус, я могу обращаться к тебе на ты, как к близкому другу).

Грань между пренебрежительной и дружеской коннотацией обращения «ты» очень тонкая и размытая, здесь легко совершить ошибку. В итальянской культуре используется дружеское «tu» в таких ситуациях, где русский ощущает это «tu» как пренебрежительное и может оскорбиться. Так, в магазине продавец встретит покупателя вежливым «Lei», но после обмена парой фраз легко перейдет на «tu». То же в баре или ресторане, на ресепшен в гостинице. Конечно, это очень зависит от возраста клиента: чем он моложе, тем быстрее с ним перейдут на ты.

¹ От латинского «alloqui» - обращаться к кому-либо со словом. [Carollo, 2012:271].

Ведущий на телевидении обращается на «ты» к зрителям в зале и участникам передачи. Ученикам начальной школы с первого по пятый класс разрешено обращаться к учителю на «ты» и называть его по имени. На «ты» общаются все члены одной партии как товарищи. На семинаре в Москве для преподавателей итальянского языка дама-преподаватель из Италии сразу предупредила, что поскольку мы все коллеги, она будет обращаться к нам на «ты» и попросила говорить «ты» ей.

Если уж с незнакомыми людьми переход на «ты» осуществляется так быстро, то среди знакомых он происходит практически сразу и независимо от возраста. Необходимо отметить, что для итальянцев ощущение возраста человека отличается от русского: в Италии человек чувствует себя и считается молодым лет до сорока, а в семьдесят-восемьдесят лет он просто взрослый, а не старый. Поэтому «просто взрослый» человек этого возраста вполне может предложить молодому знакомому обращаться к нему на «ты»: «ведь я не такой старый» – так однажды аргументировал свою просьбу говорить ему «ты» пожилой хозяин гостиницы.

В итальянском языке есть два варианта уважительного обращения на «Вы» - форма «Lei» (третье лицо единственного числа «она») и форма «Voi» (второе лицо множественного числа). Обе формы имеют заглавную букву, в отличие от местоимения *tu*. В винительном и дательном падежах местоимения *Vi*, *Le*, *La* пишутся с заглавной буквы, даже если стоят слитно с глаголом: *vogliamo comunicarVi*, *arrivederLa*, *posso scriverLe*.

Немного истории. В итальянском языке до XIV в. существовали только две формы обращения: «*tu*» (второе лицо единственного числа) и «*Voi*» (второе число множественного числа), что соответствует и современному русскому языку. Но с XV-XVI вв. была отмечена и затем получила все более распространение форма «*Lei*». Считается, что эта форма появилась под влиянием испанского *Usted*, но нам представляется более правомерным то мнение, что эта форма женского рода «Она» стала местоимением, заменяющим титулы, которые в итальянском языке все женского рода: «*Sua Maestà*, *Sua Santità*, *Sua Eccellenza*» – «Ваше Величество, Ваше Святейшество, Ваше превосходительство».

Это объясняет и тот факт, что обращение к титулованной особе идёт в косвенном третьем лице: «Ваше Величество изволит принять этого посла? Ваше Высочество считает это возможным? и т.п.» Как бы то ни было, версия об иностранном происхождении формы «*Lei*» сыграла с ней злую шутку: во времена фашизма шла борьба за «чистоту» итальянского языка, и поэтому дуче Бенито Муссолини указом от 1938 г. запретил использование этого обращения как вредного иностранного заимствования. Но после Второй мировой войны обращение «*Lei*» вернулось в итальянский язык и получило широкое распространение [Carollo, 2012: 81, 271].

Грамматической особенностью формы *Lei* является то, что это местоимение женского рода – «она». Если *Lei* употребляется в именительном падеже, то говорящий абстрагируется от женского рода этого местоимения, и согласование идёт по полу собеседника, к которому обращается говорящий: «*Lei è bravo, è venuto in tempo*» – к мужчине, и «*Lei è brava, è venuta in tempo*» – к женщине. Но в винительном падеже согласование идёт всегда по женскому роду, все зависимости от пола собеседника: «*Scusi, Professore/ Professoressa, se L'ho fatta aspettare*».

В течение некоторого периода, в 50-70 годы XX в. формы *Lei* и *Voi* существовали параллельно. Форма *Lei*, как более вежливая (напомним, она заменяет ти-

тул), употреблялась при общении с более статусным лицом, а форма *Voi* просто при общении с незнакомым человеком. Так, в ситуации обслуживания клиент обращался к персоналу на *Voi*, а тот говорил ему *Lei*. Но затем ситуация изменилась. Язык предпочёл более вежливую форму *Lei* при обращении к любому незнакомому человеку вне зависимости от его статуса, а также к любому знакомому человеку в формальной обстановке.

В итальянском языке сохранилась и вежливая форма обращения *Ella*, используемая вместо *Lei*, но она ощущается как крайне архаичная и литературная [Katerinov, 2000: 56]. Что касается формы *Voi* как вежливого обращения к одному человеку, она практически исчезла из широкого употребления. Её можно услышать в основном в южных областях Италии. Кроме того, эта форма традиционно используется с заглавной буквы в коммерческой деловой переписке. В современном стандартном употреблении форма *voi* – это обращение к группе лиц.

В итальянском языке есть ещё одна уникальная форма обращения, отсутствующая в русском языке и поэтому вызывающая немало недоумений и непониманий. Это форма обращения к группе статусных уважаемых людей «*Logo Signori*» – «Вы, Господа» (третье лицо множественного числа). Происхождение этой формы очевидно: если я обращаюсь к группе лиц, с которыми я на «*tu*» (второе лицо единственного числа), то использую форму *voi* (второе лицо множественного числа). Если же я обращаюсь к группе лиц, с которыми я на «*Lei*» (третье лицо единственного числа), то должен использовать форму третьего лица множественного числа «*Logo*» – «они» [Katerinov, 2000: 56].

Следует отметить, что при общей демократизации общества и, соответственно, языка, эта форма используется крайне редко: даже к группе персон, с каждым из которых я на «*Lei*», можно использовать форму «*voi*». Подобное обращение к группе лиц используется только в крайне формальной обстановке и в контек-

сте, когда говорящий хочет подчеркнуть полное соблюдение всех формальностей и приличий. Например, на государственном приёме, в очень дорогой гостинице, в приёмной дорогого юриста или врача, в дорогом магазине и т.д.

Может возникнуть справедливый вопрос: как то, что мы говорили про активное распространение дружеской формы «ты», коррелируется с такими изощрёнными формулами вежливости? Да, проявив вежливость и выразив свое уважение друг другу, итальянцы могут непринужденно перейти на демократичное и «нестарое» «ты».

Нельзя не упомянуть использование местоимений «я» и «мы», хотя это выходит за рамки данного исследования. В итальянском языке, так же как и в русском, считается невежливым слишком много «якать», выпячивать себя. Русской вежливой формуле «ваш покорный слуга», используемой вместо местоимения «я» (но которая, к сожалению, постепенно выходит из употребления) соответствует выражение «*il sottoscritto*» – нижеподписавшийся». В итальянском языке можно поставить местоимение «я» на первое место при перечислении нескольких человек: «*io e il mio amico*» – «я и мой друг». Хотя, как известно, в английском языке это считается невежливым: даже английская королева говорит «*my husband and I*» – «мой муж и я».

Местоимение «мы» также используется при обобщении, если говорящий рассматривает себя как часть определённой структуры. Поэтому к продавцу в магазине предпочтительнее обращаться в форме множественного числа на «*Voi*», а он в ответ будет использовать форму «мы». Один студент по возвращении из Италии рассказал о «культурном шоке и коммуникативном сбое», который с ним случился. Он в магазине обуви спросил продавца, обратившись к нему на *Lei*: «*Lei ha questo modello di scarpe? - Io no, ma noi si*» – «У Вас есть эта модель обуви? – У меня лично нет, а у нас есть», ответил тот. В популярной юмористической передаче дама спрашивает у таксиста «*Lei è libero?*» – «вы свободны?», естественно,

имея в виду такси. Он ей отвечает: «Sono sposato» – «Я женат».

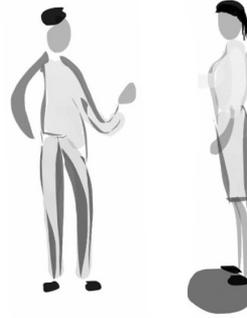
В итальянских школах преподаватели предпочитают форму «мы» – «давайте возьмём тетради и напишем» повелительному наклонению «возьмите тетради и напишите». Итальянский язык вообще избегает повелительного наклонения, считая его недостаточно вежливым. Предпочтительнее задать вопрос или использовать глагол «мочь»: «Вы мне можете? Вы можете мне помочь?»

Наряду с использованием формул вежливости итальянцы активно употребляют титулование. Здесь тоже много тонких моментов, незнание или игнорирование которых может вызвать настоящий культурный шок у собеседника [Буэно, 2006: 329]. Сами итальянцы признают, что любят титулы: «... quei titoli che, chissà perché, sono così cari agli italiani» [...те титулы, которые, неизвестно почему, так дороги итальянцам] [Буэно, 2006: 329]. Высказывается предположение, что это связано с врожденным тщеславием итальянцев, с их желанием вырваться из общей массы, выделиться хоть чем-нибудь. К. Катеринов называет это «naturale disprezzo della mediocrità» – «естественным страхом перед посредственностью». [Katerinov, 1997: 112].

Так, прилагательное «egregio», употребляемое в письме при обращении к адресату и соответствующее русскому «уважаемый», происходит от «ex gregge» – «дословно: из стада», то есть выделяющийся из общей толпы. [Cortelazzo, Zolli, 2008: 509]. Если речь идёт о женщине, с которой мы не знакомы, то мы обращаемся к ней «signorina», если она молодая, и «signora», если это пожилая дама. Как уже упоминалось, понятие возраста у итальянцев разнится с нашим минимум лет на 10, поэтому возрастные рамки понятия «signorina» очень расширились.

При знакомстве же ситуация меняется. Если женщина не замужем, она представится как «signorina», а если замужем, то «signora». От возраста это уже не зависит. Прежде это имело чёткий смысл: signorina + фамилия отца, signora + фамилия мужа. В настоящее время, однако,

перестало быть обязательным правило, что женщина должна взять фамилию мужа после брака. Поэтому сейчас нередки случаи, когда женщина называется «signora», потому что она замужем, но оставляет фамилию отца.

Если речь идёт о мужчине, то единственное обращение к нему «signore». При этом, если мы незнакомы с этим мужчиной, мы говорим ему просто «Signore, scusi» – «синьор, извините». Если же это знакомый, мы обязательно должны добавить и фамилию: «Signor Rossi, scusi» – «синьор Росси, извините». То же правило касается обычно и титулов «signorina» и «signora».

Если мы хорошо знакомы с кем-то, но не можем перейти на «ты» (например, в ситуации обслуживания), есть более демократичный вариант – после титула «signore/ signorina/ signora» употреблять не фамилию человека, а имя: «Signor Mario/ Signora Luisa». Прежде титулы «Signore/ Signora» употреблялись не ко всем, а только к статусным персонам, так же, как русское «господин/ госпожа». Сейчас же это титулование используется в отношении всех без исключения лиц. Но в неосознанной памяти итальянцев это титулование осталось высоким, статусным, поэтому нередко можно услышать о ком-то, что он «человек богатый, но не синьор» или «это настоящая синьора».

Титул «signore/ signorina/ signora» связан и с образовательным статусом человека. Его имеют лица, окончившие среднее или среднее специальное учебное заведение Liceo (гуманитарное училище) или Istituto (техническое училище). Таких людей в Италии большинство. В конце обучения они получают аттестат

зрелости «diploma» и поэтому именуется «diplomato».

Человек, окончивший высшее учебное заведение, университет, получает диплом о высшем образовании «laurea» и, соответственно, становится лицом с высшим образованием «laureato». После такого важного события титулование меняется – вместо «signore» употребляется «dottore», соответственно вместо «signorina» и «signora» – «dottoressa». Это является обязательным титулованием на всю жизнь, в момент знакомства человек непременно это обозначит, он будет так подписываться, это будет написано на его визитной карточке. Если итальянец, когда представлялся, назвал себя «dottore», нельзя обращаться к нему «signore». Он исправит собеседника или же промолчит, но обидится. Если человек – «dottore», то при обращении к нему не надо добавлять фамилию: «Dottore, scusi».

Вызывает удивление и недоумение тот факт, что многие русские, имеющие высшее образование, избегают представляться итальянцам как «dottor Ivanov», мотивируя это собственной скромностью и незначительностью этого факта. Это большое заблуждение и ошибка. В Италии в связи с особенностями получения высшего образования, о которых, к сожалению, нет возможности подробно говорить в рамках данной статьи, не так много людей имеют право именоваться «dottore», это очень почётно и значимо, это более высокий социальный статус. Вызывает сожаление, что многие русские не считают нужным обозначить свой статус итальянцам. Если ваш знакомый итальянец называет себя «signore», может быть, и имеет смысл скромно промолчать о собственном образовательном статусе. Но если он обозначил себя как «dottore», мы советуем выровнять статус и тоже называть себя так.

Ситуация осложняется тем, что в России многие высшие учебные заведения называются институтами, а это, по итальянским представлениям, среднее специальное учебное заведение. Так, они признают статус «laureato» и «dottore» только за теми российскими знакомыми,

которые учились в вузе, в названии которого есть слово университет, например, МГУ им. Ломоносова. Если россиянин хочет сказать итальянцу, что имеет высшее образование, ему придется переименовать свой институт в университет.

К врачу итальянцы тоже обращаются как к «dottore», особенно в момент посещения, но если может возникнуть путаница, то употребляется слово «medico» – «mio fratello è medico» – «мой брат врач».

Есть ещё одна проблема, связанная с титулами «dottore» и «professore»: если их употребить на русском языке – «доктор Росси, профессор Бьянки», – они могут ввести в заблуждение русскоязычного собеседника, поскольку не соответствуют русским значениям этих слов. Например, когда по российскому телевидению транслировался итальянский фильм «Спрут», был слышен оригинальный итальянский текст. Многие зрители тогда удивлялись, что комиссара Катани называют «доктор»: «Ведь он не врач, а полицейский!». Поэтому представляется целесообразным во избежание недоразумений по-русски называть «доктора Росси», «профессора Бьянки» просто «господин Росси», «господин Бьянки».

В Италии принято с большим уважением относиться к преподавателям. В первые пять лет начальной школы учителя называют «maestro» и, как мы уже упоминали, могут обращаться к нему по имени и на «ты». Но с началом средней школы, с шестого класса, который в Италии называется «prima media – первый средний», ко всем учителям и преподавателям обращаются «professore/ professoressa» или просто «prof». Если же человек уходит с преподавательской работы, он возвращается к своему обычному статусу: «signore», если он окончил среднее учебное заведение, и «dottore», если имеет высшее образование. Как и в случае с «dottore», если человек «professore», то при обращении к нему не надо добавлять фамилию: «Professore, scusi».

Если же человек защитил диссертацию, которая в Италии называется «tesi di dottorato», и стал, по российским по-

нениям, кандидатом наук (доктора наук в Италии нет), то титул «professore» остаётся с ним пожизненно, даже если он больше не занимается преподавательской деятельностью. Так, в Италии были некоторые председатели Совета министров, пришедшие в правительство после преподавания в университете и защиты dottorato, к ним по-прежнему обращались «professore». Журналист Бруно Веспа (Bruno Vespa) опубликовал книгу «Professore e Cavaliere» (Профессор против Кавалера) о многолетнем противостоянии бывшего премьер-министра правительства Италии Романо Проди (Romano Prodi) и бывшего (лишённого затем этого звания) Кавалера Республики Сильвио Берлускони (Silvio Berlusconi). По-нашему мнению, это очень достойно, когда титул «профессор» выше титула «премьер-министр» [Vespa, 2006:431].

К сожалению, в русском языке слово «профессор» относится только к учёному званию или высшей педагогической позиции преподавателя вуза, скорее всего доктора наук. Поэтому невозможно объяснить итальянцам гигантскую разницу между их «professore» как уважительному обращению к простому преподавателю и российским профессором и доктором наук.

Но «dottore» и «professore» – это не единственные титулы, используемые итальянцами. По возможности они стараются уточнить сферу деятельности и образование человека. Есть некоторые профессии, имеющие устойчивые титулования. Если лицо имеет экономическое образование, к нему будут обращаться «ragioniere Rossi». К архитектору – «architetto Rossi», к адвокату «avvocato Rossi», к инженеру – «ingegnere Rossi». Как и в случае с «dottore» и «professore», если человек «ragioniere, architetto, ingegnere, avvocato», то при обращении к нему не надо добавлять фамилию.

Мы упомянули звание «Cavaliere del lavoro», аналогичное российскому званию Герой труда, которое присваивается президентом Италии наиболее заслуженным гражданам Республики или других стран. Когда Сильвио Берлускони получил это звание в 1977 г., его стали называть не иначе как Cavaliere. В 2014 г. после серии скандалов и судебных разбирательств он сам приостановил действие этого звания (в Италии такое возможно). Но примечательно, что после этого его стали называть «ex Cavaliere» – бывший Кавалер. Такова любовь итальянцев к титулам [Буэно, 2006: 329].

Особенно привержены титулам на Юге Италии и любят их завышать. В книге, посвященной Неаполю, миланец (северянин) удивляется, почему его, простого инженера, называют «профессор». Ему объясняют: «Если бы Вы были просто мастером, они бы звали Вас инженером, но поскольку Вы действительно инженер, им приходится называть Вас профессором» [De Crescenzo, 1980: 55].

В 1946 г. в Италии, бывшей тогда королевством, прошел референдум, по итогам которого страна объявила об упразднении монархии и установлении республиканского строя. Соответственно, все прежние аристократические титулы были отменены. Прошло уже более семидесяти лет. Но если человек происходит из титулованной семьи, он обязательно сообщит это при знакомстве и будет рад слышать титул графа или маркиза в свой адрес.

Итак, вежливое формальное или неформальное обращение и правильное титулование являются основой и главной составляющей речевой культуры и поведения в Италии. Незнание или игнорирование этих факторов может привести и приводит к культурному шоку и наносит огромный вред межличностному и межкультурному общению.

Список литературы:

- Алисова Т.Б., Челышева И.И. История итальянского языка; От первых памятников до XVI века: Монография. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. – 440с.
- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е. М.: Советская энциклопедия, 1969. 608 с.
- Буэно Т. Говорим по-итальянски : учеб. пособие / Т. Буэно. – М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2006. – 590, [2]с.
- Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. М.: Просвещение, 1976. 544 с.
- Brezzi Francesca Piccolo manuale di etica contemporanea, Donzelli Editore, 2012, p.310.
- Carollo Sabrina. Galateo per tutte le occasioni, Giunti Editori S.p.A, 2012,- p. 245.
- Caterinov Caterin. La lingua italiana per stranieri. Corso medio (esercizi e test). Edizioni Guerra,1997, p. 126.
- Caterinov Caterin. La lingua italiana per stranieri. Corso medio (lezioni). Edizioni Guerra, 2000, p. 146.
- Della Casa Giovanni Galateo. Garzanti Editore, 2011, p. 100.
- Manlio Cortelazzo e Paolo Zolli. Dizionario etimologico della lingua italiana di Manlio Cortelazzo e Paolo Zolli, Bologna, Zanichelli, 2008.
- Vespa Bruno. Il cavaliere e il professore. La scommessa di Berlusconi. Il ritorno di Prodi, Mondadori, 2003, Pagine 431.

Об авторе:

Титова Татьяна Романовна – к.филол.н., доцент Кафедры романских языков (итальянского, португальского и латинского) МГИМО (университета) МИД РФ. Россия, 119454, г. Москва, Проспект Вернадского, 76. Сфера научных и профессиональных интересов: грамматика итальянского языка, лингвокультурология, лингвострановедение. E-mail: tatianatitova5@mail.ru.

ITALIAN FORMS OF ADDRESS AND TITLES: A CULTURAL SHOCK

Tatiana R. Titova

Abstracts. *The article is devoted to the forms of address in the Italian language. They form an integral and important part of human speech behavior and frequently determine attitude toward the speaker in interlingual and intercultural communication. Several forms of politeness coincide both in Italian and Russian (form "tu"-you and "Lei"-You-respectful), but at the same time there are unique forms in Italian not exemplified in the Russian language, complicating its learning and further practice.*

Yet another confusing communicative issue is a title added to a person's name or surname. Thus a title "doctor" is used for any person holding a university degree; "professor" is relevant to those earning Ph.D., the same as "engineer, lawyer, and architect" for suitable occupations. Neglecting politeness formulas and addressing by incorrect titles may send cultural shockwaves when interacting with the Italians.

These forms can be undoubtedly found in the educational literature but all their peculiar properties are left at the discretion of the professor. This work is to fill the gap and help the learners to look into the peculiarities of using the forms of address. The article is addressed to those who study this language and contact the Italians.

Key words: *the Italian language, forms of address, cultural shock, speech etiquette.*

References:

Alisova T.B., Chelysheva I.I. Istoriya ital'yanskogo yazyka; Ot pervyh pamyatnikov do XVI veka [The history of Italian language: from the first monuments to the XVI century] Monografiya. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2009. 440 s.

Ahmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. Izd. 2-e. M.: Sovetskaya ehnciklopediya, 1969. 608 s.

Buehno T. Govorim po ital'yanski [Parliamo italiano] Ucheb. posobie / T. Buehno. M.: Astrel': AST: Tranzitkniga, 2006. 590 s.

Rozental' D. E., Telenkova M. A. Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov [ ]. Izd. 2-e. M.: Prosveshchenie, 1976. 544 s.

Caterinov Caterin. La lingua italiana per stranieri. Corso medio (esercizi e test). Edizioni Guerra, 1997, p. 126.

Caterinov Caterin. La lingua italiana per stranieri. Corso medio (lezioni). Edizioni Guerra, 2000, p. 146.

Carollo Sabrina. Galateo per tutte le occasioni, Giunti Editori S.p.A, 2012, p. 245.

De Crescenzo, Luciano. Così parlò Bellavista - Napoli, amore e libertà, Arnoldo Mondadori Editore, 1980.

Manlio Cortelazzo e Paolo Zolli. Dizionario etimologico della lingua italiana di Manlio Cortelazzo e Paolo Zolli, Bologna, Zanichelli, 2008.

Vespa Bruno. Il cavaliere e il professore. La scommessa di Berlusconi. Il ritorno di Prodi, Mondadori, 2003.

About the Author:

Tatiana R. Titova – PhD Philology, Associate Professor of Roman Languages Department, MGIMO. Research interests: Italian grammar, cross-cultural communication, cultural linguistics. E-mail: tatianatitova5@mail.ru.

АНГЛИЙСКИЙ САД И ЕГО ИСТОРИЯ

М.В. Кузнецова

Аннотация. С древних времен люди стремились к прекрасному и отражали увиденное в изобразительном искусстве, скульптуре, литературе. Так как жизнь человека неотделима от природы, а его желание окружить себя красотой непреодолимо, то визуализация различных образов важна для него.

Разведение растений, а в дальнейшем и садоводство было жизненно необходимым условием выживания, с одной стороны, и эстетической потребностью, с другой. В статье отслеживаются изменения, происходившие в содержании концепта «английский сад» на протяжении веков, связанные с развитием науки и техники, прокладыванием новых торговых путей, в связи с изменением политической ситуации в Европе, открытием новых континентов, ввозом и селекцией новых растений, их адаптацией к климату Великобритании. Описываются различные стили, характерные для этапов развития сада и соответствующие шести эпохам с древних времен до настоящего времени.

Стоит отметить, что XVIII век внёс разнообразие стилей, так появились Лесной, Августинский, Извилистый, Живописный и Пейзажный. Посетив Великобританию, можно насладиться прогулками в садах различных стилей и эпох, увидеть наяву бережно охраняемые традиции, окунуться в ту или иную эпоху.

Среди отечественных исследователей этой темы отметим Д.О. Швидковского и его работу «Британские сады и их отражение в Европе», в которой описывается влияние английской культуры на Европу. А.П. Вергунов и В.А. Горохов в работе «Русские сады и парки» подробно анализируют процесс возникновения английского сада в Великобритании и появления его вариантов в России.

Ключевые слова: английский сад, стиль, сад эпохи Тюдоров, сад эпохи Стюартов, Георгианский сад, Викторианский сад, регулярный парк, ландшафтный парк, олений парк, Великобритания, Британские острова.

История появления английского сада, уходит своими корнями вглубь веков. Условно её можно разделить на три этапа, каждый из которых повлиял на его формирование, привнёс изменения как в назначение сада, так и в его оформление и флору. Первый можно обозначить как «утилитарный», второй – «цветоч-

ный» и третий – «ландшафтный». Он относится к I в. до н.э. и связан с господством на Британских островах Римской империи. Об этом времени мало что известно. Цезарь писал, что на островах «лес такой же, что в Галлии, кроме бука и пихты. Климат умереннее, чем в Галлии» [Энциклопедический словарь, 1891:679-681].

В самой Римской империи сады существовали при гимназиях во времена правления Юлия Цезаря, и уже в то время это были большие парки с бордюрами из травы, галереями, статуями, рощами платанов и кипарисов. Свободные фермеры выращивали пшеницу, ячмень, из овощей – бобы, салат, чеснок, капусту. В садах можно было найти виноград, инжир, яблони, груши, оливки [Рандхава, 1981:205]. Можно предположить, что на имперских просторах своих провинций их наместники тоже хотели видеть, получать и потреблять знакомые им продукты.

Поскольку климат Британских островов благодаря теплomu течению Гольфстрим отличается мягкостью зим и избытком влаги летом, то это уникальное географическое расположение способствовало развитию садоводства и адаптации привезённых растений. Встречались там такие растения, как грушевые, вишнёвые и ореховые деревья, виноград, плющи. На протяжении нескольких веков информация о садоводстве на Британских островах отсутствует и появляется только при упоминании нормандского нашествия.

Переселение монахов-христиан и, как следствие, строительство монастырей способствовали развитию садов, в это время их назначение заключалось в обеспечении владельцев пищей. Изгороди из колючих растений служили оградой для открытых беседок и решёток с высаженными около них вьющимися, дающими тень растениями. Травяные газоны с дикорастущими цветами, аптекарские огороды, посадки яблоневых и грушевых деревьев (фрукты которых использовали для приготовления различных блюд и для изготовления сидра), а также виноградники составляли основные элементы английских садов. Стоит отметить, что тутовые деревья и вишни высаживались только в садах знати. Список можно дополнить прудами с рыбой, прудами-отстойниками и голубятнями (птиц употребляли в пищу, перьями набивали подушки, а навоз использовали в качестве удобрения).

Благодаря изобретению печатного прессы мы знаем об одной из первых английских книг по садоводству Джона Гарденера с упоминанием более 80 овощных и цветочных культур для приготовления соусов и тушёного мяса [Рандхава, 1981:288]. Декоративная часть сада служила местом отдыха, где можно было насладиться мальвой, гвоздикой, пионом, ирисом, розами, фиалками, лилиями и ландышами. В конце первого периода английские сады ничем не отличались от садов континента.

Появление сада эпохи Тюдоров ознаменовало второй период развития сада, который начался с правления Генриха VIII и продолжился во время правления Елизаветы. К середине XVI в. итальянская эпоха Возрождения уже оказала влияние на формирование регулярного стиля, связывающего фасад здания с садом и сочетающегося с такими архитектурными чертами, как павильоны, лоджии и фонтаны [The English Garden, 2016].

Холмы-улитки со спиралевидными тропинками заканчивались на вершине павильоном с видом на сад или парк с оленями [Some Account, 1867] (при отсутствии настоящих заменялись фигурками из железа или дерева). В павильоне можно было насладиться уединением, отведать десерт или развлечься. Сад-узел (knot garden) характеризовался низкими живыми изгородями, обрамлявшими цветники в сочетании с травами, например, тимьяном, иссопом, чабрецом, лавандой и розмарином. Такие цветы, как фиалки, бархатцы и розы выращивали не только ради красоты, но и ради использования в кулинарии в качестве сладкого и десертов.

В эту эпоху появляются групповые насаждения деревьев, аллеи со сводами из сплетенных ветвей и террасы, фигурно стригутся можжевельник, тис, бирючина и розмарин, высаживаются дыни и цветная капуста, а во фруктовых садах – персики, абрикосы, миндаль и инжир. Стоит отметить, что географическое положение и экономическое развитие страны способствовали становлению крупнейшей морской державы. Именно в это время

началось завоевание нового континента, а также были организованы новые торговые компании, позволившие сотрудничать с Россией, Пруссией, Балтийскими странами, Турцией, Индией, а следствием стало появление растений из различных частей света таких, как картофель, тюльпан, пурпурная скабиоза, анютины глазки.

Уильям Тернер впервые классифицировал британскую флору, написав «Новый гербарий», словарь названий растений на греческом, латинском, английском, немецком и французском языках [Dictionary of National Biography, vol. 57, 1890:363]. А Джон Джерард, проработав 20 лет управляющим в различных садах, закладывает свой собственный в Холборне и впервые описывает садовые растения [Dictionary of National Biography, vol. 21, 1890:221]. Таким образом, возникновение цветочного сада обязано своим появлением благоприятной политической и экономической ситуации. Расцвет страны положительно сказался на развитии искусств, в том числе на развитии садоводства.

На сад эпохи Стюартов оказал влияние формальный (регулярный) сад Франции, а позднее – и Голландии [The house at Ham, 2018]. Протестанты-гугеноты, из-за преследований переехавшие в Англию, основали садовые общества. Они также расширили перечень садовых растений за счёт сухоцветов: чернушки дамасской, лунника, настурции и многих других растений. В списке деревьев появились золотой дождь или бобовник [Rod 3. Liriodendron — Liriodendron L, т. III, 1954:98-99], лириодендрон тюльпановый или тюльпановое дерево [Цветник, т. 28, 1978], клён красный.

В основу этого стиля положена симметрия с осевыми дорожками и аллеями, уходившими в парк или лес, находящийся на окраине, главная аллея вела к дому, свидетельствуя о гостеприимстве и статусе владельца усадьбы. А парк или лес подходили как для уединения, так и для различных тренировок на свежем воздухе.

Водные пространства пришли в моду из Дании и оживлялись танцующими

фонтанами и прогулочными лодочками. Переплетённые деревья (липы и грабы) служили границами сада и придавали законченный вид «партерам», сменившим Тюдоровские «узлы». Партеры (*parterre* — «цветник» от *par terre* — «на земле») или орнаментальные цветники — это участки, где декоративные растения, образуют узор, сложный восточный (арабеску) или простой орнамент [Cobb, 2006].

Обрезкой и формовкой в шпалеры фруктовых деревьев (персик, смородина, вишня) добивались линейности и симметричности по вертикали, придавая им геометрические формы. Бурное развитие науки и создание технической возможности позволили изучать растения, открывая секреты их размножения [Эвелин, т. 40, 1904:129]. Заложенные основы селекции позволили Томасу Форчайлду скрестить гвоздику с флоксом и получить новый вид растений, названный в его честь. Его современник Джон Ивлин – человек энциклопедических знаний, один из основателей Лондонского Королевского общества, среди трудов которого можно выделить две работы, непосредственно касающиеся нашей темы:

– это «*Французский садовод: инструкция по культивированию всех сортов фруктовых деревьев*» (1658), перевод французского автора N. de Bonnefons – и «*Сильва, или Рассуждение о лесных деревьях*» (1664), с помощью которой Дж. Ивлин убеждал землевладельцев высаживать леса для английского флота [Gross, 2008].

Третий этап условно объединяет Георгианский и Викторианский сады, каждый из которых оказал влияние на формирование Английского сада. Георгианский сад (1714-1830) имел черты, почерпнутые в европейском Гранд Туре, который был так популярен в этот период среди молодых аристократов, отправлявшихся на Континент для ознакомления с лучшими произведениями искусства, музыки, изучения языков и общения в высших кругах под надзором старшего члена семьи. Озёра, гроты, храмы, кустарники – всё это можно было встретить в начале XVIII в. в английском саду.

Теперь парк и сад объединялись в единое пространство, чему способствовал встраиваемый элемент ландшафтного дизайна, создающий вертикальный барьер, но при этом сохранявший величественный вид под названием «ха-ха». Изначально использовался в парках с оленями, был рассчитан на длину одного оленьего прыжка и состоял из рва с крутой стенкой, наверху которой находилась изгородь из кольев или живая изгородь, позволявшая оленю попасть на территорию парка и препятствующая его возвращению [Architectural Heritage, 2014:1-3].

Прогулки по окрестностям ландшафтного парка вызывали различные эмоции, так как тёмные тоннели из вечнозелёных растений сменялись открытыми солнечными лужайками, групповыми посадками деревьев различных видов, возраста и величины. Свободно расположенные группы растений частично сменили изгородь. Традиционные кустарники высаживались вперемежку с новыми растениями, привезёнными из-за границы.

Огороды же были скрыты стенами жилых изгородей. Так называемый *kitchen garden* или *potager* от фр. *jardin potager* – орнаментальный огород происходит из садов французского ренессанса и барокко, где травы и цветы высаживаются вместе с овощами с учетом полезности, цвета и формы [16].

Влияние на европейские сады британский стиль окажет благодаря присущей только ему концепции ландшафтного парка, в котором:

- озера неправильной формы создавались как для отражения в воде пейзажа, так и для отдыха;
- каскады водопадов и ручьи представляли собой непрерывно движущуюся панораму;
- гроты, храмы и причудливые постройки имели двойное назначение и служили чайными комнатами или обзорными площадками, а в зарослях и перелесках можно было найти укрытие и уединение.

Являясь невидимой границей для скота, пасшегося на полях, рвы препятствовали его проникновению в сад. Газо-

ны начинались от дома и их обрамляли бордюры из однолетних травянистых растений, а по проложенным извилистым дорожкам, можно было обойти весь парк [Georgian Garden, 2005]. Примерно в это время бордюры обогатились китайской гвоздикой и астрой, камнеломкой, вероникой длиннолистной, каландринией.

В Викторианскую эпоху ненадолго произошёл возврат к более формальному виду сада, который сменился более естественной вписанной в пейзаж планировкой сада. Дикие сады набирают популярность, как вызов индустриальному миру [Victorian-gardens 1837]. В результате массового увлечения коллекционированием растений, начавшегося в XIX в. сады украсили коллекции растений со всего мира; оранжереи позволили выращивать прихотливые растения у себя дома, появились дендрарии и питомники луковиц и семян. Цветочные клумбы теперь представлены в более ярких цветах, среди которых красный, пурпурный, королевский голубой.

В моду входят рокарии благодаря многочисленным экспедициям в ранее недоступные горные районы (так появляется рододендрон, привезённый из Непала). С помощью передовых технологий развиваются огороды, все разнообразнее становится список выращиваемых овощей и фруктов. В настоящее время Английский сад является воплощением лучших традиций и, благодаря любви англичан к истории и бережному отношению к своему прошлому, мы можем встретить сады, характерные для той или иной эпохи. Хотелось бы отметить, что у описываемых этапов его развития нет чётких границ, деление на них условно. Иногда одни и те же растения появлялись различными путями из одних и тех же стран. Тем не менее, особое географическое положение страны, политический вес на мировой арене, развитие её экономики и науки, сохранение и приумножение традиций позволили создать то, что теперь мы обобщённо называем английским садом.

Список литературы:

- Рандхава М.С. Сады через века / Пер. с англ. Л.Д Ардашникова. М.: Знание, 1981. 320 с.
- Род 3. Лириодендрон - Liriodendron L. Деревья и кустарники СССР. Дикорастущие, культивируемые и перспективные для интродукции. Т. 3. Покрытосеменные. Семейства Троходендроновые – Розоцветные / Ред. С.Я. Соколов. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 872 с.
- Цветник // Большая советская энциклопедия: в 30 тт. Т. 28 / гл. ред. А.М. Прохоров. Франкфурт-Чага-М.: Советская энциклопедия, 1978.
- Эвелин Дж. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 тт. СПб., 1890-1907, Т. XL, 1904. С. 129.
- Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 тт. Британия и Европа. СПб., 1890-1907, Т. IVa, 1891. С. 679-681.
- Cobb M. The seventeenth-century scientists who unraveled the secrets of sex, life, and growth. N.Y.: Bloomsbury, 2006. 256 p.
- Dictionary of National Biography. Volume 57. L.: Elder Smith & Co, 1890. 462 p.
- Dictionary of National Biography. Volume 21. L.: Elder Smith & Co, 1899. 440 p.
- Electronic resource. URL: http://www.bbc.co.uk/legacies/heritage/england/teesside/article_1.shtml (accessed 20.11.2018).
- Electronic resource. URL: <https://www.express.co.uk/life-style/garden/455185/Alan-Titchmarsh-on-creating-a-style-statement-kitchen-garden> (accessed 20.11.2018).
- Electronic resource. URL: <https://www.nationaltrust.org.uk/features/georgian-gardens-1714-1830> (accessed 20.11.2018).
- Electronic resource. URL: <https://www.nationaltrust.org.uk/features/victorian-gardens-1837-1901> (accessed 20.11.2018).
- Electronic resource. URL: https://www.theenglishgarden.co.uk/expert-advice/design-solutions/design_tudor_garden_style_1_3833392/ (accessed 20.11.2018).
- Gross M. Lessons from the frugal grand tour. Frugal traveler [Электронный ресурс] // New York Times. 2008. September 29. URL: <http://frugaltraveler.blogs.nytimes.com/2008/09/05/lessons-from-the-frugal-grand-tour/index.html> (дата обращения: 20.11.2018).
- Some Account of English Deer Parks: With Notes on the Management of Deer, Evelyn Philip Shirley [Электронный ресурс]. L., 1867. 267 p. URL: https://books.google.co.uk/books?id=FYdOAAAAMAAJ&printsec=frontcover&dq=deer+leap&hl=en&redir_esc=y#v=onepage&q=deer%20leap&f=false (дата обращения: 20.11. 2018).

Об авторе:

Кузнецова Мария Валерьевна – преподаватель Кафедры английского языка №2 МГИМО МИД Российской Федерации. Россия, 119454, г. Москва, Проспект Вернадского 76. Сфера интересов в науке об языке: грамматические трудности перевода, идиоматика, языкознание, страноведение. E-mail: brainstorm1@mail.ru.

ENGLISH GARDEN AND ITS HISTORY

Maria V. Kuznetsova

Abstracts. *From ancient times people have been seeking for the beautiful and it found reflection in art, sculpture and literature. As the man's life can't be separated from nature and the desire to be surrounded by it is inherent it's vital to visualize dear images, connected with science and technical development, new trade routes in response to the changes in the political situation in Europe, discoveries of new continents, importation and selection of new, their adaptation to the British climate.*

Cultivation and growing plants and subsequently horticulture became an essential condition of survival on the one hand and aesthetic necessity on the other. This article traces the concept of "English garden" that has been changing for ages as well as different styles which characterize the stages of its development and correspond to six eras of its existence. It's worth mentioning that the 18th century introduced a number of styles such as Forest, Augustan, Serpentine, Picturesque and Landscape. Visiting Great Britain one can enjoy walks in the gardens of different styles and epochs, see the traditions cared with solicitude, plunge into this or that epoch. Let us mark home researchers of this topic D.O. Shvidkovskiy and his work "British gardens and their reflection in Europe", describing British culture influence on Europe. A.P. Vergunov and V.A. Gorohov analyse in detail the origin of the English garden and its appearance in Russia.

Key words: English garden, garden styles, Tudor garden, Stewart garden, Georgian garden, Victorian garden, regular Park, landscaped Park, deer Park, UK, British Isles.

References:

Randhava M.S. *Sady cherez veka* [Gardens through the ages] / Trans. from English L. Ardashnikova. Moscow, Knowledge, 1981. 320 p. (In Russian).

Rod 3. *Liriodendron Derev'ya i kustarniki SSSR. Dikorastushchie, kul'tiviruemye i perspektivnye dlya introdukcii. T. 3. Pokrytosemennye. Semejstva Trohodendronovyje – Rozocvetnyje* [Liriodendron - Liriodendron L. Trees and shrubs of the USSR. Wild-growing, cultivated and promising for introduction. T. 3. Angiosperms. Trohodendron families – Rosaceae] / Ed. S.Y. Sokolov. Moscow-Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1954. 872 p. (In Russian).

Cvetnik [Flower Garden]. *Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija: v 30 tt. T. 28* [Great Soviet Encyclopedia: 30 tt. T. 28] / Ed. A.M. Prokhorov. Frankfurt-Chaga-Moscow, Soviet Encyclopedia, 1978 (In Russian).

Evelin Dz. *Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona : v 86 tt.* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary: in 86 vols]. Saint-Petersburg, 1890-1907, T. XL, 1904. P. 129 (In Russian).

Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 tt. Britanija i Evropa [Brockhaus and Efron Encyclopedic: in 86 vols. Britain and Europe]. Saint-Petersburg, 1890-1907, T. IVa, 1891. pp. 679-681 (In Russian).

Cobb M. *The seventeenth-century scientists who unraveled the secrets of sex, life, and growth.* New York, Bloomsbury, 2006. 256 p.

Dictionary of National Biography. Volume 57. London, Elder Smith & Co, 1890. 462 p.

Dictionary of National Biography. Volume 21. London, Elder Smith & Co, 1899. 440 p.

Electronic resource. URL: http://www.bbc.co.uk/legacies/heritage/england/teesside/article_1.shtml (accessed 20.11.2018).

Electronic resource. URL: <https://www.express.co.uk/life-style/garden/455185/Alan-Titchmarsh-on-creating-a-style-statement-kitchen-garden> (accessed 20.11.2018).

Electronic resource. URL: <https://www.nationaltrust.org.uk/features/georgian-gardens-1714-1830> (accessed 20.11.2018).

Electronic resource. URL: <https://www.nationaltrust.org.uk/features/victorian-gardens-1837-1901> (accessed 20.11.2018).

Electronic resource. URL: https://www.theenglishgarden.co.uk/expert-advice/design-solutions/design_tudor_garden_style_1_3833392/ (accessed 20.11.2018).

Gross M. Lessons from the frugal grand tour. Frugal traveler. *New York Times*. 2008. September 29. Available at: <http://frugaltraveler.blogs.nytimes.com/2008/09/05/lesons-from-the-frugal-grand-tour/index.html> (accessed 20 November 2018).

Some Account of English Deer Parks: With Notes on the Management of Deer, Evelyn Philip Shirley. London, 1867. 267 p. Available at: https://books.google.co.uk/books?id=FYdOAAAAMAAJ&printsec=frontcover&dq=deer+leap&hl=en&redir_esc=y#v=onepage&q=deer%20leap&f=false (accessed 20 November 2018).

About the Author:

Maria V. Kuznetsova – Lecturer of the Department of English Language №2, MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Russia, 119454, Moscow, Prospekt Vernadskogo 76. Sphere of interests in the science of language: grammatical difficulties of translation, idiomatics, linguistics, regional geography. E-mail: brainstorm1@mail.ru.

КИЛТ КАК СИМВОЛ ШОТЛАНДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Е.В. Воевода

Аннотация. Актуальность избранной для статьи темы обусловлена растущим интересом к современным проявлениям кельтской культуры, желанием почти половины населения Шотландии получить независимость, возрастающей привлекательностью этой части Соединённого королевства как туристического направления. В этой связи известные традиционные символы рассматриваются не только как торговые и этнотерриториальные бренды, но и как социально и этнокультурно значимые императивы.

Решение задачи определить факторы, повлиявшие на превращение килта в неформальный символ «шотландскости», вызвало необходимость рассмотреть понятие шотландской идентичности и роль килта в формировании различных видов её проявления – культурной, этнической и национальной. Анализ существующих подходов к изучению идентичности и определению этого понятия, предлагаемых специалистами в области психологии, философии, социологии и культурологии, позволяет сделать вывод: килт как один из неформальных символов Шотландии можно рассматривать как символ не только культурной, но и национальной идентичности. Последняя обусловлена тем, что Шотландия имеет такие формы государственности, как автономия, герб, флаг, гимн, собственный парламент и языки – скотс (англо-шотландский) и гэльский.

Процесс трансформации восприятия килта как символа шотландской культурной идентичности прошёл несколько этапов, которые определялись следующими факторами:

- а) до XVIII в. килт рассматривался как символ этнокультурной идентичности шотландских горцев, символ их культурной независимости;
- б) движение тартанизма положило начало процессу формирования общей шотландской этнокультурной идентичности;
- в) к началу XXI в. килт воспринимается как символ шотландской культурной и национальной идентичности;
- г) поддержка королевской семьёй традиции ношения килта способствовало возникновению нового явления – восприятию килта как символа не только шотландской, но и британской культуры в целом.

Ключевые слова: килт, тартан, культурная идентичность, клан, кельтский, национальный, культурный, этнический.

В последние десятилетия Шотландия всё чаще привлекает внимание жителей континентальной Европы в силу разных причин, среди которых:

- не только футбольные клубы (Селтик, Абердин и др.) и национальная сборная по футболу («Тартановая армия»), но и попытки выйти из состава Соединённого королевства;

- не только необычная природа и вересковые пустоши, но и уникальное культурное наследие.

Своим происхождением шотландцы обязаны кельтским племенам скотов (Scotland) и пиктов, причём именно слово Scot обозначает шотландца. В своё время королева Мария Стюарт, соперница Елизаветы I, была известна как «Мария, королева шотландцев». Шотландия всегда гордилась самостоятельностью, многовековой независимостью и даже собственными языками – шотландским английским (Scots) и шотландским гэльским (Gaelic). С конца XX в. в мире растёт интерес к кельтской культуре и её современным проявлениям. Массовым явлением стали клубы любителей кельтской культуры, фестивали кельтской музыки, ярмарки кельтских ювелирных украшений, одежды и изделий из тканей с кельтским орнаментом.

На Британских островах это явление особенно характерно для традиционно кельтских регионов – Ирландии, Уэльса, Корнуола и Шотландии. Ежегодный Эдинбургский фестиваль, являясь ярким событием в культурной жизни, собирает исполнителей со всего мира. Ежегодные Шотландские игры (The Scottish Highland¹ Games), проходящие также в Канаде, США, Австралии, Бразилии, Швейцарии, Венгрии, и чемпионат мира по шотландским танцам также являются ярким появлением «шотландского духа» и объединяют десятки тысяч людей. Участники всех этих мероприятий, мужчины и женщины, обязательно одеты в килт, часто дополненный клетчатым шарфом. Таким образом, килт выступает как бренд этнотер-

риториальный, несущий определённую информацию для туристов и участников вышеуказанных мероприятий [Малькова, 2010:134]. Это не случайное явление, поскольку «необычность и уникальность места, предмета и явления – важная составляющая привлекательной характеристики региона» [Малькова, 2010:135].

Когда говорят о символах Шотландии, помимо герба и Андреевского флага, обычно вспоминают чертополох, когда-то спасший скоттов от очередного вторжения викингов, волынку и килт, причём последние два символа своими корнями уходят в кельтскую культуру. В течение многих веков Шотландия была независимым королевством – её не смогли завоевать ни римляне, покорившие Британию, ни англосаксы, ни норманны. Это во многом помогло сохранить кельтскую самобытность этой части нынешней Великобритании и сформировать культурную идентичность шотландцев.

В современной научной литературе исследования вопросов идентичности проводятся психологами, культурологами, философами, историками и социологами. Формированию и трансформации культурной идентичности посвящены работы В.И. Русецкой [Русецкая, 2011], Л. Хадем Махсус Хоссейни [Khadem Makhsus Hosseini, 2018], М. Фонг и Р. Чуанг [Fong, Chuang, 2004]. А. Ян [Yan, 2018] исследует культурную идентичность сквозь призму психологии, а Д. Соллбергер [Sollberger, 2013] – в философском плане. Роль внешнего вида и, в частности, предметов одежды в формировании культурной идентичности подчёркивают В. Вагнер, Р. Сен, Р. Перманатели, С. Ховарт [Wagner et al., 2012].

В настоящем исследовании использованы методы изучения литературы и её анализа для выявления факторов, которые способствовали превращению килта в один из символов шотландской идентичности и определения форм этой идентичности. К.Л. Япринцева определяет культурную идентичность как «рефлексивные представления лично-

¹ Шотландия делится на равнинную часть – Лоуленд и гористую часть – Хайленд.

сти (либо общности), определяющие её сопричастность конкретной культуре, характеризующиеся относительной устойчивостью, в большей или меньшей степени осознанностью, выступающие средством объединения и одновременно дистанцирования по отношению к иным культурным группам и на данной основе формирующие модель социокультурного взаимодействия». Этот автор также подчёркивает роль моды как «транслятора идентификационных стратегий» [Япринцева, 2006: 13-14].

Переходя от уровня личности к уровню сообщества, отметим, что культурная идентичность существует на уровне социума и на уровне индивидов [Yan, 2018], при этом «коллективная идентичность <...> существует только в преломлении через идентичности индивидов», являющихся членами этого социума [Науменко, 2010: 170]. По мнению Е.П. Матузковой, коллективная культурная идентичность представляется как «самосознание общности, выступающее как динамическая информационно-знаковая система, являющаяся результатом саморефлексии – конструирования и представления единства общности как самобытного целого на основе культурных ценностей, норм и стереотипов» [Матузкова, 2014: 67].

Большинство людей идентифицируют себя с той или иной этнокультурой, причём индивид, будучи, например, поляком, выросшим в окружении шотландской этнокультуры, может идентифицировать себя именно с шотландской культурой. А система ценностей и норм жителей определённого региона (например, Хайленда) формирует территориальную идентичность [Осипов, 2011: 24].

Культурное сообщество обычно объединено этническими признаками, к которым относятся этническое сознание, язык, одежда, пища, культурные практики. Осознание индивидом «своей принадлежности к определённому этносу, наличия типичных для его представителей качеств» позволяет говорить об этнической идентичности [Энциклопедический словарь, 2011]. Т.Г. Грушевитская подчёркивает, что, хотя в массовом созна-

нии этнокультурная идентичность воспринимается как эквивалент национальной идентичности, это два разных, хотя и тесно связанных друг с другом понятия: «Этнос указывает на социокультурную общность людей, а нация обозначает территориальное, экономическое и лингвистическое объединение людей, имеющих социальную структуру и политическую организацию» [Грушевитская, 2016: 137]. Обозначенная в последнем определении роль языка верна в отношении моноэтнических и монолингвальных регионов, однако существует масса примеров, когда язык объединяет этнос, не имеющий государственности (цыгане), и выступает как составляющая часть этнокультурной идентичности.

Шотландию можно рассматривать как страну, имеющую все формы государственности, кроме независимости: она автономна, имеет свой герб, флаг, гимн, собственный парламент (распущен в 1707 г., восстановлен в 1999 г.) и языки – скотс (англо-шотландский) и гэльский. Интересно наблюдение Ю.В. Апрыщенко, отмечающего, что «шотландцы создали общество, где чувство нации лежит в народе и в культуре, а государственные формы лишь очерчивают его» [Апрыщенко, 2016: 17]. Даже древняя граница между Англией и Шотландией, проходившая по Адрианову валу, до сих пор воспринимается жителями северной страны как граница между государствами.

Именно это звучит во фразе, сказанной профессором Эдинбургского университета в разговоре с российскими преподавателями-стажёрами: «Those people down the border, you know whom I mean» (Эти люди, живущие вниз от границы, вы знаете, о ком я говорю). Известно, что многие шотландцы в определённых ситуациях способны идентифицировать себя с британцами, но никогда не идентифицируют себя с англичанами. Таким образом, здесь можно говорить о двойной идентичности – этнокультурной и национальной [Фадеева, 2005: 93].

Внешностью, в частности одеждой, жители Хайленда отличаются от своих южных соседей. Вот как описаны шот-

ландцы в «Весёлых нищих» Роберта Бёрнса²:

Под елью Шотландии горец рожден.
 Да здравствует *клан*! Да погибнет закон!
 Он знает равнину, и камень, и лог,
 Мой Джон легконогий, мой горный стрелок.
 В *тартановом* *пледе*, расшитом *пестро*,
 На *шапке болотного гуся перо*,
 Рука на *кинжале*, и взведен *курок*,
 Мой Джон легконогий, мой горный стрелок!³

Здесь представлен шотландский костюм и рельеф горной Шотландии с её ветреной погодой, морозными зимами и холодными ночами даже летом⁴. Поэтому не удивительно, что шотландцы приспособили плед в качестве одежды – как мужской, так и женской. Тартан представляет собой шерстяную ткань со скрещёнными вертикальными и горизонтальными полосами, образующими клетчатый орнамент. Шотландский шерстяной плед служил плащом, головным убором, нижней и верхней частью костюма. Размер настоящего «большого килта» составлял около 1,5 метров в ширину и до 7 метров в длину. Кусок плотной шерстяной ткани – *breacan* (*гэльск.* – *пёстрый, пятнистый*⁵) драпировался складками сзади на талии и крепился на поясе толстым широким ремнем. Таким образом, килт – это не юбка, как иногда его называют, а плед.⁶

Слово *килт* происходит из скандинавских диалектов германских языков и означает «подоткнутый, заправленный», восходя к древнескандинавскому (*Old Norse*) слову *kjalta* – сборчатая складка, документально зафиксированному в IX в. (Именно в это время участились набеги скандинавов на Британские острова.) Остаток пледа обматывался вокруг верхней части тела. В холод, дождь и снег плед служил капюшоном. Вся «лишняя» часть килта крепилась за ремнём сзади.

Свободная нижняя часть килта впереди скалывается булавкой – чтобы ветер не поднял ткань. Иногда булавка может использоваться для фиксации пледа на верхней части тела, но это уже неофициально. На килте нет и не может быть пуговиц и молний – только ремешки и пряжки.

Самое древнее описание шотландского мужского костюма относится к 1594 г. «Большой килт» (*Feileadh Mhor*) появился на рубеже XVI-XVII вв. Позже, в XVIII-XIX веках появился облегчённый вариант – «малый килт» (*Feileadh Beag*), который также назывался *Walking Kilt*. Именно малый килт используется сегодня и включает в себя уложенное складками и обёрнутое вокруг бедер шерстяное полотно, закрепленное на поясе ремнем, и плед, который перебрасывается через плечо. Настоящий килт не покупается в магазине, а шьётся на заказ, чтобы всё выглядело как надо: уложить складки – искусство; если это сделать небрежно, килт не будет смотреться.

Впереди к ремню (или цепочке) прикрепляется спорран – кожаный или меховой кошель, в котором мужчины носят всё то, что женщины кладут в сумочки. Спорран для торжественных случаев шьётся из меха (тюленя), а для повседневной носки используется кожаный. Вспомним снова Роберта Бёрнса: «Рука на

² Роберт Бёрнс. Весёлые нищие. Перевод Э.Г. Багрицкого. [Электронный ресурс] URL: <http://kniga.lib-ru/26raznoe/48443-1-veselie-nischie-berns-bagricky-material-vikiteki-svobodnoy-biblioteki-pereyti-knavigaciya-poisk-veselie-nischie-avtor.php>

³ Курсив автора статьи.

⁴ Шетландские и Оркнейские острова стали частью Шотландии в середине XV века, но их жители не переняли традицию носить килт.

⁵ Именно это слово использовал при переводе «Весёлых нищих» С.Я. Маршак: «Он был как щёголь разодет – берет с пером и пёстрый плед».

⁶ Горцы и равнинные шотландцы носят не только килт, но и клетчатые брюки трюэ (*trews*).

кинжале»: в официальных случаях сзади за поясом может крепиться шотландский кинжал – дирк.

На ногах – гольфы и, иногда, броуги (*гили броугз*) – одинаковые для мужчин и женщин легкие кожаные облегающие ногу башмаки без язычка на шнуровке. В Шотландии много болот, а из броугов вода легко выливалась наружу, их легче было вытаскивать из грязи. Броуги обычно надевают исполнители шотландских танцев. За подвязкой правого гольфа крепится чёрный нож – скин ду с прямым лезвием, причём видна только рукоятка.

На шапке – «болотного гуся перо», которое крепится кокардой или значком. Однако это не шапка, а берет (*тэм-о-шэнтер* – по имени героя стихотворения Роберта Бёрнса) с помпоном. А у шотландских волынщиков и у военных головной убор иной – *гленгарри* – шапочка чем-то похожая на пилотку.

Сверху мужчины надевают рубашку (обычно белую) и какой-либо вариант пиджака или куртки: от короткой куртки, в том числе военной, до твидового пиджака или смокинга. Рубашку с пиджаком дополняют, в зависимости от ситуации, обычный галстук или галстук-бабочка, а также плед или широкий шарф из тартана, который перекидывается через плечо и крепится брошью.

У шотландцев – вольных детей природы – и с одеждой всё сложилось, как в дикой природе, где самец имеет яркий окрас, привлекающий самок. А те, в свою очередь, выглядят скромнее: женский шотландский костюм исторически состоял из рубахи и двух юбок, фартука, жакета, шали/пледа и жакета. Дамы высокого положения следуют определенным правилам, которые предписывают повязывать тартановый шарф тем или иным способом и особым узлом.

В начале XIX в. появилось размежевание рисунков тартана в зависимости от клана. Сегодня существует целая служба, отслеживающая родословную кланов и их цвета. Считается, что носить чужие цвета – это серьёзный социальный промах – всё равно, что поднять на корабле чужой флаг. (То же можно сказать и о ме-

лодиях, исполняемых на волынке – у каждого клана есть свои мелодии.) Это правило не распространяется на иностранцев, которые могут носить так называемые «дженерики», то есть орнаменты, доступные всем. Они могут надевать и клетку какого-либо клана, но это никогда не делает их «своими»: шотландцы относятся к этому неодобрительно.

Шотландия и Англия всегда были политическими соперниками, поэтому исторически шотландский мужской костюм, главной частью которого является тартановый килт, был не только признаком этнокультурной и национальной идентичности, но и символом сопротивления. Когда в 1746 г. король Георг II Актом о платье (*The Dress Act*) запретил ношение килта, его демонстративно начали носить даже те шотландцы, которые прежде этого не делали: килт превратился в символ патриотизма и ещё больше сплотил шотландцев. Исследователи считают, что именно это было одним из факторов, положивших начало движению, получившему название «тартанизм» и оказавшему большое влияние на формирование шотландской идентичности. Суть его заключалась в распространении убеждения, «что культура Шотландского высокогорья является национальной культурой» [Меркулов и др., 2017], несмотря на то, что культуры Хайленда и Лоуленда были совершенно разными.

Затем англичане решили использовать воинственность и сплочённость шотландцев в своих целях, и в течение последующих 46 лет приглашали шотландцев в армию, где не только разрешали носить килт, но даже поощряли это. Такая ситуация объяснялась тем, что шотландские полки отправляли служить в колонии, в том числе, в Северную Америку – с глаз долой и от греха подальше. Это, однако, не дало ожидаемого эффекта, и тартанизм продолжил объединение нации.

В 1822 г. во время визита короля Георга IV в Шотландию, монарха встречали представители местной знати, одетые в килты, да и сам он надел по такому случаю специально для него подготовлен-

ный килт. Несмотря на то, что эта акция в какой-то мере напоминала костюмированный бал (всё мероприятие, носившее постановочный характер, было задумано и осуществлено Вальтером Скоттом – собирателем и пропагандистом шотландских легенд и традиций), престижность килта в глазах британской аристократии значительно выросла.

Статусность килта также укрепилась в период царствования королевы Виктории, которая не только прониклась любовью к Шотландии и симпатией к её жителям во время своей первой поездки в эту часть королевства, но и начала учить гэльский язык, чем снискала себе привязанность шотландцев. Именно Виктория ввела моду на тартановый орнамент, в результате чего женщины стали носить клетчатые платья, шали и накидки. Муж королевы, принц Альберт, в 1853 г. создал особый орнамент тартана – «Балморал», также называемый «Ройял» (королевский) – по названию любимого шотландского замка Виктории. Носить этот тартан могли только члены королевской семьи и королевский вольтер, однако в настоящее время эти ограничения не столь строги, как в XIX в.

Ткань с клетчатым шотландским рисунком получила распространение не только в Великобритании, но и по всей Европе. В России она известна как «шотландка», что прямо указывает на место её происхождения. Трансформированный аналог килта – клетчатая юбка – активно используется в качестве элемента школьной формы для девочек в самой Великобритании, а также в США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии, Японии, Таиланде, Турции, России и других странах.

Среди самых известных туристических сувениров, продающихся в Лондоне, – фигурки шотландских гвардейцев в красной форменной куртке и килте. Отметим, что для гостей из многих стран эти сувенирные куклы олицетворяют Великобританию. Килты различных расцветок для мужчин и для женщин продаются по всей Великобритании, также являясь одним из самых востребованных сувениров для туристов.

Вопреки распространённому мнению, что все шотландские мужчины всегда носят килт, существуют правила, предписывающие его ношение. На работу, в супермаркет, на рыбалку килт не носят. Для килта существуют торжественные случаи: свадьбы, похороны, праздники, фестивали⁷, дружеские вечеринки, встречи в клубе и т.п. На футбольных матчах, когда играет шотландская сборная, болельщики надевают килт, обозначая этим свою национальную принадлежность. Килт также носят военные, у которых на спорроне обязательно должна быть обозначена эмблема части. Последний раз шотландские полки, одетые в униформу с килтом, участвовали в боевых действиях во время Второй мировой войны. В 2014 г., во время проведения референдума о предоставлении Шотландии независимости, многие шотландцы надели килты в знак поддержки независимости, однако это не помогло им получить большинство голосов.

Килт также носят члены королевской семьи, которых никак нельзя назвать шотландцами: Виндзоры – потомки Саксен-Кобург-Готской династии, поменявшие немецкое династическое имя в период I Мировой войны. Сама королева продолжает традицию регулярных монарших визитов в Шотландию на отдых в замок Балморал, где её часто видят в килте королевского тартана Стюартов (личный тартан) или тартана Балморал. Принц Филипп, получивший перед заключением брака титул герцога Эдинбургского, носит килты различных расцветок. Чарльз, принц Уэльский, также имеющий титул герцога Ротсейского, принца и Верховного Стюарда Шотландии, носит тартан клана Стюартов и герцогского охотничьего тартана. Он является рыцарем Ордена Чертополоха – шотландского аналога Ордена Подвязки.

Таким образом, «шотландскость» членов королевской семьи закреплена и демонстрируется на государственном уровне не только через титулы, но и через килт как неофициальный национальный (шотландский и британский) символ, а национальные символы «фиксируют от-

ношение людей к окружающему социокультурному пространству и отражают процесс конструирования идентичности, определяют выбор людей, и отношение нации к реальным процессам прошлого и настоящего» [Апрыщенко, 2016: 25-26].

Восприятию «шотландскости» как части британской культурной идентичности также способствовала популярная серия книг Дж. Роулинг о Гарри Поттере: Хогвартс расположен где-то в Шотландии; имена директора Школы чародейства и волшебства также имеют шотландское происхождение: имя Альбуса Дамблдора перекликается с гэльским названием Шотландии – Alba; а фамилия Минервы МакГонагалл – типично шотландская, на что указывает префикс Мак-; да и вся атмосфера необычной природы и мистики весьма напоминает Шотландию.

В заключение можно сделать вывод, что процесс трансформации восприятия килта как символа шотландской культурной идентичности прошёл несколько

этапов и определялся следующими факторами:

- до XVIII в. килт рассматривался только как символ этнокультурной идентичности шотландских горцев, в периоды гонений превращаясь в этнокультурный символ шотландской независимости;

- движение тартанизма положило начало процессу идентификации лоулендеров с этнокультурой хайлендеров и, вместе с тем, формированию общей шотландской этнокультурной идентичности;

- в начале XXI в. килт воспринимается как символ шотландской культурной и национальной идентичности;

- поддержка королевской семьёй традиции ношения килта, активное развитие туристической индустрии, популярной литературы способствовало возникновению нового явления – восприятию килта как символа не только шотландской, но и британской культуры в целом.

Список литературы:

Апрыщенко Ю.В. Шотландия в Новое время: в поисках идентичностей. СПб.: Алетейя, 2016. – 730 с.

Грушевитская Т.Г. Национальная и этнокультурная идентичность в современном обществе // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. Выпуск № 12 (54). Часть 2. С. 137-139.

Малькова В.К. Исследование историко-культурных брендов территорий // Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии. Материалы Второй Международной научной конференции 26-27 мая 2010 г. в 2 т. Этнопсихология как междисциплинарная область знаний. Отв. ред. В.В. Гриценко. Смоленск: Универсум, 2010. Т. 1. С. 133-138.

Матузкова Е.П. Культурная идентичность: к определению понятия // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2014. № 2. С. 62-68. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-identichnost-k-opredeleniyu-ponyatiya> (дата обращения: 25.12.2018).

Меркулов П.А., Тюрин Е.А., Савинова Е.Н.. Культурно-исторические детерминанты формирования идентичности шотландцев: к вопросу о национальном самоопределении Шотландии // Былые годы. 2017. Т. 45. Вып. 3. С. 765-775.

Науменко Л.И. Этнической идентичности индивида к общенациональной идентичности народа. Специфика психологического и социологического исследовательских подходов // Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии. Материалы Второй Международной научной конференции 26-27 мая 2010 г. в 2 т. Этнопсихология как междисциплинарная область знаний. Отв. ред. В.В. Гриценко. Смоленск: Универсум, 2010. Т. 1. С. 168-171.

⁷ Как правило, шотландцы ничего не носят под килтом, однако нижнее бельё обязательно для танцоров и участников спортивных соревнований.

Осипов Д.В. Самоидентификация в коммуникативном поведении граждан США : Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Астрахань, 2011. 196 с.

Психология общения. Энциклопедический словарь. Под общей редакцией А.А. Бодалева. М.: Когито-центр, 2011. 2280 с. [Электронный ресурс] URL: https://www.e-reading.by/bookreader.php/1037915/Psihologiya_obscheniya_Enciklopedicheskiy_slovar.html (дата обращения: 25.12.2018).

Русецкая В.И. Трансформация процесса идентичности в современном социокультурном пространстве // Социологический альманах. 2011. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/transformatsiya-protssessa-identichnosti-v-sovremennom-sotsiokulturnom-prostranstve> (дата обращения: 25.12.2018).

Фадеева Л.А. Идентичность на пересечении интеграции и деволуции: шотландский кейс // Современная Европа. 2005. № 5. С. 91–99.

Япринцева К.Л. Феномен культурной идентичности в пространстве культуры: дис. ... канд. культурологии. Челябинск, 2006. [Электронный ресурс] URL: <http://www.disscat.com/content/fenomen-kulturnoi-identichnosti-v-prostranstve-kultury> (дата обращения: 25.12.2018).

Fong M., Chuang R. Communicating Ethnic and Cultural Identity. Rowman & Littlefield Publishers, 2004. 408 p.

Khadem Makhsus Hosseini L. Transformation of Iranian Women's Cultural Identity. Thesis for PhD degree in Cultural Studies : 24.00.01. Moscow, 2018. 261 p.

Sollberger D. On identity: From a philosophical point of view // Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health. 2013. No. 7 (1). P. 1-10.

Wagner W., Sen R., Permanadeli R., Howarth C.S. The Veil and Muslim Women's Identity: cultural pressures and resistance to stereotyping // Culture & Psychology. 2012. No. 18 (4). P. 521-541.

Yan A. Cultural Identity in the Perspective of Psychology. Journal of Psychological Research. 2018. Vol. 1. P. 25-30. Available from: https://www.researchgate.net/publication/328534190_Cultural_Identity_in_the_Perspective_of_Psychology [accessed Jan. 07 2019]. October 2018. DOI: 10.30564/jpr.v1i1.200

Об авторе:

Воевода Елена Владимировна – д.пед.н., доцент, заведующая кафедрой педагогики и психологии, профессор кафедры английского языка №2 Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД РФ. Россия, 119454, гор. Москва, Проспект Вернадского, 76. Научная специализация: культурология, кросс-культурная психология, педагогика. E-mail: elenavoevoda@yandex.ru.

THE KILT AS A SYMBOL OF SCOTTISH IDENTITY

E.V. Voevoda

Abstracts. *The relevance of the research is determined by the growing interest to modern manifestations of Celtic culture, the desire of almost half of the population of Scotland to gain independence and the increasing attractiveness of Scotland as a tourist destination. As a result, the traditional symbols are viewed not only as trade and ethno-territorial brands, but also as social and ethnoculturally relevant imperatives. To achieve the objectives of defining the factors that influenced the transition of the kilt into an informal symbol of "Scottishness" it was imperative to consider the concept of Scottish identity and the role of the kilt in constructing its various forms: cultural, ethnic and national. The analysis of the existing approaches to studying identity and definitions of the concept suggested by psychologists, philosophers, sociologists and experts in cultural studies allows to conclude that the kilt as one of the informal symbols of Scotland can be considered as a symbol of both cultural and national identity: the latter is explained by the fact that Scotland has such forms of*

statehood as autonomy, a coat of arms, a flag, an anthem, its own parliament and languages – Scots (Anglo-Scottish) and Gaelic.

The tradition of wearing the kilt by the representatives of the royal family, popularizing “Scottishness” by means of the tourist and entertainment industries makes it possible to speak about a new phenomenon – the perception of the kilt as the symbol of both Scottish and British culture.

Key words: *kilt, tartan, cultural identity, national identity, ethnic identity, clan, Celtic.*

References:

Apryshchenko YU.V. Shotlandiya v Novoe vremya: v poiskah identichnostej [Scotland and the New Time: in search of identities]. SPb.: Aletejya, 2016. – 730 s. (in Russian)

Grushevitskaya T.G. Nacional'naya i ehtnokul'turnaya identichnost' v sovremennom obshchestve [National and ethnocultural identity in modern society]. Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal – International research journal. 2016, no. 12 (54), part 2, pp. 137-139 (in Russian).

Mal'kova V.K. Issledovanie istoriko-kul'turnyh brendov territorij [The Research of historic-cultural Brands of Territories]. Teoreticheskie problemy ehtnicheskoj i kross-kul'turnoj psihologii – Theoretical problems of ethnic and cross-cultural psychology. Materialy Vtoroj Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 26-27 maya 2010 g. v 2 t. Ehtnopsihologiya kak mezhdisciplinarnaya oblast' znaniy. Otv. red. V.V. Gricenko. Smolensk: Universum, 2010. T. 1. S. 133-138. (in Russian)

Matuzkova E.P. Kul'turnaya identichnost': k opredeleniyu ponyatiya [Cultural identity: defining the concept]. Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psihologiya – Herald of the Baltic I. Kant Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology. 2014. № 2. S. 62-68. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-identichnost-k-opredeleniyu-ponyatiya> (Accessed 25 December 2018). (in Russian)

Merkulov P.A., Tyurin E.A., Savinova E.N.. Kul'turno-istoricheskie determinanty formirovaniya identichnosti shotlandcev: k voprosu o nacional'nom samoopredelenii SHotlandii [Cultural and Historical Determinants of the Formation of the Identity of the Scots: the Question of the National Self-Determination of Scotland]. Bylye gody. 2017. T. 45. Vyp. 3. S. 765-775. (in Russian)

Naumenko L.I. Ot ehtnicheskoj identichnosti individa k obshchenacional'noj identichnosti naroda. Specifika psihologicheskogo i sociologicheskogo issledovatel'skih podhodov [From the ethnic identity of an individual to the national identity of a whole people. The specifics of the psychological and sociological research approaches]. Teoreticheskie problemy ehtnicheskoj i kross-kul'turnoj psihologii – Theoretical problems of ethnic and cross-cultural psychology. Materialy Vtoroj Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 26-27 maya 2010 g. v 2 t. Ehtnopsihologiya kak mezhdisciplinarnaya oblast' znaniy. Otv. red. V.V. Gricenko. Smolensk: Universum, 2010. T. 1. S. 168-171. (in Russian)

Osipov D.V. Samoidentifikaciya v kommunikativnom povedenii grazhdan SSHA [Self-identity in communicative behavior of US citizens]: Dis. ... kand. filol. nauk – PhD thesis: 10.02.19. Astrahan', 2011. 196 s. (in Russian)

Psihologiya obshcheniya. EHnciklopedicheskij slovar' [Communication psychology. Encyclopedic dictionary]. Pod obshchej redakciej A.A. Bodaleva. M.: Kogito-centr, 2011. 2280 s. Available at: https://www.e-reading.by/bookreader.php/1037915/Psihologiya_obscheniya_Enciklopedicheskij_slovar.html (Accessed 25 December 2018). (in Russian)

Ruseckaya V.I. Transformaciya processa identichnosti v sovremennom sociokul'turnom prostranstve [Transformation of the process of identity in the modern sociocultural space]. Sociologicheskij al'manah – Sociological almanach. 2011. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/transformatsiya-protsesta-identichnosti-v-sovremennom-sotsiokulturnom-prostranstve> (Accessed 25 December 2018). (in Russian)

Fadeeva L.A. Identichnost' na peresechenii integracii i devolyucii: shotlandskij kejs [Identity at the crossroads of integration and devolution: the case for Scotland]. Sovremennaya Evropa – Modern Europe. 2005. № 5. S. 91–99. (in Russian)

YAprinceva K.L. Fenomen kul'turnoj identichnosti v prostranstve kul'tury [The phenomenon of cultural identity in the space of culture]: dis. ... kand. kul'turologii – PhD thesis. CHelyabinsk, 2006. Available at:

<http://www.dissercat.com/content/fenomen-kulturnoi-identichnosti-v-prostranstve-kultury> (Accessed 25 December 2018). (in Russian)

Fong M., Chuang R. *Communicating Ethnic and Cultural Identity*. Rowman & Littlefield Publishers, 2004. 408 p. (in English)

Khadem Makhsus Hosseini L. *Transformation of Iranian Women's Cultural Identity*. Thesis for PhD degree in Cultural Studies : 24.00.01. Moscow, 2018. 261 p. (in English)

Sollberger D. On identity: From a philosophical point of view. *Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health*. 2013. No. 7 (1). P. 1-10. (in English)

Wagner W., Sen R., Permanadeli R., Howarth C.S. The Veil and Muslim Women's Identity: cultural pressures and resistance to stereotyping. *Culture & Psychology*. 2012. No. 18 (4). P. 521-541. (in English)

Yan A. Cultural Identity in the Perspective of Psychology. *Journal of Psychological Research*. 2018. Vol. 1. P. 25-30. Available from: https://www.researchgate.net/publication/328534190_Cultural_Identity_in_the_Perspective_of_Psychology. October 2018. DOI: 10.30564/jpr.v1i1.200 [accessed January 07, 2019] (in English)

About the Author:

Elena V. Voevoda – Doctor Habil. (Education), PhD (Education), Head of the Department of Pedagogy and Psychology, Professor at #2 English Language Department, Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs of Russia; 76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. Specialization: linguistic and cultural studies, cross-cultural psychology, pedagogy. E-mail: elenavoevoda@yandex.ru.

НУЖЕН ЛИ ПАЛЕСТИНЦАМ УНИВЕРСИТЕТ?

Н.А. Успенская

Аннотация. Статья посвящена проблеме образования в Палестине на современном этапе, той роли, которая принадлежит высшим учебным заведениям ПНА в трудный период её развития, когда определённые круги, в том числе и среди учёных, пытаются доказать бесперспективность самостоятельного развития палестинцев, как народа, как нации. В ней показана роль палестинских высших учебных учреждений в жизни страны, в особенности университета Бирзейт, в котором автор провёл некоторое время со своими студентами, описаны некоторые личные впечатления автора от пребывания в Палестине и факты, с которыми она столкнулась в самом университете Бирзейт. В частности, в статье нашли отражение работа университета, структура факультетов, отделений, программы, содержание научной и педагогической сфер.

Цель данного исследования – показать роль университетского образования для народа, который проживает в условиях оккупации и находится на грани полной потери своей независимости. Основные методы, использованные в данной статье, – это наблюдение, описание и обобщение. В результате исследования автор характеризует роль высшего образования в Палестине не только для ПНА, но и для всего региона.

В этой связи в статье приводится обзор самых крупных высших учебных заведений Палестины; автор акцентирует своё внимание на создание первого после оккупации палестинского города Раваби как своего рода «палестинской Силиконовой долины», сооружённого на средства палестинского миллиардера Башара аль-Масри и на инвестициях, поступивших от бизнесменов Катара; показывает вывод, что благодаря высокому уровню высшего образования создались перспективные условия для участия палестинцев в интеграционных международных научно-технических парках, создание которых в настоящее время активно разрабатывается, это позволяет создать принципиально новые хозяйственные механизмы, что важно не только для палестинской экономики, но и для всего арабского мира в целом.

Ключевые слова: Бирзейтский университет, высшее образование, Палестина, высокие технологии, научные парки, факультеты, учебные программы, инфраструктура, Раваби, Башар аль-Масри.

Многие израильские политики и эксперты отрицают факт существования палестинской нации, называя Палестину «землёй без народа». Этот тезис, выдвинутый британским сионистом И. Зангвиллем [Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона], впоследствии поддержанный Т. Герцелем [Герцель, 1896], оправдывает политику сионизма, когда происходит захват этой земли и её передача «народу без земли», то есть евреям. Во время нашей со студентами последней поездки на Святую Землю мы отправились на экскурсию по Галилее, и экскурсовод, выходец из России и гражданин Израйля, практически сразу стал нам внушать эту «истину». По его словам, нет и никогда не было такого народа, что это сброд иммигрантов из Сирии, Ливана и разных других арабских стран, что эти люди не способны создать собственное государство, да и сами не хотят его создавать. Что они ленивы, у них нет производства, они привыкли жить на подачки и другой жизни не хотят.

При этом выяснилось, сам он никогда не был на территории, которая всё ещё принадлежит палестинцам, так как при въезде на неё висят написанные израильскими властями объявления, что гражданам Израйля запрещается пересекать эту границу, так как это представляет угрозу их жизни. Вероятно, многие экскурсоводы в Израйле получили указание вести просветительскую работу с приезжими туристами. Однако нас агитировать было бесполезно, так как мы были гостями тех самых «несуществующих» палестинцев в Бирзейтском университете. Мы жили в комфортабельном «Маскан Талаба» (студенческом общежитии), ходили на лекции в Университет, пользовались библиотекой, посещали традиционные мероприятия.

Среди таковых – ежегодный фестиваль Бирзейт, которому придавалось огромное значение. Мы приехали на фестиваль вместе с представителем российского консульства и на дипломатической машине. Её остановили при въезде и не помогли ни пригласительные билеты, ни дипломатическое удостоверение, охрана

была непреклонна. В то же время другие машины со специальными пропусками проезжали на территорию Университета. Только после звонка к представителю ректората нашу машину пропустили внутрь. Таковы были меры безопасности.

Фестиваль длился два дня, в течение этого времени наряду со студентами выступили наиболее популярные палестинские музыкальные группы, среди них «Валляат» и «Санабиль», звучал традиционный палестинский музыкальный инструмент – уд, танцевальные коллективы виртуозно исполняли «Дабку», традиционный танец многих арабских народов. Открыл фестиваль ректор Университета Абдель Лятыф Абуль Хиджля, который говорил на чистом литературном языке, упомянул сложные условия, в которых работает Университет. Его встретили овациями.

Стоит отметить, что на фестивале царил комфортная обстановка. Никаких горячительных напитков, разговоры были без экзальтации. Преподаватели были с семьями – пожилыми родителями, жёнами, мужьями, детьми. При исполнении любимых песен подпевали, хлопали в такт музыки. Студенты располагались на задних рядах и вели себя очень достойно. На этом фестивале мы впервые близко столкнулись с палестинцами и были приятно удивлены. Они оказались простыми, доброжелательными, дружными и были лишены налёта, который принесла с собой цифровая революция и массовая поп-культура.

Искусству национального танца в Палестине уделяется большое внимание. В ряде городов: Рамалле, Вифлееме, Аль-Бире, Джанине регулярно проходят фестивали «Современного национального танца». В 2014 г. там проходил 9-й тур, в котором участвовало 29 коллективов из Туниса, Великобритании, Норвегии, Австралии, Канады и ряда других стран [Зейдан Бадиа, 2014]. Мы заметили одну особенность палестинцев, которая не всегда отличает людей Востока. В маршрутных такси, где часто не удаётся заплатить без сдачи, водитель никогда не

оставит хоть самый малый излишек себе. Он, виртуозно лавируя между машинами на серпантине, обязательно отыщет нужную монету и передаст через пассажиров. То же самое мы отметили и в магазинах. К тому же, если упаковщик в супермаркете поможет вам донести покупки до машины, он не возьмёт чаевых, даже не попытается их ему вручить.

Бирзейтский университет

На территории Университета находится национальный музей, в котором собраны важные этнографические материалы, фотографии, костюмы, сохранившиеся ещё с позапрошлого века, вышивки, другие экспонаты, которые показывают, как жили и развивались палестинцы именно как особый народ, особая нация. Эти экспозиции сопровождаются специальным кинофильмом на нескольких языках.

Университет находится в городе Бирзейт, в нескольких километрах от Рамаллы. Первоначально это была начальная школа для девочек, которую организовала и возглавляла в 1924 г. Набиа Насир. Это была первая школа для девочек Бирзейта и окрестных деревень. Позднее, в 1930 г. в ней стали обучать и мальчиков. В школе начали давать среднее образование, и она стала называться колледжем. В 1953 г. был введён одногодичный курс наук и искусства, который затем был преобразован в двухгодичный и школа стала считаться высшим учебным заведением. Это было единственное учебное заведение на Западном берегу, которое позволяло получить высшее образование, поэтому в нём отменили преподавание в младших классах и по школьной программе. И в 1960-е гг. оно стало развиваться исключительно как высшее учебное заведение. Началась разработка четырёхлетних программ ба-

калавриата по наукам и искусству. В 1977 г. он получил статус университета [Университет Бирзейт, 2015 – 2018].

В 1977 г. Бирзейтский университет стал членом Международной Ассоциации университетов (МАУ) [Бирзейтский университет]. В нём сегодня можно получить образование на следующих факультетах:

- арабо-исламской истории;
- изучения современного арабского языка;
- образования и педагогики;
- социологии и наук об обществе;
- изящных искусств;
- компьютерных наук и информатики;
- инженерии;
- естественных наук;
- юриспруденции, административных наук и государственного управления;
- сестринского дела и ухода за больными и фармацевтики;
- экономических наук и коммерции.

В Бирзейтском университете сейчас получают образование около 11 тысяч студентов, и работают около тысячи преподавателей, в том числе приезжающих из других стран читать лекции, вести практические занятия [Бирзейтский университет].

Одним из самых первых появился «Факультет естественных наук». Он был основан ещё до официального признания за учебным заведением статуса университета в 1972 г. В 1976 г. были созданы программы бакалавриата факультета, он стал заниматься изучением и развитием точных и прикладных наук. Число обучаемых студентов было более 600, девушки при этом составляют 90%. Количество преподавателей на факультете составляло около 60, большинство из них имели докторскую степень. Изучаемые предметы охватывали более десяти областей таких наук, как физика, химия, биология, экология, математика. На факультете проводились семинары по развитию методики преподавания, также оказывались услуги фирмам и учреждениям в виде научных рекомендаций. Здесь была

создана первая в Палестине обсерватория, которая стала проводить астрономические наблюдения, в которых участвовали преподаватели и студенты, а также представители разных слоёв общества, увлечённые астрономией *يُصنِّعون المراصد في كلِّ مكان*. [Информационный выпуск, 2018].

На факультете есть четыре отделения: математики, физики, химии, биологии и органической химии. На каждом отделении ведётся обучение по нескольким программам. Есть отделение магистратуры по направлениям: прикладной химии, математики, физики, экологии, водных ресурсов, экономики, прикладной математики.

Другим факультетом является «Факультет образования и педагогики». В 1976 г. он первым в Палестине подготовил и выпустил программу по международным исследованиям в области педагогики. Факультет осуществляет руководство программами высшего образования в Палестине. Здесь разработаны программы по естественным и прикладным наукам, строительству, проектированию, информационным технологиям, медицине, воспитанию, общественным и гуманитарным наукам, экономике, бизнесу, праву. В Университете действуют 30 магистерских программ, среди них по арабской истории и исламу, по экологии, по праву, международным отношениям, здравоохранению, вычислительной технике, современным технологиям и другие.

«Факультет компьютерных наук» и информатики производит обучение на отделениях электроники и компьютеров, механики и электроники, компьютерных технологий. Ещё одним факультетом, который был сформирован в самом начале, является «Факультет изучения современного арабского языка», или филологический факультет. Он был основан в 1972 г. В нём ведётся обучение на 14 отделениях, среди которых отделения арабского языка и литературы, английского языка и литературы, французского языка и литературы, перевода, общественных наук, философии и другие.

После 2000 г. был открыт ряд новых факультетов, которые пользуются большой популярностью. Это «Факультет юриспруденции, административных наук и государственного управления» и «Факультет сестринского дела, ухода за больными и фармацевтики». Юридический факультет был образован в соответствии с потребностью в специалистах в области управления, права, судебных органов и юридических консультаций. В 2005 г. на нём была разработана программа по политологии и подписаны соглашения и меморандумы со многими зарубежными вузами. Здесь есть следующие отделения: права, общественного управления, политологии, на которых ведётся обучение по пяти программам, а также отделение магистратуры.

Медицинский факультет был основан в 2008 г. с целью повышения профессионального уровня и научных исследований. Он готовит специалистов следующего профиля: медперсонал, специалистов в области питания, диетологов, фармацевтов, логопедов, лаборантов, специалистов в области медицинского просвещения, медперсонал, который способен работать на самом современном оборудовании в любых медицинских учреждениях. Здесь есть отделения: по подготовке медперсонала, питания и диетологии, фармацевтики, логопедии. Есть отделение магистратуры в области лабораторных исследований и производства лекарств.

При факультете существует институт Самиха Друза, в котором происходит передача современных технологий в производстве лекарств при соблюдении высоких стандартов в Палестине, с целью соответствия международным стандартам. Осуществляется сотрудничество между факультетом и местными и региональными лекарственными предприятиями. В Университете действует Центр лабораторных исследований, который начал свою работу с разработки лекарств и развития местных лекарственных препаратов Палестины. Направления деятельности центра – лекарственная безопасность, продуктовая безопасность,

качество воды и экология, производные нефти и минеральных масел [Информационный выпуск, 2018].

Во время пребывания в Бирзейтском университете мы посещали лекции, знакомились с преподавателями, обменивались мнениями по поводу преподавания, обсуждали трудности, которые возникают в учебном процессе и не чувствовали дискомфорта, так как не было разницы в уровне, были примерно те же задачи, те же проблемы. Во время занятий преподаватели активно пользовались мультимедийными средствами, часто возникал интерактив между студентами и преподавателем, к которому последний всячески поощрял. Нас доброжелательно встречали и наши палестинские коллеги, и студенты.

Нужно сказать, что в Палестине вообще с большой симпатией и интересом относятся к России и русским. Это проявляется везде, и среди наших коллег в университете, на улицах, в магазинах, в такси. Особенно в магазинах, вас сразу угощают кофе, приглашают посидеть в прохладном помещении. А у одного студента в кафе, куда он несколько раз заходил, перестали даже брать плату за кофе и кальян, объявив: «Мы с друзей плату не берём». Нередко встречались люди, в том числе и владельцы магазинов, дети которых учились в России, чаще всего в медицинских и технических вузах. А в Иерихоне центральная улица носит имя нашего премьер-министра Дмитрия Медведева.

Бирзейтский университет – это целый город с прекрасной инфраструктурой. Здесь хорошо оснащённые здания факультетов, большая современная библиотека, несколько кафе и столовых, банк, медпункт, спортивные сооружения, книжные магазины, где, в частности, продаются книги и учебники, написанные профессурой университета. По мнению бывшего заместителя ректора Габи Брамли, который выпустил книгу «Мирное сопротивление: создание университета в условиях оккупации» на английском языке, студенты и преподаватели Университета, преодолевая препятствия, направленные против палестинцев, против их идентич-

ности и права на жизнь, продолжая учёбу и работу, доказали свою жизнестойкость и силу воли как народа, как нации. Кроме того Университет в какой-то мере смог остановить «утечку мозгов» палестинцев [Зейдан Бадиа, 2013].

Помимо Бирзейтского университета, в Палестине действуют и другие. Например, национальный университет «Ан-Наджх». Это государственное высшее учебное заведение было образовано в 1918 г. в городе Наблусе. В нём обучается около 20 тысяч студентов как из Палестины, так и из других арабских стран, и задействовано около 500 преподавателей. Также можно назвать Исламский университет в Газе, который действует с 1978 г. В нём обучается около 24 тысяч студентов и работает около 900 преподавателей. Палестинский политехнический университет – это частное учебное заведение, он начал свою деятельность в 1978 г. в городе Хеврон. В нём обучается около 6 тысяч студентов и работает около 400 преподавателей, имеется очное и заочное отделения, а также дистанционное обучение. Вифлеемский университет основан в городе Вифлеем в 1973 г., в нём обучается около 3 тысяч студентов и работает около 300 преподавателей. Всего в Палестине действует примерно 17 университетов, государственных, частных и иностранных [Университеты Палестины].

Более полувека Палестина живёт в условиях оккупации, по-другому состояние, когда население Западного берега зажато между израильскими поселениями, которые множатся, как по мановению волшебной палочки, назвать нельзя. Блокпосты, закрытые военные зоны, разделительная стена – это те факторы, которые составляют основу нынешнего положения этого народа. Палестинская национальная администрация контролирует лишь около 17% Западного берега. При таком положении должно показаться, что проблемы, связанные с образованием, стоят далеко не на первом месте. Но факты говорят совершенно о другом. Грамотность среди жителей Палестины составляет 92,4 %, что является самым

высоким показателем в арабском мире. [Удивительные факты, 2016]. 33% студентов в возрасте от 18 до 30 лет обучаются в университетах.

Образование стоит на одном из самых высоких мест в шкале ценностей палестинцев. До сих пор в Палестине использовалась египетская и иорданская системы обучения. В 1994 году было создано Министерство высшего образования и просвещения, началась разработка самостоятельной системы образования в Палестине. К 2004 году такая система была практически создана, в её основу были положены следующие принципы: образование – это гражданское право, образование – это основа гражданства, образование должно быть обновлённым и совместным, образование – это база для экономического и общественного развития [Удивительные факты].

Палестинское школьное образование рассчитано на 12 лет. Основная школа включает с 1 по 10 классы, 11 и 12 классы – это профильное образование. Помимо государственных школ на территории Западного берега действуют школы, организованные ЮНЕСКО для детей беженцев, агентство UNRWA осуществляет контроль над этими школами [Камаль Абу Сафия]

Число учащихся в средних школах растёт, например в 1947 г. в Палестине было 535 школ и 93.550 учеников, в 2001 г. число учеников выросло до 855.277. Однако количество школ не соответствует числу учащихся в них, классы переполнены, число учеников в классах государственных школ равняется 37, в школах, контролируемых UNRWA – 45 [Камаль Абу Сафия].

Ситуация с гендерным равенством на арабском востоке оставляет желать лучшего. Казалось бы, в Палестине она не должна выглядеть более оптимистично. Но это не так. Начальное, среднее и высшее образование в основном является совместным. А число женщин, которые обучаются в университетах в 2008 г. составило 57%. В Бирзейтском университете мы встречали многих студенток, как в хиджабе, так и без, всё за-

висит от взглядов женщины на ношение хиджаба.

В 2018 г. Бирзейтский университет был включён в международный список QS, который включает в себя 3% университетов мира. В этом году в список из семи иностранных изучаемых в университете языков был включён китайский язык. В том же году университет отметил сорок второй выпуск студентов [Абдель Лятыф Абуль Хаджля, 2018: 3].

За прошедшие годы Палестина пережила много потерь, но при это она сумела не потерять самое главное – веру в будущее. Это удивляет при общении с её жителями, они оптимистичны, по-настоящему верят в перспективу создания независимого государства, в то, что справедливость восторжествует. Они защищают свою личность и свою идентичность. Об этом свидетельствует, например, такой факт, как они относятся к воспитанию своих детей. Там существуют телепередачи, которые рассказывают детям о истории Палестины, о национальной кухне, о путешествиях в разные интересные места, знакомят с достопримечательностями. Одна из таких передач «» (Один из домов) неоднократно получала призы на мюнхенских фестивалях [«Бейт буйут ...», 2014].

С точки зрения израильтян, которые смотрят на палестинцев как на народ не второго, а даже самого низшего сорта, университеты для этого народа не нужны, это непозволительная роскошь. Ведь с их точки зрения палестинцы как народ, самостоятельная нация просто не существуют. Как же тогда эти люди расценивают город Раваби? Как безумие, сумасшедшую трату денег? Этот город вырос на расстоянии нескольких километров от Рамаллы. Его строительство началось в 2010 г. Он был запланирован как город высоких технологий, палестинская «Силиконовая долина». Основным спонсором этого проекта является палестинский бизнесмен Башар аль-Масри. Город рассчитан на проживание в нём около 40 тысяч человек.

Израиль был категорически против строительства Раваби, заявляя, что он

станет рассадником терроризма. До 2015 года он отказывался подключить его к системе водоснабжения. Сейчас там проживает 3 тысячи человек. Раваби – это удивительный город, который не похож ни на один восточный и западный город. Он стал любимым местом отдыха многих палестинцев, которые приезжают сюда семьями, чтобы посидеть в кафе на улице, посмотреть представление уличной труппы, выступление местных юмористов, детского театра. В Раваби приезжают музыкальные знаменитости, на концерты которых собираются до 10 тысяч человек в местный, скопированный с римского, амфитеатр.

Рядом с театром разбит небольшой парк с фонтаном, построенном вровень с полом. По нему весело бегают детишки, увёртываясь от струй. Рядом на мангале родители что-то запекают, приглашая вас присоединиться к ним. Впервые нас отвёз в этот город Амир Халиль, доктор права и заместитель ректора по международным связям. Потом мы много раз ездили туда сами. Особенно вечером, когда спадала жара, ярко светили звёзды, на центральной площади Раваби начиналось какое-нибудь музыкальное представление (не хочется употреблять расхожее слово шоу), а в самом крайнем от входа на площадь кафе поспевало самое вкусное блюдо – канафа. За столиками рядом располагаются палестинские семьи, обычно родители или один из престарелых родителей во главе стола, а по бокам дети, невестки, зятья, внуки. И это любимое место молодёжи, где можно поболтать, покурить кальян, выпить кофе. Никаких неприглядных инцидентов мы там не наблюдали. Дома в городе стоят как бы высеченными из скалы, в принципе так и есть – фундамент и есть часть скалы. Они желтоватого цвета, очень светлые. Много цветов и газонов.

Башар аль-Масри: «Я умею считать деньги. Но этот проект не ради них. Когда мы получим независимость, у нас должны быть перспективы развития. А пока я теряю здесь сотни миллионов долларов, потому что воду и электроэнергию кон-

тролируют израильтяне. Несколько дней город оставался без воды. Раваби нужны пять дорог, но я не могу согласовать их строительство с Израилем вот уже пять лет».

Палестинский бизнесмен намерен и дальше вкладываться в строительство города. Уже почти завершено строительство мечети, на очереди – православный храм и ещё семь новых школ [«Палестинский миллиардер...», 2017]. При этом строители города терпят не только материальные и технические трудности, город подвергается не критике, а желчным нападкам со стороны израильских идеологов. Его называют городом призраком, миражом, потёмкинскими деревнями, палестинским блефом [Бехор, 2018].

Так зачем же палестинскому народу, при всех его трудностях, нужны университеты и такие города, как Раваби? У этого народа очень сильны национальная идея и невероятно упорное стремление построить достойное будущее на своей земле. Поэтому будет уместным привести гипотезу российских профессоров из МГИМО, которые считают, что наиболее перспективными станут интеграционные объединения в виде международных научно-промышленных парков и технополисов. Кстати, Бирзейтский университет является членом Международной ассоциации научных парков [Абдель Лятыф Абуль Хиджля, 2018: 3].

В конце 1990 гг. ПНА совместно с Всемирным банком разработала концепцию экспортно ориентированных промышленных зон. Развитие этого направления поможет создать принципиально новую структуру палестинской экономики. Это стало бы новым хозяйственным механизмом для всего арабского мира. Палестинцы способны в короткие сроки создать комплекс высокоточных отраслей промышленности и услуг. Российские специалисты считают, что «Научно-техническая специализация палестинской экономики не только будет иметь большое значение для хозяйственного возрождения страны, но и станет своего рода прорывом в деле преодоления технологического от-

ставания арабского мира в целом... Среди факторов, способных ускорить формирование высокотехнологичной специализации палестинской экономики, следует выделить высокий образовательный уровень населения, наличие многочисленных высококвалифицированных кадров в диаспоре, существующие уже сейчас университетские центры...» [Федорченко, Крылов, Морозов, 2018: 383,384].

В заключении подчеркнём что:

1. Высокий уровень образования населения Палестины способен ускорить

формирование высокотехнологичной специализации палестинской экономики.

2. Создание интеграционных объединений в виде научно-промышленных парков и технополисов поможет вывести экономику Палестины и всего арабского мира на новый технологический уровень.

3. Палестинские научно-технические кадры высокоточных отраслей сыграют в этом процессе главную роль.

Список литературы:

- Абдель Лятыф Абуль Хаджля. Вступительная статья // Аль-Гадир. 2018. №7. С. 3.
- Бехор Гай. Мемориал палестинскому блефу: всё, что вы хотели узнать о Раваби [Электронный ресурс]. URL: <http://9tv.co.il/news/2018/08/24/261258.htm> (дата обращения: 10.12.2018).
- Бейт буйут ли атфалифиластынуа... аль алам (домашний канал для палестинских детей и ... мир) // Аль-Хайат, 2014. 7 мая. №1866.
- Бирзейтский университет [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 10.12.2018).
- Герцль Т. Еврейское государство [Электронный ресурс]. URL: <https://www.runivers.ru/lib/reader/64269/> (дата обращения: 10.12.2018).
- Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/ЕЭБЕ/Занвилль,_Израиль (дата обращения: 10.12.2018).
- Зейдан Бадиа. Мушаракамахаллийа фи махраджанрамаллалир-ракс аль-муасыр (Фестиваль современного танца в Рамалле) // Аль-Хайат. 2014. 12 апреля. №18635.
- Зейдан Бадиа. Таусикухикайат аль-джамиа (Подтверждение рассказов об Университете) // Аль-Хайат. 2013. 30 декабря. №18532.
- Информационный выпуск университета Бирзейт 2018г. *رضاح الاعداب و يضا الما ةقارع نم* "لبق تسم لال ي نبن" (Мин иракати аль-мадыуаибдаи аль-хадырнабни аль-мустакбаль – учитывая уроки прошлого, перестраивая настоящее, мы создаём будущее)
- Камаль Абу Сафия. Становление системы народного образования Палестины [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-sistemy-narodnogo-obrazovaniya-pal-estiny> (дата обращения: 10.12.2018).
- Палестинский миллиардер строит город, в котором есть всё [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/1963000/> (дата обращения: 10.12.2018).
- Удивительные факты об образовании в Палестине [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ansar.ru/education/udivitelnye-fakty-ob-obrazovanii-v-palestine> (дата обращения: 10.12.2018).
- Университеты Палестины [Электронный ресурс]. URL: <https://www.masterstudies.ru/университеты/Palestina/Birzeit-University-PAS/> (дата обращения: 10.12.2018).
- Федорченко А., Крылов А., Морозов В. Государство Палестина: право на будущее. М.: МГИМО МИД России, 2018. 429с.
- Электронный ресурс Университет Бирзейт. 2015 – 2018.
- Medine Kültürve Eğitim Derneği [Электронный ресурс]. URL: <https://tr.medinaschool.org/world/birzejtiskij-universite> (дата обращения: 10.12.2018).

Об авторе:

Успенская Нина Алексеевна – к.филол.н., доцент Кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО (университет) МИД России. 119454, Москва, Проспект Вернадского 76. E-mail: n.uspenskaya@mail.ru.

WHAY PALESTINE NEEDS UNIVERSITY?

Nina A.Uspenskaya

Abstracts. *The article is devoted to the problem of education in Palestine nowadays. It shows the role of the Palestine universities and Birzeituniversity in particular, in which the author spent some time with her students. The article gives some personal impression of the author of Birzeituniversity, the protheses of education in Palestine itself. The article depicts the details of the teaching, describes the faculties and the programs of the university. The author mentions the most important institutes of Palestine and its role in the most difficult time for Palestine, when some people and even scientists try to prove, that Palestinian people doesn't exist as a nation. The aim of the author is to show the role of university education for the people, which lives in the terms of occupation. The main methods of the author are the observation, description and generalization. She also touched the first Palestinian town, which was built during the period of occupation – Rawaby, the town of high technologies, so cold "Palestinian silicon wally". In result the author expressed her point of view about future role of Palestinian education not only in Palestine, but in the region of Middle East as a whole.*

Key words: *BirZeituniversity, high education, Palestine, Abdel Lateef AbulHijla, faculties, education programs, high technologies, scientific parks, Rawaby, Bashar al-Masry*

References:

Abdel Latif Abul Hidjla. *Vstupitel'naja stat'ja* [Introductory article]. Al'-Gadir - Al-Gadir, 2018, no. 7, P. 3 (In Arabic).

Behor Gay. *Memorial palestinskomu blefu: vsjo, chto vy hoteli uznat' o Ravabi* [A memorial to Palestinian blef, everything you want to know about Rawaby]. Available at: <http://9tv.co.il/news/2018/08/24/261258.htm> (accessed 10 December 2018) (In Russian).

Bejt bujut li atfalifilastynua... al' alam (domashnij kanal dlja palestinskih detej i ... mir) [Beit Buyut whether atfalifilastynua ... al alam (home channel for Palestinian children and ... peace)]. *Al'-Hajat - Al-Hayat*, 2014, May 7, no. 1866 (In Arabic).

Birzejskij universitet [Birzeit University]. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (accessed 10 December 2018) (In Russian).

Gertsel T. *Evreiskoye gosudarstvo* [Jewish State]. Available at: <https://www.runivers.ru/lib/reader/64269/> (accessed 10 December 2018) (In Russian).

Evrejskaja jenciklopedija Brokgauza i Efrona [Jewish encyclopedia of Brokgaus and Efron]. Available at: <https://ru.wikisource.org/wiki/> (accessed 10 December 2018) (In Russian).

Zeidan Badia. *Musharakamahallija fi mahradzhanramallalir-raks al'-muasyr* (Festival' sovremennogo tanca v Ramalle) [Musharakamahalliya fi mahradzhanramallar-raks al-Muasyr (Festival of Contemporary Dance in Ramallah)]. *Al'-Hajat - Al-Hayat*, 2014, April 12, no. 18635 (In Arabic).

Zejdan Badia. *Tausikuhikajat al'-dzhamia* (Podtverzhenie rasskazov ob Universitete) [Zeydan Badia. Tausikuhikayat al-Jamia (Confirmation of stories about the University)]. *Al'-Hajat - Al-Hayat*, 2013, December 30, no. 18532 (In Arabic).

Informacionnyj vypusk universiteta Birzeit 2018g. *يَنبَن رَضاحال عَادباو يَضامال عَاقار نم لبقت سمل* (*Min iraky al-madyaibdai al-hadirnabni al-mustakbal - uchityvaja uroki proshlogo, perestraivaja nastojashhee, my sozdajom budushhee*) [Information issue of the University Birzeit 2018. (Min

Irakati al-madyoubdai al-hadyrnabni al-mustaqbal) - taking into account the lessons of the past, restructuring the present, we create the future].

Camal Abu Safia. *Stanovlenie sistemy narodnogo obrazovaniya v Palestine* [Making of national education in Palestine]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-sistemy-narodnogo-obrazovaniya-palestiny> (accessed 10 December 2018) (In Russian).

Palestinsky miliarder stroit gorod v ktorom est vsyo [Palestinian multi-millionaire builds a town in which there is everything]. Available at: <https://www.ntv.ru/novosti/1963000/> (accessed 10 December 2018) (In Russian).

Udivitelniy facky ob obrazovanii v Palestine [Amazing facts of Palestine education]. Available at: <http://www.ansar.ru/education/udivitelnye-fakty-ob-obrazovanii-v-palestine> (accessed 10 December 2018) (In Russian).

Universitety Palestiny [Palestine universities]. Available at: <https://www.master-studies.ru/университеты/Palestina/Birzeit-University-PAS/> (accessed 10 December 2018) (In Russian).

Fedorchenko A., Krylov A., Morozov V. *Gosudarstvo Palestina: pravo na budushee* [The state of Palestine: the right for the future]. Moscow, MGIMO MFA Russia, 2018. 429 p. (In Russian).

Электронный ресурс Университет Бирзейт. 2015 – 2018.

Medine Kültürve Eđitim Derneđi. Available at: <https://tr.medina-school.org/world/birzejskij-universite> (accessed 10 December 2018) (In Arabic).

About the Author:

Nina Uspenskaya – PhD in Philology, Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations (University), Department of the Middle and Near East languages.

ПОНЯТЬ ДРУГОГО: ВЬЕТНАМСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОД

С.Е. Глазунова

Аннотация. Понимание другого – необходимое условие для полноценного общения и успешного взаимодействия с ним, установления доверительных отношений в процессе переговоров или совместной деятельности. Успешная межкультурная коммуникация предполагает готовность участников к восприятию, пониманию и принятию стереотипов поведения, нравов, обычаев, интересов, культурных ценностей другой этнокультурной общности. Для этого мало знать язык своего партнёра по диалогу, необходимо глубокое понимание смыслового наполнения различных знаков и символов, возникающих в процессе познания другой стороны, культурного кода как ключа к пониманию данной культуры.

Вьетнам – страна в Юго-Восточной Азии, с одной стороны, исторически связанная с Советским Союзом и поэтому нам известная. С другой стороны, в реальности знания большинства о ней ограничены и поверхностны. И несмотря на неизменно дружеские отношения между нашими странами, практическое наполнение нашего сотрудничества довольно часто не отвечает ожиданиям. Автору статьи представляется, что для того, чтобы общение с вьетнамскими партнёрами было более эффективным, необходимо уделять больше внимания таким аспектам, которые на первый взгляд кажутся далёкими от политики и экономики – традициям, обычаям, той культурной основе вьетнамского общества, которая во многом определяет модель поведения и реакцию его представителей.

Основа мироощущения вьетнамцев – культ предков. Он и в наши дни в значительной степени определяет нравственные и культурные ценности народа, является главным «шифром» вьетнамской нации. Но культурный код пронизывает практически все сферы жизни общества. Одним из наиболее ярких примеров является кинематограф как наиболее массовое искусство, неизменно отражающее состояние общества. А если говорить в целом о культурном коде, то, безусловно, в первую очередь это традиционный театр, в частности, вьетнамский театр «тео».

Ключевые слова: Культурный код, вьетнамский театр, кинематограф Вьетнама, символ, ао зай, тео, культ предков, короли Хунги.

Несмотря на процессы глобализации, охватившие в наши дни практически все сферы жизни общества и человека, национальные государства по-прежнему остаются основой мироустройства. Для мобилизации населения на этапе активного государственного строительства нужны объединяющие идеи, элементы культурного кода, создающие исторический контекст, придающие смысл всему существованию государства [Цветов, 2015]. Вьетнам – одна из стран, чьё бурное развитие сегодня диктует необходимость поддержания тех цементирующих общество элементов, которые должны обеспечить успех проводимой государством политики. И одной из главных составляющих является культура в самом широком смысле слова.

Россия имеет исторические связи с Вьетнамом, тесно сотрудничает с ним ещё современ Советского Союза. И хотя отношения между нашими странами переживали разные периоды, были и взлёты, и падения, однако важность Азиатско-Тихоокеанского региона для России несомненна и неизменна. Вьетнам, активный член международного сообщества, динамично развивающееся государство, стремящееся упрочить свои позиции на мировой арене, играет не последнюю роль в этом регионе, а потому укрепление сотрудничества с ним представляется актуальным. Однако, несмотря на всю историю советско-вьетнамской, а затем и российско-вьетнамской дружбы, иногда казалось бы очевидно взаимовыгодные проекты «буксуют» на стадии реализации, а часто и просто остаются только на бумаге.

Возникает ощущение, что помимо прочих факторов (очевидно, всегда существует целый спектр вопросов, как в политическом, так и в экономическом плане) не последнюю роль играет проблема установления контакта, правильного и полного взаимопонимания сторон, которое должно основываться в большой степени на понимании глубинных, базовых элементов, определяющих ту или иную реакцию партнёра. И речь, безусловно, идёт о культуре, традициях как основе поведенческой модели социума.

Межкультурную коммуникацию затрудняет не только языковой барьер, который очевиден изначально, но и барьер культур, который становится явным только при столкновении родной культуры с чужой, отличной от неё. Для того, чтобы преодолеть этот барьер культур, необходимо её декодирование. Для успешного взаимодействия с представителями другой культуры специалист-международник должен стремиться понять изучаемую страну настолько, чтобы воспринимать не только лежащую на поверхности, но по возможности считывать и имплицитную информацию. В частности, необходимо улавливать тот шифр, который обозначают как «культурный код».

Большой толковый словарь по культурологии (Б.И. Кононенко, 2003) даёт следующее толкование термина *культурный код*:

1) ключ к пониманию данного типа культуры (дописьменный, письменный, экранный периоды); культурный код позволяет понять преобразование значения в смысл.

2) совокупность знаков (символов), смыслов (и их комбинаций), которые заключены в любом предмете материальной и духовной деятельности человека [Кононенко, 2003].

Культурный код определяет набор образов, которые связаны с каким-либо комплексом стереотипов в сознании. Это то, что скрыто от понимания, но проявляется в поступках. Культурный код нации помогает понимать её поведенческие реакции. В настоящей статье мы хотели бы затронуть некоторые примеры культурного кода, которые нам представляются значимыми для понимания вьетнамского общества.

Как указывается в статье М.В. Силантьевой и А.В. Шестопала, «культура в самом точном философском понимании – это «способ осмысления мира», способность смыслополагания, «способность разворачивать смыслы»» [Силантьева, Шестопал, 2017: 13]. Однако при попытке понять другую культуру существует опасность исказить «образ Другого» через

наложение «других» смыслов на «свои» смыслы в процессе их адаптации к своему образу мысли, восприятия Другого в удобном для себя формате, не имеющем никакого отношения к воспринимаемому [Силантьева, Шестопал, 2017: 13].

Во Вьетнаме не так развит ритуал, как в таких соседних с ним странах, как, скажем, в Китае или Японии. У вьетнамцев нет чайной церемонии, нет строгих правил в отношении подарков. Поскольку вьетнамцы уже давно используют звукобуквенное письмо на основе латинского алфавита вместо иероглифов, у них нет этой формы визуализации социокультурного пространства и целого ряда вытекающих из неё форм традиций, символов, ритуалов. И тем не менее символы пронизывают вьетнамскую культуру, иногда более заметно, иногда не так очевидно бросаясь в глаза.

В настоящей статье мы бы хотели проанализировать ряд примеров, относящихся к двум категориям символов. Первая категория – это те символы, которые сами вьетнамцы старательно культивируют как визитную карточку своей страны на международной арене. К ним, вероятно, в первую очередь стоит отнести уже узнаваемые большинством людей атрибуты, как национальное вьетнамское платье *áo dài* и коническая шляпа *non*, цветок лотоса и, конечно, образ дракона. Существует ещё целый ряд предметов вьетнамской материальной и нематериальной культуры, которые в большей или меньшей мере ассоциируются с Вьетнамом: Пагода на одном столбе – символ столицы Вьетнама Ханоя, музыкальный инструмент – монохорд *данбау*, пение «*куанхо*» и т.д.

Вторая категория – это символы не столь очевидные, которые, как нам кажется, возможно, сами вьетнамцы не всегда сразу выделяют именно потому, что это стало органичной частью их культуры и воспринимается на уровне подсознания. Нам, однако, представляется, что умение понимать эти знаки – очень важный навык специалиста, дающий возможность наладить более тонкий контакт с представителями вьетнамского народа.

Одним из примеров может служить

вьетнамский кинематограф. Во многих вьетнамских фильмах часто используются элементы традиционной вьетнамской культуры, которые несут определённую смысловую нагрузку, позволяя глубже понять происходящее на экране. В целом ряде фильмов герои так или иначе участвуют в представлении традиционного театра «*тео*». Например, в таких фильмах, как «Когда наступит октябрь» (вьет. «*Bao giờ cho đến tháng Mười*», 1984) или в фильме уже нашего времени «Запах горячей травы» (вьет. «*Mùi cỏ cháy*». 2012). И тот, и другой фильм посвящены военному времени, а именно периоду войны сопротивления вьетнамского народа против американской агрессии. В первом фильме главная героиня Зуен участвует в сельской труппе самодеятельного театра, выступающей по вечерам перед жителями с небольшими спектаклями. Во втором фильме один из главных героев – Тхань постоянно напевает отрывки из «*тео*», развлекая своих товарищей в перерывах между учениями и боями.

Театр «*тео*» – один из древнейших жанров народного искусства, зародившийся в долине Красной реки в Северном Вьетнаме. О времени возникновения «*тео*» спорят до сих пор, но наиболее популярное мнение склонно отсчитывать историю этого вида искусства с X в. Истоки театра «*тео*» и процесс его формирования связаны с процессами общинного труда, бытовыми ритуалами и всевозможными праздниками, имеющими связь с земледельческой культурой. В отличие от другого национального вида театрального жанра – «*туонг*», в сюжетах которого преобладают легенды средневекового Китая, воспеваются главным образом верность государю, основные действующие лица – императоры, генералы, мандарины и верные им подданные, а в речи актеров преобладают китаизмы, сюжеты «*тео*» построены на народных сказках и легендах с их простыми героями.

Это крестьянское искусство, известное своей антифеодальной направленностью, а язык его берёт начало от народных поговорок и пословиц. Сельский

театр «тео» стал неотъемлемым элементом жизни вьетнамских крестьян, и поэтому этот народный театр не исчез, когда конфуцианство заменило буддизм в качестве доминирующей религии при дворе и когда вьетнамская знать начала поддерживать «туонг». «Тео» объединило в себе народные виды пения, народный танец и целый ряд других видов народного искусства. И в наши дни ни один деревенский праздник, ни один фестиваль не обходится без выступления труппы «тео». При этом сценой обычно служит циновка, расстеленная посреди двора, вокруг которой рассаживаются или просто стоят зрители.

Артисты в спектаклях «тео» исполняют свои реплики речитативом, а по большей части – поют под аккомпанемент традиционных инструментов. По-вьетнамски так и говорят об исполнении «тео»: “*hát chèo*” – «петь тео». Один из обязательных персонажей любого спектакля «тео» – актёр-шут, который постоянно вступает в диалог с публикой. Зрители с удовольствием отвечают на его провокационные реплики, сами задают ему наводящие вопросы и пользуются любым случаем, чтобы подать голос (этот процесс называется «дэ»). Традиционно спектакли «тео» во многом строятся на импровизации актеров.

По мнению вьетнамских исследователей, «тео» отражает все грани вьетнамской национальной идентичности: оптимизм, человеколюбие, жизнелюбие, стремление к миру, простоту, но при этом национальную гордость, решимость в борьбе с иноземными захватчиками и в защите родины. Также именно поэтому в «тео» представлены все литературные жанры: лирика, романтика, героический и исторический эпос, поучения и др. – больше, чем в каком-либо другом виде искусства. В указанных фильмах кадры, связанные с постановками (песнями) «тео» играют, вероятно, разную роль.

Если в фильме «Когда наступит октябрь» разыгрывался целый спектакль для всей деревни, в котором, главным образом, говорилось о борьбе с захватчиками, то в картине «Запах горячей травы» герой представлял шуточные номера из узнаваемых пьес «тео» с элементами импровизации, веселя своих товарищей. Однако главное, как нам представляется, заключается в том, что звуки и движения «тео» являются настолько важной частью культурного кода, что их присутствие в контексте очевидно призвано подчеркнуть идею вьетнамской национальной идентичности, а также традиции сплочения, единения народа...

Помимо пения «тео» еще одним узнаваемым жанром является пение «качу» (вьет. *ca trù*). Его часто называют «камерным пением». Современный ансамбль качу состоит из музыканта-лютниста, певицы и барабанщика. «Пение» качу представляет собой сложную форму мелодикамации стихов под музыку, при этом певица аккомпанирует себе на ударном инструменте фать («бамбуковые кастаньеты» – небольшая бамбуковая платформа, по которой стучат деревянными палочками, отбивая ритм)¹.

В фильме «Метхао: Это было время, когда...» (вьет. «*Mê Thảo - Thời vang bóng*», 2002) пению качу отведена важнейшая роль. Этот фильм, снятый вьетнамской женщиной-режиссёром Вьет Линь по книге «Пагода Дан» (Нгуен Туан, 1946) в жанре драмы с элементами мистики, насыщен всевозможными символами и ассоциациями. Фильм был переведён на ряд иностранных языков, в том числе на русский, и произвёл впечатление на зарубежного зрителя. Но, несмотря на то, что в основном сюжет и взаимоотношения героев очевидны, целый ряд деталей, связанных с традициями (и вытекающими из них ассоциациями), скорее всего, остаётся для невьетнамцев незамеченными. Возможно, это не влияет на общее восприятие фильма, но, безусловно, сокращает глубину его понимания.

¹ В 2009 году пение качу было занесено ЮНЕСКО в Список шедевров устного и нематериального культурного наследия.

События вышеупомянутого фильма «Запах горящей травы» разворачиваются летом 1972 г., когда у крепости (циитадели) Куангчи (провинция Куангчи в северной части Центрального Вьетнама) велись ожесточённые бои между армией ДРВ и южновьетнамской армией. И ещё один интересный момент связан с именами главных героев – Хоанг, Тхань, Тханг, Лонг, четырёх студентов Ханойского университета, которые прямо с университетской скамьи ушли на фронт.

Их имена складываются в словосочетание «Хоанг тхань Тханглонг» – дословно «Императорская крепость Тханглонг (древнее название столицы Вьетнама – Ханоя)» – Ханойская Цитадель. Думается, что это не случайно. Однако, во вьетнамских статьях, посвящённых фильму, на этом внимание не акцентируется, хотя часто имена героев записываются через дефис «Хоанг-Тхань-Тханг-Лонг». Очевидно, что для вьетнамцев это настолько читаемый код, что он не требует дополнительной расшифровки.

В современном вьетнамском кинематографе можно выделить два основных направления: традиционно-национальное кино, базирующееся на государственной поддержке, и коммерческое, развиваемое частными студиями и совместными с зарубежными странами проектами. Обращение к традиционному культурному коду очевидно значительно больше в государственных кинопроектах (что тоже показательно, поскольку очевидно демонстрирует направление государственной политики как в плане воспитания молодого поколения, так и в плане поддержания, укрепления и развития национальной идентичности в условиях глобализации).

Однако и в коммерческих развлекательных фильмах остаётся важный пласт информации, зашифрованный в системе местоимений, обращений и т.д., который не всегда полностью может быть раскрыт при переводе на другой язык. Кроме того, к национальным традиционным корням часто обращаются кинематографисты-вьеткиеу (вьетнамские эмигранты, проживающие в других странах). Часто в

их фильмах большое внимание уделяется не только самому сюжету, но и фону, на котором проходит действие, – красивым пейзажам Вьетнама, которые, как нам представляется, тоже можно отнести к определённому культурному коду (как, собственно, в любой стране).

Однако их фильмы не всегда однозначно принимаются вьетнамской публикой. Вьетнамская пресса неоднократно подчеркивала, что «режиссеры-эмигранты сознательно используют элементы национальной культуры в своих картинах, что даёт им возможность показывать свои картины за пределами СРВ, прежде всего в США и странах Европы» [Соколов, 2010]. Во Вьетнаме эти фильмы критикуют за схематизм, использование банальных кинематографических приёмов, за стремление авторов «отображать жизнь Вьетнама слишком отстранённо, через призму красоты и даже слишком западному».

Случается, что в этих фильмах допускаются фактические и исторические ошибки, которые искажают обычаи и традиции вьетнамцев [Соколов, 2010]. А.А. Соколов пишет о специальном симпозиуме «Вьетнам в художественных фильмах режиссеров-эмигрантов», который был организован в Ханое в 2007 г. Национальным киноархивом и Союзом кинематографистов. На нём было высказано немало критики в адрес режиссёров-эмигрантов, которые «смотрят на Вьетнам глазами стороннего человека, наблюдателя, глазами иностранца», и в силу географической удалённости авторов картин от исторической родины «в их фильмах расплываются, утрачиваются некоторые тонкие черты и линии национальной культуры» [Соколов, 2010].

Важным символом, не только не теряющим своего значения на протяжении уже нескольких столетий, но, напротив, получающим новое развитие в наши дни, является национальный вьетнамский костюм – *ао зай*, ставший сегодня настоящей визитной карточкой Вьетнама. В старину говорили: «Где вьетнамская женщина, там вьетнамский костюм *ао зай*». А одна

из самых популярных и именитых современных модельеров Вьетнама Минь Хань в своей лекции, посвящённой истории этого национального костюма, с которой она выступала в ноябре 2018 г, в МГЛУ, перефразировала это высказывание, ещё больше подчеркнув роль *ао зая*: «Где есть *ао зай*, там есть Вьетнам».

Ао зай считается олицетворением женской красоты, изящества (хотя существует и мужской вариант *ао зай*) и верности традициям. История костюма *ао зай* не только интересна сама по себе, но ещё, как нам кажется, удивительным образом отражает историю страны. В разные периоды вьетнамской истории *ао зай* быстро реагировал на происходившие в обществе социальные, культурные и иные процессы, что отражалось в изменении его фасона, материала, сферы применения. Если говорить о том костюме, который в наши дни подразумевается под названием *ао зай*, то он появился на удивление довольно поздно.

Начало его формированию было положено в конце XVIII века (именно тогда появляется национальный вьетнамский костюм, состоящий из платья с четырьмя полами, а также из брюк, которые пришли на смену принятым до этого длинным юбкам). Сегодняшнюю же форму он приобрел в 30-х годах XX в., в период расцвета французского колониального господства, и в итоге представляет собой достаточно необычный синтез элементов традиционной вьетнамской одежды, испытавшей непосредственное влияние ханьской материальной культуры и европейской (в частности, французской) моды того времени [Минина, 2016].

История национального костюма *ао зай*, пожалуй, один из ярких примеров умения вьетнамцев приспосабливаться, адаптироваться и ассимилировать элементы чужой культуры, используя их с максимальной для себя пользой. Однако важно отметить, что слишком сильные отклонения от традиционной формы воспринимались негативно, считались «мешаниной» и, просуществовав очень короткий срок, исчезали (так, например, слишком европеизированный фасон *ао*

зай одного из реформистов-новаторов художника Кат Тьонга (псевдоним Ле Мур) просуществовал всего несколько лет).

Сегодня вьетнамские женщины носят *ао зай* на всех торжественных мероприятиях, его обязательно надевают на свадьбу. В учебных заведениях в праздничные дни школьницы и студентки носят *ао зай* белого цвета. *Ао зай* также используется как униформа сотрудниц в крупных компаниях, банках, музеях, государственной авиакомпании Вьетнама Vietnam Airlines...

Ао зай можно отнести, пожалуй, к обеим категориям символов. Образ стройной девушки в *ао зае* не только однозначно ассоциируется с Вьетнамом за его пределами, но и неизменно вызывает гордость у самих вьетнамцев. Вьетнамцы часто называют *ао зай* «*қибс һон қибс туу*» – «национальный дух, лучшее в культуре нации» [Hà Thu, 2010]. В фильме «Белое шелковое платье» (оригинальное вьетнамское название «Платье из шелка Хадонг»), снятом режиссёром-вьеткиецу Лыу Хюинем в 2006 г., *ао зай* является не только символом женской преданности, стойкости, мужества, но и преемственности поколений и даже символом борьбы за независимость и свободу.

Центральным элементом национальной идентичности и этнообразующим фактором для вьетнамцев по убеждению большинства исследователей является культ предков – неотъемлемая часть жизни любого представителя вьетнамского этноса. По данным Института религиоведения Вьетнама (данные за период с 1995 по 2008 гг.) 98% вьетнамцев регулярно отправляют культ предков. Именно он структурирует их жизнь, особенно в деревне [Сюннерберг, Марченко, 2016: 185].

Нынешнее правительство страны активно борется с проявлениями предрасудков и суеверий, чётко проводя грань между ними и религиями и верованиями. Сохранение же и развитие национального традиционного верования – культа предков как основы духовной, нравственной и культурной матрицы вьетнамского народа всячески поддерживается и поощряется. В доме каждого вьетнамца находится

алтарь предков. Долгое противостояние католичества и традиционных вьетнамских верований все-таки завершилось принятием в 1965 г. специального епископального циркуляра, который разрешал вьетнамским католикам соблюдать культ предков.

Культ предков пронизывает вьетнамское общество на разных уровнях, от культа ушедших старших членов семьи до поклонения духам-хранителям деревень, духам национальных героев, боровшихся с захватчиками. Например, один из самых почитаемых – полководец Чан Хынг Дао, успешно руководивший тремя войнами против монголо-китайских захватчиков в XIII веке. Личностное почитание вождя революционной войны Хо Ши Мина дополняется его религиозным культом как великого духа.²

Одним из самых важных праздников во Вьетнаме сейчас считается День поминовения предков – королей Хунгов – полумифических королей первой вьетнамской династии, о реальности существования которых ведутся серьезные споры [Григорьева, 2014: 229-231]. Для темы настоящей статьи вопрос о реальности или вымышленности королей Хунгов не столь важен. Во Вьетнаме, как и в других странах дальневосточного культурного ареала, где на протяжении веков конфуцианство являлось основой идеологической системы, культ правителя был важной частью духовной жизни социума.

И для нас важна роль этого феномена, важно то, что культ королей Хунгов как часть культа предков является одним из ключевых культурных элементов. Обращение к предкам нации – королям Хунгов заметно активизировалось в эпоху обновления («дой-мой») во Вьетнаме (конец 1980-х-1990-е гг.). О.В. Новакова прокомментировала эти процессы так: «Это возвеличивание исторического прошло-

го через реанимацию культа правителей понадобилось... для решения сложных актуальных задач, возникших на рубеже XX-XXI вв... В такие переломные моменты общество апеллирует к базовым духовным национальным ценностям, прежде всего к национальной культуре и к традиционным религиозным и этическим ценностям» [Григорьева, 2014: 239].

Ещё один важнейший элемент, пришедший во Вьетнам из Китая и пронизывающий всю вьетнамскую культуру, а также целый ряд других сфер жизни общества – это основа китайской натурфилософии – два начала инь и ян («тай цзы», Великий Предел), символ созидательного единства противоположностей во Вселенной. В настоящей статье мы упоминаем об этой огромной теме только в том плане, в каком это понятие вошло в систему культурных кодов. Из сферы философии, религии и др. понятия инь и ян как женского и мужского начала переходят в повседневное общение. Например, активно обсуждая тему усиления женского начала и женского влияния в современной вьетнамской литературе, многие вьетнамские писатели и филологи, характеризуя нынешнее состояние поэзии и прозы во Вьетнаме, используют следующую образную философскую формулу: «инь — в процветании, ян — в упадке» (вьет. *âm thịnh dương suy*) [Бритов, 2018].

Вьетнамцы очень ценят, когда иностранцы понимают вьетнамские культурные и исторические аллюзии. Как правило, это сразу располагает их к собеседнику, меняет атмосферу беседы, в иных случаях даже помогает решить некоторые вопросы.

Из этого можно сделать вывод, что важной задачей при изучении другой страны становится обретение умения «считывать» культурные коды, понимая их наиболее всесторонне и глубоко. Нужно уметь, не пытаясь увидеть за каждым

² В посольстве Вьетнама в Москве при входе располагается алтарь поклонения Хо Ши Мину: стоит его позолоченный бюст, постоянно курятся благовония и лежат обильные подношения. Перед мавзолеем Хо Ши Мина 2 сентября (дата его смерти по солнечному календарю) устанавливается курильница с ароматными палочками. С недавних пор начали также отмечать День поминовения Хо Ши Мина по лунному календарю (что правильнее согласно традиции) – 21 июля по лунному календарю.

гусем «спасение Рима», тем не менее, всё же не пропустить значимую информацию, необходимую для выработки правильных подходов к развитию межкультурного общения. Ибо кинематограф, литература и даже отношение к национальной одежде оказываются принципиально значимыми,

поскольку в них отражается то, как воспринимают носители той или иной культуры отношение к себе, как они воспринимают самих себя, а значит, как они будут вести себя в общении с представителями другой этнокультурной общности.

Список литературы:

Бритов И.В. XX век, кардинально изменивший лицо вьетнамской литературы. 2018. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hh-vek-kardinalno-izmenivshiy-litso-vietnamskoy-literatury> (дата обращения 06.12.2018).

Григорьева Н.В. Короли Хунги и «изобретение традиций» в истории Вьетнама // Вьетнамские исследования. 2014. №4. С. 227-249.

Дао Мань Хунг. Распространение буддизма и его влияние на народную культуру Вьетнама // Вьетнамские исследования. 2018. Серия 2. № 3. С. 57-67.

Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по культурологии. 2003. [Электронный ресурс]. – URL: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/culturology-dictionary/index.htm> (дата обращения 07.12.2018).

Минина Ю.Д. Традиционный костюм ао зай как социокультурный феномен в истории развития вьетнамского общества. 2016. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnyy-kostyum-ao-zay-kak-sotsiokulturnyy-fenomen-v-istorii-razvitiya-vietnamskogo-obschestva> (дата обращения 05.12.2018).

Нгуен Лантуат. Традиционный театр в современной культуре Вьетнама. Автореферат диссертации. [Электронный ресурс]. – URL: <http://cheloveknauka.com/traditsionnyy-teatr-v-sovremennoy-kulture-vietnama> (дата обращения 03.12.2018).

Новакова О.В. Своеобразие вьетнамского буддизма. Обзор эксперта // Вьетнамские исследования. 2018. Серия 2. № 3. С. 68-74.

Пенцова М.М. Проблема культурного кода в семиотике Ю.М. Лотмана. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ehd.mgimo.ru/IORManagerMgimo/file?id=A4694522-2589-CB1C-1408-9D92C339548C> (дата обращения 07.12.2018).

Силантьева М.В., Шестопап А.В. Антропологические и ценностные основания коммуникации: теоретические и прикладные аспекты // Концепт. 2017. №1. С. 11-20.

Соколов А.А. Современное вьетнамское кино: события и тенденции // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2010. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-vietnamskoe-kino-sobytiya-i-tendentsii> (дата обращения 30.11.2018).

Соколов А.А. Современный кинематограф Вьетнама: итоги и тенденции развития // Вьетнамские исследования. №6, 2016. С. 287-298.

Сюннерберг М.А., Марченко Е.А. Женщины в истории Вьетнама. Выпуск 1. Комментированный перевод романа Няг Линя «Холод». М.: Ключ-С, 2016. 272 с.

Цветов А.П. Винтовка и бронзовый барабан. На чем основан вьетнамский национальный миф. [Электронный ресурс]. – URL: <https://lenta.ru/articles/2015/07/27/vietmyth/> (дата обращения 09.12.2018).

Áo dài - nét đẹp đặc sắc của văn hoá Việt Nam. URL: <http://quehuongonline.vn/gioi-thieu-ban-sac-van-hoa/ao-dai-net-dep-dac-sac-cua-van-hoa-viet-nam-13356.htm> (дата обращения 03.12.2018).

Об авторе:

Глазунова Светлана Евгеньевна – старший преподаватель кафедры китайского, вьетнамского, лаосского и тайского языков МГИМО МИД России. Москва, 119454, пр. Вернадского,

76. Сфера научных интересов: вьетнамский язык и вьетнамская культура; перевод и переводоведение; межкультурная коммуникация. E-mail: svtln.glazunova@gmail.com.

TO UNDERSTAND THE OTHER: THE VIETNAMESE CULTURE CODE

S.E. Glazunova

Abstracts. *Understanding the other is a prerequisite for full-fledged communication and successful interaction with him, establishing trusting relationships in the process of negotiations or joint activities. Successful intercultural communication presupposes the willingness of participants to perceive, understand and accept stereotypes of behavior, customs, traditions, interests and cultural values of another ethno-cultural community. To achieve this, it is not enough to know the language of your dialogue partner; you need a deep understanding of the semantic content of various signs and symbols that arise in the process of knowing the other side, the cultural code as the key to understanding this culture. Vietnam is a country in Southeast Asia, on the one hand, historically related with the Soviet Union and therefore is known to us. On the other hand, in reality, the knowledge of the majority about this country is limited and superficial. And despite the constant friendly relations between our countries, the practical content of our cooperation quite often does not meet expectations. The author of the article considers that in order to make the communication with Vietnamese partners more effective, it is necessary to pay more attention to such aspects that at a first glance seem far from politics and economics – traditions, customs, that cultural basis of Vietnamese society, which largely determines the model of behavior and reactions of its representatives.*

The basis of the worldview of the Vietnamese is the cult of ancestors. Even nowadays, it largely determines people's moral and cultural values; it is the main "cipher" of the Vietnamese nation.

But the cultural code permeates almost all areas of society. One of the most striking examples is cinema as the most popular art, as a sociocultural phenomenon, consistently reflecting the state of society.

Historical and cultural allusions are also often traced in theatrical art. And if we talk about the cultural code, then, of course, first of all it is a traditional theater, in particular, the Vietnamese theater "cheo".

Key words: *Culture code, Vietnamese theatre, cinema of Vietnam, symbol, ao dai, cheo, cult of ancestors, Hung kings.*

References:

Britov I.V. XX vek, kardinalno izmenivshii litso v'etnamskoi literatury [The XXth century, radically changed the face of Vietnamese literature]. – Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/hh-vek-kardinalno-izmenivshiy-litso-vietnamskoy-literatury> (Accessed: 06 December 2018) (In Russian).

Grigoreva N.V. Koroli Khungi i «izobretenie-traditsii» v istorii V'etnama [The Hung kings and the "invention of traditions" in the history of Vietnam]. *Vietnamskie issledovaniia* [Vietnamese researches]. 2014. No 4. P. 227-249. (In Russian)

Dao Manh Hung. Rasprostranenie buddizma i ego vliianie na narodnuu kulturu V'etnama [The spread of Buddhism and its influence on the popular culture of Vietnam]. *Vietnamskie issledovaniia* [Vietnamese researches]. 2018. Series 2. No 3. P. 57-67.

Kononenko B.I. Bolshoi tolkovyi slovar po kulturologii [Grand Dictionary of Cultural Studies]. 2003. – Available at: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/culturology-dictionary/index.htm> (Accessed: 07 December 2018) (In Russian).

Minina Iu. D. Traditsionnyi kostium ao zai kak sotsiokulturnyi fenomen v istorii razvitiia v'etnamskogo obshchestva [Traditional costume ao zai (ao dai) as a sociocultural phenomenon in the history of the development of Vietnamese society] – Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnyy->

kostyum-ao-zay-kak-sotsiokulturnyy-fenomen-v-istorii-razvitiya-vietnamskogo-obschestva (Accessed: 05 December 2018) (In Russian).

Nguyen Lantuat. Traditsionnyi teatr v sovremennoi culture V'etnama. (Avtoreferat dissertatsii) [Traditional theater in the modern culture of Vietnam]. – Available at: <http://cheloveknauka.com/traditsionnyy-teatr-v-sovremennoy-kulture-vietnama> (Accessed: 03 December 2018) (In Russian).

Novakova O.V. Svoeobrazie vietnamskogo buddizma. Obzor eksperta. [The peculiarity of Vietnamese Buddhism. Expert Review]. Vietnamskie issledovaniia [Vietnamese researches]. 2018. Series 2. No 3. P. 68-74.

Pentsova M.M. Problema kulturnogo koda v semiotike Iu.M. Lotmana [The problem of cultural code in semiotics Yu.M. Lotman] – Available at: <http://ehd.mgimo.ru/IORManagerMgimo/file?id=A4694522-2589-CB1C-1408-9D92C339548C> (Accessed: 07 December 2018) (In Russian).

Silant'eva M.V., Shestopal A.V. Antropologicheskie i tsennostnye osnovaniia kommunikatsii teoreticheskie i prikladnye aspekty [Anthropological and value bases of communication: theoretical and applied aspects]. Concept. 2017. No 1. P. 11-20.

Sokolov A.A. Sovremennoe v'etnamskoe kino: sobytiia i tendentsii. [Contemporary Vietnamese cinema: events and trends]. Iugovostochnaia Aziia: aktualnye problem razvitiia. 2010. – Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-vietnamskoe-kino-sobytiya-i-tendentsii> (Accessed: 30 November 2018) (In Russian).

Sokolov A.A. Sovremennyi kinematograf V'etnama: itogi i tendentsii razvitiia [Contemporary cinema of Vietnam: results and trends]. Vietnamskie issledovaniia [Vietnamese researches]. 2016. No 6. P. 287-298. (In Russian)

Siunnerberg M.A., Marchenko E.A. Zhenshchiny v istorii V'etnama. Vypusk 1. Kommentirovannyi perevod romana Niat Linia «Kholod» [Women in the history of Vietnam. Release 1. Commented translation of the novel "Cold" by Nhat Linh]. Moscow. Kliuch-S. 2016. 272 p. (In Russian)

Tsvetov A.P. Vintovka i bronzovyi baraban: na chem osnovan v'etnamskii natsionalnyi mif [Rifle and bronze drum. What is the basis of the Vietnamese national myth]. – Available at: <https://lenta.ru/articles/2015/07/27/vietmyth/> (Accessed: 9 December 2018) (In Russian).

Hà Thu. Áo dài - nét đẹp đặc sắc của văn hoá Việt Nam. 2010. – Available at: <http://quehuongonline.vn/gioi-thieu-ban-sac-van-hoa/ao-dai-net-dep-dac-sac-cua-van-hoa-viet-nam-13356.htm> (Accessed: 3 December 2018) (In Vietnamese).

About the Author:

Svetlana E. Glazunova – Senior Lecturer, Department of Chinese, Vietnamese, Laotian and Thai languages of MGIMO University. Field of interest: Vietnamese language and Vietnamese culture; translation and translation studies; intercultural communication. E-mail: svtln.glazunova@gmail.com.

МОРСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ДАТСКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ

Ю.М. Авакова

Аннотация. Статья посвящена малоизученному феномену – морским фразеологизмам в датской общественно-политической лексике, представляющим собой словесное отражение исторического наследия населения Дании, многовековых традиций мореплавания, благодаря которым предки датчан, викинги, сумели прославиться в веках и оставить осязаемый след в судьбе различных народов Европы. Многие из морских фразеологизмов регулярно используются в устной и письменной речи, в частности, в общественно-политической лексике, и в силу этого требуют адекватного понимания и перевода.

В статье представлен обобщающий анализ морских фразеологизмов, наиболее часто используемых в датских средствах массовой информации с конкретными примерами, иллюстрирующими современное словоупотребление. Для удобства восприятия и целостности анализа фразеологизмы были объединены в тематические группы: 1) мореходство и эксплуатация морских судов, а также отдельные ключевые понятия (киль, парус, флаг, руль) в качестве главных смысловых единиц устойчивых выражений; 2) водная стихия и действия, направленные на её подчинение; 3) ориентация в пространстве; 4) опасности, подстерегающие на море; 5) узкоспециализированные выражения, требующие выяснения точного смысла и адекватного перевода на русский язык. Особенность перевода многих выражений из вышеперечисленных групп зачастую заключается в том, что, при наличии аналогичных русских терминов морской тематики, они редко или почти никогда не используются в русском языке в переносном смысле.

Статья может представлять интерес для лингвистов, профессиональных переводчиков, преподавателей датского и других скандинавских языков, а также для всех тех, кто изучает датский язык в качестве иностранного.

Ключевые слова: датский язык, идиомы, морские фразеологизмы, морские термины, перевод, политический перевод, теория и практика перевода.

Одна из специфических черт, присущих современному датскому языку, состоит в обилии и широкой распространенности морских фразеологизмов в общественно-политической лексике [Shousboe, 2007]. Цель данной

статьи – доказать релевантность исторического опыта датчан как представителей морской державы их современному мировосприятию. Морские фразеологизмы хотя и потеряли свою отраслевую окраску, но остались в числе устойчивых

словосочетаний, широко используемых в повседневной речи [Rasmussen, 2014]. Полученные в этой связи наблюдения и их обобщение полезны для изучающих датский язык и всех тех, кто совершенствует свои компетенции в области общественно-политического и экономического перевода.

Для достижения целей исследования необходимо решить следующие задачи:

1) наиболее часто встречающиеся фразеологизмы и осуществить их тематическую классификацию;

2) привести конкретные случаи использования фразеологизмов в датских СМИ (на примере материалов ведущих датских газет - Berlingske, Børsen, Information, Jyllands-Posten, Politiken, а также письменных материалов телерадиокомпаний DR и телеканала TV2) с переводом на русский язык;

3) указать на характер общественных отношений, при описании которых используется профессиональная морская лексика.

Первая группа выражений охватывает основные понятия, связанные с мореходством и эксплуатацией морских судов. Они, по большей части, имеют русские эквиваленты:

- at få medvind – поймать попутный ветер;
- at komme i modvind – идти против ветра;
- at ligge/være i dødvande – находиться в «мёртвой воде»;
- at havne i dødvande – оказаться в «мёртвой воде», попасть в мёртвый штиль;
- at stå i stampe – стоять на «мёртвой точке»;
- at lide/undgå skibbrud – потерпеть кораблекрушение/избежать кораблекрушения;
- at navigere – ходить морем (часто – at navigere mellem noget, лавировать между чем-либо);
- at få forankring – встать на якорь;
- at være ladet med noget – быть гружённым чем-либо;
- at ligge ved kaj – стоять у причала;

- at søsætte noget – спустить на воду;
- at holde dampen oppe – стоять под парами;
- at komme på kollisionskurs – идти на столкновение.

Примеры: Forslaget får **medvind** blandt et flertal af Folketingets partier. Предложение получило поддержку (досл. «попутный ветер») большинства партий Фолькетинга. Konsekvensen er, at fredsprocessen efter otte måneders lovende udvikling, nu **er havnet i dødvande**. Как следствие, процесс мирного урегулирования, после восьми месяцев многообещающего развития, зашел в тупик (досл. «в мёртвую воду»). EU **undgik skibbrud** – men den **forslæde skude** sejler nu uden retning og selvtilid. ЕС избежал краха (досл. «кораблекрушения») – и теперь утлое судёнышко неуверенно плывёт в неизвестном направлении. De store danske partier som Venstre og Socialdemokratiet **har altid haft en kæmpe forankring** i det folkelige. Крупные датские партии, такие как Венстре и Социал-демократы, всегда пользовались активной поддержкой (досл. «имели закорячение») народных масс.

Отдельные ключевые понятия фигурируют в целом ряде фразеологизмов в качестве главных смысловых единиц [Krasnova, Harrit, 2005]. Наиболее важными из них являются следующие: киль, парус, флаг, руль. At komme på ret køl – исправиться, встать на путь истинный, at få/bringe/hjælpe på ret køl – направить на правильный путь, at holde på ret køl – не сбиться с пути, at være på ret køl – двигаться в правильном направлении. Широко распространённое выражение i kølvandet på noget («в кильватере»), в зависимости от контекста зачастую переводится как «на фоне чего-либо» или «из-за чего-либо»: En stor del af EU-borgerne, der bor i Storbritannien, overvejer at flytte ud af landet i **kølvandet** på Brexit. Большая часть граждан ЕС, живущих в Великобритании, рассматривает возможность покинуть страну из-за (досл. «в кильватере») Брексита. Mærsk **på ret køl** efter begivenhedsrigt 2017. Компания Mærsk улучшает свои по-

зиции (досл. «на ровном киле») после богатого событиями 2017 года.

At have/få vind i sejlene – поймать ветер в парус, for fulde sejl – на полном ходу, at tage et reb i sejlene/at rebe sejlene – взять рифы, at sætte alle sejl til noget – бросить все усилия на что-либо. Примеры: Euro-modstandere **har vind i sejlene**. Противники введения евро опережают (досл. «имеют ветер в парусах»). De offentlige parlamentshøringer i Murdoch-sagen **går lige nu for fulde sejl** i England, og det har fået den danske opposition til at foreslå den samme praksis i Folketinget. В Англии официальные парламентские слушания по делу Мёрдока сейчас в самом разгаре (досл. «на полных парусах»), и это заставило датскую оппозицию предложить ввести ту же практику в Фолькетинге. «Så gælder det simpelthen om **at rebe sejlene** og sikre - da der ikke kommer hjælp fra udlandet - hvordan vi kan sikre, at vi trækker os selv op ved hårene», - siger Claus Hjort Frederiksen. «Речь идет о том, чтобы поумерить пыл (досл. «зарифить») и убедиться: так как помощи извне не поступит, каким образом мы можем гарантировать, что сами справимся», - говорит Клаус Йорт Фредериксен.

At kippe med flaget – салютовать флагом, приветствовать, положительно относиться к чему-либо, at gå ned med flaget – рухнуть, не выдержать, at føre falsk flag – ходить под чужим флагом, действовать под прикрытием, at hejse det hvide flag – поднять белый флаг, сдаться, отступить, at stryge flaget – спустить флаг, капитулировать, сложить оружие, at vise flaget – показать себя, заявить о себе, at holde fanen højt – высоко держать знамя, at melde sig under fanerne – встать под знамёна. Примеры: De europæiske aktier **kipper med flaget** ved udsigten til, at der kommer en aftale mellem Grækenland og dets kreditorer. Акции европейских компаний растут в цене (досл. «салютуют флагом») на фоне перспектив заключения соглашения между Грецией и ее кредиторами. Fire danske banker **gik ned med flaget** i 2011. Четыре датских банка обанкротились (досл. «пошли ко дну с флагом») в 2011-м году. På den ene side er der idealisterne, der

ønsker **at holde fanen højt**, og på den anden side er der pragmatikerne, som mener, at man skal **lægge fanen til side**, samarbejde og opnå mindre politiske resultater. По одну сторону находятся идеалисты, которые хотя в точности следовать линии партии (досл. «высоко держать знамя»), по другую – прагматики, которые считают, что необходимо искать компромиссы (досл. «отложить знамя в сторону»), работать сообща, достигая при этом меньших политических результатов.

At lægge roret om – взять другой курс, at stå/sidde ved roret – стоять у руля, at have hånden på roret – держать всё под контролем. Кроме того, глава компании или лицо, ответственное за принятие решений в некоторых ситуациях, может именоваться штурманом или шкипером, styrmanden/skipperen. Примеры: Jes Lunde frygter, at Pia Kjærsgaards strategi vil give succes, hvis regeringen ikke **lægger roret om** og fokuserer på ressourcerne hos de svage. Йес Лунде опасается, что стратегия Пии Кьерсгор станет успешной, если правительство не изменит курс (досл. «перевернёт руль») и не сосредоточится на повышении уровня жизни малообеспеченных. I Liberal Alliance er de ikke i tvivl om, hvem der er partiets **styrmand**. В партии Либеральный альянс нет никаких сомнений по поводу того, кто в ней является главным (досл. «штурманом»). Donald Trump skal efter sin triumf ved præsidentvalget tirsdag **stå ved roret** for USA's politiske kurs de kommende år. Дональд Трамп, после своей триумфальной победы на президентских выборах, будет определять (досл. «стоять у руля») политический курс США в ближайшие годы.

Вторая группа идиом условно связана с водной стихией, а также умением подчинить её:

- bølgerne går højt – волны высокие, риски высоки;
- en bølge – волна (кризиса, протестов и проч.);
- en malstrøm – водоворот (событий);
- at holde oven vande – поддерживать на плаву;

– at svømme ovenpå – держаться на поверхности (и – шире – в переносном смысле – скользить по поверхности, не застревать на чём-либо);

– at svømme hen/væk – уплыть (также в значении «забыться»);

– at svømme i penge – купаться в деньгах;

– at svømme over med noget – быть переполненным чем-либо;

– at være ude at svømme – самому расхлёбывать последствия чего-либо;

– at have noget ude at svømme – сильно рисковать чем-либо (в особенности – деньгами).

Примеры: En ny **krisebølge** rammer nu de virksomheder, der fokuserer på hjemmemarkedet. Новая волна кризиса обрушивается на компании, работающие на внутреннем рынке. I tidens **malstrøm** af nyheder har de fleste sikkert allerede glemt essensen. В повседневном потоке новостей большинство, скорее всего, забыло самое главное. De nye importafgifter **holder en række virksomheder oven vande**. Новые импортные пошлины помогают оставаться на плаву ряду предприятий.

Третья группа объединяет фразеологизмы, связанные с ориентацией в пространстве. Для обозначения изменения точки зрения/политического курса используются следующие выражения:

– at skifte retning, at ændre signaler, at ændre kurs, at skærpe kursen, at lægge over på den anden bov, at kovende/tage en kovending – повернуть против ветра. Конкретные усилия по выработке определённой позиции передаются следующим образом:

– at tage pejling – пеленговать, ориентироваться;

– at lodde situationen – «измерить глубину», прощупать;

– at tage højde for noget – оценить что-либо, занять позицию по отношению к чему-либо;

– at være på højde med noget/nogen – быть на одинаковой высоте, наравне с чем-либо, с кем-либо;

– at slå bak – дать задний ход.

Примеры: Ny Alliance – har kun været på den politiske bane i knap et halvt år, men

mestrer allerede kunsten at **kovende** – og mens andre partier **kovender** to gange, gør Ny Alliance det tre. Партия Новый Альянс присутствует в большой политике всего полгода, но уже освоила мастерство по части изменения своих позиций – и если другие партии продемонстрировали это дважды, в Новом Альянсе это умудрились сделать трижды. «Men jeg håber og tror, at Merkel vil analysere, hvorfor tyskerne har stemt, som de har stemt, og **tage pejling af det**», – siger Løkke. «Но я надеюсь и верю, что Меркель проанализирует, почему немцы проголосовали именно так, и сделает выводы», – сказал Ларс Лёкке Расмуссен. De skal **tage højde for** de særlige forhold, der gør sig gældende i den konkrete internationale operation. Они должны принимать во внимание особые обстоятельства, присутствующие в конкретной международной операции. Nu ser det ud til, at Vilhelmsen forsøger at rette op på SF-skuden igen **ved at slå bak**. Сейчас складывается такое впечатление, что Вильгельмсен пытается исправить ситуацию, возникшую в Социалистической народной партии, и сдать назад.

Четвёртая группа включает в себя выражения, связанные с гибелью морского судна и рискованностью плавания:

– at kuldsejle – опрокинуть, провалить;

– at køre nogen/noget i sænk – погубить, потопить;

– at gå ned – идти ко дну;

– at gå til bunds – опуститься (на дно), дойти до сути;

– en dødssejler – заведомо неудачная затея;

– en chancesejls – плавание на удачу, рискованное действие.

Примеры: Stor kommunereform i fare for **at kuldsejle**. Муниципальная реформа может потерпеть крах (досл. «пойти ко дну»). Folketingets partier erkender behovet for en gennemgribende genopbygning af et skattevæsen, de fleste partier selv har været med til **at køre i sænk**. Партии Фолькетинга признают необходимость масштабной реорганизации налоговой службы, которую большинство из них своими реше-

ниями довели до плачевного состояния (досл. «потопили»).

Пятая группа объединяет выражения, в отношении которых вначале необходимо прояснить далеко не очевидный буквальный смысл:

- at sejle agterud – отставать;
- det er gået til agter med nogen – дела у кого-либо идут совсем плохо («через корму»);
- at tage luven af/fra nogen – опередить кого-либо («украсть наветренную сторону»);
- at ligge underdrejet – выжидать, болеть («лежать на дрейфе»);
- at give nogen et skud på boven – уничтожить критикой («выстрелить в носовую часть корабля»);
- at affyre/rette breddesiden mod noget – подвергнуть острой критике («дать бортовой залп по чему-либо»);
- at give nogen opsang – дать нагоняй («запев»);
- at give det glatte lag – устроить взбучку («скользящую поверхность»);
- at tage vinden ud af sejlen – обезвредить, лишиться силы («убрать ветер из-под паруса»);
- at få rettet skuden op – привести что-либо в порядок («выпрямить судёнышко»);
- at komme i smult vande – оставить страшное позади («зайти в тихие воды»);
- at ride stormen af – переждать бурю (став на якорь);
- at have noget på bedding – иметь что-либо в разработке («на стапелях»);
- en søforklaring – длинное, уклончивое объяснение («морской протест»);
- at holde skruen i vandet – держать ситуацию под контролем («держат винт в воде»);
- at sejle sin egen sø – расхлёбывать кашу («плавать по своему озеру»);
- at gå ombord i noget – начать что-либо делать («подняться на судно»).

Примеры: **Opbremsning i aktienedturen** – мен danske bankaktier **ligger underdrejede**. Замедление падения на рынке акций – но акции датских банков

продолжают падать в цене (досл. «лежат на дрейфе»). «Jeg fik **en søforklaring**, jeg ikke forstod», – siger han. «Я получил странное объяснение (досл. «морской протест»), из которого я ничего не понял», – сказал он. Præcis hvad der er **på bedding**, vil vise sig senere på måneden. Что конкретно разрабатывается (досл. «на стапелях»), станет известно в этом месяце. Kommuner bliver hårdt ramt, og ifølge rådmænd Jane Jegind (V) **lader** staten nærmest Odense og andre kommuner **sejle deres egen sø**. Муниципалитеты сильно пострадают и, согласно заместителю мэра Джейн Йегинд, государство практически бросает и другие муниципалитеты на произвол судьбы (досл. «даёт плавать в своем озере»).

Отдельное внимание привлекают пословицы и поговорки: «на миру и смерть красна» имеет в качестве эквивалента датское «fælles skibbrud er trøst», «общее кораблекрушение – утешение» (наследующее латинскому «commune naufragium omnibus est consolatio»), в то время как пословица «крысы бегут с тонущего корабля» полностью совпадает с датской «rotterne forlader skuden/rotterne forlader den synkende skude»). Идиоматическое выражение «скелет в шкафу», пришедшее из английского языка в русский, имеет не менее зловещие коннотации в датском – at sejle med lig i lasten («плавать с трупом в трюме») [Alle danskere snakker, som om de var gamle sømænd, 2012: 15].

Для целей систематизации данного лексического пласта и его оптимального усвоения изучающими датский язык и совершенствующимися в искусстве общественно-политического перевода были обобщены часто используемые выражения с разделением их на пять групп. Представленные выше примеры красноречиво свидетельствуют о широком использовании морской терминологии в современных датских СМИ в общественно-политическом контексте, а также об удачном переосмыслении реалий, отошедших со временем на второй план.

Список литературы:

Alle danskere snakker, som om de var gamle sømænd // Lynette Nyt. Medlemsblad for Sejlklubben Lunetten / Jacob Lefevre (ansvh. redaktør). 2012, nr. 5, ss. 13-15 [Электронный ресурс]. URL: http://www.lynetten.dk/j36/images/Dokumenter/LynetteNyt/2012/LN1210_okt2012.pdf (дата обращения: 20.01.2019).

Krasnova E., Harrit J. Dansk-russisk ordbog. København, Gyldendal, 2005.

Rasmussen C.S. Se listen: så krigerisk er det danske sprog // TV2. 2014. Den 9. maj [Электронный ресурс]. URL: <http://livsstil.tv2.dk/2014-05-09-se-listen-s%C3%A5-krigerisk-er-det-danske-sprog> (дата обращения: 20.01.2019).

Shousboe K. Dansk er et van(d) vittigt sprog // Nordjyske Stiftstidende. 2007. Den 2. juli [Электронный ресурс]. URL: <https://nordjyske.dk/nyheder/dansk-er-et-van-d-vittigt-sprog/8da65c5c-0a20-42c0-bf22-c9b05cb5e76a> (дата обращения: 20.01.2019).

Об авторе:

Авакова Юлия Михайловна – преподаватель датского языка, кафедра языков стран Северной Европы и Балтии, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

NAUTICAL TERMINOLOGY IN DANISH SOCIAL AND POLITICAL DISCOURSE

Yu.M. Avakova

Abstracts. *The article focuses on an understudied phenomenon, Danish idioms and sayings that originate from seafaring and have long since have been adopted into everyday use and have found their way into the language of mass media. Their abundance and existence in contemporary Danish reflect the historical and cultural heritage of Norsemen, a group of people that inhabited Scandinavia, mainly spoke the Old Norse language and were known all over Europe as traders, settlers and warriors and commonly referred to as Vikings. Many of the listed fixed expressions that relate to and have once derived their meaning from specific nautical terms are most widely used in spoken and written Danish and therefore require adequate understanding and translation. To achieve these goals it has been found necessary to examine the appropriate language material, conducting an overall analysis of the fixed expressions of nautical origin used in a wider context in contemporary Danish means of mass media.*

Basic expressions retrieved in the study have been provided with and supported by extensive citations. In order to facilitate the analysis, the said fixed expressions have been divided into several groups according to their core subject. These are: 1) seafaring and operation of a sea vessel along with the use of specific equipment (keel, sail, steer wheel, flag) as main units of meaning; 2) water and ocean as a basic element and natural environment that has to be tamed, ridden and mastered as well as actions that help in achieving those ends; 3) navigation and space orientation; 4) dangers at sea; 5) highly technical expressions with obscure meaning to a wide readership not well-versed in professional nautical terms. The last category, however, poses an ample number of problems as it requires exact understanding coupled with a necessity to provide suitable synonyms in Russian. Providing these expressions with Russian equivalents whenever possible or suggesting more metaphorical translations when the corresponding Russian terms are lacking or cannot be understood by general public is thus a major task.

The findings of the article may be of interest to professional interpreters and translators and to those who teach and study Danish and other Scandinavian languages.

Key words: *Danish language, idioms, sayings with nautical origin, nautical terms, translation, political translation, translation theory and practice.*

References:

Batchelor O. Krisebølge skyller ind over erhvervslivet. Avisen.dk, 2011, August 4. Available at: https://www.avisen.dk/kriseboelge-skyller-ind-over-erhvervslivet_150100.aspx (accessed 20 January 2019) (In Danish).

Alle danskere snakker, som om de var gamle sømænd // Lynette Nyt. Medlemsblad for Sejlklubben Lunetten / Jacob Lefevre (ed.). 2012, no. 5, pp.13-15 Available at: http://www.lynetten.dk/j36/images/Dokumenter/LynetteNyt/2012/LN1210_okt2012.pdf (accessed 20 January 2019) (In Danish).

Krasnova E., Harrit J. Dansk-russisk ordbog. København, Gyldendal, 2005.

Rasmussen C.S. Se listen: så krigerisk er det danske sprog. TV2. 2014. May 9. Available at: <http://livsstil.tv2.dk/2014-05-09-se-listen-s%C3%A5-krigerisk-er-det-danske-sprog> (accessed 20 January 2019) (In Danish).

Shousboe K. Dansk er et van(d) vittigt sprog // Nordjyske Stiftstidende. 2007. July 2. Available at: <https://nordjyske.dk/nyheder/dansk-er-et-van-d-vittigt-sprog/8da65c5c-0a20-42c0-bf22-c9b05cb5e76a> (accessed 20 January 2019) (In Danish).

About the Author:

Yulia M. Avakova – Lecturer in Danish, The Department of North European and Baltic languages, Moscow State Institute of International Relations (University).

РУССКИЕ ПОКЛОНЫ: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ВЕКА

Е.Б. Морозова

Аннотация. В данной статье описываются изменения, произошедшие с классом этикетных жестов «поклоны» в русском языке и культуре в период с XI до начала XXI вв. В статье кратко проанализированы четыре основные вида поклонов (земной, поясной, вежливый поклон и кивок), а также три сферы их употребления – религиозная, ритуальная и бытовая.

Автором показано, что на протяжении анализируемого периода семантика и прагматика класса жестов «поклон» сужается. Только в религиозной сфере до сих пор используются изначально зафиксированные в ней две формы поклона, а также отмечается одна редуцированная. В ритуальной сфере в эпоху правления Петра Великого в русскую культуру проникают новые виды поклонов, однако все они практически полностью перестают использоваться в первой трети XX в., после революции 1917 г.

В настоящее время ритуальные поклоны продолжают использоваться только в театральных (цирковых и прочих) представлениях и в дипломатическом протоколе Российской Федерации. В работе также описываются изменения в сфере бытовых поклонов, возникшие во второй половине XVII в. и позднее. Сегодня в русской культуре по-прежнему широко используется только один вид бытового поклона – кивок. За рассматриваемый период класс жестов «поклон» утратил большое число своих форм и значений в церемониальной и бытовой сферах употребления, а сфера религиозных поклонов осталась практически без изменений. Таким образом, можно констатировать, что к началу XXI в. в русской культуре и в русском языке класс жестов «поклон» утратил большую часть своих значений, а сфера их употребления значительно сузилась. Остаётся только надеяться, что в будущем поклон, один из самых глубоких и красивых человеческих жестов, по-прежнему останется частью русской культуры.

Ключевые слова: вежливый поклон; земной поклон; жест; кивок; книксен; поясной поклон; поклониться; реверанс; ритуал; этикет.

В данной статье проводится краткий анализ изменений, произошедших в классе жестов «поклон» в русской культуре за период с XI в. до настоящего времени. Самые ранние древнерусские памятники письменности, дошедшие до нас, датируются

XI в., позволяя нам выявить ситуации употребления поклонов, передаваемые ими смыслы и отношения. Именно этот факт определил временной промежуток, выбранный для анализа. Материалом для исследования стали памятники древнерусской и русской литературы, мемуа-

ры, словари языка и культуры и научные труды, посвящённые русской культуре разных эпох.

Жест *поклон*, точнее, класс жестов «поклон», состоящий из нескольких разных по форме и смыслу жестов-поклонов, уже довольно давно стал объектом внимания антропологов, культурологов, лингвистов, историков и других исследователей. Семантика и прагматика отдельных представителей этого класса хорошо изучена и описана на данный момент как в диахронии, так и в синхронии, выделены признаки для их классификации в трудах специалистов – А.К. Байбурина, А.Я. Топоркова, И.И. Дорфмана, Г.Е. Крейдлина, А. Накадзавы и др. Однако попытки системно взглянуть на данный класс жестов, особенно в диахроническом аспекте, до сих пор не предпринимались. В данной статье автор попытается кратко систематизировать семантические и прагматические изменения в использовании поклонов на протяжении указанного отрезка времени.

Для начала следует описать формы поклонов, исконно существовавшие в русской культуре. По признаку «физическая реализация жеста» русские поклоны, как было показано в работе Е.Б. Морозовой «Невербальный этикет в его соотношении с вербальным», бывают четырех видов. Во-первых, это *земной поклон*, также называемый *поклон до земли / в землю / в ноги*. Исполняющий его человек становится на колени, наклоняется и касается лбом пола, после чего встаёт. В ряде источников этот поклон описывается как сгибание туловища под углом 180°, до земли, часто с касанием правой руки поверхности, на которой стоит жестикулирующий. Во-вторых, *поясной поклон* или *поклон в пояс*, который представляет собой наклон головы и верхней части туловища под углом примерно 90°. В-третьих, *вежливый поклон* – наклон головы и верхней части туловища под углом 25 – 45°. И наконец, *кивок* – непродолжительный наклон вниз одной только головы, иногда с очень лёгким, едва заметным наклоном туловища [Морозова, 2018].

В соответствии с признаком «типичная сфера использования» жеста в той же работе было предложено разделить поклоны на (1) религиозные, (2) церемониальные / ритуальные и (3) светские / бытовые. В каждой из этих сфер использования в определённый исторический период существовали свои виды поклонов. Со временем некоторые из них устаревали и переставали использоваться. В ряде ситуаций поклоны видоизменялись, приспосабливались к новой реальности или пополнялись новыми элементами, которые нередко заимствовались из других культур.

Рассмотрим более подробно те изменения, которые произошли за несколько веков внутри каждой сферы использования. *Религиозный поклон*, точнее, целая группа религиозных поклонов, представляет собой символическое действие и выражает почтение пред высшим существом – Богом. Как и много веков назад, поклон исполняется в строго регламентированных ситуациях: в церкви или дома во время молитвы, при встрече с духовным лицом. Православные поклоны, как показывает анализ литературы XI – XX в., и в прошлом, и сегодня существуют в двух видах.

Это *большой* (также называемый *великим / земным*) *поклон* и *малый* или *поясной/поклон*. *Большой поклон* исполняется, например, во время Великого поста, во время службы по желанию молящегося, его также назначают в качестве наказания за греховное поведение. *Малый поклон* имеет более широкую сферу употребления и используется в целом ряде ситуаций: принятия благословения от священника, во время чтения Евангелия, молитвы и т.д. Религиозные поклоны, как показывает проведенный анализ, мало подвержены изменениям с течением времени. В наши дни оба вида поклонов по-прежнему используются как священнослужителями, так и прихожанами.

Однако хочется отметить неканоническую, *редуцированную* форму *поясного поклона*, которая широко используется в наши дни прихожанами церкви и гораздо чаще, чем названные выше два вида. Она представляет собой небольшой наклон

головой и сгибание туловища под углом 25 – 45° и по своей форме соответствует *вежливому поклону*. Эта «упрощенная» форма поясного поклона не осуждается русской православной церковью, хотя и не вызывает большого одобрения. Классическая форма поясного поклона вместо его редуцированной формы попрежнему исполняется представителями духовенства и глубоко верующими людьми, строго соблюдающими церковные каноны.

Церемониальные или ритуальные поклоны традиционно используются в официальных церемониях и обрядах, например, во время княжеских или царских пиров, официальных приёмов у высокопоставленных лиц (князей, царей, бояр, в более позднее время – царей, императоров и т.д.), ещё позднее – в дипломатическом протоколе. В эту же группу попадают театральные и танцевальные поклоны, которые по своей сути представляют элементы определённого ритуала и исполняются в строго определённое время.

В древнерусской культуре в ситуациях «приём у вышестоящего лица» традиционно использовалось несколько видов церемониальных поклонов: *земной, поясной* поклоны и так называемый *приветственный* поклон. По форме приветственный поклон совпадает с поясным, но отличается от него наличием многочисленных адресатов. Он совершается не однократно перед одним человеком, который выше по социальному статусу, чем жестикулирующий, а несколько раз. Исполнитель жеста поворачивается вокруг себя, обычно в направлении часовой стрелки, совершает поклон четыре раза, на все четыре стороны, таким образом обращаясь к каждому из присутствующих, которые могут быть равны ему по социальному статусу, быть ниже или выше его. Исполнение такого поклона во время приема у высокопоставленного лица, например, во время пира или официального приема или в менее официальной ситуации, позволяло выразить почтение сразу нескольким адресатам или даже множеству людей, причем первый из четырех поклонов всегда исполнялся перед лицом с самым высоким социальным статусом [Морозова, 2018].

Некоторые исследователи также выделяют *княжеский поклон*, распространённый в Древней Руси в княжеской среде и совершаемый в момент встречи сына и родного отца или дяди. Предположительно, «в княжеской среде XII – первой половины XIII в. сформировался особый вид обряда с поклоном, который совершался с целью определения и утверждения иерархии княжеских отношений. И это, несомненно, было связано с ситуациями, когда из-за междоусобиц нарушался политический порядок, установленный по традиционному родовому принципу ("по старшинству"). Каждый раз при заключении мира для восстановления порядка требовалось утвердить новые отношения между князьями "по старшинству"» [Накадзава, 2018: 658].

С началом царствования Петра I в русской культуре происходит полная смена ритуалов, принятых при царском дворе и в высшем обществе, которое только начинает формироваться. Россия активно заимствует у Европы новые фасоны одежды, блюда, танцы, предметы быта, слова, а также нормы морали и формы ритуального поведения. Стараниями Петра, видевшего Россию передовой европейской державой, и последующих правителей, церемонии при дворе становятся строго ритуализованными, что закрепляется на законодательном уровне. Так, в XVII в. во время частной аудиенции у высокопоставленного лица проситель должен был сделать первый поклон при входе в комнату, второй поклон, пройдя несколько шагов вперед, и третий – на расстоянии трех шагов от того места, где находится высочайшая особа. По окончании аудиенции следовало выйти из комнаты, не оборачиваясь спиной к высочайшей особе, и пятиться спиной до самого порога, исполнив повторно три поклона.

В это же время в моду входит европейский вид поклона *реверанс*, при исполнении которого одну ногу нужно отвести назад, касаясь пола кончиком носка и, сгибая колени, затем выполнить полуприседание, одновременно наклоняя голову и направляя взгляд вниз. Изначально реверансы проникли в этикет из танцев.

По технике своего исполнения реверансы подразделяли на малые, средние и важные, отличавшиеся друг от друга глубиной приседания и степенью наклона головы, то есть имели несколько видов.

Сейчас, спустя несколько веков, нам очень трудно разобраться в тонких отличиях между ними. Помимо реверансов, при дворе исполняли низкий поклон. Позже, в годы правления императора Павла I, было довольно широко распространено и поощрялось императором *коленипреклонение*, часто сопровождаемое *целованием руки*. В эпоху Александра I этот обряд коленипреклонения и целования руки монарха, вызывавший мало восторга у подданных, сменился глубоким (по нашим догадкам, имеющему форму поясного поклона) поклоном для мужчин. Дамы по-прежнему исполняли реверанс и его лёгкий вариант – *книксен*. Эта придворная традиция оставалась неизменной вплоть до революции 1917 г.

В молодой Советской республике церемониальные поклоны вышли из употребления, так как шли вразрез с новыми ценностями и культурными нормами. Только один из них, *вежливый поклон*, выжил и остался в рамках советского, а позднее российского дипломатического протокола. *Вежливый поклон* по-прежнему употребляется во время официальной церемонии вручения верительных грамот. Во время этой церемонии посол иностранного государства подходит к Президенту Российской Федерации, приветствует его небольшим поклоном и вручает верительные грамоты и отзывные грамоты своего предшественника. После обмена рукопожатием он занимает место по правую руку от Президента.

Также попрежнему, как и в прошлом, используются поклоны в театре, цирке, опере, во время представлений других жанров. Студенты театральных, хореографических, цирковых и других художественных училищ специально обучаются правильному исполнению поклонов, с помощью которых они благодарят публику за аплодисменты и любовь к их исполнительскому мастерству. Кланяются артисты обычно в конце представле-

ния, под шум аплодисментов, исполняя либо поясной поклон, часто с касанием правой руки пола. Иногда женщины-исполнительницы делают книксен. Интересно, что в спорте поклоны исполняются в фигурном катании, которое имеет много общего с театральным и хореографическим представлением. Таким образом, мы видим, что за анализируемый период в сфере ритуальных поклонов произошли кардинальные перемены. Перестали использоваться почти все, кроме одного, виды церемониальных поклонов.

Третьей сферой употребления поклонов является бытовая. Она представляет собой повседневную коммуникацию людей, она не регламентирована жесткими этикетными правилами и допускает большую свободу в поведении участников. *Бытовые*, или *светские*, поклоны и в древнерусской, и в русской культуре всегда были широко распространены и исполнялись в самых разнообразных бытовых ситуациях. Мы находим многочисленные упоминания о разного рода поклонах в памятниках древнерусской литературы, в пословицах и поговорках русского народа. В более позднее время поклоны часто описываются в литературе XVI – XX вв. разных жанров, особенно в записках иностранцев, посещавших Россию в этот период. В отличие от религиозной сферы, группа бытовых поклонов активно расширялась, органично включая в себя новые элементы. В Древней Руси использовались по меньшей мере три базовые формы поклона (*земной*, *поясной* и *вежливый поклон*), к которым в XVII в. присоединились заимствованные *реверанс* и *книксен*. Следует отметить, что разные виды поклонов исполнялись разными сословиями, например, крестьяне и купцы не исполняли *книксен* и *реверанс* в бытовых ситуациях, а представители аристократии очень редко исполняли *земной* или *поясной* поклоны в повседневном общении.

Анализ примеров использования разных поклонов в бытовой коммуникации позволяет выделить типовые ситуации их исполнения: приветствие / прощание, приглашение, принятие приглашения, выражение благодарности, принесение

извинения, просьбы о помощи или оказания милости и др. Поклоны могли передавать разные смыслы и выражали отношение жестикулирующего к адресату жеста: уважение, смирение, покорность, благодарность или почтение. Уже в Древней Руси выражение «передать поклон кому-то» стало употребляться в переносном значении – «передать привет или наилучшие пожелания третьему лицу в письме или разговоре» [Словарь русского языка, 1990] и продолжает использоваться, хоть и гораздо реже, по сей день.

После октябрьской революции 1917 г. произошла отмена сословного деления общества, началась новая эпоха, стали актуальными новые социалистические ценности. Бытовая коммуникация претерпела огромные перемены. В новом государстве все были равны, каждый человек был другому товарищ и брат, поэтому светские поклоны начинают выходить из обихода и к концу XX в. практически становятся невербальным анахронизмом.

Единственными представителями класса бытовых поклонов, выжившими в эти сложные времена, стали *кивок* и *вежливый поклон*, который медленно, но верно тоже уходит из употребления. Однако по-прежнему широко используется *кивок* как жест приветствия. Чаще всего кивок

исполняется в ситуации, когда у участников коммуникации нет времени или желания вступить в вербальный контакт, или они находятся на относительно большом расстоянии друг от друга, затрудняющем вербальную коммуникацию.

Кивок как жест приветствия / прощания фиксируется в памятниках письменности с середины XVIII в. Возможно, он существовал и ранее, но пока автору статьи не удалось найти этому документальных подтверждений. Анализ статистики в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) [Словарь русского языка, 1990] показывает, что употребление лексемы '*кивок*' (а следовательно и жеста, который она называет) на протяжении двух веков то незначительно растёт, то уменьшается, в отличие от лексемы '*поклон*', которая с 1920-х гг. демонстрирует стабильное падение.

В заключение следует сказать, что за рассматриваемый период класс жестов «поклон» утратил большое число своих форм и значений в церемониальной и бытовой сферах употребления, а сфера религиозных поклонов осталась практически без изменений. Остаётся только надеяться, что в будущем поклон, один из самых глубоких и красивых человеческих жестов, по-прежнему останется частью русской культуры.

Список литературы:

- Байбурун А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета. Л.: Наука, 1990. 165 с.
- Дорфман И.И. Невербальные компоненты этикетного речевого жанра приветствия. Прощания (на материале русской художественной прозы XIX–XX вв.) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2013. № 4 (28). С. 86–95.
- Крейдли Г.Е. Невербальная семиотика. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.
- Морозова Е.Б. Невербальный этикет в его соотношении с вербальным. М.: РУСАЙНС, 2018. 140 с.
- Накадзава А. К проблеме происхождения и эволюции этикетных формул «поклон» и «челобитье» в Древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы / Российская Академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); отв. ред. О. В. Панченко. СПб.: Росток, 2016. Т. 64. С. 653–678.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>. (дата обращения: 1.11.2018).
- Словарь русского языка XI – XVIII веков / Гл. ред. Г.А. Богатова. Вып. 16. М.: Наука, 1990. 295 с.

Об авторе:

Морозова Елена Борисовна – к.филол.н., старший преподаватель кафедры английского языка № 1 МГИМО. Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76. Сфера научных интересов: лингвокультурология, этикет, межкультурная коммуникация. E-mail: morel@mail.ru.

RUSSIAN BOWS THROUGH CENTURIES

Elena B. Morozova

Abstracts. *The article looks at semantic and pragmatic changes on gesture "bow" in the Russian language and culture throughout 11th – 21st centuries. The paper analyses four types of bows (a prostration, bow from the waist, polite bow and a nod) and three contexts of their usage – religious, ritual and secular. The study demonstrates that throughout the given period the semantics and pragmatics of the gesture have gradually been narrowing. It is in the religious context where we still find two original forms of stooping used. Starting from the reign of Peter the Great new types of ceremonial bows were borrowed from Europe, but practically disappeared in the 1920-s after social classes system was banned by new Socialist government. At present we can observe the use of bows in Russian diplomatic protocol and in the theatre or other performances. The sphere of secular bows initially had only two forms, embracing new ones in the second half of the 17th century. Nowadays almost all of them have passed out of use. The findings clearly indicate that by the 21st century Russian gesture "bow" have lost most of its meanings, and their usage has significantly decreased.*

Key words: *bob, bow from the waist, curtsey, etiquette, gesture, nod, polite bow, prostration, stooping, ritual.*

References:

- Bajburin A.K., Toporkov A.L. *U istokov ehtiketa* [The Origins of Etiquette]. Leningrad, Science, 1990. 165 p. (In Russian).
- Dorfman I.I. *Neverbal'nye komponenty ehtiketnogo rechevogo zhanra privetstviya. Proshchaniya (na materiale russkoj hudozhestvennoj prozy XIX–XX vv.)* [Non-verbal Components of Etiquette Verbal Greeting or Saying Good-bye (As Exemplified in Russian Fiction of XIX–XX)]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki - Proceedings of Institutions of Higher Educations. Povolzhskiy Region. Human Sciences*, 2013, no 4 (28), pp. 86-95 (in Russian).
- Krejdlin G.E. *Neverbal'naya semiotika* [Non-verbal Semiotics]. Moscow, New Literary Review, 2002. 592 p. (In Russian).
- Morozova E.B. *Neverbal'nyj ehtiket v ego sootnoshenii s verbal'nym* [Non-verbal Etiquette in its Relations to Verbal]. Moscow, RUSAINS, 2018. 140 p. (In Russian).
- Nakadzava A. *K probleme proiskhozhdeniya i ehvolucii ehtiketnyh formul «poklon» i «chelobit'e» v Drevnej Rusi* [On the Problem of Origin and Evolution of Etiquette Formulas "Bow" and "Petitioning" in Ancient Russia]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury* [Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature] / *Rossijskaya Akademiya nauk. Institut russkoj literatury (Pushkinskij Dom)* [Russian Academy of Sciences. Institute of Russian Literature (Pushkin House)]; ed. O.V. Panchenko. Saint-Petersburg, Ros-tok, 2016. T. 64. pp. 653-678 (In Russian).
- Nacional'nyj korpus russkogo jazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>. (accessed 1 November 2018) (In Russian).
- Slovar' russkogo jazyka XI – XVIII vekov* [The Dictionary of the Russian Language of the XI–XVIII] / Ed. G.A. Bogatov. Issue 16. Moscow, Science, 1990. 295 p. (In Russian).

About the Author:

Elena B. Morozova – PhD in Philology, Senior Lecturer of English Department № 1 at MGIMO (U).
Research Interests: lingvocultorology, etiquette, intercultural communication.
E-mail: morel@mail.ru.

МАХМУД ДЕРВИШ И ЕГО ПАЛЕСТИНА. ТЕМА РОДИНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА

Е.В. Кухарева

Аннотация. Статья посвящена отражению патриотической темы и концепта 'родина' в творчестве певца народа Палестины, всемирно известного палестинского поэта и писателя Махмуда Дервиша. Чувство патриотизма, присущее, наверное, всем народам, наиболее обострённо ощущается у людей, рождённых на палестинских землях. Национальное унижение, несправедливость, игнорирование интересов целого народа, отчаяние, всеобъемлющий гнев и борьба за свободу, честь и достоинство Родины – вот основные темы произведений Дервиша.

В поэтическом творчестве Дервиша находят отражение все признаки понятия 'родина', которые свойственны арабскому менталитету: территориальный, признак социальной принадлежности, идейно-политический и связанные с ними нравственные ценности, которые продолжают играть важную роль в жизни современных арабов. Автор статьи показывает, что в творчестве Махмуда Дервиша понятие 'родина' связано не столько с родными краями, а в большей степени с борьбой палестинцев за свободу и независимость своей страны. В его поэтическом творчестве невозможность жить на своей земле по заветам предков воспринимается как национальное унижение, требующее восстановления справедливости. Но Родина в поэзии Дервиша – это также прекрасное прошлое, образ черноокой девушки, любезные сердцу пейзажи родной Палестины. Поэтому красной нитью в поэзии Дервиша проходит идея защиты родной земли, пронизанная мыслями о борьбе и готовностью отдать за это свою жизнь.

Несмотря на все ужасы ситуации в современной Палестине, поэт не озлобился, хотя его охватывает гнев, никого не проклинает, хотя и предупреждает о возмездии. На закате жизни Дервиш возвращается в мыслях к мирным картинам детства, которые всегда служили ему путеводной звездой в духовной и политической борьбе за будущую Палестину. Его жизнь и творчество являются образцом для молодого поколения палестинцев, его любовь к Палестине воспитывает у палестинской молодёжи чувство патриотизма и стремление бороться за честь и справедливое будущее своей страны.

Ключевые слова: поэзия, арабские поэты, национально-освободительная борьба, национальная идея, Палестина, палестинец, патриотизм, родина.

Каждому человеку, рождённому в Советском Союзе, хорошо известны слова из песни «С чего начинается Родина?». Однако этот вопрос, наверное, задаёт себе любой человек, достигнув сознательного возраста, где бы он ни родился. Потому что, несмотря на глобализацию и часто показной космополитизм, большинство людей вряд ли хотят ассоциировать себя с перекачиполем, растением без корней и родной почвы. Вопрос: «Кто мы? Откуда? Где надо искать наши корни? Каковы ценности, которые мы должны защищать и ради которых можно пожертвовать собой?» – возникал и возникает у представителей разных обществ и народов. Ведь такие понятия, как ‘отчизна, родная земля’, не только известны, но более того, присущи практически всем народам Земли. Однако для каждого народа, для каждой нации, даже для каждого отдельного человека они звучат по-разному. Глубина и распространённость понятий ‘отчий дом, земля предков, родина’, лингвистические формы их выражения, могут быть различны у разных этносов. Время также накладывает на них свой отпечаток.

Данная статья посвящена исследованию отражения темы ‘родина’ в творчестве палестинского поэта Махмуда Дервиша (1941–2008). Этот вопрос затрагивался автором в статье «Понятие ‘родина’ в арабском устном народном и поэтическом творчестве» [Кухарева, 2017] как часть общей проблемы. Однако, как нам кажется, фигура Махмуда Дервиша настолько значима не только для палестинцев, но и для всей творческой общественности арабских стран, а тема патриотизма, борьбы и самопожертвования настолько важны для его поэзии, что естественным показалось желание развить и углубить этот аспект.

Прежде чем рассматривать творчество поэта, представляется необходимым затронуть некоторые общие вопросы, касающиеся данной темы, достойные упоминания. Прежде всего это лингвистическое отражение понятия ‘родина’ в арабском языке на основе ряда ментальных признаков, с которыми оно а-

ссоциируется. Например, *пространственный, или территориальный*, признак. Он отражён в таких лексемах, как: ‘*ватан*’ – ‘родина, место рождения; отечество, отчизна’; ‘*балад*’ или ‘*билаад*’ – ‘страна’; ‘*ард*’ – ‘земля, суша; территория; страна’. Социальная составляющая понятия ‘родина’ тесно связана с понятием ‘*асабийя*’ (племенным духом, приверженностью и верностью роду или племени) [Кухарева, 2005:114].

В этом контексте ‘родина’ воспринимается как ‘*асл*’ – ‘корень; начало; происхождение’; ‘*каум*’ – ‘народ, нация’; ‘*шааб*’ – ‘народ’. В основе этих понятий лежат *нравственные ценности*, которые присущи арабскому менталитету и воспитываются в детях «с молодых ногтей» не только как отголоски далёкого прошлого, но и как ориентиры современной жизни арабского общества, несмотря на все перипетии нашего беспокойного времени. Среди них можно выделить ‘*фахр*’ – ‘гордость, честь’; ‘*карам*’ – ‘щедрость, великодушие, благородство’; ‘*сабр*’ – ‘терпение’; ‘*шажаа*’ – ‘смелость, храбрость’ и другие. Также понятие ‘родина’ может быть окрашено *эмотивно-метафорическими* красками. Например, ‘*маскат р-раас*’ – ‘место рождения, родина’ (дословно – ‘место падения головы’ (ребёнка при рождении)). А также ‘*фуаад*’ – ‘сердце; ум’ и другие.

Концепт ‘родина’, наконец, может передаваться в *идейно-политических* понятиях таких, как ‘*султа, хукм*’ – ‘власть’; ‘*дауля*’ – ‘государство’; ‘*истиқрар*’ – ‘стабильность’ [Кечина, 2012: 16], ‘*дин, ислам*’ – ‘религия, ислам’. При этом оно может ассоциироваться с лицами, олицетворяющими все обозначенные выше понятия: ‘*малик*’ – ‘король’, ‘*заим*’ – ‘вождь, лидер’ и другие. Опросы, проведённые Э. Кечиной среди арабских студентов, выявили, что у многих из них понятие ‘родина’ связано с образом *отца* [Кечина, 2012: 15], что хорошо согласуется с понятием ‘*асабийя*’ (кровным родством), о котором говорилось выше. Другими словами, для арабского менталитета ‘родина’ – это семья, это земля, это мы сами, поэтому чувство патриотизма впитывается нами с молоком матери, оно у нас в крови.

Более того, можно предположить, что драматические и трагические события, происходящие в арабских странах, делают понятия 'родная земля, патриотизм' более востребованными и насущными, ибо, как гласят арабские пословицы: «*Родная земля не продаётся*» или «*Кто продаёт свою землю (Родину), тот торгует своей честью*» [Любани, 1999: 52] (ср. с рус.: «*Кто Родиной торгует, того кара не минует*»). Попытки спекулировать родиной ради сомнительных выгод считается предательством. Поступаться национальной честью, вести себя непатриотично противоречит традиционному арабскому моральному кодексу, унаследованному от далёких предков, а также мусульманским представлениям о родных краях, которые заповедовал сам пророк Мухаммед, вынужденный бежать из родной и любимой им Мекки, гонимый врагами ислама [Альхадж].

Соотечественник Дервиша, председатель (президент) Палестинской национальной администрации Ясир Арафат (1929–2004), так говорил о себе и Палестине: «*Это – моя Родина. И никто не может изгнать меня отсюда*», «*Личный престиж не так важен. Важны честь и достоинство Родины и её дела*». Слова Ясира Арафата перекликаются с представлениями Дервиша о судьбе Палестины и его собственном месте в этой судьбе: «*Я – араб... Я в эту почву врос корнями... Вынослив я и долготерпелив, но зреет гнев в моей крови*» (© Из сборника «*Листья оливы*». Перевод Н. Горской) [Дервиш, 1987: 32]. Для Арафата и для Дервиша главное – их национальные корни, честь их народа и их земли, с унижением которой они никогда не могли мириться.

Однако любить Родину – это также уметь принимать удары судьбы, которая бывает жестока и часто требует жертв. Слезами и пустыми словами не достичь процветания родной страны. Иногда только кровопролитная борьба может привести к заветной цели. Неслучайно данная реальность породила арабскую пословицу: «*Родину убивают слёзы, и воскрешает кровь*». Эта пословица может служить эпиграфом ко всей истории

национально-освободительной борьбы арабов за последние 180 лет, самой продолжительной кровоточащей раной которой является пятидесятилетняя борьба палестинцев за своё законное право жить на родной земле и иметь своё государство. Эти рассуждения выводят нас на идейно-политический аспект понятия 'родина', связанный с вопросом формирования арабской национальной идеи.

Арабская философская мысль XIX в. впервые обращается к таким понятиям, как 'аш-шааб' (народ), 'аль-ватан' (родина), 'аль-уруба' (арабизм). Впоследствии в рамках формирующейся арабской национальной идеи они стали частью новых важных по смыслу словосочетаний «арабский народ», «арабская родина» [Труевцев, 2012: 104]. На развитие арабского самосознания большое влияние оказали борьба арабских народов против Османской империи и политики Запада в этом регионе, возникновение палестинской проблемы, отношения между арабами и евреями. Арабские мыслители 30-х гг. XX в. (Салих Битар, Мишель Афляк и другие), формулируя национальную идею арабов, стремились сделать её как можно более понятной и осозаемой.

Они опирались на тот самый *территориально-географический* признак понятия 'родина', подчёркивая, что «арабская родина» – это реальное место обитания «арабской уммы», и у неё есть определённые границы. «В их позициях прослеживались и социальные, социально-исторические и политико-исторические мотивы в трактовке национальной идеи», – пишет автор статьи «Арабский мир в XX веке: развитие национальной идеи» К. Труевцев [Труевцев, 2012: 111].

В рамках этой идеи в Манифесте Первого конгресса арабских студентов, обучавшихся в Европе, который состоялся в конце 1938 г. в Брюсселе, чётко обозначено категорическое неприятие сионизма в отличие от нормального отношения к простым евреям: «Интересы евреев, которые живут на арабских территориях, не противоречат интересам арабского национализма. Но сионизм непосредственно противостоит арабско-

му национализму, мы должны бороться с ним» [Труевцев, 2012: 111-112]. Именно *идейно-политический* аспект понятия 'родина' в рамках темы арабской национальной идеи стал стержнем творчества известного палестинского поэта Махмуда Дервиша, который не понаслышке знал и видел своими глазами, как сионисты унижают его народ, оскверняют дорожную ему землю, уничтожают всё то, что составляло смысл его жизни и было ему дорого.

Он, в частности, писал: *«Проходит год за годом, а на твоей земле зло всё множится, о, Родина!... Родина не всегда права, но свою правду я по-настоящему могу реализовать только на Родине»*. Это чувство любви к Родине и одновременно горечи за поправленные честь и права, гнев и решимость защищать родную землю мы можем увидеть в его стихотворении «Паспортные данные». Обращаясь к захватчикам, которые видят в местном арабском населении людей второго сорта, поэт с достоинством и гордостью говорит:

*Запомни! Я - араб.
Вот паспорт. Номер пятизначный.
Женатый. Восемь душ детей.
Девятый к осени родится...
Пиши! И губы не криви!..
Запомни! Я - араб.
Не безымянный, но не знатный.
Выносив я и долготерпелив,
Но зреет гнев в моей крови.
**Я в эту почву врос корнями.
Я старше олеандров и олив
И кипариса древнего древней...
Я родственник камней и трав,
Проросших меж камнями.***

(Выделено мною – Е.К.)

*Нет, я не голубых кровей,
Не княжеского рода.
Отец феллах и дед феллах -
Простая древняя порода.
Мой дом - не мраморный дворец,
А глинобитная лачуга.
Ты понял, наконец?
Я человек простой, незнатный.
Запомни! Я - араб.
Цвет глаз - кофейно-карий.
А цвет волос, как видишь, смоляной.*

Особые приметы:

*Сверх куфьи на голове укаль
Ладонь моя тверда, как сталь,
Дотронься - убедишься в этом.
Мой адрес: мирная глухая деревушка...
Мужчины – сроду не видали пушек,
Оружье их – мотыга да кирка...
Пиши! На первой запиши странице:
Я людям не желаю зла,
Но не могу со злом мириться!..*

(Из сборника «Листья оливы». Перевод Н. Горской) [Дервиш, 1987: 32].

Это стихотворение Дервиша можно рассматривать как оду арабскому духу, арабской нации в целом, оказавшейся перед лицом более сильного, беспринципного врага. Всего в двух словах «Я – араб» отразилась многовековая история арабов, озарённая победами, взлётами, великими открытиями и великими именами, но не избежавшая падений и поражений. Но главное не в истории. Для Дервиша 'родина' – это, в первую очередь, безмятежные пейзажи родной земли – Палестины с её «древними кипарисами, олеандрами и оливами», рядом с которыми разбросаны «камни с проросшей меж них травой».

Территориальный признак Родины в творчестве Дервиша просматривается очень чётко. Родина связывается с конкретными «мирными деревушками, глинобитными лачугами», построенными именно на этой земле, где живут «простые феллахи с твёрдыми, как сталь, ладонями». Дервиш показывает нам, что именно эти люди, простые палестинцы, и их ежедневные заботы, а не обладатели «голубых кровей и княжеского рода» представляют для него Родину – Палестину. Они со своими натруженными руками – соль её земли. У поэта вызывает боль и гнев тот факт, что именно на них обрушались все беды и унижения. Поэтому в конце стихотворения поэт обозначает своё кредо, говоря: *«Я людям не желаю зла, но не могу со злом мириться!..»* Другими словами, поруганная честь Родины, унижения и бедствия её сынов требуют от него решительных действий.

И он становится автором Манифеста палестинской свободы, главного доку-

мента в национально-освободительной борьбе арабов за право основать на своей земле собственное государство. В поэзии Дервиша Родина часто предстаёт в образе страдальцы, потерянного цветущего и благоухающего рая. Мыслями он возвращается к прежним безмятежным временам, что заставляет чувствовать боль и любовь к родной земле ещё сильнее. В стихотворении «Люблю тебя ещё сильнее» поэт воспеваеет Родину, описывая своё отношение к ней как к земле, наполненной благоухающими ароматами, к которой устремлены душа и сердце рождённого в этих краях человека. Эмоции переполняют его, выражаются в возвышенных образах:

*Ты – твердь и небеса мои,
Ты – острова моей любви,
Которых нету зелены;
Тебя люблю я всё сильнее!
Ты вся любви моей видна,
Ты – «амброу» окрещена,
Ты – «сладостью» наречена,
В душе и сердце – зелена.
А я – дитя любви твоей –
Взрослею на груди твоей!
Люблю тебя ещё сильнее!*

(Из сборника «Последняя ночь», 1968. Перевод Ю. Хазанова) [Дервиш, 1987: 98-99].

Арабский вариант стихотворения, на наш взгляд, может быть, менее «воздушен», чем русский перевод, но более ощутим физически. В нём говорится, что воздух Палестины насыщен амброй, что её земля, как сахар, сладкая, что она плоть и кровь палестинского народа и самого поэта. Он носит в своём сердце вечно зелёный и живой образ Родины. Здесь внимание привлекает образ «зелёного, то есть живого, сердца» родной земли. Автор рискует сделать предположение, что в этом сравнении прослеживается прямая связь с восприятием арабами-христианами образа святого Георгия, погибшего мученической смертью за свои убеждения от рук его врагов. Арабы называют св. Георгия *аль-Хадыр*. Это слово имеет значение 'зеленеющий, зелёный' в значении 'свежий; живой'. Другими словами, для Дервиша Родина-страдальца, которую угнетают и мучают, подвергают издевательствам и

поруганью, всё равно всегда была, есть и будет живой и любимой.

К образу Родины поэт обращается ещё в одном стихотворении, вернее, цикле стихотворений под названием «Рубаи». Его манят картины прошлого Палестины, запечатлённые во вполне традиционных для арабской поэзии образах:

*Я вижу бедуинов и Лейлу
и слышу колокольчик каравана,
но, воздавая старине хвалу,
о будущем мечтаю неустанно.*

(Из сборника «Листья оливы», 1964. Перевод Н. Горской) [Дервиш, 1987: 29].

Прошлое рисуется через привычные для иностранцев, да и самих жителей Ближнего Востока, стереотипы восприятия арабов-бедуинов и их образа жизни: «бедуины, Лейла (наиболее распространённое в поэзии женское имя), колокольчики каравана». Поэт ценит и уважает прошлое, но всё же пытается разглядеть будущее Палестины, которое остаётся туманным, скрытым за пеленою снов, в которых грезится влекущий поэта свет. Дервиш воспеваеет родину, которой ещё нет, но которая живёт в его мечтах. Он верит в неё. Он готов всё отдать ради того, чтобы мечты воплотились в жизнь. Но реальная родина измучена страданиями и несправедливостью. Это терзает поэта, который восклицает:

*О родина! К тебе я пригвождён
Любовью, схожей с мукой небывалой.
О родина, прекрасная, как сон!
Что ни отдам тебе – всё будет мало...*

На наш взгляд, не могут не привлекать внимание слова поэта «к тебе я пригвождён любовью, схожей с мукой небывалой». В них видится завуалированный намёк на Страсти Господни и Распятие на кресте, которые вынес Иисус Христос ради великой любви к людям и их спасения. Так и Махмуд Дервиш стремится взять на себя страдания родной земли, отдать за её спасение всё, что у него есть самого дорогого, – саму жизнь. Похожие мысли красной строкой проходят через стихотворение «Родина»:

*На пальме меня повесьте
Я не предаю её.
Эта земля – моя.*

*Это поле – моё.
Здесь я шлепал по лужам,
Руки грел у огня.
Здесь молоком верблюжьим
Поило детство меня.
Моя родина – не предание
О днях счастливых и грозных.
Она во сне не пригрезится
Ни полем в объятиях полумесяца,
Ни каплями света на розах.
Моя родина – гнев чужака
На тоску, что века
Со взведённым курком – у виска.
Моя родина – это ребёнок,
Чьи руки в порыве надежды и храбрости
Тянутся к радости.
Она – это ветры, которым тесно в
тюрьме.
Она – это ветви, светлые и во тьме,
Старик, что оплакивает пашню и сыновей
У этих вечных ветвей.
Эта земля – мои кожа и кости.
В неё меня бросьте.
Из неё мое сердце с пальмою вместе
Взмоет ввысь, навстречу суровым годам.
На пальме меня повесьте
Я её не предаю.*

Перевод Р. Казаковой [ЛитМир].

Если в «Рубаях» поэт погружается в образы прошлого или грезит о будущем Палестины, стремясь, возможно, уйти от ужасов реальной жизни, отдохнуть от страданий, то в стихотворении «Родина» он обращается к настоящему, которое и есть его жизнь, боль и надежда. Родина приходит к нему в образе ребёнка, «руки которого тянутся к радости», либо старика, «что оплакивает пашню и сыновей». Родина для Дервиша «не предание, а поле, в котором он шлепал по лужам и грел руки у костра». Родина – это «это ветры, которым тесно в тюрьме, это ветви, светлые и во тьме. Эта земля – его кожа и кости». Поэт видит себя неотъемлемой частью этой земли и готов отдать за неё жизнь, чтобы «из неё его сердце с пальмою вместе взмыло ввысь навстречу суровым годам». Поэт отдаёт себе отчёт в том, что борьба будет долгой и жестокой, но это не страшит его:

Родина!

Имя твоё я кровью выжег во мгле,

*Выгрыз зубами в невозможные дни.
Увидят они лишь огонь на моём челе,
Лишь звон моих цепей услышат они.
И если, распяв на кресте Любви,
Они сожгут меня, наконец,
Стану святым
Я, борец.*

Перевод Р. Казаковой [ЛитМир].

Этому стихотворению Махмуда Дервиша вторит другое его произведение – «Влюблённый из Палестины». Оно пронизано мучительной горечью от того, что видит поэт на растерзанной и униженной родной земле:

*Даже птицы – и те
Улетели от нами покинутых стен.
Зеркала раскололись, по свободе печальную
тризну
Справляя. И, песен родных подбирая
осколки,
Мы ценить научились отчизну.
Наших песен читаем слова
На разбитых, пробитых свинцом гитарах,
И мелодии наши творим
На рыдающих кровлях...
[...] Я клянусь,
Что навек Палестина
Останется нашей судьбою.
Палестинкой останешься ты
Под набатной луною.
Мы пронзим коченеющий воздух
Новыми песнями,
Бросим новые зёрна в иссохшую почву,
Кровью своей оросив
Плоть и душу ограбленных нив,
Пусть пройдут ещё долгие годы –
Будут щедрыми всходы... (Пер. С. Золотцева)*

(Из сборника «Влюблённый из Палестины», 1966.) [Дервиш, 1987: 35-37].

«Улетевшие птицы и расколотые зеркала, пробитые свинцом гитары» – вот образы и символы безвозвратно ушедшей прежней жизни, которая казалась такой естественной на земле родной Палестины. «Подбирая осколки» этой жизни, запечатлённые в песнях и мелодиях родного края, поэт вдруг осознаёт, что всё это – его униженная Палестина, его Отчество, с которым он связан кровными узами. Это открытие заставляет его ещё

больше любить и ценить наследие его стонущей от несправедливости страны. Трагизм современной ситуации не может помешать поэту мечтать о возрождённой и цветущей родине, даже если это случится спустя годы. Он не боится «*кровью своей оросить плоть и душу ограбленных нив*» ради своей мечты.

В поэзии Махмуда Дервиша жертвенность является неотъемлемой составляющей чувства патриотизма, которым пронизано всё его творчество. Связь с родными краями, ощущение сопричастности происходящему на земле предков сопровождает любого человека, вынужденного по тем или иным причинам покинуть свою страну. Так было, так есть, и, наверное, так будет всегда. Поэтому нет ничего удивительного, если мы посмотрим на биографию Махмуда Дервиша, что его мысли, ощущения и переживания, связанные с судьбой Родины-Палестины, перекликаются с тем, что сказал четвёртый праведный халиф Али ибн Абу Талиб¹, за 1300 лет до рождения Махмуда Дервиша: «*Самое дорогое на чужбине – это Родина, но бедная жизнь на родине подобна чужбине*» [Хикам]. Страдания на родине сродни прозябанию на чужбине и чувству тоски по родной земле.

Эта тоска по родине незадолго до смерти поэта выливается в нежное, полное любви и грусти стихотворение «Моей маме. Амелия». В нём сливаются образы матери и Родины. И хотя в нём не упоминается Палестина, Родина, но читатель чувствует это страстное желание вернуться домой, к родному очагу, в тёплые объятия матери, на родную землю. Образ матери, ласковой и нежной, житейские заботы простых людей – приготовление пищи, стирка белья, ежедневная молитва, – это и есть Палестина Махмуда Дервиша, его Родина. Это та мирная жизнь, которую он и его народ утратили, но о которой всегда помнили, и за возвращение которой палестинцы

вели и до сих пор ведут кровопролитную борьбу:

*Скучаю
По хлебу, что пекла мне мама,
И кофе, что варила мама,
И по прикосновенью мамы.
И толика незыблемая детства
День ото дня растёт во мне упрямо.
И всё сильнее жизнь люблю...
И если я вернусь, то ты меня
Возьми углём в печь твоего огня
Или верёвкой бельевой на крышу.
Ведь без молитв твоих я потерял
Всю стойкость. Старцем стал я, так
верни же
Мне звёзды детства, мама, чтобы я
С птенцами перелётных птиц не ближ-
ний
Путь разделить бы смог через моря.
Обратный путь... Пусть он вернёт
меня
В твоё гнездо, что ожидаем дышит.*
[Стихи, 2008].

В этом стихотворении поэт, несмотря на все ужасы ситуации в современной Палестине, не проявляет ни озлобленности, ни гнева, никому не грозит. Наоборот, на закате жизни Дервиш снова видит мирные картины детства, которые он пронёс в своей душе сквозь бури и невзгоды и которые всегда служили ему путеводной звездой в его духовной и политической борьбе за будущую Палестину. Земля его детства, в «*которую он врос корнями*», – это «*продолжение его души*». Он прорастает из неё «*цветущим миндалём и веткою смоковницы*», которая хлещет «*завоевателя, как камень, выпущенный из пращи*» [Дервиш, 2014: 54]. Он приносит ей клятву верности в своём сердце и на склоне дней мечтает о том, что «*С птенцами перелётных птиц не ближний Путь разделить бы смог через моря. Обратный путь...*» для того, чтобы вернуться в родное «*гнездо, что ожидаем дышит*». К сожалению, этой мечте не суждено было сбыться. Поэт умер в чужой стране, далеко от любимой Палестины.

¹ Абуль-Хасан Али ибн Абу Талиб аль-Кураши, более известный как Али ибн Абу Талиб (17 марта 599 – 24 января 661) – политический и общественный деятель; двоюродный брат, зять и сподвижник пророка Мухаммеда, четвёртый праведный халиф (656–661), первый из двенадцати почитаемых шиитами имамов.

Тем не менее, поэзия Махмуда Дервиша не могла и не может не трогать и не вдохновлять новые поколения борцов за счастливое будущее Палестины. Его чувства и мысли прорастают в молодых душах ростками преданности и любви к родной земле. Свидетельством этому могут служить слова современного молодого арабского интернет-пользователя о Родине:

«Родина. Маленькое слово из нескольких букв, но в нём заключён огромный

смысл. Родина. Это – мать. Это – семья. Это – земля, заключающая человека в свои тёплые объятия. Родина. Здесь мы рождаемся и вырастаем. Здесь мы впервые вкушаем плоды и блага её земли. Никакие расстояния не могут вырвать Родину из наших сердец. Человек рождается с любовью к Родине в душе, поэтому патриотизм – врождённое чувство, которое является основой воспитания любого человека» [Альхадж].

Список литературы:

Дервиш М. Птица изгнания. Избранные произведения: сборник / пер. с араб. Н. Горской, Ю. Хазанова, С. Золотцева. М.: Радуга, 1987. 328 с.

Дервиш М. ЛитМир - Электронная Библиотека [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=74486&p=1> (дата обращения: 10.10.2018).

Кечина Э.А. Национально-культурная специфика ценностных ориентаций в языковом сознании носителя языка (на материале русского и арабского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 22с.

Кухарева Е.В. Клише как отражение национального менталитета (на примере арабских паремий): дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.165 с.

Кухарева Е. В. Понятие «родина» в арабском устном народном и поэтическом творчестве // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 3. С. 24-36.

Стихи. Махмуд Дарвиш. Моей маме. Амелия [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stihi.ru/2008/03/21/1394> (дата обращения: 04.09.2018).

Труевцев К.М. Арабский мир в XX веке: развитие национальной идеи [Электронный ресурс] // Полития. 2003. № 3. С. 104-117. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/50335145/> (дата обращения: 15.05.2017).

Альхадж М. Мавдуу: таабирани ль-ватан (араб.) (Тема: высказывания о Родине) [Электронный ресурс]. URL: http://mawdoo3.com/صاخ:عوضوم_ثجب?قربعن+نطولال (дата обращения: 12.01.2017).

Дервиш М. А'арас (араб.). Рамалла, Филастын: Муассаса Махмуд Дервиш, Аль-Ахлийа ли-н-нашрва т-тавзия, Дар-ан-нашир, 2014. 98 с.

Любани Хусейн Али. Мажмаа ль-амсаль аль-филастынийа(араб.) (Сборник палестинских пословиц). Бейрут: Мактабалюбннаннаширун, 1999. 938 с.

Хикамани ль-ватан (Афоризмы о Родине) (араб.) [Электронный ресурс]. URL: <http://ح.م.ن.ط.ل.ا.ن.ع.م.ك> (дата обращения: 09.11.2015).

Об авторе:

Кухарева Елена Владимировна – к. филол. н., доцент, доцент кафедры языков стран Среднего и Ближнего Востока Московского государственного института международных отношений (Университет). 119454, Москва, Проспект Вернадского, 76. E-mail: elena_koukhareva@mail.ru. Научные интересы – лингвострановедение, культурология. Научная специализация: лингвистика.

MAHMOUD DARWISH AND PALESTINE. THE THEME OF MOTHERLAND IN THE WORKS OF THE POET

E.V. Kухарева

Abstracts. *The article is devoted to the reflection of the Patriotic theme and concept of 'Motherland' in the works of the singer of the Palestinian people, the world-famous Palestinian poet and writer Mahmoud Darwish. The sense of patriotism, which is perhaps common to all peoples, is most acutely felt among people born in the Palestinian lands. National humiliation, injustice, ignoring the interests of the whole people, despair, comprehensive anger and the struggle for freedom, honor and dignity of the Motherland – these are the main themes of the works of dervish.*

In the poetic work of Darwish are reflected all the features of the concept of 'homeland', which are characteristic of the Arab mentality: territorial, a sign of social belonging, ideological and political and related moral values that continue to play an important role in the life of modern Arabs.

The author shows that in the works of Mahmoud Darwish the concept of 'homeland' is connected not so much with the native land, but more with the struggle of the Palestinians for freedom and independence of their country. In his poetic creativity the impossibility to live on the earth according to precepts of ancestors is perceived as the national humiliation demanding restoration of justice. But the homeland in the poetry of Darwish is also a wonderful past, the image of the black-eyed girl, kind heart of the landscapes of his native Palestine. Therefore, the red thread in the poetry of the Darwish is the idea of protecting his native land, permeated with thoughts of struggle and willingness to give his life for it.

Despite all the horrors of the situation in modern Palestine, the poet did not become embittered, although he is angry, does not curse anyone, although he warns of retaliation. At the end of his life, the dervish returns in his thoughts to the peaceful pictures of his childhood, which have always served as a guiding star in the spiritual and political struggle for the future of Palestine. His life and work is a model for the younger generation of Palestinians, his love for Palestine fosters a sense of patriotism in Palestinian youth and a desire to fight for the honour and just future of their country.

Key words: Arab modern poetry, Arab poets, national liberation struggle, national idea, Palestine, Palestinian, patriotism, homeland.

References:

Darwish M. *Ptica izgnanija. Izbrannye proizvedeniia: sbornik* [Bird of exile. Selected works: the collection] / Trans. from Arab. N. Gorsky, Yu. Khazanov, S. Zolottseva. Moscow, Rainbow, 1987. 328 p. (In Russian).

Darwish M. *LitMir – Ehlektronnaya Biblioteka* [Dervish. Liter - Electronic Library]. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=74486&p=1> (accessed 10 October 2018) (In Russian).

Kechina E.A. *Natsionalno-kulturnaya spetsifika tsennostnih orientatsij v yazikovom soznanii nositelya yazika (na material russkogo i arabskogo yazikov): avtoref. diss. ... kand. fil. nauk* [National and cultural specifics of value orientations in the linguistic consciousness of a native speaker in the Russian and Arabic languages: abstract of cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2012. 22p. (In Russian).

Kухарева E.V. *Klishé kak otrazhenie natsionalnogo mentaliteta (na primere arabskikh paremij): diss. ... kand. filol. nauk* [Cliché as a reflection of the national mentality (for example, Arabic proverbs): cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 165 p. (In Russian).

Kухарева E.V. *Ponyatie "rodina" v arabskom ustnom narodnom i poehticheskom tvorchestve* [The Concept of 'homeland' in the Arabic oral folk and poetic works]. *Vestnik Permskogo universiteta. Ros-sijskaya i zarubezhnaya filologiya - Bulletin of the Perm University. Russian and foreign Philology*, 2017, Vol. 9, issue 3, pp. 24-36 (In Russian).

Stihi. Mahmoud Darwish. Moej mame. Ameliya. [Poetry. Mahmoud Darwish. My mom. Amelia]. Available at: <https://www.stihi.ru/2008/03/21/1394> (accessed 04 September 2018) (In Russian).

Truevtsev K.M. *Arabskiy mir v XX veke: razvitie nationalnoy idei* [The Arab world in the twentieth century: the development of the national idea]. *Politeia - The Polity*, 2003, no. 3, pp. 104-117. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/text/50335145/> (accessed 15 May 2017) (In Russian).

Alhaj M. *Mawdou: Taabiirani al-Watan* [Subject: Statements about Home]. Available at: http://mawdoo3.com/نطولا+ع+ريبعثق?صاخ:عوضوم_ثجب (accessed 12 January 2017) (In Arabic).

Darwish M. *A'aras* [Wedding]. Ramalla, Filastyn, Muassasa Mahmud Dervish, Al'-Ahlija li-n-nashrva t-tavzia, Dar-an-nashir, 2014. 98 p. (In Arabic).

Lubani Husseyn Ali. *Majma l amsal al-filastiniya* [Collection of Palestinian Proverbs]. Beirut, Maktaba-lubnannashirun, 1999. 938 p. (In Arabic).

Hikam Ani l-Watan [Aphorisms about the Motherland]. Available at: <http://مكح.نتولال-ع-مكح> (accessed 09 November 2015) (In Arabic).

About the Author:

Elena V. Kukhareva – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor Apartment of languages of the Middle and Middle East of the Moscow State Institute of International Relations (University). Russia, 119454, Moscow, Prospect Vernadsky, 76. Elena_Koukhareva@mail.ru. Research interests – linguistics, cultural studies. Scientific specialization: linguistics.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭЗИИ Р.М. РИЛЬКЕ И ВОПРОСЫ ИХ ПЕРЕВОДА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Н.В. Вороневская

Аннотация. Настоящая статья посвящена рассмотрению особенностей воссоздания стилистических черт поэзии Р.М. Рильке на английский язык, а именно передаче укороченной строки как новаторского элемента сонетной формы лирического цикла «Сонеты к Орфею» (1923). За пределами немецкоязычного мира поэзия и проза Рильке больше всего известна в США и Великобритании. Творческое наследие Рильке широко представлено в переводах как известных американских и британских поэтов и переводчиков, так и в переложениях малоизвестных авторов.

В данной работе проводится сопоставительный анализ английских переводов XIX сонета первой части цикла, выполненных более двадцатью переводчиками из США и Великобритании. «Сонеты к Орфею» полностью переведены на английский язык более двадцати раз. Образы и темы рильковских сонетов, а также их неповторимый, авторски модифицированный стиль оказались интересными для нескольких поколений переводчиков великого австрийца. Можно предположить, что англоязычные переводчики Рильке вступили в заочное состязание: испытать свой талант и передать всю красоту рильковских сонетов средствами английского языка.

Проведенный в данной работе анализ оригинала и его переводов показал, что укороченная строка как особенность стилистики XIX сонета представляет собой определённую сложность для воссоздания средствами английского языка, и переводчики Рильке лишь отчасти передают ритмическую структуру оригинала. Наиболее адекватно воссоздающие стилистические особенности XIX сонета переводы выполнили переводчики из США – Дж. Лемонт и Л. Норрис. В переводах этих авторов укороченная строка как отличительная черта стилистики рассматриваемого в статье сонета передана наиболее близко к оригиналу.

Ключевые слова: Р.М. Рильке, сонет, стилистические особенности, укороченная строка, «Сонеты к Орфею», сравнительный перевод, перевод.

Выдающийся австрийский поэт и прозаик Райнер Мария Рильке занимает особое место не только в немецкоязычной, но и в мировой литературе в целом. Его произведения переводят на все языки мира. Рильке является также одним из наиболее переводимых на английский язык зарубежных авторов. Так, например, с 1936 г. на английском языке были изданы более тридцати переводов лирического цикла «Сонеты к Орфею» (1923). Примечательно, что из этих переводов только два полных перевода всех пятидесяти пяти сонетов принадлежат британским авторам: перевод-открытие, выполненный Дж.Б. Лейшманом в 1936 г. и версия шотландского поэта Д. Патерсона, вышедшая в свет в 2006 г. Остальные переводы «Сонетов» стали частью американской переводческой сонетианы Рильке.

Американские переводчики Рильке ставили перед собой задачу представить своим читателям новаторский характер немецких сонетов, который проявился в схеме рифм, метре, размере сонетных строк, а также синтаксисе оригинала. Одним из важных элементов новаторства Рильке в области сонетной формы является укороченная сонетная строка. Эта особенность присуща шести сонетам первой части, состоящей из пятидесяти пяти стихов¹. Так, в XIX сонете первой части основным стилистическим средством, нарушающим традиционную сонетную форму, является укороченная строка: *Wandelt sich rasch auch die Welt / Wie Wolkengestalten, / alles Vollendete fällt / heim zum Uralten. // Über dem Wandel und Gang, / weiter und freier, / währt noch dein Vorgesang, / Gott mit der Leier. // Nicht sind die Leiden erkannt, / nicht ist die Liebe gelernt, / und was im Tod uns entfernt, // ist nicht entschleiert. / Einzig das Lied überm Land / Heilig und feiert* [Rilke, 1997: 71].

Как видно из примера, вторая строка данного сонета включает всего два слова (*wie Wolkengestalten*); шесть строк состоят из трех слов; еще шесть строк – из четы-

рех. Максимальное количество слов в последней строке первого tercета – шесть: *und was im Tod uns entfernt*. Однако, несмотря на такую текстовую лапидарность, Рильке удаётся выразить в этом сонете глубокие мысли о непрерывном движении жизни, о вечных попытках человека распознать, что такое боль, что такое любовь, что уводит нас в смерть.

Но вопреки всему – жизнь торжествует песней, свято льющейся над землей. Нетрудно заметить, что укороченные строки сочетаются в этом сонете с экспрессивным порядком слов. Вопреки всем законам немецкой грамматики, глагол-сказуемое стоит на первом месте, а подлежащие – на последнем. Метр этого сонета также нетрадиционен. Г.-Э. Хольтхузен называет его «укороченный дактилический стих» [Holthusen, 1937: 56]. Кроме того, данный сонет наглядно демонстрирует также искусное владение Рильке приёмом аллитерации – в сонете повторяются звуки 'w' и 'l'.

Теперь обратимся к переводам этого сонета на английский язык, чтобы проследить, как была воссоздана стилистика данного сонета в английских переложениях. Особое внимание мы уделим воссозданию второй укороченной строки, состоящей всего из двух слов – *wie Wolkengestalten*. Для сравнительного анализа мы взяли 23 перевода данного сонета, выполненные У. Барнстоуном, А. Бэрроуз (в соавторстве с Дж. Мейси), Гр. Гудом, Г. Киннелем (в соавторстве с Х. Либманн), Ст. Коном, К. Крэгю, Дж. Б. Лейшманом, Дж. Лемонт, Г. Лэндманом, К. Ф. Макинтайром, Ст. Митчеллом, Н. Мэрдас Библиас, Л. Норрисом (в соавторстве с А. Килом), Д. Патерсоном, К. Пичфордом, А. Поулином, Э. Сноу, А. Флеммингом, Р. Э. Фуртаком, Р. Хантером, Ч. Хейзеллоффом, М. Д. Хертер Нортон и Д. Янгом.

Наш сопоставительный анализ переводов показал, что переводчикам удалось лишь отчасти приблизиться к стилистике оригинала. Для того чтобы нагляднее представить, как строй стиха передаётся

¹ Об укороченной строке американский переводчик Рильке Ст. Кон писал, что «эту особенность Рильке позаимствовал у французских символистов» [Cohn, 2002: 9].

Количество слогов																					
строки	Рильке	Барнстоун	Бэрроуз	Гуд	Киннелль	Кон	Крегоу	Лейшман	Лемонт	Лэндман	Макинтайр	Митчелл	Мэрдас Биллиас	Норрис	Патерсон	Пичфорд	Поулин	Сноу	Флемминг	Фуртак	Хангер
1	7	+1	+2	-1		-1	+2			-1	-1	+1	-1		+1	+1	+2	-1	+1	+1	
2	6	-2	-2	-1	-2	-1	-1	-2		-1			-1		+1	-1	-1	-1	+2	+1	
3	7		-2	+1		-1	-1			-1			-1		+1	-1					-1
4	5	+1	+1	+1		+1	+2	-1			+2				+1		+2	-1	+3	+2	
5	7	-3				-1	-2		+1	+1		+1	+1	+1	+1	+2	+1	+1	+1		
6	5	-1							-1		+1		-1		+1						
7	6	+2			+1		-1	+1				-1	+1		+2	+1	+1		+1	+1	+2
8	5	-1	-1	-1	-1	-1	-1	-1	-1	-1	-1	-1	+1	-1		-1	-1		-1	-1	-1
9	7	+3	+1	-1	+2	-1				-1	-1		+2		+1	+2	-2				
10	7	-3	-2	-2	-2	-1	-2		-1	-2	-2	-1		-1	-1	+2	-3	-2	+1	-2	
11	7	+1	-2	-1		-1		-1	-1	-2	-1				+1	+2	+1		+1		+2
12	5	+1	-2	+1	-1						-1	-1	+2	+2	+1		+2			+1	+1
13	7	+2	-3	-1	-1	-1	+1				-1		+2		+1	+1	+1	-1	+1		+1
14	5	+1	+4	+1	+1		+1	+1		+1		-1			+1	+1	+1			+1	+3

в переводах, мы составили таблицу отклонений подстрочного слогового соответствия переводов XIX сонета первой части. В таблице слева указан номер строки, количество слогов в строках оригинала, а также число отклонений в сторону увеличения или уменьшения количества слогов, то есть изменения ритмической структуры строк в переводах.

Сравнительный анализ слоговых матриц оригинала и его переводов на английский язык продемонстрировал, что ни в одном из переводов ритмика сонета полностью не воссоздана. Вместе с тем, во всех двадцати трех переводах, верно передан образ мира, меняющийся так же быстро, как проплывающие по небу облака. Отметим, что попытки передать оригинальную ритмику сонета предпринимались во всех рассмотренных нами английских версиях сонета.

Как видно из таблицы, подавляющее большинство англоязычных переводчиков отобразили характер строк сонета лишь частично. Наименьшие трудности для переводчиков представляли собой

шестая строка сонета – *weiter und freier*: пять слогов этой строки были сохранены в восемнадцати из двадцати трех английских переводов, за исключением пяти рифмованных версий, в трёх из которых У. Барнстоун (*your ancient song* [Rilke, 1992: 139]), Дж. Лемонт (*freer and higher* [Rilke, 2007: 19]) и Н. Мэрдас Биллиас (*lyre-god, echoes*, [Rilke, 1946: 9]) укоротили строку на один слог, а в двух других – К.Ф. Макинтайр (*more feely and higher* [Rilke, 2002: 39]) и Д. Патерсон (*freer, wider, higher* – [Paterson, 2006: 21]).

Обращает на себя внимание тот факт, что У. Барнстоун и Н. Мэрдас Биллиас, хотя и стремились передать образы сонета, однако, достаточно вольно варьировали образы отдельных строк в пределах, например, второго катрена сонета. Продемонстрируем это на примерах из их переводов. У Н. Мэрдас Биллиас второй катрен звучит так: *Above all this, your ancient song, / lyre-god, echoes, / Free and high it lingers on, / beyond all change. And though* [Rilke, 1946: 35], и в переводе У. Барнстоуна: *God of the lyre, / your ancient song / soars (despite*

change and what is gone) / greater and freer [Rilke, 1992: 139].

В третьей и девятой строках сонета англоязычным переводчикам также удалось достигнуть большой степени близости к стилю оригинала. Среди переводчиков, в чьих версиях было сохранено количество слогов оригинала в этих двух строках, есть авторы, весьма удачно справившиеся с ритмикой сонета в обеих строках оригинала: и в третьей, и в девятой. Семь слогов в третьей строке и семь слогов в девятой строке были переданы в четырёх рифмованных переводах: Дж. Б. Лейшмана (третья строка – *home to the changeless at last*, девятая строка – *Sorrow we misunderstand* [Rilke, 1987: 71]), Дж. Лемонт (третья строка – *Things perfected fall at last*, девятая строка – *Pain we do not understand* [Rilke, 2007: 19]), Ст. Митчелла (третья строка – *what is accomplished falls home*, девятая строка – *Never has grief been possessed* [Rilke, 1993: 36]), Л. Норрис (третья строка – *all perfected things returned*, девятая строка – *Sorrow we don't understand*, [Rilke, 1993: 19]), Р. Э. Фуртака (третья строка – *all completed things returned*, девятая строка – *Suffering hasn't been fathomed*, [Rilke, 1989: 51]) и Э. Сноу (третья строка – *all perfected things fall back*, девятая строка – *Pain has not been understood*, [Rilke, 2004: 43]). Как видно на примере приведенных переводов, все перечисленные переводчики стремились передать и содержание сонета, и его стилистику.

Нам также удалось установить, что в XIX сонете есть строки, характер которых весьма сложно передать на английском языке. Прежде всего, это касается восьмой строки сонета – *Gott mit der Leier*, которая, на первый взгляд, кажется весьма простой для перевода. Однако если дословно перевести эту строку на английский язык как *God with the lyre*, то пять слогов немецкого предложения не будут соответствовать четырем – английского. Практически все переводчики, за исключением Д. Патерсона и Э. Сноу, передали восьмую строку сонета, одним из вариантов «*God with the lyre*» (*god of the lyre* –

У. Барнстоун и А. Бэрроуз, Ст. Кон, Р.Э. Фуртак), в котором четыре слога.

В свою очередь Д. Патерсон и Э. Сноу смогли приблизиться к ритмике восьмой строки сонета и сохранить пять слогов строки оригинала в своих переводах, добавив восклицательную частицу «O» в начале данной строки – *O god with the lyre* и соответственно. Примечательно, что такую же экспрессивность строчке Рильке придал и переводчик Ч. Хейзеллофф – *o god of the lyre*. Однако Ч. Хейзеллофф, также как и У. Барнстоун и Н. Мэрдас Биллиас достаточно вольно перемещают строки сонета. Так, например, строка «*o god of the lyre*» в его переводе – шестая, а не восьмая, как это в оригинале Рильке. Необходимо отметить, что в своем переводе Ч. Хейзеллофф не стремился близко приблизиться к оригиналу ни в ритмике сонета, ни в рифме, ни в содержании. Весьма показателен в этом случае его рифмованный перевод второго катрена XIX сонета: *Above all the hustle and bustle, / a god of the lyre, / your song holds sway / in freedom, far and wide* [Rilke, 2005: 19].

Теперь кратко рассмотрим особенности передачи второй укороченной строки сонета, как одной из его отличительных стилистических особенностей стилистики XIX сонета. Вторая строка представляет собой образное сравнение быстротеменяющегося мира с очертаниями облаков и входит в единое первое двуступенчатое сонета: *Wandelt sich rasch auch die Welt / wie Wolkengestalten ...*. Укороченные строки сочетаются здесь с экспрессивным порядком слов – вопреки всем канонам немецкой грамматики глагол-сказуемое стоит на первом месте, а подлежащие – на последнем. Кроме того, важную роль в этих строках играет и аллитерация (*wandelt, Welt, Wolkengestalten*).

В результате нашего анализа двадцати трех переводов сонета мы выявили только три перевода, в которых полностью воссоздан характер первой и второй укороченных строк сонета Рильке. Это переводы, выполненные переводчиками Дж. Лемонт, Л. Норрисом и Р. Хантером. Помимо шести слогов во второй строке сонета, этим двум переводчикам

также удалось воссоздать в своих переводах семь слогов первой строки оригинала.

В переводе Дж. Лемонт первые две строки сонета выглядят так: *Though the world is changing fast, / Swiftly as clouds unfold*, [Rilke, 2007: 19]; у Л. Норриса – *Even if the world should turn / fast as clouds are parted*, [Rilke, 1993: 19]; и в интерпретации Р. Хантера – *Quick though the earth itself churns, / changing like cloud formations*, [Rilke, 1990: 103]. Из представленных трех английских переводов, наиболее адекватно передающих и форму, и содержание этих строк, мы считаем переложение Дж. Лемонт, первое по времени создания, в котором помимо формы сонета, также наиболее близко к оригиналу прочитаны и его образы. Перевод Л. Норриса, на наш взгляд, отличает некоторая неестественность, далекая от поэтичности рильковских строк.

Что касается перевода Р. Хантера, то мы полагаем, что, удачно воссоздав ритмику двух первых строк сонета, переводчику Р. Хантеру не удалось передать в своем переводе мягкость и лиричность сонета Рильке. На наш взгляд, перевод Р. Хантера отличает излишняя экспрессивность, и это выражается, прежде всего, в той лексике, к которой прибегает переводчик в своей работе. Так, например, английский вариант немецкого глагола *«sich wandeln»* в переводе Р. Хантера – *«to churn»*, что означает «перемешивать; встряхивать, трясти, взбалтывать; вспенивать», и первая строка у Р. Хантера звучит так: *«Quick though the earth itself churns»* [Rilke, 1990: 103]. По нашему мне-

нию, такой перевод уступает оригиналу в поэтичности и лишает английский вариант красоты, присущей рильковскому сонету. Примечательно, что в большинстве других переводов на английский язык в данной строке использовали английский глагол «to change», более адекватно передающий значение немецкого глагола *«sich wandeln»*. Приведем несколько примеров переводов на английский язык: у Ст. Митчелла – *«Though the world keeps changing its form»* [Rilke, 1993: 36], у Д. Янга – *«Though this world changes»* [Rilke, 1979: 39], версия М. Д. Хертер Нортон – *«Even though the world keeps changing»* [Rilke, 1960: 53]. Вторая строка сонета в переводе Р. Хантера также уступает оригиналу в поэтичности: *«changing like cloud formations»* – английское существительное *«formations»*, на наш взгляд, не передает «легкости» быстро меняющихся облаков.

Таким образом, укороченная строка, вызывает трудности у англоязычных переводчиков, и им не всегда удается передать этот стилистический прием оригинала в своих переводах. Однако, на примере небольшого отрывка XIX сонета из первой части лирического цикла «Сонеты к Орфею» Рильке, мы показали, что воссоздание стилистических особенностей немецкого оригинала – возможно. Примером этого могут служить адекватные переводы, выполненные американскими переводчиками Рильке Дж. Лемонт и Л. Норрисом. Данные переводы отличаются большей степенью достоверности при передаче ритма сонета.

Список литературы:

- Cohn St. [Introduction] Rilke R.M. Sonnets to Orpheus with Letters to a Young Poet / Translated by St. Cohn with an Introduction by P. Poter. N.Y.: Routledge, 2002. P. 3-13.
- Holthusen H. E. Rilkes Sonette an Orpheus. Versuch einer Interpretation. München: Neuer Filser Verlag, 1937. 195 p.
- In Praise of Mortality. Selections from Rainer Maria Rilke's Duino Elegies and Sonnets to Orpheus / Translated and Edited by A. Barrows and J. Macy. N.Y.: Riverhead Books, 2005. P. 65-137.
- Paterson D. Orpheus. A Version of Rilke's Die Sonette an Orpheus. L.: Faber and Faber, 2006. P. 3-59.
- Rilke R.M. Duineser Elegien. Die Sonette an Orpheus. Stuttgart: Philipp Reclam, 1997. 155 p.

Rilke R.M. Duino Elegies. The Sonnets to Orpheus / Translated by R. Hunter with 26 Blockprints by M. Hunter. Eugene: Hologosi Communications, Inc., 1993. P. 83-143.

Rilke R.M. Selected Poems / Translated by A.E. Flemming. With an Introduction by V. Lange. N.Y.: Routledge, 1990. P. 149-163.

Rilke R.M. Sonnets to Orpheus / Translated by N. Mardas Billias (неопубликованный перевод (письмо от 30.06.2008))

Rilke R.M. Sonnets to Orpheus / The German Text, with an English Translation, Introduction and Notes by J.B. Leishman. L.: The Hogarth Press, 1946. P. 34-145.

Rilke R.M. Sonnets to Orpheus / Translated and with an Introduction by D. Young. Widdletown: Wesleyan University Press, 1987. P. 1-113.

Rilke R.M. Sonnets to Orpheus / Translated by Ch. Haseloff. Privately Printed. Brooklyn: The Print Center, 1979. 39 p.

Rilke R.M. Sonnets to Orpheus / Translated by E. Snow. N.Y.: North Point Press, 2005. P. 5-119.

Rilke R.M. Sonnets to Orpheus / Translated with an Introduction by W. Barnstone. Boston and L.: Shambhala, 2004. P. 103-213.

Rilke R.M. Sonnets to Orpheus / Translation by M. D. Herter Norton. N.Y.: W. W. Norton and Company, Inc., 1992. P. 16-127.

Rilke R.M. Sonnets to Orpheus / With English Translations and Notes by C. F. MacIntyre. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1960. P. 1-113.

Rilke R.M. Sonnets to Orpheus with Letters to a Young Poet / Translated from the German by St. Cohn. N.Y.: Routledge, 2002. P. 13-167.

Rilke R.M. Sonnets to Orpheus. Duino Elegies / Translated by J. Lemont. N.Y.: Fine Editions Press, 1945. P. 1-63.

Rilke R.M. Sonnets to Orpheus: a New English Version / Translated by R. A. Furtak; with a Philosophical Introduction. Scranton and L.: University of Scranton Press, USA, 2007. P. 35-87.

Rilke R.M. The Sonnets to Orpheus / Translated from the Original German by L. Norris and A. Keele. L.: Skoob Books Publishing, 1989. P. 1-56.

Rilke R.M. The Sonnets to Orpheus / Translated, with an Introduction, by St. Mitchell. Boston: Shambhala Publications Inc., 1993. P. 1-108.

Об авторе:

Вороневская Наталья Викторовна – к. филол. н., доцент, доцент кафедры английского языка № 1 МГИМО МИД России; область профессиональных и научных интересов: проблемы перевода художественных текстов в свете теории межкультурной коммуникации, актуальные проблемы страноведения и лингвострановедения Великобритании и США, методика преподавания английского языка. E-mail: nvoronevskaya@gmail.com.

STYLISTIC FEATURES OF R.M. RILKE'S POETRY AND QUESTIONS OF THEIR TRANSLATION INTO ENGLISH

N.V. Voronevskaya

Abstracts. *The article is devoted to the analysis of peculiarities of recreating the stylistic features of R. M. Rilke's poetry into English, i.e. to English rendering of the shortened line as an innovative element of the sonnet form of the lyrical cycle "Sonnets to Orpheus". Rilke's works have been translated into all languages of the world. Outside of the German-speaking world, his poetry and prose is best known in the USA and Great Britain. This article presents a comparative analysis of the English*

translations of the 19th sonnet of the first part of the cycle, performed by more than twenty English translators. The cycle "Sonnets to Orpheus" has been translated into English more than twenty times. The images and themes of the sonnets, as well as their unique, author-modified style, turned out to be interesting for several English generations of Rilke's translators. These translators entered the so-called "the correspondence competition": to test their talent and convey the beauty of the Rilke's sonnets by means of English.

The analysis of the original and its English translations showed that the shortened line as a peculiar feature of the 19th sonnet's style is a certain difficulty to recreate in English, and Rilke's translators only partly conveyed the rhythmic structure of the original. The most adequately recreating stylistic features of the 19th sonnet translations were performed by American authors: J. Lemont and L. Norris. In their translations, the shortened line as a distinctive feature of the style of the 19th sonnet is most closely to Rilke's original.

Key words: R.M. Rilke, sonnet, "Sonnets to Orpheus", stylistic features, shortened line, translation, comparative translation, the English language.

References:

Cohn St. [Introduction] Rilke R.M. *Sonnets to Orpheus with Letters to a Young Poet* / Translated by St. Cohn with an Introduction by P. Poter. New York, Routledge, 2002. pp. 3-13.

Holthusen H. E. *Rilkes Sonette an Orpheus. Versuch einer Interpretation*. München, Neuer Filser Verlag, 1937. 195 p.

In Praise of Mortality. Selections from Rainer Maria Rilke's Duino Elegies and Sonnets to Orpheus / Translated and Edited by A. Barrows and J. Macy. New York, Riverhead Books, 2005. pp. 65-137.

Paterson D. *Orpheus. A Version of Rilke's Die Sonette an Orpheus*. London, Faber and Faber, 2006. pp. 3-59.

Rilke R.M. *Duineser Elegien. Die Sonette an Orpheus*. Stuttgart, Philipp Reclam, 1997. 155 p.

Rilke R.M. *Duino Elegies. The Sonnets to Orpheus* / Translated by R. Hunter with 26 Blockprints by M. Hunter. Eugene, Hulogosi Communications, Inc., 1993. pp. 83-143.

Rilke R.M. *Selected Poems* / Translated by A.E. Flemming. With an Introduction by V. Lange. New York, Routledge, 1990. pp. 149-163.

Rilke R.M. *Sonnets to Orpheus* / Translated by N. Mardas Billias (unpublished translation (letter of 30 June 2008)).

Rilke R.M. *Sonnets to Orpheus* / The German Text, with an English Translation, Introduction and Notes by J.B. Leishman. London, The Hogarth Press, 1946. pp. 34-145.

Rilke R.M. *Sonnets to Orpheus* / Translated and with an Introduction by D. Young. Widdletown, Wesleyan University Press, 1987. pp. 1-113.

Rilke R.M. *Sonnets to Orpheus* / Translated by Ch. Haseloff. Privately Printed. Brooklyn, The Print Center, 1979. 39 p.

Rilke R.M. *Sonnets to Orpheus* / Translated by E. Snow. New York, North Point Press, 2005. pp. 5-119.

Rilke R.M. *Sonnets to Orpheus* / Translated with an Introduction by W. Barnstone. Boston and London, Shambhala, 2004. pp. 103-213.

Rilke R.M. *Sonnets to Orpheus* / Translation by M. D. Herter Norton. New York, W. W. Norton and Company, Inc., 1992. pp. 16-127.

Rilke R.M. *Sonnets to Orpheus* / With English Translations and Notes by C. F. MacIntyre. Berkeley and Los Angeles, University of California Press, 1960. pp. 1-113.

Rilke R.M. *Sonnets to Orpheus with Letters to a Young Poet* / Translated from the German by St. Cohn. New York, Routledge, 2002. pp. 13-167.

Rilke R.M. *Sonnets to Orpheus. Duino Elegies* / Translated by J. Lemont. New York, Fine Editions Press, 1945. pp. 1-63.

Rilke R.M. *Sonnets to Orpheus: a New English Version* / Translated by R. A. Furtak; with a Philosophical Introduction. Scranton and London, University of Scranton Press, USA, 2007. pp. 35-87.

Rilke R.M. *The Sonnets to Orpheus* / Translated from the Original German by L. Norris and A. Keele. London, Skoob Books Publishing, 1989. pp. 1-56.

Rilke R.M. *The Sonnets to Orpheus* / Translated, with an Introduction, by St. Mitchell. Boston, Shambhala Publications Inc., 1993. pp. 1-108.

About the Author:

Natalia V. Voronevskaya – PhD in Linguistics, Associate Professor at English Language Department No. 1 at MGIMO University; professional and scientific interests include translation in cross-cultural communication, cultural studies (Great Britain and the USA) and teaching EFL. E-mail: nvoronevskaya@gmail.com.

МОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ХИТРОУМИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

С.М. Воронец

Аннотация. В статье рассматривается становление и развитие мотива человеческого хитроумия в средневековой литературе. Мотив хитроумия выбран не случайно. Впервые мотив человеческого хитроумия как таковой появился в итальянской новеллистике в эпоху Возрождения, но его корни уходят к устному народному рассказу. В городской среде очень любили острый анекдот о находчивом и знающем себе цену горожанине или бойкой и сметливой горожанке, которые дурачат кичливого рыцаря, сластолюбивого священника или монаха.

Такие рассказы ярко и выразительно изображали типичные события повседневной жизни городов и вызывали острый интерес среди горожан. А жизнь итальянских городов была бурной и многообразной, она изобиловала всякого рода событиями и происшествиями. На закате Средневековья шло формирование новых социальных групп, которые включались в политическую борьбу, оспаривая власть у аристократов. На межличностном уровне начиналось постепенное размывание понятийных границ благородства. Формировалась новая система представлений о предназначении и роли человека. Но знатности происхождения было необходимо противопоставить какое-либо качество простого человека, которое бы его отличало и характеризовало. Качество, которое было бы сопоставимо со званиями и титулами. Этим качеством станет хитроумие.

Но понятийное наполнение хитроумия произойдёт не сразу. Сначала в литературе будет грубый смех, балаганные выходки на грани с издёвкой. Своего полного развития мотив хитроумия достигнет в новелле эпохи Возрождения, когда будет окончательно сформирован образ человека новой эпохи, совсем не похожего на образ средневекового человека. Тогда хитроумие, сообразительность и находчивость будут цениться больше званий и титулов. Проследив развитие мотива человеческого хитроумия в средневековой литературе, можно понять, как формировался человек эпохи Возрождения.

Ключевые слова: литература Средних веков, городской рассказ, фавлю, мотив хитроумие, жанр новеллы, новеллика.

Впервые мотив человеческого хитроумия как таковой появился в итальянской новеллистике в эпоху Возрождения, но его корни уходят к устному народному рассказу, в первую очередь, анекдотам и фацециям (лат. *facetia* – шутка, острота). В городской среде очень любили острый анекдот о находчивом и знающем себе цену горожанине или бойкой и сметливой горожанке, которые дурачат кичливого и незадачливого рыцаря, сластолюбивого приходского священника или нищенствующего монаха. Обычно шутили над представителями феодального сословия и клириками. В XIV в., в связи с переездом папского двора в Авиньон (1309 г.), а также резким упадком в глазах народа престижа католической церкви и монашествующих орденов, получили распространение небольшие фацеции антиклерикального характера. Героями анекдотов и фацеций становятся простые горожане. Происходит размывание понятийных границ благородства – оно больше не является атрибутом происхождения. Такие качества, как остроумие, сообразительность и находчивость ценятся теперь больше званий и титулов¹.

Развитие мотива хитроумия уместно рассматривать вместе со становлением жанра новеллы, так как его корни следует искать там же, где и корни европейской новеллы. А своего полного раскрытия мотив хитроумия достиг в эпоху Возрождения.

Жанр новеллистики возник не на пустом месте. Своим происхождением он обязан разным видам устного рассказа (анекдотам и фацециям), а также итальянская новелла черпала темы и образы из фольклора как прошлых веков, так и повседневно создаваемого. От традиций устного рассказа идёт лаконизм пове-

ствования, занимательность новеллы, острота и эффективность неожиданной развязки. Темы и образы, которые пользовались наибольшей популярностью, постоянно варьировались на протяжении веков.

Немало легенд и рассказов было сложено о великом итальянском поэте-изгнаннике Данте, о великом живописце Джотто, о поэте и философе Гвидо Кавальканти, о знаменитых шутах (Гонелла, Дольчибене, Риби). Эти персонажи, как люди образованные и творчески одарённые, наделялись хитроумием и находчивостью, им приписывались остроумные ответы, они легко находили выход из любой сложной ситуации. Впоследствии их образы перешли из фольклора в новеллу, встречаясь то в одном сборнике новелл, то в другом.

Анекдоты и фацеции сообщали новелле злободневный характер, способность откликаться на текущие события и затрагивать острые проблемы повседневной жизни. Само название жанра указывает на самую главную его отличительную черту (слово «*novella*» *по-итальянски значит новость*). Новелла непосредственно изображала типичные события повседневной жизни, вызывавшие острый интерес среди горожан. А жизнь итальянских городов была бурной и многообразной, она изобилвала всякого рода событиями и происшествиями: шло формирование новых социальных групп (*il popolo grasso*), которые включались в политическую борьбу, оспаривая власть у аристократов². К концу XIII в. эта борьба завершится победой «новых людей» (*la gente nuova*).

Но ломка старого мировоззрения и морали порождала порой острые конфликты в быту: столкновения между «жирным» и «тощим» народом происхо-

¹ О том, что благородство возвышает человека больше, чем происхождение, и что благородство подтверждается делами, писали ещё Данте и Петрарка. Так, Данте в трактате «Пир» говорит: «Подлый человек может когда-либо сделаться благородным через поступок, им совершённый, или как-нибудь случайно у подлого отца может оказаться благородный сын» [Данте, 1968: 234].

² Борьба за политическую власть гвельфов и гибеллинов – двух остро враждовавших между собой политических партий: дворянская партия (гибеллины), борвавшаяся за объединение страны под иноземной властью германского императора и торгово-ремесленная партия (гвельфы) – сторонница национальной власти во главе с папой.

дили постоянно³. Именно в этот период возникает необходимость в хитроумии, которое является новым качеством человека, совсем не похожим на привычные образы средневековой литературы. Конечно, во многих средневековых трактатах можно было встретить мотив мудрого ответа. Такой ответ приписывался, в основном, мудрецу или святому и приводился с назидательной целью, он не был связан с хитроумием и находчивостью как таковым.

С приходом нового времени, с переосмыслением образа жизни, с возникновением новых взглядов на человека появляется необходимость проявления литературными героями хитроумия. Оно находит своё выражение в остроумных ответах, которые герои используют в различных ситуациях: для защиты себя, своего имущества; для своего оправдания; для обычной шутки и для своеобразной декларации прав человека вообще. Новой реальности соответствует и новый язык: в рассказах о хитроумии и остроумных ответах используется образный, живой, разговорный язык, богатый пословицами, поговорками, крылатыми словами и выражениями⁴.

Рождающаяся европейская новелла опирается сразу на несколько средневековых нарративных жанров, «одалживая» свои сюжеты у романов, трактатов и и.д. В отличие от романов, которые были

длинными, существовало несколько сравнительно кратких повествовательных жанров. Это фэблио, жизнеописания трубадуров и комментарии к их стихам (так называемые *vidas* и *razos*), жития святых и *exempla*⁵. Для подобной литературы феодального общества характерны традиционные сюжеты, которые варьируются в соответствии с меняющимися идеологическими потребностями и вкусами общества.

В области рыцарской литературы ведущая роль принадлежала Франции, именно здесь возникли её наиболее яркие и значительные образцы. Из Франции куртуазные романы, как жанр, проникают в рыцарскую литературу других стран, сохраняя при этом свои классические сюжеты. Литературное взаимодействие имеет в основном характер переводов, но переводов творческих, приспособленных к местным литературным традициям. Куртуазно-рыцарская литература и её влияние на становление жанра новеллы в данной работе не рассматриваются, так как в них не встречается проявление человеком хитроумия и находчивости.

Придётся обойти молчанием и некоторые книги «новеллистической» ориентации, в которых нашёл свое литературное отражение эпический материал Прованса и в которых содержались отдельные элементы новеллы⁶. В подобных сборниках также почти не уделяется внимание теме

³ Например, восстание чомпи во Флоренции в 1378 г.

⁴ Данте в трактате «О народном красноречии» делит язык на народную речь, то есть «речь, которую мы воспринимаем, подражая кормилице», и речь, «которую римляне называют грамотной» – латинский язык. Народную речь Данте ставит выше латинского языка: «Знатнее из этих двух речей народная потому, что она для нас естественная, тогда как вторая речь скорее искусственная» [Данте, 1968: 279]. Также Боккаччо во Вступлении к IV дню «Декамерона» говорит, что его новеллы «написаны в прозе, народным флорентийским языком, слогом, по возможности, простым и незатейливым» [Боккаччо, 1970:14].

⁵ *Exempla* (лат. *exemplum* - пример) – жанр средневековой латинской литературы с ярко выраженной дидактической функцией. Возник как сборник примеров для украшения проповеди или рассуждений и восходит к ораторской литературе.

⁶ Речь идёт о следующих сборниках, созданных в Италии в XIII – XIV вв.: 1) нравоучительные сочинения Франческо да Барберино и его утраченные *Fiore di novelle*, а также *Documenti d'Amore* и *Reggimento delle donne*; 2) рассеянные «Цветы и жития философов и прочих мудрецов и императоров» (*Fiore di Filosofi*). Сборник содержит сведения о жизни знаменитых людей и о их мудрых речениях. Читатель, открывая эту книгу, становится учёнее; 3) «Сказания о стародавних рыцарях» (*Conti di antichi Cavalieri*) – сборник рассказов о мифологических и исторических персонажах античности и средневековья, созданный во второй половине XIII в. Читатель знакомится здесь с образцами разумного правления, истинной доблести и рыцарской щедрости. Прочитав эту книгу, он возвышается духом; 4) перевод «Исторического зерцала» Винченца из Бове, выполненный во второй половине XIII в.

ума и хитрости. В некоторых из них, как, например, в «Деяниях римлян» (*"Gesta Romanorum"*), можно найти рассказы о мудрости, которая обычно выступает в виде остроумных ответов и высказываний. Но таких рассказов сравнительно мало.

Мотив хитроумия можно встретить и в *exempla* (примерах). Это небольшой рассказ, вставленный в проповедь или в любой другой назидательный трактат для его оживления, для большего убеждения слушателей, а также для некоторого их развлечения. В Средние века составились огромные сборники примеров, иногда вместе с проповедями, иногда отдельно. В итоге получались своеобразные хрестоматии для духовенства.

Пример может быть рассказом, то есть может быть нарративен, этому не препятствуют ни его собственная природа, ни законы проповеди. Примеры имеют дидактическую направленность, обычно выражаемую в особой морали, которая соотносится с ситуацией и моделируется в основном тексте. Индивидуальность персонажей не имеет никакого значения, ситуация анализируется в свете оппозиций простейших абстрактных свойств и качеств человека. В примерах, как и в анекдотах, моделирование ситуации происходит вокруг одного острого слова (анекдоты) или морали (примеры).

Среди примеров встречаются рассказы о чудесах святых, притчи о животных, поучительные истории, происходившие в жизни простых людей, а также случаи проявления человеческой мудрости и находчивости. Например, один человек уехал в путешествие и отдал золото на хранение другу. Друг же оказался мошенником, и золото не вернул. Обманутому человеку помог мудрец, который с помощью хитрости заставил обманщика вернуть золото [Battaglia, 1965:447].

Большое внимание следует уделить городской литературе, содержание которой диаметрально противоположно куртуазно-рыцарскому содержанию. *«Городская литература вырастает на почве специфических для города культурных интересов, их обслуживает и формирует. Но не всегда ясно, что представляют собой эти интересы (поскольку их специфика только зарождается)»* [Иванов, 1997:247]. Здесь торжествует здравый смысл и рассудительность, изображается обыденная жизнь, образы взяты из всех без исключения слоев общества, в основном, из крестьянства и городских низов. Всё, что в рыцарской литературе затуманено, здесь вырывается наружу с вызывающей откровенностью. Главным пафосом городской литературы является борьба, а ведущим жанром – сатира.

Во Франции, которой принадлежит ведущая роль в области как рыцарской, так и городской литературы, возникают сатирические и даже пародийные и комические жанры. В итальянской литературе ничего подобного не наблюдается, ничего похожего на «Роман о Лисе» или на фаблю здесь не было известно. В Италии происходила борьба со старыми феодальными порядками: синьоров переселили в город, раскрепостили их крестьян, и, в конце концов, лишили их сословных прав. Но в литературе эта борьба и классовая ненависть отражения не нашла. Комические жанры получили распространение только в поэзии. В итальянской городской литературе получили большое распространение хроники, которые полностью отвечали нуждам и интересам города. Их также можно рассматривать как исторические и литературные предпосылки появления новелл как жанра⁷.

Одним из излюбленных жанров городской литературы во Франции явля-

⁷ Еще в конце XII в. во Флоренции, бывшей на протяжении многих столетий культурным центром Италии, стали создаваться письменные хроники о событиях, имевших место и заслуживающих того, чтобы их можно было считать актуальными и в чём-то поучительными. Например, «Хроника событий, случившихся в соответствующее время» (*"Cronaca delle occorrenti né tempi suoi"*), в которых хронист Дино Кампаны, современник и друг Данте Алигьери, разъяснял события и явления, исходя из средневековых традиций и упорядочивая их в соответствии со схоластическими принципами. Другой хро-

ются фаблио (*лат. fabula – рассказ*). Они оказали значительное влияние на последующую французскую и европейскую литературу. Фаблио можно охарактеризовать как средневековые европейские предновеллы. Они предшествовали классической форме новеллы, сложившейся в эпоху Возрождения и дали материал для некоторых новелл Боккаччо и других новеллистов. Фаблио – это небольшие стихотворные рассказы о забавных или нелепых происшествиях из обыденной жизни, долженствующие вызывать смех.

Характер смеха в фаблио бывает различным. Простейший вид смеха сводится к анекдоту или к комической ситуации. Всё это фольклорная традиция, которая не исключает использование книжных источников, главным образом примеров. Вторую группу образуют фаблио, где рассказывается о расчётливости, смекалке, ловкости рук, остром уме горожанина. Фаблио третьей группы разоблачают определённые пороки, свойственные разным слоям и кругам общества. Это уже подлинная социальная сатира, обличающая жадность, скупость и чревоугодие зажиточных горожан, порочность и лицемерие священников.

Некоторые фаблио рассказывают о находчивости, проявленной героями в необычных ситуациях. В основном это проделки жён, которые изменяют своим мужьям со священниками. Причём последние осуждаются, так как фаблио не знает компромисса, монах может быть либо святым, либо порочным, и при этом жестоко осмеянным (карикатура на монаха). Только гуманисты не станут попрекать монаха плотью, в средневековых фаблио это ещё невозможно. Так же, как и в фольклорных анекдотах, в фаблио имеются повествования о глупцах и плутах, одурачивших простаков. Для достижения своих целей они прибегают к хитроумию.

Например, бедные братья хитростью обирают богатого соседа или жена съела куропаток, приготовленных для мужа, и ловко выкручивается из сложной ситуации⁸.

Часто плутовство переходит в шутовство. Так, клирик делает вид, что подает милостыню трём слепцам, слепцы пируют, так как каждый думает, что монета у другого – возникает ссора. В этом случае клирик ничего не выгадывает, он только потешается над слепцами. Рассказывается и о других проделках, похождениях и даже соперничестве плутов.

Много фаблио посвящено хитроумию, проявляемому их героями. С помощью хитроумия персонажи либо добиваются своего, либо защищаются перед лицом опасности. Например, муж уличает жену в измене и выгоняет её из дома, женщине удаётся одурачить мужа, она уверяет его, что ему всё показалось, так с помощью хитрости жена возвращается домой. В другом рассказе горожанке из Орлеана удаётся ловко обмануть мужа, запереть его на чердаке на всю ночь, а самой тем временем развлекаться с любовником. В другом аналогичном сюжете дама с помощью хитроумия избегает опасности, ловко обманывает мужа, которого заставляет подарить своему любовнику сокола. Много рассказов и на церковную тему: священник хитростью избавляется от наказания – ему удаётся ловко вручить деньги епископу, которого он уверяет, что эти деньги якобы завещаны епископу ослом. В ещё одном сюжете виллан хитростью и изворотливостью добивается рая, ему удаётся переспорить святых, которые не хотели пускать простого виллана в рай.

Как видно из приведенных выше примеров, хитроумие часто приписывается женщине, особенно в рассказах о том, как хитроумные жены одурачили своих му-

нист, Джованни Виллани, следует в своих хрониках манере традиционных исторических описаний, начиная от Библии и доходя до современности через легенды. В хрониках Виллани давались иногда практические советы, и даже рецепты отделки сапфира, серпентина и других ценных материалов, на это указывает Джорджо Вазари в своих «Жизнеописаниях знаменитых живописцев».

⁸ Здесь и далее фаблио цитируются по изданию Фаблио. Старофранцузские новеллы / Пер. со старофранцузского С. Вышеславской и В. Дынник. М.: Художественная литература, 1971. 344 с.

жей, причём женщины часто торжествуют над обманутыми мужьями. Но хитроумие, проявленное жёнами, не одобряется, а, наоборот, объясняются извечной порочностью женщин. В фаблио об изменах жён сюжетная схема примерно одинакова – муж, жена, похотливый священник (монах). Героини проявляют некое хитроумие, чтобы ловко обмануть мужа, но проявление такого хитроумия блекло и невзрачно, как блеклы и невзрачны сами персонажи. Фаблио скупо характеризует своих героев, никак не объясняет причин их поступков. Интерес фаблио исчерпывается самим комизмом ситуации.

Смех в фаблио груб, он вызван балаганной шуткой, шутники не знают меры. Так, в фаблио об Аристотеле хитроумная девушка ловко высмеивает старого учёного. Она мстит за то, что Аристотель хотел её разлучить с любовником. Девушка садится на старика верхом и заставляет его бегать по лугу как лошадь. Эта выходка вызывает хохот как у самой девушки, так и у её любовника. Мотив хитроумия в фаблио только обозначается в общих чертах, он не находит здесь своего полного развития. Читателю только сообщается, что хитроумием наделён тот или иной персонаж, а дальше описываются его проделки или забавная выходка. Фаблио мало сообщают читателю о самом герое, о том, на что направлено хитроумие и чем оно вызвано. Здесь нет индивида с ярко выраженным характером, со своими чувствами и переживаниями. Следовательно, и мотив хитроумия, который тесно связан с человеком, выражен здесь слабо, неярко, скупо. Он – лишь сюжетная пружина, благодаря которой и движется все повествование.

Разные книги «новеллистической» ориентации предшествовали в истории ранней итальянской прозы сборнику итальянских новелл «Новеллино, или сто древних новелл» (*Le cento novelle antiche, o libro di novelle e di bel parlar gentile detto anche Novellino*), составленному на грани XIII и XIV вв. Это сборник «цветов изящной

речи, ответов учтивых иль остроумных, примеров щедрости и отваги, которые являли в прошедшие времена достойные люди» [Новеллино, 1984:9]. Он включает в себя собственно не рассказы, а небольшие наброски и заметки⁹.

Франческо де Санктис пишет, что «Новеллино» по праву называли «цветком изящной речи», и, на самом деле, она написана на редкость изящным, правильным языком [De Sanctis, 1994:115]. Сам автор «Цветов изящной речи» пытается в прологе оправдать свой язык: «Если эти цветы смешаны со словами не столь прекрасными, не сердитесь, ведь чернением золото лучше оттеняется» [Новеллино, 1984:10].

Трудно поверить, что эта книга была создана в XIII в. Хотя язык сборника гораздо правильнее и современнее «Сказаний о стародавних рыцарях» и романов того времени, все эти произведения написаны одинаково сухо. События излагаются в общих чертах, без указания сопутствующих обстоятельств и деталей, которые украсили бы повествование, без описания впечатлений и чувств, которые бы придали ему интерес. Подача такого лаконично и просто изложенного факта не требует особого искусства. Эффект достигается за счёт простоты и сдержанности.

Тематика «Новеллино» весьма разнообразна: в нём встречаются анекдоты и рассказы из средневековых «примеров», житий святых, хроник, а также из средневековых французских повестей (лэ), рыцарских романов, фаблио и сборников басен, восточные легенды. Обращаясь к различным источникам, автор «Новеллино» берёт из них анекдот, который и передаёт в сухой, повествовательной форме. В сборнике нет рассказов о хитроумии как таковом, зато уделяется большое внимание и посвящено много рассказов мудрому решению.

Часто за решением какой-нибудь проблемы обращаются к мудрецу – «мере всех существующих вещей». Мудрость и

⁹ Здесь и далее сборник цитируется по изданию Новеллино / Пер. с итал. М.Л. Андреева. Отв. ред. Р.И. Хлодовский. М.: Наука, 1984. 318 с.

мудрое слово ценятся в сборнике очень высоко. Например, в одном из рассказов мудрый еврей выпутывается из ловушки, подстроенной ему султаном, задумавшим поживиться за счёт еврея. Султан задаёт еврею коварный вопрос, чья вера лучше. Если еврей ответит, что лучше иудейская, его можно будет обвинить в святотатстве с последующей конфискацией имущества, а если он назовёт лучшей мусульманскую, то окажется повинным и двуличии, что тоже влечёт за собой конфискацию. Еврей отвечает притчей о кольцах: жил некий отец, имевший трёх сыновей и всего одно кольцо, которое все сыновья мечтали получить в наследство. Тогда он велел изготовить ещё два точно таких же кольца и вручил их сыновьям. Все остались довольны, считая, что владеют подлинным кольцом, а правду знает один отец. Так и с верованиями: какая из них наилучшая известно только богу. Султану ответить нечего – конфискация не состоялась (LXXIII)¹⁰.

Известные сюжеты о мудреце, который разрешает спор между поваром и бедным сарацином мудрыми словами, что за пар следует платить звоном монет (VIII), или о том, как один паломник отдал деньги на хранение другу и никак не мог получить их назад. Друг придирался к словам уговора и денег не возвращал. Мудрый судья синьории помогает обманутому человеку вернуть свои деньги, он обращает уговор против обманщика (IX). В качестве примера можно привести и рассказ о том, как мудрый грек догадывается по поступкам царя о его низменном происхождении. Царь гневается и сажает мудреца в темницу, но когда слышит мудрые речи грека и окончательно убеждается в его премудрости, *«стыдится своей скупости и выпускает грека из темницы, щедро его одарив»* (II).

В другой новелле совет монаха своему брату, который собирался на войну: *«Будь храбрым и не страшись смерти, ибо так или иначе умрёшь»*, несомненно,

является мудрым (XXXIV). Мудрость заключается и в словах лисы – героя ещё одного рассказа: *«Не всякий, кто умеет читать, умён»* (XCIV). Из вышеперечисленных примеров видно, что мудрость в «Новеллино» ценится высоко, но совсем не связана с фольклорной хитростью и хитроумием. Она носит назидательный, дидактический характер. Центральное место в «Новеллино» принадлежит, однако, не мудрости, а остроумию.

Остроумие – это тоже своего рода мудрость, но последняя безнадежно пасует там, где торжествует остроумие. В мудрости важнее всего содержание, в остроумии – выражение. Мудрость всегда остаётся мудростью, а для остроумия необходима подходящая ситуация, причём для каждого остроумия – своя ситуация. Остроумное слово ставится в заслугу человеку, но присуще оно не всем людям: *«Ведь многие люди, прожив долгую жизнь, только и могут похвастать, что одним метким словом»* [Новеллино, 1984:10]. Причём «культ остроумного слова» в сборнике достаточно многообразен. Целый цикл рассказов посвящён остроумному решению, ловкости и находчивости. Обычно в таких рассказах герои выкручиваются из сложной ситуации, отводят от себя опасность или защищают себя и своё имущество с помощью остроумного слова.

Герои здесь проявляют находчивость и хитроумие. Например, врач из Тулузы женится на племяннице архиепископа, а когда через два месяца после свадьбы жена рождает ему ребенка, возвращает её родителям. Архиепископу же, который хочет привлечь врача к суду, он остроумно заявляет, что не сможет прокормить такую большую семью. Он де думал, что у него будет рождаться по ребенку в год, а жену, которая рождает каждые два месяца, он прокормить не сможет, и поэтому он возвращает её, так как не хочет, чтобы племянники архиепископа жили в бедности (XLIX).

¹⁰ Подобный сюжет встретится и в «Декамерона» Боккаччо (I, 3), но хитроумие героев получит уже совсем иную окраску. Если в «Новеллино» притча звучит как ловкий ответ, то у Боккаччо хитроумие вырывает и перевоспитывает героев.

В другой новелле один человек с помощью острого слова пристыдил монаха, ему удаётся даже обернуть слова монаха против его же самого (XCI). Находчивым ответом хитрый священник, которого обвиняли в том, что он плохо следит за своей паствой из-за любви к женщинам, отводит от себя обвинения, уличив епископа в том же: *«Мессер, и меня ловили на том же. Но ведь кто бы мог поступить иначе?»* (LIV). Смекалка помогает торговцу, у которого обезьяны украли его товар, придумать, как поймать воришек и ещё неплохо заработать на этом (XCVIII).

Особенно ценятся в «Новеллино» остроумные ответы или остроумные высказывания как таковые. Целый ряд рассказов построен вокруг остроумного слова, которое призвано пристыдить виновного, восстановить справедливость. Мудрые решения и остроумные ответы приписываются автором «Новеллино» разным людям, в основном это мудрецы, мудрые и справедливые судьи или люди благородные и знатные. Но встречаются и рассказы, в которых рассказывается об остроумии простых горожан, купцов или монахов. Например, мессер Амари мудрыми словами пристыдил своего вассала, который тратил деньги без счёта: *«Кто тратит деньги без ума, того ждёт посох и сума»* (XXIV). Или другой сюжет, в котором муж дамы, любви которой добивался молодой и богатый рыцарь, ловко с помощью остроумного ответа осадил и пристыдил ухажёра: *«Устраивайте свои дела, но не расстраивайте дела другим»* (XLVII). Остроумной является и шутка монаха, что епископ согласен поменяться с ним желудком, но не саном (XXXIX).

Часто в «Новеллино» многие остроумные ответы приписываются жонглёрам (*лат. jocolator – шутник, забавник*). Жонглёры нередко сопровождали трубадуров, кормились у них и получали часть подарков, которые выпадали на долю трубадуров. Но были и такие жонглёры, которые бродили из замка в замок, из города в город в одиночку или целыми толпами¹¹. Местом встречи таких жонглёров были дворы королей и влиятельных синьоров, которые им покровительствовали: *«Есть над кем посмеяться, и есть кому над тобой посмеяться и тебя посрамить. Известная язва богачей!»* [Петрарка, 1981:31]. В «Новеллино» обычно рассказывается о профессиональных жонглёрах, то есть о людях, ремеслом которых является шутка, забава, весёлая проделка (LV). Так, жонглёр Марк Ломбардец, *«умнейший среди людей его ремесла»*, даёт одному почётному, но заносчивому человеку остроумный ответ на его сложный и запутанный вопрос (LV).

В другом рассказе жонглёр Марк Ломбардец, который *«отличался благородством и мудростью»*, отвечает на меткое слово ещё более метким словом и с достоинством выходит из щепетильной ситуации (XLIV). Ещё один жонглёр Бито легко обманывает скупого и недоверчивого горожанина, а затем выкручивается перед властями с помощью остроумного ответа. Горожанин не понимает шутки, и над ним смеётся вся округа. Таким образом Бито всех рассмешил. (XCVI). А жонглёр по имени Саладин остроумно отвечает рыцарям: *«Дурак каждого дурака считает умным, потому что сам дурак. Значит, если дураку кто-нибудь покажется дураком, то это и будет умный,*

¹¹ Вот как отзываются о жонглёрах средневековый историк XIII в.: *«Жонглёр – человек неблагопристойный; он проводит всю жизнь за игрой, в тавернах или местах ещё худших. Только он заполучит немного денег, так сразу же тащит их туда.... Жалко смотреть на него, оборванного, босого, без рубахи... Но, несмотря на это, он весел...он непрерывно поёт и просит у Бога только одной вещи, – чтобы все дни недели превратились в воскресенье». «Дворы королей и других влиятельных особ – обыкновенное место встречи целой толпы скоморохов, которые приходили туда, чтобы урвать себе что-нибудь: золото, серебро, лошадей, одежду; они с намерением говорят забавные вещи, приправленные лестью. Чтобы понравиться наверняка, они подделываются под вкусы своих слушателей, без отдыха заливают их потоком самых необузданных и смешных любезностей, весёлых и безнравственных сказок. Мы видели влиятельных особ, которые едва поносив платье, ...отдавали его при первом появлении шутков»* [Иванов, 1997:29-30].

потому что ум противоположен глупости. Дуракам умные всегда кажутся глупыми; а умные видят, что дурак он и есть дурак» (XL).

В подобных рассказах остроумное своевременно сказанное слово резюмирует, как правило, развитие сюжета и является его смысловой кульминацией. Комизм таких рассказов – комизм чисто бытовой ситуации, действие подчиняется законам реальной жизни. Таким образом, место хитроумия занимает остроумие или бытовая хитрость, которую проявляют персонажи древних новелл. Смеются в «Новеллино» не только над остроумными ответами жонглёров, развеселить общество необычным и весёлым словом может и *«превосходно воспитанный»* рыцарь (LXXX).

Героем подобного рассказа является родовитый флорентиец Мильоре дельи Аббати (ок. 1215 – 1280). Известно также, что он был поэтом и подражателем трубадуров. Возможно, именно поэтому ему и приписывается остроумный ответ. Остроумным является и ответ-просьба провансальского рыцаря Гульельмо ди Бергедан дамам, которые собирались избить его палками: *«Пусть первой ударит меня самая распутная»*. Естественно, ни одна из дам не захотела ударить рыцаря палкой, и таким образом он избежал расплаты (XLII).

Обычно в обществе к жонглёрам относились к некоторым пренебрежением: *«Любовь к скоморохам питается только суетой и непристойностями»* [Петрарка, 1981:31]. Считалось, что синьор волен обходиться с жонглёрами как хочет: может наградить его, может прогнать (XLIII). Не восхваляется жонглёр и в «Новеллино». Иногда он уступает в уме и мудрости рыцарям. Так, в сборнике рассказывается, что жонглёр помышляет только о золоте и серебре, в то время как удел рыцаря – воевать и управлять городами (II).

Иногда мудрее жонглёра оказывается простой слуга. Так, один жонглёр получил отставку от своего синьора. Синьор хотел наградить жонглёра и подарил ему пирог, в который предварительно положил деньги. Жонглёр не понял уловки и отдал

пирог, потеряв таким образом деньги и не вернув расположение синьора (LXXIX). В другом рассказе один жонглёр за ужином затынул новеллу, конца которой не было видно. Слуга, прислуживавший за ужином, был голоден и ждал с нетерпением, когда он сможет освободиться и поесть, остроумным высказыванием заставляет жонглёра смутиться и прекратить рассказ (LXXXIX).

Как видно из вышеизложенных примеров, в «Новеллино» довольно много новелл «о цветах красноречия, ответах учтивых или остроумных», но мало городских новелл и анекдотов на злобу дня. Характерный для фольклора интерес к глупости, плутовству или шутовству в сборнике почти отсутствует, за исключением двух рассказов. В одном лекарь рассказывает своим ученикам, что тот, кто съест баклажан, сходит с ума. Один ученик наедается до отвала баклажанами, а потом делает неприличный жест. Когда его призывают к ответу за хулиганство, он оправдывается тем, что он съел баклажан, а с безумного нельзя спрашивать (XXXV). В другом ученики в лавке ловко оставляют полуголым простака из деревни, который хотел купить себе жилет, а затем смеются над ним (XCV).

К рассказам о розыгрышах в Сборнике ста новелл можно причислить разве что один рассказ о том, как королева Изотта и Тристан разыгрывают роли и тем самым обманывают короля, мужа Изотты, который справедливо заподозрил их в любовной связи. Влюблённые избегают опасности *«благодаря мудрой уловке, к которой прибегли эти двое»* (LXV).

Для «Новеллино» характерен прямой дидактизм. Трактовка отдельных поступков как проявление индивидуального поведения, вытекающего из душевных качеств и свойств характера персонажей, недопустима. Сюжет строится на столкновении абстрактных позиций – плохих и хороших поступков, добра и зла. Для индивида, который и является носителем хитроумия, здесь просто нет места, человек зависим от судьбы, он безволен и слаб. Он не нуждается в хитроумии, так как он не борется за свои

человеческие права, не отстаивает свою индивидуальность.

Почти всегда справедливость от обмана восстанавливает в «Новеллино» Божественное Провидение и Божий промысел. Так, торговец выручает большие деньги обманом, он продает вино в бочках с двойным дном: сверху и снизу было вино, а в середине – вода. Справедливость восстанавливает обезьяна, которая отнимает у торговца кошелек и бросает в море монеты. В конце концов, остаётся только половина монет, что торговцу и причиталось (XCVII).

Хитроумие в «Новеллино» носит чисто бытовой характер, оно тесно связано с ловкостью и хитростью, но за ним не стоит никакой перспективы, так как в сборнике нет места для индивида. Без развитого индивида, без героя, наделённого индивидуальными чертами, хитроумие просто не может существовать, не может стать самостоятельным элементом жизни. Иными словами, пока нет человека, нет и его характеристики. Следовательно, в «Новеллино» отсутствуют насмешки, шутки и порождения контраста. Це-

лю древних новелл является передать в простом и красивом изложении мудрые речи и полные смысла истории и басни. Возможно, что именно отсутствие иронии доказывает раннее происхождение сборника.

В «Новеллино» хитроумие выступает также в форме остроумных ответов, которым посвящены отдельные рассказы и которые являются кульминацией сюжета. Остроумие тесно связано с ситуацией, в которой оно проявляется и на развитие которой оно влияет. Недаром остроумными ответами отмечены развязки многих новелл «Новеллино». Остроумное, современно сказанное слово резюмирует, как правило, развитие сюжета и является его смысловой кульминацией. Это пока ещё только схема будущей новеллы. Главным в ней является ситуация, а не персонаж. В персонаже же на первый план выдвигается его имя и положение, а не человеческие качества, что станет главным в последующих новеллах эпохи Возрождения, особенно в «Декамероне» Джованни Боккаччо.

Список литературы:

- Алигьери Данте. Малые произведения. М.: Наука, 1968. 671 с.
- Боккаччо Дж. Декамерон. М.: Художественная литература, 1970. 726 с.
- Иванов К.А. Трубадуры, труверы и миннезингеры. М.: Алетейа, 1997. 360 с.
- История литературы Италии / Под ред. М.Л. Андреева, Р.И. Хлодовского. М.: ИМЛИ РАН, 2000. 592 с.
- Мелетинский Е.М. Заметки о средневековых жанрах, преимущественно повествовательных // Проблема жанра в литературе Средневековья. Выпуск 1, М.: Наследие, 1994. С. 7-26.
- Новеллино / Пер. с итал. М.Л. Андреева. Отв. ред. Р.И. Хлодовский. М.: Наука, 1984. 318 с.
- Петрарка Ф. Лекарства от превратностей судьбы. // Эстетика Ренессанса: Антология. М.: Искусство, 1981. С. 30-42.
- Фаблио. Старофранцузские новеллы / Пер. со старофранцузского С. Вышеславской и В. Дынник. М.: Художественная литература, 1971. 344 с.
- Battaglia S. L'esempio medioevale // La coscienza letteraria del Medioevo. Napoli, 1965, P. 447-486.
- De Sanctis F. Storia della letteratura italiana. Torriana: Orsa Maggiore, 1994. 734 p.

Об авторе:

Воронец Светлана Михайловна – к.филол.н., доцент Кафедры романских языков МГИМО МИД РФ. Сфера научных интересов: романское языкознание, психолингвистика, педагогика, методика преподавания иностранных языков. Россия, 119454, Г. Москва, Проспект Вернадского, 76. E-mail: svetlanissima@gmail.com.

THE MOTIVE OF HUMAN CUNNING IN MEDIEVAL LITERATURE

Svetlana M. Voronets

Abstracts. *The present article discusses the formation and development of the motif of human cunning in medieval literature. The motive of cunning is not chosen by chance. For the first time, it appeared in Italian narrative in the Renaissance. But the beginning of the motive of cunning goes to the oral folk story. In the urban environment, stories about resourceful townspeople laughing at a stupid knight or a voluptuous monk were very fond. Such stories vividly and expressively depicted typical events of city daily life and aroused keen interest among the townspeople. And the life of Italian cities was stormy and diverse, abundant in various events. At the end of the Middle Ages, new social groups were formed, involved in a political struggle and challenging the power of the aristocrats. At the interpersonal level, the gradual erosion of the conceptual boundaries of nobility began. A new system of ideas about the purpose and role of a man was formed. But the nobility of origin was to be opposed by any quality of a common man, which would distinguish and characterize him. That was the quality comparable to titles and ranks. Cunning turned out to be such a quality. But the conceptual content of cunning did not happen immediately. At first, there was a coarse laughter and bullying in literature. The cunning motive reached its full development in the novel of the Renaissance, when the image of a man of a new era was finally formed. Then cunning, quick-wittedness and resourcefulness came to value more than titles. So tracing the development of the motif of human cunning in medieval literature, one can understand how the man of the Renaissance was formed.*

Key words: *the literature of the Middle Ages, the urban story, Fablio, Novellino, short story, the motive of human cunning, the formation of the genre of the novel.*

References:

- Alig'eri Dante. *Malye proizvedenija* [Small works]. Moscow, Science, 1968. 671 p. (In Russian).
 Bokkachcho Dzh. *Dekameron* [Decameron]. Moscow, Fiction, 1970. 726 p. (In Russian).
 Ivanov K.A. *Trubadury`, truvery` i minnezingery`* [Troubadours, turvers and minnesingers]. Moscow, Aleteya, 1997. 360 p. (In Russian).
Istoriya literatury` Italiï [Literary history of Italy] / Ed. M.L. Andreeva, R.I. Hlodowski. Moscow, IWL RAS, 2000. 592 p. (In Russian).
 Meletinskij E.M. Zаметki o srednevekovyh zhanrah, preimushhestvenno povestvovatel'nyh [Notes on medieval genres, mostly narrative]. *Problema zhanra v literature Srednevekov'ja. Vypusk 1* [Problem of a genre in medieval literature. Issue 1]. Moscow, Heritage, 1994. pp. 7-26 (In Russian).
Novellino [Novellino] / Trans. with ital. M.L. Andreeva. Ed. R.I. Chlodovsky. Moscow, Science, 1984. 318 p. (In Russian).
 Petrarka F. Lekarstva ot prevratnostej sud'by [Drugs for the vicissitudes of fate]. *E`stetika Renessansa: Antologiya* [Renaissance Aesthetics: An Anthology]. Moscow, Art, 1981. pp. 30-42 (In Russian).
 Fablio. *Starofrancuzskie novelly* [Fablio. Old french novels] / Trans. from old French S. Vysheslavskaya and V. Dynnik. Moscow, Fiction, 1971. 344 p. (In Russian).

Battaglia S. L'esempio medioevale. *La coscienza letteraria del Medioevo*. Napoli, 1965, pp. 447-486 (In Italian).

De Sanctis F. *Storia della letteratura italiana*. Torriana, Orsa Maggiore, 1994. 734 p. (In Italian)

About the Author:

Svetlana M. Voronets – PhD in Philology, Associate Professor at Roman Languages Department of Moscow State Institute/University of International Relations (MGIMO). Her academic interests include cultural studies, intercultural communication, history and culture of Italian, and blended learning. 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.
E-mail: svetlanissima@gmail.com.

МУЗЫКА В КУЛЬТУРЕ ИНДИИ

А.Е. Аксанова

Аннотация. В статье представлен обзор музыкального искусства народов Индии. Автор рассказывает об истории возникновения индийской музыки, восходящей к традиции исполнения священных гимнов и песнопений. Музыка всегда была и остается важнейшей частью жизни индийского общества. Религиозные обряды играли и играют важную роль в жизни индийцев, поэтому каждая община имеет своих музыкантов и исполнителей гимнов и песнопений. Эти песнопения упоминаются еще в важнейших памятниках индийской философской литературы, «Ригведа», «Атхарваведа», «Самоведа», «Натьяшаstra». Музыка – неотъемлемая часть всех праздников с древних времен до наших дней. С появлением индийского театра творчество певцов и музыкантов становится особенно востребованным. Музыка менялась с течением времени. Однако теория музыки и песнопений, описанная в древних трактатах, сохранялась в новых формах. Индийцы смогли, благодаря бережному отношению к классическим канонам, сохранить традиции и своеобразие своей музыки.

В работе приводится классификация музыки, рассказывается об отличительных чертах классической и народной музыки, приводится краткий обзор индийской музыкальной гаммы. Древнеиндийская музыка – это синтетический жанр, представляющий собой единство пения, музыки и танца. Музыка Индии делится на классическую и народную. В свою очередь, в классической музыке выделяют северное и южное направления. Автор рассказывает о сложной музыкальной гамме классической музыки, состоящей из семи нот. В работе представлено краткое описание раги, составляющей основу индийской классической музыки. Раги обладают широким эмоциональным спектром, передавая чувства радости, грусти, печали. Музыкант по своему желанию выбирает и создает богатую ритмическую композицию.

В статье говорится и о современной музыке индийского кино, а также о прочих видах современного музыкального искусства. Подчеркивается неразрывная связь современной музыки с традициями, сохранение самобытности при влиянии европейской музыки.

Ключевые слова: музыка, традиция, культура, гамма, нота, музыкант, рага, мантра.

Индия – страна богатейшей культуры и талантливого народа. Влекущая своей загадочностью и многогранностью, эта страна неизменно вызывает интерес поколений людей из

других стран. Философия и творчество индийцев – сложный холст, сотканный из многих составляющих, в каждой из которых неизменно присутствует индийская музыка. Музыка и песни народов Индии

не похожи на музыкальное творчество других стран. Ведь музыка Индии не просто красивые звуки. Музыка и песни индийцев воплощают веками накопленные народные и философско-религиозные традиции и обряды, отражают самобытность культуры и многовековой истории.

Литературные и исторические источники свидетельствуют о большом почтении к музыкантам и певцам, ведь музыка всегда была и остаётся важнейшей частью жизни индийского общества. Религиозные обряды всегда играли важную роль в жизни индийцев, поэтому каждая община и селение имели своих музыкантов и исполнителей гимнов и песнопений. Эти песнопения упоминаются в таких важнейших памятниках индийской философской литературы, как «Ригведа», «Атхарваведа», «Самоведа», «Натьяшастра». Музыка – неотъемлемая часть всех индийских праздников с древних времён до наших дней. С появлением индийского театра творчество певцов и музыкантов стало особенно востребованным. Музыка менялась с течением времени. Однако теория музыки и песнопений, описанная в древних трактатах, сохранялась в новых формах. Индийцы смогли, благодаря бережному отношению к классическим канонам музыкального искусства, сохранить через века традиции и своеобразие своей прекрасной, богатой по формам и жанрам музыки.

И, конечно, невозможно не вспомнить о современной музыке Индии, известной нам в основном по работам Болливуда. Яркие зажигательные мелодии, сопровождаемые самобытными танцами и костюмами, море эмоций и позитива – именно так мы воспринимаем творчество индийских кинематографистов. А музыка – главный элемент каждого индийского фильма.

Музыка Индии уходит корнями в глубокую древность. Учёные считают, что ещё древние арии имели семинотный музыкальный ряд, которым они пользовались при исполнении песнопений во время жертвоприношений. Истоки индийской музыкальной культуры восхо-

дят к III тыс. до н.э. Веды (конец I – начало II тыс. до н.э.) стали важным этапом в истории становления индийской музыки. Так, в «Ригведе» (Веда гимнов) содержатся тексты распевных священных гимнов, а в «Самоведе» (Веда песнопений) содержится метрический текст самхита, распеваемый во время религиозных церемоний [Chaitanya, 1982: 47]. Древнеиндийская музыка – это синтетический жанр, представляющий собой единство пения, музыки и танца. Древние трактаты содержат инструкции к поворотам головы (которых насчитывается 24), движениям рук, выражавшим различные эмоции – радость, гнев, удивление и т.д. Такие традиции оказали влияние и на творчество других народов. В частности, ритуальные балийские танцы в Индонезии основываются именно на них.

Можно разделить музыку Индии на классическую (шастрия) и народную (лок или деши сангит). В свою очередь, в классической музыке выделяют северное (хиндустани сангит) и южное (карнатака сангит) направления. Учёные считают, что карнататка древнее хиндустани сангит. Важнейшим трактатом по классической музыке считается «Океан музыки» («Сангита Ратнакара»), созданный в XIII в. Автор – Сарангадев. Средневековый поэт и музыкант Амир Хусро (1253 – 1325) внёс большой вклад в развитие хиндустани сангит – северо-индийской музыки. Хусро создал мелодии, соединив индийские и персидские музыкальные напевы [Ульциферов, 2005:715].

Классическая музыка довольно сложна для восприятия, так как семизвучный ряд делится на 22 интервала, отдельные из которых составляют менее одной четвертой тона. Их сочетания образуют музыкальные темы – раги. Рага представляет собой определённый набор ладов и ритмов, образующих устойчивый звуковой ряд. Слово «рага» восходит к санскриту и означает «доставляющая удовольствие». Рага составляет основу индийской классической музыки [Музыка Индии, 2016]. Определённые сочетания тонов образуют тематические раги, имеющие широкий эмоциональный спектр. Существуют

раги спокойствия, радости, грусти, расставания. Разные раги относятся к разному времени суток и к разным сезонам, они могут быть женскими и мужскими. Рага – это импровизация. Музыкант выбирает тему по своему желанию и создает богатую ритмическую композицию [Индия сегодня, 2005: 515].

Музыкальная гамма в Индии состоит из семи нот (свар): шадджа (Са сокращенно), ришабха (Ри), гандхара (Га), мадхьяма (Ма), панчама (Па), дхаивата (Дха), нишада (Ни). Каждая нота имеет свою соответствующую по звучанию ноту в европейском звуковом ряду. Эти семь нот считаются основными. Имеется также пять альтерированных звуков. Для понижения любого звукового ряда первостепенную роль играет первая нота гаммы – Са. Любой исполнитель начинает подготовку к выступлению с отработки звучания ноты Са. Нота в индийской музыке – это целое поле, в котором существует звуковой ряд. Именно с этими полями и работает музыкант, импровизируя и придавая утонченные оттенки звукам [Ульциферов, 2005:716].

Совершенно необязательно, что в каждой раге используется весь нотный ряд. По количеству используемых нот раги подразделяются на несколько видов. Количество раг не поддается подсчёту, однако основных раг приблизительно 300 [Музыка Индии, 2016]. В активном исполнении находятся около ста раг. Впервые раги были разделены на мужские и женские в трактате «Сок музыки» («Сангитамакаранда»), автором предположительно считается Нарада (XI в.). Шесть основных раг в музыке хиндустани персонифицируются как шесть великолепных мужчин. Каждый такой мужчина имеет по пять жён – рагинь и по семь сыновей – путр [Ульциферов, 2005:717]. Такое деление делает количество вариантов исполнения музыкальных композиций очень большим. Однако в северо-индийской музыке основными признаются только шесть раг [Карташова, 2007].

В южном музыкальном направлении карнатака существует 72 раги без разделения на мужские и женские. Количество

нот в каждой раге варьируется от пяти до девяти. Южная музыка более быстрая и ритмичная. После музыкального проигрыша начинается голосовая часть со словами «танам», «нам», которые происходят от молитвенного обращения «ОМ». Такие голосовые вкрапления в музыке юга носят название «неравал», а в северной музыке – «боле тан».

При исполнении раги огромное значение имеет акцент, то есть подчёркивание определённого аккорда. Важны также звуковые вибрации. Орнаментировка звука, или аланкар (украшение), составляют часть каждой достойной раги. Аланкар – это несколько звуков, которые служат для украшения основной мелодии. Раги никогда не релетируются и не исполняются по традиционному канону. Исполнение всегда происходит при стечении слушателей, которые принимают участие в создании раги.

Существуют разные манеры музыкального исполнения раг. Так, в северо-индийской выделяется манера дхрупад, существующая и по сей день. Пение в этой манере очень торжественное, создающее ощущение некой тяжести. Другой разновидностью является более лёгкая манера дхамар, исполняющаяся на празднике красок Холи. А манера кхейл, которой свойственна большая свобода от канонов, считается вершиной мастерства музыки хиндустани. В этой музыке много аланкаров-украшений и отсутствует торжественность. Распространение этой манеры исполнения связывают с именем Амира Хусро. В наши дни кхейл – основная манера музыкального исполнения Индии [Ульциферов, 2005:724].

Музыке Индии присуще одностолье. Солирует один из музыкальных инструментов – ситара или вина. Орнаментацию обеспечивают ударные инструменты – парные барабаны-табла, а фон – щипковый четырехструнный инструмент – тампура. Когда подключается певец, звучание инструментов почти прекращается. Певец сам задаёт темп исполнения маленькой цимбалой – талам или гармонией, оркестр в этот момент осуществляет музыкальное сопровождение. Традиционный на-

бор индийских инструментов в наши дни дополняется скрипками. На протяжении многих десятилетий самым выдающимся ситаристом был Рави Шанкар. Он не только великолепно играл на ситаре, но и был автором множества музыкальных произведений. Великолепный дуэт – Рави Шанкар – ситара, Йегуди Менухин – скрипка вошёл в историю шедевров мировой музыки [Индия сегодня, 2005:516].

На протяжении десятилетий индийские музыканты стремятся решить проблему синтеза южной и северной музыки, соединить два стиля и создать национальный симфонический оркестр из индийских инструментов. Проблему представляет аранжировка музыкальных оркестровых произведений для индийских инструментов с двумя рядами струн (ситара и саранги). Такие сложные исполнения под силу лишь мастерам самого высокого класса. По этой причине сегодня под индийской классической музыкой понимают исполнение солиста с небольшим оркестром-фоном.

Другая важная разновидность индийской музыки – музыка религиозная. Эта музыка появляется во II тыс. до н.э. и почитается первым языком, на котором говорят все живые существа. В Ведах о музыке говорится как о пятом элементе сотворения мира. Религиозная музыка обладает магическими свойствами – она может как творить, так и разрушать. В Ведах музыке посвящён отдельный раздел. Ригведа (веда гимнов), Яджурведа (веда жертвоприношений) служили основой для текстов религиозных песнопений. Ведические песнопения сформировались под влиянием санскрита и сохранились в неизменном виде до наших дней. В основе этих песнопений лежит звукоряд в объёме терции, который воспринимался сакрально, подразумевая триаду главных богов индуистского пантеона – Шиву, Вишну, Брахму.

В более позднее время духовная музыка связывается прежде всего с движением бхакти (движение в индуизме, основывающееся на личной эмоциональной привязанности и любви к богу). Духовная музыка, несомненно, уходит корнями

в мелодии раг. Песни, прославляющие богов индуизма Раму, Кришну, Шиву, повествуют об их деяниях и чудесах, которые они явили миру. Многие подобные песни написаны великими поэтами Индии, такими как Кабир, Сур Дас, Мира Баи. Музыка этих песен очень мелодична и проста, что свидетельствует о её связи с народной музыкой. Песни исполнялись на площадях перед храмами как бродячими музыкантами, так и прихожанами. Чайтанья (XV – XVI вв.), проповедник бхакти, был главным проводником таких духовных песен. На основе «Песни о Кришне» Джайядевы Чайтанья создал произведения, сочетавшие песни и танцы, исполняемые в честь бога Кришны во время храмовых богослужений [Нет жизни без Кришны, 1992:15-22].

В традиции Южной Индии духовная музыка представлена теварами – песенно-музыкальными композициями, ставшими базовым элементом музыкальной культуры тамилгов. Эти песни создавались на основе раг и исполнялись профессиональными певцами. Духовные песни также сочинялись и исполнялись странствующими отшельниками. Говоря об индийской музыке и песне, нельзя не сказать о «Натьяшастре». Этот трактат о театральном искусстве, авторство которого приписывают почитаемому в Индии мудрецу Бхарате, не имеет точной датировки и предположительно был создан между IV в. до н.э. и VI – VII вв. н.э. Однако большее число учёных склонны датировать «Натьяшастру» первыми веками нашей эры.

Наряду с фундаментальным изложением теории драмы, не имеющим аналогов в мировой теории театрального искусства, трактат содержит основные теоретические положения о музыке. Музыка рассматривается как часть общей системы мироздания, как единство исполнения мелодий на инструментах, пения и танца. Индийскому звукоряду, состоящему из семи нот, придавалось сакральное значение. Ноты ассоциировались с семью планетами солнечной системы. В «Натьяшастре» содержатся методические рекомендации по технике

инструментально и вокального исполнения, даются конкретные указания, какие мышцы лица и шеи должны напрягаться или расслабляться. Особыми приёмами достигались специфические носовые вибрации при исполнении.

Музыка в Индии является важной участницей магических ритуалов. Она всегда связана с различными эмоциональными состояниями. Исходя из этого, индусы создали уникальную систему духовного совершенствования – мантра-йогу. Мантра – особый звуковой комплекс, обладающий необыкновенным воздействием на тело, энергию и сознание. Считается, что звуки санскрита, на котором исполняются мантры, обладают исцеляющей силой. Мантра улавливает энергию вселенной и направляет её на достижения душевной гармонии, на творческое развитие, на преодоление трудностей и на достижение различных благ. Распевание мантры помогает очистить с помощью верных вибраций подсознание человека от негативных установок. Есть мнение, что пение мантр может даже изменить карму человека, так как оно меняет энергетику и убирает плохую карму.

Древние индийцы ассоциировали музыку и цвет. Они считали, что эмоции, которые несёт музыка, могут быть переданы визуально цветовой гаммой. Семинотная гамма соответствовала семи цветам: белому, чёрному, синему, красному, оранжевому, зелёному и жёлтому. Индийцы говорят, что они видят звук и слышат цвета. Древнеиндийская космология связана с музыкой и песней. Голос певца, по мнению мудрецов, обладает разными качествами: даёт надежду (земная стихия), успокаивает (водная стихия), раздражает (стихия огня), возвышает (воздушная стихия), убеждает (эфир). Главный символ певческого голоса – флейта.

Классическая и духовная индийская музыка, так же как и народная, исполняется на особых индийских музыкальных инструментах. Ещё в ведах содержатся упоминания об агхати – разновидности цимбалы. Важное место среди инструментов древней Индии принадлежит ударным. В Атхарваведе упоминается о

большом ритуальном барабане, на котором играли жрецы. Барабаны подвергались специальной выделке отварами риса и трав, благодаря чему достигалось мягкое и глубокое звучание. Умельцы изготавливали гонги, тарелки, бубны. Один из первых древнеиндийских инструментов – нагара, о котором упоминается ещё в древнем эпосе. Сыновья Рамы, главного героя «Рамаяны», читают поэмы под аккомпанемент вины (простейшая арфа).

Многие музыкальные инструменты используются героями «Махабхараты». Самый любимый индийский бог Кришна всегда имеет при себе флейту, прекрасной игрой которой он очаровывает пастушек. В индийской классической драматургии её герои никогда не обходятся без музыки. Действующие лица драм Калидасы и Бхасы играют на вине, флейте, барабане, роге, раковине и т.д. Простые арфы-вины были самыми древними струнными инструментами. Вины изображены на древних фресках в пещерах на скульптурных панно в ступах.

Со временем эти простые инструменты заменяют на более сложные, имеющие гриф и смычок. Это такие инструменты, как ектар (однострунный щипковый инструмент) и тамбура (тоже щипковый инструмент, сделанный из тыквы или дерева). На многих инструментах играют с помощью смычка, который, по мнению индийцев, происходит от лука. Самые главные и любимые индийские инструменты – вина и ситара, способные производить богатый и нежный спектр звуков. Перечень индийских традиционных инструментов длинный. Всего в стране существует приблизительно пятьсот музыкальных инструментов, используемых для исполнения классической, духовной и фольклорной музыки [Ульциферов, 2005:729].

Индия – страна разных штатов, каждый из которых является носителем самобытной культуры, музыки в том числе. Индийская фольклорная музыка чрезвычайно богата и разнообразна. Народная музыка основывается на традиционных темах, мелодиях древности, связанных с ритуальными и магическими действиями.

В разных штатах эти мелодии имеют свой колорит. Обычно народные песни исполняются в праздничные дни, во время театральных представлений, на ярмарках, свадьбах и прочих семейных праздниках. Исполнение народных песен всегда сопровождается танцами и всеобщим весельем. Странствующие певцы исполняют гимны-бхаджаны в честь бога Вишну или другие песнопения, посвящённые различным индуистским богам.

Катхаки – певцы-повествователи, любимые и почитаемые в Индии, также пели религиозные гимны под аккомпанемент флейты и узких барабанов-мридангов. Катхаки сопровождали своим пением выступления бродячих артистов, циркачей и кукольников. Многие индийские певцы исполняют народные песни. Особенной любовью пользуются исполнители газелей и песней-обращений к богу – бхаджанов. Это могут быть сольные исполнения, а могут быть выступления ансамблей. И всегда такие мероприятия собирают большое количество зрителей.

Одна из самых популярных форм современного музыкального и песенного творчества Индии принадлежит музыке кино. Весь мир знает и любит красочные, музыкальные, полные экспрессии индийские фильмы. Самое необычное заключается в том, что даже эта музыка современного Болливуда берёт свои истоки в национальной традиции и основывается на народных мелодиях, мелодиях раг. Крайне редко используются западные мелодии. Музыкальное сопровождение кинофильмов осуществляют оркестры, состоящие из традиционных индийских инструментов, а также некоторых европейских (фортепьяно, скрипка).

Индийские фильмы – это, как правило, мелодрамы, основным сюжетом которых является любовная история. Фильмы полны лирических песен о счастье встречи, боли разлуки влюблённых. Обычно двухчасовой фильм включает пять – семь песен или песенно-танцевальных композиций. За кадром песни исполняют популярные певцы, такие как Лата Мангешкар, Шрейя Гхошал, Аша и Уша Бхонсле. А в кадре – это не только певцы, но и тан-

цоры: Митхун Чокроборти, Рекха, Хема Малини и многие другие.

Песенные и танцевальные номера в фильмах обычно сопровождается инструментальный или джазовый оркестр. И хотя музыка по стилю похожа на современную западную, национальный колорит и традиции неизменно присутствуют. Индологи иногда называют такую стилизованную под западную индийскую музыку стилем «ориенталь». Песни из кинофильмов очень популярны в Индии. Лёгкая музыка, романтические тексты превращают эти песни в шлягеры, которые звучат везде: по радио, выпускаются миллионными тиражами на дисках, просто распеваются в городах и населенных пунктах.

Современные композиторы, создающие музыку кино, весьма талантливые люди, что тоже вполне соответствует традициям Индии. Многие песни из кинофильмов не исчезают после проката, а остаются и продолжают жить среди прочей индийской музыки. Такие имена композиторов кино, как Судхир Пхадхе, Анил Бисвас, Хеманта Мукерджи и многие другие, известны и любимы во всей стране. Песенки из фильмов Раджа Капура, гения индийского кино, знают не только в Индии, но и во многих других странах.

Именно музыка кинофильмов положила начало индийской музыкальной поп-культуре. Она имела в своем развитии две тенденции: полное подражание западной музыке с исполнением песен на английском языке и, напротив, инданизация популярных западных мелодий, придание им местного колорита с исполнением песен на хинди либо на языках других штатов. Этот стиль получил даже специальное название – «инди-поп».

Начав своё наступление на индийские традиции, западная поп-культура отвоёвывает большие пространства. Наряду с индийскими поп-исполнителями сегодня в стране весьма популярны американские и европейские певцы, приезжающие на гастроли и путешествующие по всей стране. Однако традиции всегда были, есть и будут в индийской культуре, это в крови жителей Индии.

Среди индийской интеллигенции популярностью пользуется европейская классическая музыка. Интересно, что в самой Индии практически нет оркестров классической европейской музыки. Периодически такие оркестры создаются на радио или телевидении для отдельных программ на короткий срок. Индийцы-почитатели классики с удовольствием посещают гастрольные концерты западных оркестров и исполнителей.

Особое место в музыкальной культуре занимает индийская военная музыка. Её истоки – музыка британских военных оркестров. Многие поколения профессиональных военных музыкантов служат в индийских военных оркестрах. Все ин-

струменты в военных оркестрах западные. Мелодии, исполняемые военными музыкантами, – это кальки английских военных мелодий. В День республики 26 января выступление музыкального сводного оркестра трёх видов Вооружённых сил на параде – ярчайшее зрелище, ожидаемое всей страной каждый год.

Индийская музыка, древняя и современная, дарит миру восхитительные, не похожие ни на что ощущения. Даже те, кто не знаком с индийской философией, попадают под магическое влияние самобытных и гармоничных звуков. Музыка Индии также загадочна и прекрасна, как и вся эта удивительная и притягательная страна.

Список литературы:

Индия сегодня. Справочно-аналитическое издание. РАН, Институт Востоковедения. Центр индийских исследований. М., 2005. – 592 с.

Карташова Т.В. Вокальный жанр тхумри и его место в музыкальной культуре Северной Индии. Электронный ресурс: www.dslib.net/muz-iskusstvo/vokalnyj-zhanr-thumri-i-ego-mesto-v-muzykalnoj-kulture-severnoj-indii.html

Музыка Индии, её история и основные черты. Древний Восток // <https://ancient-east.ru/muzyka=indii-ee-istoriya-i-osnovnye-cherty.html>.

Нет жизни без Кришны. Составитель Н.М. Сазанова. Издательство МГУ им. М.В. Ломоносова, 1992. 300 с.

Ульциферов О.Г. Культурное наследие Индии. М.: АСТ: Восток – Запад, 2005. 875 с.

Chaitanya Krishna. A Profile of Indian Culture. Clarion Books, 1982. 184 s.

Об авторе:

Аксанова Алла Евгеньевна – преподаватель кафедры русского языка как иностранного МГИМО МИД РФ. Квалификация – лингвист, филолог-востоковед, референт-переводчик с языка хинди. Постоянный член семинара «Лингвострановедческий тезаурус и речевое поведение специалиста-международника». Сфера научных интересов: методика преподавания РКИ в группах магистратуры, методика преподавания языка специальности, лингвострановедение и культурология.

MUSIC IN INDIAN CULTURE

A.E. Aksanova

Abstracts. *The article gives an overview of Indian musical art. The author dwells upon history of Indian music, which descends from sacred hymns and songs of ancient India. Music has always been the most important part of Indian life. Religious ceremonies used to play and still play a significant*

role in the life of Indian people. This is the reason why each community has its own musicians and performers of hymns and songs. These songs are mentioned in the most important works of Indian philosophical literature, such as «Rig Veda», «Athharva Veda», «Sama Veda», «Natya Shastra». Music has been an essential part of all Indian holidays since the ancient times till now. With the emergence of Indian theatre the art of singers and musicians comes into high demand. Music has changed with time. However the theory of music and songs presented in ancient books preserved in new forms. Thanks to their careful attitude to classic forms Indian people managed to keep traditions of their music through the centuries.

The work presents a classification of the music, giving specific features of classic and folk music. It also briefly presents Indian musical gamma. Ancient Indian music is a synthetic genre which combines singing, dance and music. Indian music is divided into classic and folk music. The classic music is subdivided into northern and southern branches. The author describes complicated classical music gamma which consists of seven notes. There is also a short description of raga in the article. Raga is the basis of Indian classic music. Raga has wide emotional spectrum. It depicts different feelings, such as joy, happiness, sadness. According to his desire, a musician choses and creates a rich rhythmical composition.

There is also a description of contemporary cinema music and other kinds of modern musical art. An important thing is an unbreakable connection between contemporary and classic music, the preservation of Indian originality in the process of Western influence.

Key words: music, India, tradition, culture, gamma, note, musician, raga, mantra.

References:

Indiya segodnya. Spravochno-analiticheskoe izdanie [India today. Reference and analytical publication]. Moscow, Ariavarta Press, 2005. 592 p. (In Russian).

Kartashova T.V. Vokalnyiy janr thumri i ego mesto v muzyikalnoy culture Severnoy Indii [Vocal genre of thumri and its place in the musical culture of Northern India]. Available at: www.dslib.net/muz-iskusstvo/vokalnyj-zhanr-thumri-i-ego-mesto-v-muzyikalnoj-kulture-severnoj-indii.html (accessed 20 December 2018) (In Russian).

Muzyika Indii, istoriya i osnovnyie chertyi. DrevniyVostok [The music of India, its history and main features. Ancient East]. Available at: <https://ancient-east.ru/muzyka=indii-ee-istoriya-i-osnovnye-chertyi.html> (accessed 20 December 2018) (In Russian).

Net jizni bez Krishnyi [There is no life without Krishna] / Ed. N.M. Sazanova. Moscow, Moscow State University Publishing House, 1992. 300 p. (In Russian).

Ultsiferov O.G. *Kulturnoe nasledie Indii* [Cultural heritage of India]. Moscow, AST: East - West, 2005. 875 p. (In Russian).

Chaitanya Krishna. *A Profile of Indian Culture*. Clarion Books, 1982.184 p.

About the Author:

Aksanova Alla Evgenievna – Lecturer at the Department of Russian as a Foreign Language MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Qualifications – Linguist, Philologist-Orientalist, Referent-Translator of Hindi. Permanent Member of the Seminar “The Linguistic and Cultural Thesaurus and Speech behavior of an International Specialist”. Research Interests: Methods of Teaching RCT in Master's Groups, Methods of Teaching Specialty Language, Linguistic and Cultural Studies.

ИТАЛИЯ: МИР МУЗЫКИ И БЕЛЬКАНТО

Е.В. Орёл

Аннотация. Наиболее сильным мотиватором в изучении итальянского языка является, несомненно, итальянская культура, и немалую роль в этом играет музыка. Именно в Италии тысячу лет назад зародилась современная система нотной записи, музыкальные примечания на итальянском, касающиеся темпа и экспрессии исполнения произведения, а также итальянские термины теории музыки приняты сегодня в большинстве стран мира. Многие названия музыкальных инструментов и музыкальных произведений в европейских языках являются итальянскими заимствованиями.

Италия является родиной оперы: здесь зародился этот жанр, сформировалась сюжетная и музыкальная структура оперного произведения, и вот уже на протяжении 400 лет опера и высокое вокальное искусство являются неотъемлемой частью культуры и жизни итальянцев. Вплоть до начала XX века Италии принадлежало неоспоримое первенство в оперном искусстве. Произведения Россини, Верди, Беллини, Пуччини, Доницетти, Леонкавалло, Масканьи, Понкьелло – это бесценное культурное достояние итальянского народа, его слава и гордость. Оперная публика также является важнейшим участником оперного представления. Еще на заре становления этого жанра именно ее вкусы и предпочтения влияли на формирование той структуры оперного произведения, которая нам известна сегодня.

В Италии существует особо трепетное и взыскательное отношение к опере и вокальному искусству как к одному из важнейших элементов итальянской культуры. Такое отношение, а также традиции, передаваемые из поколения в поколение, помогают поддерживать живой дух итальянской оперы. В итальянских оперных театрах мечтают выступить все вокалисты мирового уровня, так как это является наиболее авторитетным признанием талантов оперных певцов. Опера и оперное искусство бессмертны, пока существует Италия и итальянцы, у которых они часть их души.

Ключевые слова: итальянский, музыка, опера, композитор, театр, публика.

Италию невозможно представить себе без звучащей музыки, без мелодичных песен и оперных арий. Иногда кажется, что сама музыка зародилась на этой земле. Из десяти опер, которые сегодня чаще всего ставятся в театрах мира, шесть – итальянские. Ком-

позитор, оперы которого намного чаще других ставятся на мировых сценах, это Джузеппе Верди – каждый день в мире исполняются две «Травиаты». По всему миру звучит музыка великих итальянских мастеров, а также и итальянский язык, каждый раз подтверждающая, что опер-

ные произведения Верди, Беллини, Пуччини, Россини, Доницетти, Леонкавалло, Масканьи, Понкьелло – такое же культурное достояние итальянского народа, его слава и гордость, как и бессмертные художественные творения Возрождения.

Выдающийся режиссер XX века Франко Дзеффирелли сказал как-то в одном из интервью, что оперное искусство, как великое искусство Микеланджело, не имеет времени. Сикстинская Капелла непосредственно воздействует на чувства и ощущения человека, вызывая в его душе целую гамму переживаний, то же происходит и в опере. Эти творения приближают нас к прекрасному, воспитывают душу. Италия – родина оперы. Именно здесь, на рубеже XVI-XVII вв. начинается история оперного жанра. Два города оспаривают пальму первенства:

– Флоренция, где в 1600 г. по случаю празднования бракосочетания Марии де Медичи и французского короля Генриха IV гостям было показано первое произведение нового жанра – «Эвридика» Якопо Перри;

– и Венеция, где в 1637 г. был открыт первый театр – Сан-Кассиано, где каждый желающий, купив билет, мог присутствовать на оперном представлении.

Опера, которую прежде ставили лишь в придворных театрах и домах аристократов, становилась доступной широкой публике и все более и более популярной. К началу XVIII в. в Венеции уже было более десяти театров, в которых шли как драматические пьесы, так и оперы [Bricchi, 2016]. На протяжении 400 лет опера была неотъемлемой частью культуры и жизни итальянцев, воспитывая восприятие прекрасного, заражая силой и глубиной переживания, даже освобождение от иностранного господства и объединение Италии набирало силу, музыка Джузеппе Верди стала символом этого патриотического движения. Почти в каждой опере композитора современники улавливали политический подтекст и призыв к свободе. На его премьерах, несмотря на присутствие австрийской полиции, публика бросала на сцену красно-белозеленые букеты, символизовавшие

цвета итальянского флага, кричала “Viva VERDI!”. И буквы V.E.R.D.I. – обозначали не только фамилию композитора, но и составляли первые буквы лозунга “Vittorio Emanuele Re D’Italia” (король Виктор-Эммануил II возглавил движение за объединение Италии) [Орёл, 2012].

Va’ pensiero, хор пленных иудеев о потерянной родине из оперы «Набукко», впервые прозвучавший в 1842 г. на премьере в «Ла Скала», стал сразу же гимном патриотов. И с тех пор он является в некотором роде вторым национальным гимном Италии, а в 1990-е гг. даже бытовала идея замены им гимна *Fratelli d’Italia*.

Начиная с XVII и вплоть до XIX вв. итальянский язык был хорошо известен при дворах многих европейских правителей именно благодаря популярности итальянских композиторов, певцов, музыкантов, благодаря опере. Итальянский был «языком оперы», и даже композиторы Гендель и Моцарт, создавали музыку на либретто, написанные по-итальянски. В XVIII в. в Вене работали выдающиеся либреттисты Апостола Дзено и Пьетро Метастазιο, которые внесли огромный вклад в успех итальянской оперы. И в наши дни изучение итальянского является во всём мире обязательным этапом в подготовке оперного певца.

Традиционно в партитурах классической музыки используются итальянские слова в качестве музыкальных примечаний, касающихся темпа и экспрессии исполнения произведения (*allegro, adagio, largo, presto, legato, forte, piano, crescendo* и т.д.). Из итальянского пришли в европейские языки многие названия музыкальных инструментов (*violino, violoncello, viola, pianoforte, clarinetto, oboe, trombone, mandolino* и др.), оперные термины (*belcanto, soprano, tenore, basso, baritono, aria, libretto*), а также термины музыкальной теории и названия музыкальных произведений (*accordo, minore, maggiore, concerto, duetto, canzone, sonata, toccata, fuga* и др.).

Но не только музыкальная терминология пришла к нам из Италии, здесь, а именно в Тоскане, зародилась и сама современная система нотной записи, нот-

ная грамота. В начале XI в. Гвидо Аретинский (Guido d'Arezzo), бенедиктинский монах из тосканского города Ареццо, обучавший певчих исполнению церковных песнопений, придумал способ записывать музыку на бумаге, чтобы её можно было читать с листа. Звуки отмечались заштрихованными квадратиками – нотами (от лат. *nota* – знак), располагавшимися на нотном стане из четырех параллельных линий с буквенным изображением высоты звука. Гвидо д'Ареццо дал название и семи основным звукам, образующим октаву, по начальным слогам первых строк латинского гимна в честь Апостола Иоанна Крестителя:

Ut queant laxis;

Resonare fibris;

Mira gestorum;

Famuli tuorum;

Solve polluti;

Labii reatum;

Sancte Iohannes.

(с лат.: «Чтобы слуги твои голосами своими смогли воспеть чудные деяния твои, очисти грех с наших опороченных уст, о, Святой Иоанн»).

Позднее, в XVI в. слог *Ut* заменили на *Do* (от лат. *Dominus* – «Господь»), слог *Sa* стал *Si* (первые буквы словосочетания *Sancte Iohanne*, «Святой Иоанн»), линий стало пять, знак звука стал не квадратным, а круглым, но принцип, введенный итальянским монахом, остался без изменений [Mioli, 2006]. Его латинская буквенная грамота, простая и удобная, утвердилась как общепринятая в Западной Европе, существует уже тысячу лет, и мы пользуемся ею и сегодня.

До середины XIX в. на территории современной Италии находилось множество государств – крупных, средних, совсем небольших, и правитель каждого из них, ревностно относясь к престижу своего двора, приглашал в свою страну для работы лучших архитекторов, художников, скульпторов, музыкантов. Так, примерно в один и тот же период на протяжении XVIII в. в разных государствах, существовавших тогда на итальянской земле, было создано целое созвездие великолепных театров, которые и сегодня

входят в число лучших оперных театров мира.

Real Teatro di San Carlo – Королевский театр Сан Карло (сегодня просто театр Сан Карло), старейший из действующих сегодня оперных театров не только в Италии, но и во всём мире, был открыт в 1737 в Неаполе, столице Королевства Обеих Сицилий, по инициативе короля Карла XVII. Выдающимися композиторами неаполитанской школы были Доменико Чимароза и Джованни Паезиелло. В XIX в. среди руководителей театра были Джоаккино Россини и Гаэтано Доницетти. В Сан Карло впервые прозвучали 19 опер Доницетти (среди них «Лючия ди Ламмермур»), «Луиза Миллер» Верди, три оперы Россини. «В первое мгновение мне показалось, будто я перенесён во дворец какого-нибудь восточного властителя. Глаза мои ослеплены, душа полна восхищения» – описывал свои первые впечатления от театра Стендаль [Стендаль, 2017].

Всего через три года, в 1740 г., в присутствии Карла-Эммануила III, правителя Сардинского Королевства, состоялось первое представление в Королевском театре Турина (Teatro Regio di Torino). Ещё через двадцать лет в одном из крупных центров Папского государства – Болонье, – открывается Театро Публико (сегодня Teatro Comunale di Bologna). В 1778 г. по воле императрицы Марии Терезии Австрийской в Милане был открыт театр «Ла Скала» (Teatro alla Scala), сегодня самый известный оперный театр в мире. На открытии исполнялась опера Антонио Сальери «Признанная Европа».

С тех пор не было известного певца или певицы мирового масштаба, которые бы не выступали на сцене «Ла Скала». Этот театр стал действительно культовым местом для оперного искусства. Великие композиторы мечтали, чтобы премьеры их опер проходили именно здесь. В «Ла Скала» публика впервые услышала «Набукко» Верди, «Норму» Беллини, «Джонконду» Понкьелли, «Сороку-воровку» Россини, «Турандот» и «Мадам Баттерфляй» Пуччини, а также много других замечательных произведений.

Через четырнадцать лет, в 1792 г. открыл свои двери ещё один знаменитый театр – «Ла Фениче» в Венеции (Teatro La Fenice), «драгоценная деревянная шкатулка, украшенная резьбой и росписью», как называли его современники. В тот год всего пять лет оставалось до падения Венецианской республики, далее – нашествие Наполеона, затем власть Австрии. Любопытным образом эти события отразились в интерьере театра. В эпоху Венецианской республики все ложи были абсолютно одинаковыми, так как все патриции были равны в своих правах. После падения Республики, к визиту Наполеона в 1807 г. на месте шести центральных лож была построена большая императорская ложа, которой затем пользовались и австрийцы.

Вход в венецианский театр Ла Фениче с воды во времена Венецианской республики

В 1848 г. восставшие венецианцы изгнали австрийцев из города и вновь провозгласили республику. Новая республика просуществовала всего год, не устояв перед напором австрийской армии, но за этот год в театре были восстановлены шесть обычных лож. Заняв город, австрийцы вновь обустроили императорскую ложу. Ещё через десяток лет, когда Венеция вошла в состав Итальянского королевства, эта же ложа стала королевской [Орёл, 2012].

На сцене «Ла Фениче» оперой «Танкред» дебютировал Россини и впоследствии написал ещё два произведения специально для этого театра, две оперы написал для него Беллини и пять – Верди, среди них «Травиата» и «Риголетто». За всю историю своего существования «Ла Фениче» два раза был уничтожен пожа-

ром, но, как легендарная птица Феникс, каждый раз «восставал из пепла».

Вход в венецианский театр Ла Фениче с суши в настоящее время

Это лишь некоторые, наиболее известные итальянские оперные театры. Вообще же, по всей стране действует более 60 театров, в которых идут оперы. До сих пор выражение «итальянская опера» является признаком высочайшего мастерства как авторов, так и исполнителей этого жанра. Однако представляется, что вряд ли мог произойти такой расцвет оперного искусства в Италии без совершенно особого отношения к пению и к опере итальянской публики. «Опера у нас в ДНК, я в этом совершенно уверен» [Орёл, 2012] – говорил Лео Нуччи, один из любимых в стране оперных певцов.

Ещё на заре становления этого жанра вкусы публики повлияли на формирование сюжетной и музыкальной структуры оперного произведения: по предпочтению и требованию зрителей авторы старались выбирать сюжеты, более приближённые к жизни, сокращали речитативы и вводили большее количество мелодичных арий, в которых певцы могли продемонстрировать красоту своего голоса и виртуозность мастерства. Особенно полюбившиеся арии исполняли все [Bricchi, 2016].

Верди, готовя премьеру «Риголетто» в венецианском театре «Ла Фениче», заставил тенора поклясться, что тот не только на репетициях, но вообще нигде не будет даже напевать мелодию арии «Сердце красавицы», так как предвидел, что её тут же начнут петь по всему городу гондольеры [Орёл, 2012]. Все знали, что впервые ария герцога прозвучала только на генеральной репетиции, а на

следующее утро её напевала уже вся Венеция. И в наши дни не редкость, например, увидеть в соседней ложе на оперном представлении человека, следящего с фонариком по принесённой из дома партитуре за исполнением оркестра и певцов, или, прикрыв глаза и полностью растворившись в звучащей музыке, невольно дирижирующего рукой.

Но, пожалуй, нигде так не чувствуется совершенно особое отношение итальянцев к опере, как в Парме, небольшом провинциальном городе с населением менее 200 тысяч, расположенном к северо-западу от Болоньи. Его называют городом Верди, ведь родился великий композитор поблизости, в деревне Ле Ронколе, а затем много лет жил в соседнем городке Буссето. Здесь все проникнуто любовью к музыке своего знаменитого соотечественника.

Вот уже шестьдесят лет в Парме существует единственный в своем роде клуб – «Клуб 27-ми». В нём состоят 27 страстно влюблённых в музыку Верди человек – по числу написанных композитором 26 опер плюс Реквием. По вступлении в клуб (а место освобождается только после смерти кого-то из действующих членов) новый участник получает имя по названию одной из опер, и отныне к нему обращаются только так. Эта опера не только даёт ему имя, он должен досконально знать её партитуру, а также всё об этом произведении, об истории его создания, о всех запомнившихся постановках, о выдающихся исполнителях. Члены клуба активно участвуют в многочисленных культурных мероприятиях, принимают гостей, встречаются со школьниками, рассказывая об операх Верди и заражая всех своей любовью к оперной музыке.

Городской легендой стал небольшой ресторан «Тамра Lirica» (Оперная таверна), открывшийся в Парме сразу после войны, в 1946 г., и очень популярный в 1950-е гг. На двери было написано: «Вход только для тех, кто поёт». По пятницам туда приходили не только чтобы поужинать и выпить вина, но и чтобы петь свои любимые произведения. В «Тамра Lirica» приходили как профессиональные певцы

(завсегдатаем был, например, Беньямино Джильи), так и люди, для которых пение было лишь увлечением. Каждый имел возможность исполнить свою любимую арию и затем выслушать дельные советы, а при замечательном исполнении и расплатиться за ужин. Те, кто стеснялся выступать соло, пели в общем хоре *Va' pensiero* из «Набукко» и *Застольную* из «Травиаты» [Орёл, 2012]. Ресторан уже давно закрылся, но память о нём в Парме жива, и в наши дни некоторые заведения пытаются возродить эту традицию. Такие вечера пользуются неизменным успехом.

Ежегодно в сентябре в Парме проходит Фестиваль Верди, на который съезжаются любители оперы со всего мира. Город по этому случаю наряжается, в витринах магазинов выставляют манекены в платьях и костюмах времен Верди, в трёх театрах каждый вечер идут представления, и даже на улицах звучит музыка композитора. Основной сценой пармского Фестиваля Верди является «Театр Реджо» (Королевский), возведённый в 1829 г. по волеизъявлению Марии-Луизы, второй супруги Наполеона Бонапарта. В 1814 г., после отречения Наполеона, Мария-Луиза получила в суверенное владение итальянские герцогства Парму, Пьяченцу и Гуасталлу. Много сделав для Пармы, она заслужила любовь горожан и оставила о себе хорошую память. Период её правления, а правила она 33 года, считается годами расцвета города.

Итак, «Театр Реджо». Единственный провинциальный театр, не уступающий по качеству постановок, уровню исполнителей, многочисленности и уровню подготовки публики самым знаменитым итальянским театрам. Здесь пели Мария Каллас, Тотти Даль Монте, Рената Тебальди, Марио Дель Монако, Беньямино Джильи, Титто Руффо и многие другие знаменитые певцы. Но это и совершенно уникальный театр, «трудный», как о нём говорят. Перед выступлением на этой сцене робеют даже самые опытные и признанные исполнители, так как каждое такое выступление становится серьёзным и жёстким испытанием, которое удаётся пройти далеко не всем.

Всё дело в публике. Пармская оперная публика фанатично предана Верди, музыкально высоко образованна и пристрастна, не прощает и малейших погрешностей ни певцам, ни дирижёру и, самое главное, темпераментно на них реагирует. При этом для неё не существует громких имён и предыдущих заслуг и триумфов. На оплошность исполнителей с беспощадной галёрки (*loggione*) тут же следует реакция: свист, возмущённые выкрики, иногда полные сарказма и юмора, иногда довольно грубые и оскорбительные.

В других театрах такие эпизоды также случаются, но крайне редко. В 1992 г., например, в «Ла Скала» публика освистала Лучано Паваротти на премьере «Дон Карлоса». Певец отнёсся тогда к этому с пониманием, признав в интервью журналистам, что, действительно, ошибся и что такое может случиться с каждым, ведь премьера в «Ла Скала» – это не обычный рутинный спектакль, и в этом его прелесть. Иначе отреагировал известный французский тенор Роберто Аланья на премьере «Аиды» в 2006 г.: возмущённый свистом, он прямо посреди действия ушёл со сцены под крики «Позор!», чего не случалось в театре за всю 230-летнюю историю его существования.

В Парме подобные эпизоды случаются практически каждый год. Время от времени по этому поводу в местной прессе разражаются настоящие полемические баталии, выплескивающиеся иногда и на страницы национальной прессы. Оппоненты завсегдаев галёрки настаивают на том, что выкрики и свист во время выступления нарушают атмосферу спектакля, выводят из равновесия исполнителей и вообще являются признаком невоспитанности, сама же публика с галёрки утверждает, что таким образом настоящие ценители оперы не дают упасть уровню оперного исполнения, стоят на страже высокого искусства. И, видимо, конца этому спору нет.

В последние годы, несмотря на великие оперные традиции, опера в Италии переживает не самые лучшие времена. Италия уступает многим странам по количеству оперных спектаклей, оперные театры, как и многие другие итальянские институты, переживают немалые финансовые проблемы. Однако в 2017 г. специализированный журнал «*Classic Voice*» опубликовал статистику, из которой следует, что количество итальянцев, посещающих оперу, увеличивается, и, что самое важное, на оперу приходит всё больше молодёжи. Так что вряд ли правы бьющие тревогу по поводу того, что опера в Италии постепенно умирает.

В феврале 2018 г. вышел на экраны интересный фильм пармского режиссёра Матео Дзони «Клуб 27-ми» (*Mateo Zoni, «Il Club dei 27»*, 2017). Фильм документальный, на грани реальности и фантастики. Самого себя в нём играет реальный мальчик, живущий в Парме, Джакомо Аньелли. Ему 14 лет, и с 11 лет у него есть одна большая мечта – стать членом «Клуба 27-ми». Он, конечно же, слишком молод, но знаний и настойчивости в достижении цели у него достаточно, вокруг чего и закручивается фабула. Любовь к опере Джакомо привил дедушка, страстный меломан и поклонник Верди. Производят очень сильное впечатление кадры, где мальчик – серьёзно объясняет, почему предпочитает тембр голоса Ренаты Тебальди голосу Марии Каллас; рассказывает, что воспринял как личное оскорбление то, что оперный сезон в «Ла Скала» открыли оперой Вагнера, а не Верди; признаётся в своей любви к Марио дель Монако; прекрасно оперирует в своей речи оперными терминами; и с лёгкостью дирижирует увертюрами и ариями своего кумира.

Слушая его, понимаешь, почему не может в Италии умереть опера: она живёт у итальянцев в душе.

Список литературы:

Орёл Е.В. Мир Венеции. Харьков: Фолио, 2012. 348 с.

Стендаль. Рим, Неаполь и Флоренция. Санкт-Петербург: Азбука, 2017. 448 с.

Bricchi P.G. Il romanzo dell'opera. Un viaggio nell'opera lirica italiana dal «recital cantando» al musical. Asti: Team Service Editore, 2016. 449 с.

Capra M. Il teatro d'opera a Parma. Quattrocento anni, dal Farnese al Regio. Milano: Silvana Editoriale, 2007. 199 с.

Mioli P. La musica nella storia. Bologna: Pàtron 2006. 880 с.

Об авторе:

Орёл Елена Викторовна – к.филол.н., доцент Кафедры романских языков МГИМО МИД Российской Федерации. Научная специализация: диалектология, социолингвистика, лингвокультурология. E-mail: elenaorel2016@mail.ru.

ITALY: THE WORLD OF MUSIC AND BELCANTO

E.V. Orel

Abstracts. *The most powerful incentive in the study of Italian is undoubtedly the Italian culture and music at the forefront. It was in Italy that the modern system of musical notation originated a thousand years ago. The Italian musical notes relating to the tempo and expression of the performance, as well as terms of musical theory are adopted today in most countries of the world. Many names of musical instruments and pieces of music in European languages represent Italian borrowings. Italy is also the birthplace of opera: this genre originated there, the plot and musical structure of opera was formed, and for 400 years opera and high vocal art have been an integral part of Italians' life and culture.*

Up until the beginning of the twentieth century, Italy had an indisputable primacy in the art of opera. Today, operas by Rossini, Verdi, Bellini, Puccini, Donizetti, Leoncavallo, Mascagni, and Ponchielli are performed on the stages of theaters all over the world. This is the invaluable cultural heritage of Italian people, their fame and pride. The opera audience played a crucial role in the formation of the act. At the dawn of the development of this genre, the tastes and preferences of the audience influenced the formation and the structure of the performance that we know today. In Italy, there is a particularly reverent attitude towards opera and vocal art as one of the most important elements of Italian culture. It is this attitude, as well as the traditions passed down from generation to generation, that help to maintain the lively spirit of Italian opera.

Key words: *Italy, Italian language, music, opera, opera audience.*

References:

Oryol E.V. Mir Venecii [World of Venice]. Har'kov: Folio, 2012. 348 s.

Stendal. Rim, Neapol i Florentsiya [Rome, Naples and Florence]. Sankt-Peterburg: Azbuka, 2017. - 448 s.

Bricchi P.G. Il romanzo dell'opera. Un viaggio nell'opera lirica italiana dal «recital cantando» al musical. Asti: Team Service Editore, 2016. – 449 p.

Capra M. Il teatro d'opera a Parma. Quattrocento anni, dal Farnese al Regio. Milano: Silvana Editoriale, 2007. – 199 p.

Mioli P. La musica nella storia. Bologna: Pàtron 2006. - 880 p.

About the Author:

Elena V. Orel – PhD in Philology, Assistant Professor of Roman Languages Department, MGIMO University of Foreign Affairs of Russia. E-mail: elenaorel2016@mail.ru.

МУЗЫКАЛЬНОЕ И ПЕСЕННОЕ НАСЛЕДИЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ПРОГРАММЕ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Е.И. Багузина

Аннотация. *Необходимость изучения иностранного языка и одновременного ознакомления обучающихся с культурой стран изучаемого языка, её историей и современной жизнью являются в настоящее время общепризнанными. В статье уделяется особое внимание усилению культуроведческого компонента при обучении студентов бакалавриата МГИМО английскому языку и развитию их иноязычной коммуникативной компетентности путем интеграции музыкального и песенного наследия народов Великобритании в программу по страноведению. Музыка и песни являются мощным стимулом для усиления мотивации к обучению, воздействуя на эмоциональную сферу учащихся и создавая благоприятную обстановку во время занятия. Они также положительно влияют на восприятие учащимися языкового материала. В статье рассматриваются конкретные примеры заданий к прослушанным песням, которые направлены не только на формирование коммуникативных навыков студентов, но и на развитие их критического мышления и кругозора. Проблема отбора песенного материала с учетом возрастных особенностей учащихся, а также его соответствие учебным целям и задачам курса по страноведению также будет освещена в статье. Все задания и дополнительные материалы, включающие музыкальные видеоклипы и треки, студенты смогут посмотреть, послушать и выполнить задания в режиме онлайн на портале МГИМО, со своих персональных компьютеров и мобильных устройств.*

Ключевые слова: иноязычная коммуникативная компетентность, культураносный компонент, песенное наследие, мотивация, критическое мышление, портал МГИМО, мобильные устройства, кругозор, музыкальные видеоклипы.

На современном этапе, когда в условиях глобализации повышается интерес к отдельным культурам, возникла необходимость в новом подходе к содержанию обучения иностранному языку – необходимость использования страноведческих фоновых знаний (Лапидус, 1986).

Насыщение программы обучения английскому языку студентов бакалавриата факультета МБДА МГИМО такими фоновыми знаниями в области страноведения является основной темой этой статьи. Речь идёт об интеграции музыкального и песенного наследия народов Великобритании в программу языковой

подготовки бакалавров второго года обучения в рамках курса по страноведению «British Studies». Курс рассчитан на два семестра и включает 15 разделов:

- «Страна и люди»;
- «Географическое положение»;
- «Великобритания и её регионы»;
- «Средневековье»;
- «Традиции Великобритании»;
- «Стереотипы Великобритании»;
- «Идентичность»;
- «Классовая принадлежность и акценты»;
- Образование»;
- Государственное устройство и парламент»;
- «Международные отношения»;
- «Выборы».

В статье подробно рассмотрена интеграция музыкального и песенного наследия Великобритании в первом семестре. Контроль полученных знаний осуществляется устно поурочно, и письменно – по завершении изучения каждого раздела. В конце первого и второго семестра студенты пишут контрольную работу по всему пройденному материалу. «История музыкальной культуры Англии отличается особенным своеобразием. Одна из первых стран в Европе, Англия прославилась многоголосным пением ... Эпическими и героическими песнями-балладами ...» (Музыкальная культура, 2013:3-95). Представляется целесообразным включить в учебный процесс такие музыкальные и песенные материалы, которые наилучшим образом расширяли бы знания студентов по предмету и вызвали интерес к культуре народов Великобритании, параллельно совершенствуя их коммуникативные навыки.

Например, первые три раздела курса «Страна и люди», «Географическое положение», «Великобритания: Англия, Шотландия, Уэльс и Северная Ирландия» позволяют уделить основное внимание народной музыке и песенному наследию, развивая навыки аудирования. Включая в план занятий прослушивание и обсуждение того или иного музыкального произведения, следует учесть критерии его отбора (Simpson, 2015):

- оно должно соответствовать теме занятия;
- не должно быть длительным по времени;
- должно включать лексико-грамматические явления, которым преподаватель считает нужным уделить особое внимание;
- учитывать возрастные особенности учащихся, сферу их интересов;
- вызывать у студентов положительные эмоции.

Для первых разделов курса следует выбирать для прослушивания эпические и героические песни-баллады, которые создавались бардами-поэтами и певцами. Традиционная тематика песен-баллад – подвиги рыцарей и простых борцов за свободу (в Шотландии за свободу от английской зависимости), нелёгкие будни фермеров. В народных песнях Англии прославляются подвиги короля Артура, легендарного предводителя бриттов в борьбе против завоевателей, и Робин Гуда – знаменитого предводителя разбойников в Шервудском лесу. Фольклор народов Великобритании изобилует множеством сказочных персонажей: драконами, духами, призраками, домовыми и прочими мифологическими существами, с которыми студенты познакомятся во время просмотра видеоклипов или прослушивания саундтреков.

Интересно было бы показать и музыкальные видеоклипы с народными песнями и танцами разных жанров, таких, как кэрол, джигга, шанти, хорнпайп, которые сформировались на основе традиционных английских песен, послушать звучание традиционных музыкальных инструментов – волынки (официальный инструмент военных оркестров и церемоний), вистла (духовой деревянный музыкальный инструмент), кельтской народной дудки, английского рожка.

К любимым музыкальным инструментам Шотландии, безусловно, относятся кельтская арфа и волынка [Flower of Scotland, 2014]. Среди самых популярных ирландских музыкальных инструментов можно выделить: бойран, гитару ирландский бузуки, ирландскую скрип-

ку, флейту, ирландскую волынку, кельтскую арфу, аккордеон, банджо и губную гармонику. Особенно интересно было бы для студентов послушать, как звучат песни Уэльса на валлийском языке, который является основным символом страны наряду с любимым музыкальным инструментом – арфой.

Примером использования такого музыкального видеоклипа может стать музыкальный клип с исполнением баллады Ив Гудман на валлийском языке с построчным переводом слов на английский язык [Goodman, 2010]. Необходимо включить в план видео клипы с исполнением национального гимна Великобритании “God Save the Queen”, гимнов Англии – “Land of Hope and Glory” и “Jerusalem”, патриотической английской песни “I Vow to Thee, My Country” [English Patriotic Song, 2017].

Для следующих трёх разделов «Эпоха средневековья», «Стереотипы Великобритании», «Традиции Великобритании» представляется эффективным интегрировать в курс произведения английских полифонистов, клавирную музыку, музыку театра, вокально-инструментальную музыку, видеоклипы с музыкой в пьесах Шекспира, что, безусловно, станет дополнительным стимулом для изучения английского языка и расширит кругозор учащихся. Что касается исполнения песен, то хорошим выбором стали бы Рождественские песни (Christmas Carols), которые являются неотъемлемой частью культурного наследия народов Великобритании.

Они мелодичны, лиричны и жизне-радостны, в них часто используются повторы, что облегчает запоминание слов, и они содержат языковые обороты, часто используемые в речи. Многие Рождественские песни приобрели поистине глобальное признание и любовь. Перечислим некоторые из них: «Jingle Bells», «Coventry Carol», «Silent Night», «The Holly and the Ivy». Взяв Рождественскую песню «Тихая ночь» («Silent night») для прослушивания и пения, на занятии можно провести интересную дискуссию, обсудив ряд вопросов, а именно:

1) О чём эта песня?

2) Что означает слово «carol»? (В английском языке слово «carol» означает «праздничная песнь». Преподаватель может рассказать студентам об этимологии этого слова: оно восходит к старофранцузскому «carole» – так в Средние века называли танец, при котором все вставали кругом, держась за руки [Школьные рождественские песни, 2015];

3) Знаете ли Вы, что “Тихая ночь” послужила толчком к перемирию во время Первой мировой Войны? (Эту песню знала вся Европа, все солдаты враждующих окопов);

4) Кто и когда написал песню? (Песня родилась в Австрии, текст песни был написан священником Йозефом Мором в 1816 г., а Франц Грубер написал музыку в 1818 г.);

5) Почему рождественские песни важны и по сей день для людей всего мира?

Преподаватель может раздать студентам слова песни до начала прослушивания для опоры при пении, а также объяснить значение непонятных слов. Студенты смогут использовать распечатки со словами песни для ответа на вопросы преподавателя и последующей дискуссии, – или для работы в парах. Студенты могут попробовать сами написать ещё один куплет песни (или несколько куплетов, свою рождественскую песню), написать сочинение на тему рождественских песен, создать свой видеоклип, подготовить выступление или презентацию.

В процессе работы над разделами курса «Идентичность и стереотипы», «Особенности национального характера», «Классовая принадлежность и акценты» будет уместным включить в поурочный план песни, исполняемые на английском языке с различными акцентами (например, кокни (англ. Cockney – тип лондонского просторечия, сленг жителей Ист-Энда), любимые произведения молодёжи из репертуара таких групп, как Квин, Битлз и др. [Learn English With Music, 2012]. Репертуар группы Битлз стал символом музыки для молодёжи, тексты имеют социальную направленность, они

интересны и близки современным молодым людям – например, особой любовью из репертуара Битлз, которую возможно послушать и обсудить на занятии, пользуется песня – «We can work it out!» [The Beatles, 2018].

Эта песня подойдёт для работы на уроке: она звучит около двух минут (не займёт много времени на уроке), темп исполнения песни средний, отчётливое произношение исполнителей облегчает понимание (легко будет и повторить слова). В песне содержится много часто употребляемых оборотов, таких как: “time will tell” (время покажет), “to fuss and fight” (устраивать шумные разборки), – “to work smth. out” (разобраться с чем-то, решить вопрос).

Тематика песни позволяет мотивировать студентов к дискуссии на занятии. Преподаватель может задать ряд вопросов, ответы на которые расширят кругозор учащихся и будут способствовать развитию их критического мышления. Например:

Знаете ли вы как появилось название группы? (Если произносить название группы вслух, то оно имеет то же произношение, что и слово “beetles”, которое переводится как “жуки”, однако при написании названия сразу же обращает на себя внимание корень слова “beat” (бить, бит).

О чём эта песня? Только о взаимоотношениях между девушкой и молодым человеком?

Насколько важно уметь договариваться в современном мире?

Преподаватель также может дать студентам различные задания, рассчитанные на развитие навыков письма: напишите эссе, сочинение о любимой песне из репертуара группы, о самой группе; напишите заметку в молодёжный журнал; создайте свой видеоклип о Битлз, стенгазету, плакат, презентацию на английском языке и др.

Интересно, что “даже с распадом группы Битлз, их эмоциональное воздействие на молодых людей оказалось огромным, они стали явлением в жизни чуть ли не всей планеты, тираж дисков

с их песнями исчисляется десятками миллионов экземпляров [Музыкальная культура, 2013:87-95]. Как объяснить это явление?

Хотелось бы добавить, что в программу по страноведению второго семестра желательно включить материалы, непосредственно связанные с музыкальной жизнью Великобритании сегодня, так как тематика разделов непосредственно связана с происходящими в стране в настоящее время процессами, а именно: «Британия сегодня», «Образование», «Международные отношения», «Государственное управление». В этой связи возможно интегрировать в программу видеокурс «Culture View» (Раздел «Музыка») издательства Макмиллан, который расширит знания учащихся о современной Великобритании и её музыкальном наследии.

При отборе материала необходимо учитывать и то, что интересно российским студентам: какая музыка пользуется популярностью у британской молодёжи, какие музыкальные инструменты любимы и по сей день, какие музыкальные площадки известны и любимы в стране, особое внимание уделить популярным исполнителям и жанрам, фестивалям классической и современной музыки. В разделе «Музыка» видеокурса даётся обзор основных музыкальных направлений и концертных площадок страны, который можно расширить и конкретизировать в рамках программы.

Отдельно нужно рассказать о фестивале классической музыки в Королевском Альберт Холле и послушать классические произведения, а также о популярном рок фестивале в Гластонбери. Что касается контроля полученных знаний, то его можно провести в форме устных презентаций, круглых столов, диалогов; и в письменной форме – в виде занимательных кроссвордов, упражнений на множественный выбор, написание творческих работ и обзоров. Интересно будет посмотреть фильмы из национального архива (например, о национальном танце-чечётке в Уэльсе, исполняемый под аккомпанемент арфы и пользуя-

щийся огромной популярностью и по сей день) [Clog Dance, 2017].

В заключение следует отметить, что интеграция музыкального и песенного наследия в программу обучения английскому языку позволит повысить мотивацию студентов к изучению культуры и истории, а также современной жизни Великобритании, воздействуя на эмоциональную сферу учащихся и создавая благоприятную обстановку во время занятия. Все материалы курса будут размещены на портале МГИМО, таким образом, студенты смогут посмотреть и послушать их в режиме онлайн со своих мобильных устройств.

Преподаватель сможет отобрать нужные ему материалы и задания для работы со студентами в аудитории, либо задать их для самостоятельной работы, чтобы на следующем занятии проверить их выполнение в устной форме (фронтальный или индивидуальный опрос), либо в письменной форме (тест или другая форма самостоятельной работы). Курс позволит преподавателю сэкономить время на занятии и одновременно интегрировать дополнительные материалы по страноведению, тем самым содействуя развитию иноязычной коммуникативной компетентности студентов.

Список литературы:

Лapidус Б.А. Проблемы содержания обучения языку в неязыковом вузе. М.: Высшая школа, 1986. 144 с.

Музыкальная культура и искусство Великобритании. Часть IV. История английской музыки [Электронный ресурс]. URL: /http://school.podvorye.ru/library/arts/4-eng.doc (дата обращения: 12.12.2018).

Школьные рождественские песни. Плейлист с текстом. Дети любят петь [Электронный ресурс]. URL: <http://youtu.be/AhK6640u21k> (дата обращения: 12.12.2018).

Clog Dance (1959) BFI National Archive [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/YGRn1XDYIVc> (дата обращения: 12.12.2018).

English Patriotic Song – I Vow to Thee, My Country [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/06ZvyOSy5A> (дата обращения: 12.12.2018).

Flower of Scotland. Scots Guards-Lucca Philharmonic Orchestra. Рус... [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/VxAvx ODKj5A> (дата обращения: 12.12.2018).

Goodman Eve – DacwNgharid (Welsh folk song) [Электронный ресурс]. URL: <http://youtu.be/Nrkgd-jObVAo> (дата обращения: 12.12.2018).

Simpson A.J. How to use songs in the English language classroom. British Council [Электронный ресурс]. URL: <https://www.britishcouncil.org/voices-magazine/how-use-songs-english-language-classroom> (дата обращения: 12.12.2018).

Songs for English Fluency [Learn English With Music] [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/1ebSUtMoYPw> (дата обращения: 12.12.2018).

The Beatles – We Can Work it Out [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/Quyqlo AV2M> (дата обращения: 12.12.2018).

Об авторе:

Багузина Елена Ильинична – к. пед. н., доцент кафедры английского языка N4 МГИМО. 119454, г. Москва, Проспект Вернадского, 76. Сфера профессиональных интересов: интеграция интернет и цифровых обучающих технологий в процесс обучения английскому языку студентов вуза, развитие иноязычной коммуникативной компетентности и критического мышления посредством веб-квест технологии; современные методы оценивания знаний. E-mail: baguzinaei@gmail.com.

INTEGRATING MUSIC AND SONG HERITAGE OF GREAT BRITAIN INTO THE ENGLISH LANGUAGE CLASSROOM

E.I. Baguzina

Abstracts. *The importance of teaching a foreign language alongside with its culture, history and modern life has been universally acknowledged. The article focuses on integrating music and songs of Great Britain into the English language training program for MGIMO undergraduate students as a means of developing their foreign language communicative competence. Music and songs appear to be powerful incentives for enhancing students' motivation to learn by positively impacting their emotions and creating a favorable learning environment. There are several examples of pieces of music, songs and tasks to follow that would arouse students' interest and improve their language skills as well as their critical thinking, creativity and broaden their horizons. Another major issue dealt with in the article is the process of selecting songs for a particular age group of students with a focus on British Studies integrated into the English language training program. By highlighting the cultural component in the English language classroom, educators emphasize the significance of the communicative function of a foreign language that is particularly important for students specializing in international relations. Students will be able to access all supplementary learning materials, i.e. audio tracks, music video clips, creative task on MGIMO portal via their PCs and mobile devices.*

Key words: *foreign language communicative competence, culture component, music and song heritage, motivation to learn, critical thinking, students specializing in international relations, MGIMO portal, mobile devices, selection of songs, outlook, music video clips.*

References:

Lapidus B.A. *Problemy soderzhaniiia obucheniiia iazyku v ne iazykovom vuze* [Problems of foreign language teaching in a non- linguistic university]. Moscow, Higher School, 1986. 144 p. (In Russian)

Muzykal'naja kul'tura i iskusstvo Velikobritanii. Chast' IV. Istorija anglijskoj muzyki [Musical culture and art of Great Britain. Part IV. History of English music]. Available at: <http://school.podvorye.ru/library/arts/4-eng.doc> (accessed 12 December 2018) (In Russian).

Shkol'nye rozhdstvenskie pesni. Pleilist s tekstom. Deti liubiat pet' [Christmas carols for school. Playlist and lyrics. Children like to sing]. Available at: <http://youtu.be/AhK6640u21k> (accessed 12 December 2018) (In Russian).

Clog Dance (1959) BFI National Archive. Available at: <https://youtu.be/YGRn1XDYIVc> (accessed 12 December 2018).

English Patriotic Song – I Vow to Thee, My Country. Available at: <https://youtu.be/o6ZvyOSy5A> (accessed 12 December 2018).

Flower of Scotland. Scots Guards-Lucca Philharmonic Orchestra. Puc... Available at: <https://youtu.be/VxAvx ODKj5A> (accessed 12 December 2018).

Goodman Eve – DacwNgharid (Welsh folk song). Available at: <http://youtu.be/NrkgdjObVAo> (accessed 12 December 2018).

Simpson A.J. *How to use songs in the English language classroom. British Council.* Available at: <https://www.britishcouncil.org/voices-magazine/how-use-songs-english-language-classroom> (accessed 12 December 2018).

Songs for English Fluency [Learn English With Music]. Available at: <https://youtu.be/1ebSUtMoYPw> (accessed 12 December 2018).

The Beatles – We Can Work it Out. Available at: <https://youtu.be/Qyclqo AV2M> (accessed 12 December 2018).

About the Author:

Elena I. Baguzina – PhD in Pedagogics, Associate Professor of the English Department at the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Prospect Vernadskogo, 76, Moscow, 119454. Her research areas include integration of Internet and digital technologies into teaching English for university students, development of students' foreign language communicative competence and critical thinking by means of WebQuests as well as comprehensive methods of learning oriented assessment.

ВПЕРЕД И С ПЕСНЕЙ: ИЗУЧАТЬ ИТАЛЬЯНСКИЙ CON ANIMA И PASSIONE

Л.Е. Нагорнова

Аннотация. В статье рассмотрен феномен итальянского языка в мировой музыкальной традиции и итальянской песни в мировой культурной истории. Итальянская песня и запоминающийся язык современных музыкальных терминов – яркий культурный образ Италии, способствующий интересу к стране и её языку. Рассмотрен исторический аспект распространения в Европе современной итальянской песни, которая родилась в процессе творческого освоения и переработки регионального итальянского музыкального материала, прежде всего Неаполя и Венеции. Сначала для западных европейцев, а потом и для России, музыка зазвучала по-итальянски, заговорила по-итальянски и писалась на нотном стане по-итальянски.

Это стало одной из главных причин приобщения населения Европы, и в том числе России, к итальянскому языку.

Итальянский язык стал основой специальных терминов, используемых для описания музыкальных произведений. С первого шага музыкального образования человек сталкивается с «итальянской» музыкальной терминологией. Это охватывает как профессиональную, так и любительскую музыкальную среду и формирует широкий интерес к изучению итальянского языка.

В статье показано, как в России, а ранее в СССР, через познание итальянской музыкальной и песенной культуры, погружение в песенный материал сформировался стимул к осознанному и уверенному освоению итальянского языка. Дан анализ того, как интерес к итальянской песне трансформировался в современной России в интерес к итальянскому языку, позволил преодолеть возникновение эрзац-языка в коммуникативном и культурном обмене россиян и итальянцев в пользу живого итальянского языка, создал предпосылки к изучению итальянского языка на основе оригинального песенного материала Италии.

Итальянская песня стала для россиян проводником в изучении итальянского языка.

Ключевые слова: Италия, Россия, коммуникация, итальянская песня, музыкальные термины, изучение итальянского языка.

Современный мир – уникальное пространство разных народов и различных культур, где общественно-социальные, культурные и деловые коммуникации предстают явлением, которое объединяет в сообщества единомышленников миллионы людей на планете. Межнациональные коммуникации в современном мире являются деловым и культурным трендом, занимают ведущее положение в практике культурных контактов. Знание языка другой страны в контексте её культуры, политики и быта, народных традиций – залог эффективности коммуникаций [Нагорнова, 2017:120-131].

Создание эмоционального фона в изучении языка другой страны для успешных контактов людей внутри страны и между странами, включение в процесс обучения информации, которая позволяет людям лучше понять и услышать друг друга, – залог эффективного освоения иностранного языка. Культурная палитра международных контактов формирует образы, позволяющие понять национальный характер и национальную принадлежность. Это тот фон, на котором успешно реализуются современные технологии культурных коммуникаций: образы обеспечивают крепкие связи больших человеческих сообществ и отдельных людей; образы порождают сильные эмоциональные реакции.

У итальянцев и россиян много общего в историческом взгляде на собственную историю и собственное значение для мировой истории. Русская и итальянская идентичность выросли на фундаменте великих культур. Итальянская и русская опера – два блестящих феномена мировой музыкальной культуры и мировой сцены. Итальянцы – поющая нация, и через познание итальянской музыкальной и песенной культуры, погружение в песенный материал и «итальянский язык» мировой музыки можно прийти к осознанному и уверенному освоению итальянского языка.

Итальянская музыка и, прежде всего, итальянская песня, выросли из народных недр и дают яркий образ души народа и

языка, на котором он говорит. Если широко взглянуть на проблему изучения иностранного языка, то мы можем найти примеры, когда через песенный материал формировался интерес к изучению языка. Сколько советских граждан освоили английский, стремясь понять, о чём поют «Beatles»? Сколько влюбилось в итальянский язык благодаря вдохновенному пению Робертино Лоретти, Адриано Челентано, Тото Кутуньо!? Таким образом, хорошим стимулом для россиян к изучению итальянского языка может быть стремление понять истоки и корни музыкальной культуры, где бытуют терминология на итальянском языке, и любовь к итальянской песне.

Современная итальянская песня родилась в процессе творческого освоения и переработки регионального музыкального материала и стала феноменом мировой песенной культуры. На исходе Ренессанса и с начала Нового времени, когда:

- европейцы утомились ходить друг другу в гости с пушками и пиками;
- экономический расцвет в итальянских городах, в Испании и во Франции позволил расцвести искусствам;
- владетельные сеньоры и короли украсили свои дворцы плодами расцветших искусств;
- перерывы в войнах дали им досуг, а охота и пышные застолья (те самые, раблезианские) уже не позволяли заполнить этот досуг, тогда Европа запела.

И запела она итальянскими голосами. Там, в Италии раздались эти звуки под волшебные звуки скрипок (тех самых, итальянских, которые со временем прославят имена Амати, Страдивари и Гварнери), там появилась опера, там зазвучали тарантеллы и мадригалы. И, услышав эти голоса, Европа выдохнула: «Bel Canto!» И с тех пор по городам и весям Европы заколесили итальянские премьеры и примадонны, и не осталось в Европе даже маленького городка, где бы местная публика, вслушиваясь в эти итальянские голоса, не кричала в исступлении и восторге: «Bravo!» Так и состоялось, приобщение европейцев к итальянскому языку.

Традиции домашнего музицирования родились и распространились в Италии среди городских и деревенских жителей в эпоху Возрождения. Простые селяне и горожане собирались в импровизированные кружки любителей народной музыки и пения, играли на различных инструментах, с упоением сочиняли слова и новые мелодии. Песни получили широкое распространение среди всех слоёв населения Италии и зазвучали повсюду. Они стали основой итальянской песенной и танцевальной культуры [Друскин, 1936].

«Музыка Ренессанса ныне вызывает всё больший интерес, но ещё остаются целые пласты культуры, не попавшие в поле зрения исследователей. Один из таких пластов – жанры лёгкой музыки. В своё время они были столь популярны, что их вполне можно считать «хитами» XVI в. Например, один только сборник пятиголосных балетто Гастольди и только в одной Венеции переиздавался двадцать (!) раз! А ведь были ещё его переиздания в других итальянских городах и за пределами страны, в частности, в Германии, Англии и даже в Шотландии» [Бедуш, 2006: 42-44].

Находясь несколько в стороне от этих процессов, Россия ждала, пока Пётр Первый не распахнёт «окно в Европу», а следующие правители откроют двери, ворота и дороги для активного культурного обмена. По этим дорогам итальянская музыка добралась до России. В столичных городах появилась опера. И надо напомнить, что опера пришла в Россию раньше, чем университеты. Путь к сердцам россиян был быстрый, они были завоёваны сразу и навсегда, хотя само становление оперных театров и не было гладким [Боголюбова, 2014:80-83].

Принято считать, что итальянская песня выросла из неаполитанской народной песни, расцвет которой приходится на XIX в. В это время появилась, самая знаменитая итальянская песня – «Санта Лючия». Она написана в жанре баркаролы, песни лодочника, исполнялась на

неаполитанском диалекте и воспевала красоты городка на морском побережье – Санта Лючия. Эта неаполитанская песня первой была переведена с регионального диалекта на литературный итальянский язык.

Наряду с южным итальянским городом Неаполем, песенными традициями славится и северная жемчужина Италии – Венеция. Мы сразу вспоминаем о мелодичных и распевных песнях гондольеров в жанре баркарола. (Обратим внимание – неаполитанская «Санта Лючия» тоже баркарола, что говорит о смешении и преемственности региональных итальянских песенных жанров.)

«Странно, но до XVIII в. баркарола не получала должного внимания со стороны профессиональных музыкантов. В следующем столетии, однако, это упущение было наверстано с лихвой. Чайковский, Мендельсон, Шопен, Глинка – лишь малое число музыкальных гениев, которые были покорены венецианской народной песней и включили её мотивы в свои бессмертные произведения»¹. Сюда следует отнести русских гениев Чайковского и Глинки, которые считаются основоположниками русской национальной оперы.

Для русской публики, которая слушала итальянскую оперу, она не была «тарабарщиной под музыку». Двухязычность и даже многоязычность была в кругу образованных и просвещённых россиян скорее нормой, чем исключением. Италия не была страной за семью горами: её посещали и русские художники, и архитекторы, и музыканты. А многие представители русского высшего света имели там дома и постоянно проживали в Италии. Музыка звучала по-итальянски, говорила по-итальянски, и писалась на нотном стане по-итальянски.

Интересны исторические аспекты использования итальянского языка в музыкальной теории и практике. Он стал основой специальных терминов, используемых для описания музыкальных компонентов. Поэтому термины, которыми

¹ <http://penisola.org/kultura/muzy-ka/ital-yanskaya-narodnaya-pesnya.html#ixzz5ZjkQOAzB>

оперируют современные отечественные исполнители классической музыки, отражают влияние итальянского языка. Наверное, самый известный широкой публике музыкальный термин *a cappella*, дословно переводится как «в церкви», появился в средневековой Италии. В храмах церковный хор исполнял песнопения без аккомпанемента музыкальных инструментов.

С первого шага музыкального образования мы сталкиваемся с «итальянской» музыкальной терминологией:

Музыкальные термины имеют корни не только итальянского, но и других языков, например французского. Но итальянские термины доминируют, составляя, по мнению специалистов, до 90% от их общего числа. При этом очевидно прослеживается связь с литературным итальянским языком. Как считает О.С. Петровская, «музыкальная исполнительская терминология является частью общепотребительного языка, что подтверждается преобразовательными процессами, происходящими в ней:

- междисциплинарностью (акустикой, вибрацией, гаммой, анализом);
- терминологизацией (гармонией, фальшью, портативностью);
- детерминологизацией (полифонией, тоном, паузой, партией)» [Петровская, 2009].

Всё сказанное выше подтверждает, что итальянский язык – это язык музыки, язык музыкальных терминов, язык музыкального исполнения, язык теории музыки. Интерес в целом к изучению и освоению музыкальной культуры, несомненно, стимулирует к изучению итальянского языка.

В СССР интерес к итальянской песне был очень велик. Самые яркие примеры – Сергей Лемешев и Муслим Магомаев. Кроме «Санта Лючии» в нашей стране знаменита и другая неаполитанская песня «*Dicitencello vuie*», у нас известная как «Скажите девушки подружке вашей». Композитор Родольфо Фальво и автор

слов Энцо Фуско написали её в 1930 г. Одним из первых версию на русском языке исполнил Сергей Лемешев. Не обошёл её своим вниманием и Дмитрий Хворостовский.

В репертуаре Муслима Магомаева было много итальянских песен, которые он пел так, что мы воспринимаем это как оригинальное аутентичное исполнение. «Не будет преувеличением сказать, что из всех отечественных исполнителей итальянской песни Муслим Магомаев отличается особой верностью, приближёностью к оригиналу. У него есть всё, что необходимо для полноценного, стилистически точного воплощения итальянской музыки: красивейший тембр голоса, драматическая экспрессия, тонкая музыкальность, поразительная чуткость к вокальной краске, динамическим оттенкам...»².

Однако исполнение не всегда идёт на языке оригинала. Самый убедительный пример – знаменитая «*Bella ciao!*». «Белла чао» (итал. *Bella ciao* — Прощай, красавица) – народная итальянская песня, исполнявшаяся участниками движения Сопротивления в Моденских горах во время Второй мировой войны и получившая широкую мировую известность в конце 1940-х гг.³

Эта песня в изменённом виде («Мама, чао! Мама, чао! Мама, чао, чао, чао!») входила в школьную программу уроков музыки по системе Дмитрия Кабалевского. На эстраде по-итальянски и по-русски классическую «*Bella ciao!*» можно было услышать в исполнении Муслима Магомаева. В приведённой ниже таблице даны для сравнения оригинальный итальянский текст и два перевода, адаптированные для школьников и для эстрады.

Переводы отражают оригинальный текст весьма приближённо. Отметим, что звучала на нашей эстраде и другая популярная итальянская песня - *Bandiera rossa* (Бандьера россса), перевод текста которой также не вполне отражает оригинал.

² <http://www.muslimmagomaev.ru/node/1383>

³ https://ru.wikipedia.org/wiki/Белла_чао

Bella ciao!	Мама, чао! русский текст Александра Тверского	Белла чао слова Анатолия Горохова
<p>Una mattina mi son svegliato, o bella, ciao! bella, ciao! bella, ciao, ciao, ciao! Una mattina mi son svegliato ed ho trovato l'invasor. O partigiano, portami via, o bella, ciao! bella, ciao! bella, ciao, ciao, ciao! O partigiano, portami via, ché mi sento di morir. E se io muoio da partigiano, o bella, ciao! bella, ciao! bella, ciao, ciao, ciao! E se io muoio da partigiano, tu mi devi seppellir. E seppellire lassù in montagna, o bella, ciao! bella, ciao! bella, ciao, ciao, ciao! E seppellire lassù in montagna sotto l'ombra di un bel fior. E le genti che passeranno o bella, ciao! bella, ciao! bella, ciao, ciao, ciao! E le genti che passeranno Mi diranno «Che bel fior!» È questo il fiore del partigiano, o bella, ciao! bella, ciao! bella, ciao, ciao, ciao! È questo il fiore del partigiano morto per la libertà!⁴</p>	<p>Я проснулся сегодня рано. Мама, чао! Мама, чао! Мама, чао, чао, чао! Я проснулся сегодня рано В нашем лагере в лесу. Светит солнце, сияет жарко. Мама, чао! Мама, чао! Мама, чао, чао, чао! Светит солнце, сияет жарко, В гости к солнцу я иду. Шлю отчизне букет огромный. Мама, чао! Мама, чао! Мама, чао, чао, чао! Шлю отчизне букет огромный — Свою родину люблю.⁵</p>	<p>Прощай, Лучия, грустить не надо, О белла чао, белла чао, белла чао, чао, чао Я на рассвете уйду с отрядом Гарибальдийских партизан Отряд укроют родные горы, О белла чао, белла чао, белла чао, чао, чао Прощай, родная, вернусь не скоро Нелегко путь у партизан И ждут фашистов в горах засады, О белла чао, белла чао, белла чао, чао, чао Здесь будут биться со мною рядом Мои друзья из разных стран Нам будет трудно, я это знаю О белла чао, белла чао, белла чао, чао, чао Но за свободу родного края, Мы будем драться до конца!</p>

Второй всплеск интереса к итальянской сцене связан с активной концертной деятельностью итальянцев в СССР 1980-х гг. Джанни Моранди, Тото Кутуньо, Адриано Челентано, Ричи энд Повери, Аль Бано и Ромина Пауер ... Красиво, но без знания языка не понятно, а также с песенными фестивалями, самый известный из которых для российского слушателя – фестиваль в Сан Ремо. Важно отметить роль средств массовой коммуникации – радио, пластинки, телевизор и кино.

Распространение этих песен было результатом народной самодеятельности, песен у костра, на вечеринках и даже на демонстрациях. Они переписывали иностранные слова русскими буквами. Появлялись доморощенные переводы, а чаще пересказы, или даже альтернативные тексты. Некоторые иностранные слова оставались как рефрен, как припев. Возникло интересное явление – суррогатный заменитель иностранного языка, эрзац-французский или эрзац-итальянский. Официальная культура активно пользовалась этим приёмом.

Например, в популярной песне французских рыбаков была строчка «Се ля ви» (То есть, c'est la vie), се ля ви. «Такова жизнь.» Это же можно сказать и про итальянский пример «Bella ciao!», которая звучала в изменённом виде («Мама, чао! Мама, чао! Мама, чао, чао, чао!»). Явление эрзац-языков имело место и в исполнении классических неаполитанских народных (и не только народных) песен.

Гастроли итальянских певцов стали нормой. Итальянский язык стал доступнее и понятнее. Итальянцы пели свои песни на родном языке, и чтобы донести их песни до каждого, теперь не нужны были посредники-переводчики.

Итальянская песня стала проводником итальянского языка. История совершила виток: итальянская опера, итальянские певцы – доступность понимания языка для избранного общества – эрзац-заменители - итальянские певцы, итальянская эстрада – широкий интерес к итальянскому языку и возможности его изучения.

⁴ <https://lyricstranslate.com/ru/bella-ciao-прощай-красавица.html>

⁵ Песни нашего детства / Сост. М.В. Васильева. 2-е изд. Челябинск: Аркаим, 2004.

Взаимная любовь к музыке — одна из самых характерных особенностей двусторонних отношений между Италией и Россией, которые в этой сфере насчитывают четыре столетия [Кириллина, сост., 2017]. Интерес к итальянской песне и к итальянскому языку объединились в

оригинальных обучающих методиках, где в основе лежит популярная итальянская песня.^{6, 7} Теперь изучать итальянский язык *con anima* и *passione*, с воодушевлением и страстно, мы можем на основе богатого песенного наследия Италии.

Список литературы:

Бедуш Е. Хит-парад XVI века: виланелла, канцонетта, балетто // Музыка и время. 2006. № 9. С. 42-44.

Боголюбова Н.М. Итальянский оперный театр в Санкт-Петербурге // Вестник СПбГУК. 2014. № 3 (20). С. 80-83.

Друскин М.С. Очерки по истории танцевальной музыки. Л.: Ленинградская филармония, 1936. 208 с.

Италия-Россия: четыре века музыки / Ред.-сост. Л. Кириллина. М.: Посольство Италии в Москве, 2017. 440 с.

Нагорнова Л.Е. Общность итальянского и российского патриотизма как основа успешной межнациональной коммуникации двух народов. // Коммуникология. 2017. Т. 5. № 6. С. 120-131.

Петровская О.С. Формирование и развитие музыкальной терминологии исполнительского искусства: на материале русского, итальянского, английского, французского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс]. Ростов-на-Дону, 2009. URL: <http://www.dissertat.com/content/formirovanie-i-razvitie-muzykalnoi-terminologii-ispolnitelskogo-iskusstva-na-materiale-russk#ixzz5ZjpyNmi3> (дата обращения: 3.12.2018).

Об авторе:

Нагорнова Лада Евгеньевна – к.психол.н, доцент Кафедры романских языков Московского государственного института международных отношений (университета) МИД РФ. Россия, 119454, г. Москва, Проспект Вернадского, 76. Специализируется на преподавании общего языка, экономического и общественно-политического перевода, перевода по специальности «Связи с общественностью». E-mail: l.nagornova@inno.mgimo.ru.

ALONG WITH THE SONG: LEARN ITALIAN “CON ANIMA E PASSIONE”

Lada E. Nagornova

Abstracts. *The article analyzes the phenomenon of the Italian language in the world music tradition and Italian songs in the world cultural history. Italian songs and recognizable language of modern musical terms represent a vivid cultural image of Italy which promotes interest to the country and its language.*

The article considers a historical aspect of advancement in Europe of modern Italian songs that have appeared in the process of artistic learning and processing of regional Italian musical material,

---

⁶ <https://speakasap.com/ru/it-ru/songs/>

⁷ <http://italy2russia.com/?p=66>

primarily of Naples and Venice. First for the Western Europe and subsequently for Russia, music has started to sound like Italian, speak in Italian and be written in Italian. It is one of the main reasons of familiarizing the Europeans, including the Russians, with the Italian language.

The Italian language has become a base for special terms that are used to describe musical components. Modern classical musicians, folk and popular singers use the terms that demonstrate the influence of the Italian language. From the very first step in primary music education, people face "Italian" musical terminology. It encompasses amateur musical environment as well as professional one and shapes a wide interest towards learning Italian.

The article shows the process of generating incentives to a deliberate and steady learning Italian via studying Italian musical and song cultures, plunging in songs and the "Italian language" of the world music in Russia and in the USSR. The article analyzes the transformation of the interest to Italian songs into the interest to the Italian language in Russia; overcoming of the emerging linguistic substitutions in Russian-Italian communicative and cultural exchange for real life Italian language; creating premises for learning Italian on the basis of authentic Italian songs.

Italian songs have become a guide in learning Italian for the Russians.

Key words: Italy, Russia, cultural communication, Italian songs, musical term, learning Italian.

References:

Bedush E. Hit-parad XVI veka: vilanella, kanconetta, baletto [Charts of the XVI century: vilanella, canzonetta, balletto]. *Muzyka i vremya – Music and time*, 2006, no. 9, pp. 42-44 (In Russian).

Bogolyubova N.M. Ital'yanskij opernyj teatr v Sankt-Peterburge [Italian Opera house in St. Petersburg]. *Vestnik SPbGUK – Bulletin Of SPbSUK*, 2014, no. 3 (20), pp. 80-83 (In Russian).

Druskin M.S. *Ocherki po istorii tanceval'noj muzyki* [Essays on the history of dance music.]. Leningrad, Leningrad Philharmonic Society, 1936. 208 p. (In Russian).

Italiya-Rossiya: chetyre veka muzyki [Italy-Russia: four centuries of music] / Ed.-comp. L. Kirillina. Moscow, Embassy of Italy in Moscow, 2017. 440 p. (In Russian).

Nagornova L.E. Obshchnost' ital'yanskogo i rossijskogo patriotizma kak osnova uspeshnoj mezhnacional'noj kommunikacii dvuh narodov [The similarity of the italian and russian patriotism as the basis for successful intercultural communication of the two nations]. *Kommunikologiya - Communicology*, 2017, T. 5, no. 6. pp. 120-131 (In Russian).

Petrovskaja O.S. *Formirovanie i razvitie muzykal'noj terminologii ispolnitel'skogo iskusstva: na materiale russkogo, ital'yanskogo, anglijskogo, francuzskogo jazykov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Formation and development of musical terminology of performing art: on the material of Russian, Italian, English, French: author. dis. ... cand. filol. sci.]. Rostov-on-Don, 2009. Available at: <http://www.dissercat.com/content/formirovanie-i-razvitie-muzykalnoi-terminologii-ispolnitelskogo-iskusstva-na-materiale-russk#ixzz5ZjpyNmi3> (accessed 3 Desember 2018) (In Russian).

About the Author:

Lada E. Nagornova – PhD (in Psychology), Associate Professor of Roman Languages Chair, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University). Russia, 119454, Moscow, Prospekt Vernadskogo 76. He specializes in the teaching of a common language, economic and socio-political translation, translation in the specialty «Public Relations».

ПЕРСИДСКИЙ ТАНЕЦ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

А.В. Березина, М.Г. Делинад

Аннотация. В данной статье предпринята попытка исследовать феномен персидского танца с целью определения его национального своеобразия. Авторы обращаются к смысловому ядру выражающих данное явление лексем, дают краткий очерк о генезисе и эволюции традиционной двигательной культуры иранцев, исторической динамике её развития, рассматривают и сгруппировывают существующие виды танцевальных направлений.

Такой многогранный подход позволил изучить специфику данного искусства и выявить характерные черты художественного языка в Иране. Этнические танцы отражают климатические особенности среды обитания народа, специфику его истории, культуры, верований и музыкальных предпочтений. К ним относят и ритуально-обрядные традиции, древнейшие из всех существующих видов, символизирующие поклонение, подношение, посвящение, благодарение или молитву, а также народные, классические и современные танцы.

Персидский танец не организован и не детализирован, что позволяет посредством индивидуальной инициативы способствовать эволюции канона. Однако, как и любой другой вид искусства, он требует серьёзного анализа, а следовательно, кодификации. Классический танец развивался параллельно с иным аутентичным культурным материалом – индийской и арабской танцевальными традициями, что внесло свой вклад в эволюцию его формы. Народные танцы, несмотря на всю простоту, отражают образное мифологическое мышление, религиозные верования, моральные и эстетические ценности. Их разновидности демонстрируют всю богатую этническую палитру проживающих на территории Ирана народов. Не только отдельным танцевальным направлением, но и полноценным культурным течением стал мистический обряд ритуального вращения «сама». Ещё одной особенностью персидского сценического и профессионального хореографического искусства является то, что на современном этапе оно развивается в условиях территориальной удалённости от своих истоков.

Ключевые слова: танец, Персидский, классический, народный, боевой, развлекательный, трудовой, целебный, траурный, традиция.

Танец отражает чувства и эмоции, помогает человеку познавать окружающий мир и учит с ним взаимодействовать, следовательно, влияет на формирование мировоззрения и является фактором эволюции человеческой культуры. Он представляет собой крайне недостаточно изученный пласт иранской культуры, нуждающийся в реконструкции, систематизации, осмыслении и научной трактовке. Согласно имеющимся у авторов сведениям, в отечественной иранистике научных исследований персидской хореографической традиции не проводилось. Среди иранских источников следует отметить ряд работ, в частности Форузана Махфуза, Яхьи Зака, Джахангира Насра Ашрафи, Али Рияхи, проливающих свет на этот феномен, однако он требует дальнейшего глубокого изучения.

Для проведения исследования танца и определения его национального своеобразия авторы предприняли попытку обратиться к смысловому ядру выражающих данное пространственно-временное явление лексем, проследить генезис и эволюцию традиционной двигательной культуры иранцев, историческую динамику её развития, рассмотреть и сгруппировать существующие виды танцевальных направлений. Такой многогранный подход позволил изучить специфику данного искусства и выявить характерные черты художественного языка в Иране.

В современном персидском языке для обозначения слова «танец» используется только заимствованная из арабского языка лексема «raqs». Согласно одной из версий, в иранских языках существовали её персидские аналоги – смысловые кор-

ни «vašt» или «farxe» [Abadis, 2018]. Также данный культурный феномен номинировала лексема «bāzi» (букв. «игра») от среднеперсидских¹ «vāzik», «vāžik» или «vāčik». Пехлевийское отглагольное существительное «vāz» передавало следующие значения: «parvāz» («полёт»), «jombeš» («движение») и «jaheš» («скачок», «бие-ние»). Простой глагол² «vāxidan» же переводился как «разделять», «разъединять». Таким образом, под лексемами «bāzi» и «vāčik» понимали действие, приводящее тело в движение, когда человек разводит руки в стороны и размахивает ими, как в полёте.

Танец иногда называли сложными словами «dastafšāi» (букв. «размахивание руками») или «rāykubi» (букв. «топанье ногами», то есть «пляска»), содержащие полуаффиксальные блоки³, образованные от простых персидских глаголов «afšāndan» («размахивать») и «kubidan» («бить»). По одной из версий, пехлевийские лексемы обладали более широкой семантикой и объединяли значения танца, физических упражнений, наступательных и военных действий, пантомимы, представления, стихов и музыки [Nasr Ashrafi, 2000: 8].

Хотя до сих пор в некоторых областях, в частности трёх провинциях Хорасан⁴, танец называют «bāzi». Эта лексема закрепились и в некоторых иранских диалектах, где вместо «raqs-ečub» («танец с палками») говорят «čub-bāzi», а вместо «raqs-e-rā» (букв. «танец ног») – «rāy-bāzi». До Исламской революции 1979 г. в Иране широко применялся ныне вышедший из употребления галлицизм «dāns» [Mahfuz, 2009: 176]. Для передачи действия «танцевать» в современном персидском языке используются простой глагол «raqsidan»

¹ Среднеперсидский язык (пехлевийский язык, пехлеви) – мёртвый среднеиранский язык юго-западной группы. Официальный язык Персии в эпоху Сасанидов (III–VII вв.)

² Простой глагол в персидском языке состоит из одного слова, в котором, если оно берётся в форме инфинитива, выделяются две морфемы – основа прошедшего времени и суффикс «an» [Рубинчик, 2001: 205].

³ Полуаффиксальный блок (блочный полуаффикс) – сложная словоморфема, представляющая собой основу настоящего времени глагола или глагольного фразеологизма, наращённую суффиксом «i» [Гладкова, 2013: 131].

⁴ Три провинции Хорасан – провинции в восточной части Ирана: Северный Хорасан, Хорасан-Резави и Южный Хорасан.

либо сложный глагол⁵ «raqskardan», образованный путём присоединения к лексеме «raqs» компонирующего глагола⁶ «kardan» (букв. «делать»).

По словам выдающегося отечественного ираниста Е.Э. Бертельса, «из всех народов Переднего Востока иранцы наиболее близки нам по духу. Та же пылкость ума, смелый, необузданный полёт фантазии, наклонность к решению глубочайших проблем мироздания – словом, все те качества, которыми гордятся культурные народы Европы, присущи и иранцам» [Бертельс, 1988: 472]. За всю многовековую историю из-за войн, смен династий, идеологий, нашествий иных народов и других исторических трансформаций Ирану не выпало и ста лет непрерывного покоя. Поэтому совсем неудивительно, что рассматриваемый нами процесс становления и эволюции персидского танца весьма неоднороден и пока не достиг своего апогея.

Танец неразрывно связан с историей становления цивилизации. На территории Иранского нагорья было найдено множество артефактов с антропоморфными изображениями, относящихся к дописьменным временам. Находки, датируемые X–VI вв. до н.э., демонстрируют положения тела человека в привычной для него среде при совершении повседневных или сезонных действий, как то: отправления культа, охоты, собирательства, выпаса скота, кочевничества и оседлого образа жизни. Все дошедшие до наших дней изображения характеризуются подчёркнутой функциональностью движений, отсутствием развлекательной составляющей, и в то же время наличием пластического языка, транслирующего определённый идейный контекст, – исполнение таких плясок несло в себе сугубо сакральный смысл. Древнейшим артефактом, найденным на территории

Ирана (в г. Сузах) и иллюстрирующим данное культурное явление, названо примитивное изображение шести танцующих фигур чёрного цвета на пиале из обожжённой глины, датируемой V в. до н.э. [Nasr Ashrafi, 2000: 11, 13].

С V в. н.э. по VII в. н.э., в период существования могущественных империй Ахеменидов, Селевкидов, Аршакидов и Сасанидов, благодаря появлению зороастризма, развитию цивилизационных благ, возникновению городов, наличию пышных шахских дворов создаются иные изображения. На них разнообразны положения человеческих фигур и выразительные позы можно рассматривать уже как телодвижения в ходе игры, танца либо представления [Taheri, 2011: 42]. Согласно данным, приведённым в седьмой части восьмой книги «Деяний веры» («Денкард»⁷, Хв.), зороастрийские календарные обряды и жертвоприношения сопровождались особой ритмопластикой. Однако единственным более-менее исчерпывающим источником сведений об особенностях доисламских ритуальных танцев на территории Ирана считается сочинение «Kitābal-āthāral-bāqiyah'anal-qurūnal-xāliyah» («Хронология древних народов») великого персидского учёного и мыслителя Аль-Бируни (973–1048) [Nasr Ashrafi, 2000: 12].

Автор упоминает о празднике Саде – сотом дне зимы, после которого холода идут на спад, когда зороастрийцы разжигают огонь и водят хороводы. Аль-Бируни также пишет о групповых плясках вокруг священного костра во время отправления иных религиозных культов и празднеств. Безусловно, эстетика движения вошла в различные сферы жизнедеятельности человека через ритуалы и обряды, праздники и трауры, однако составление полной картины возникновения танца на иранских территориях требует деталь-

⁵ Сложный глагол в персидском языке – это свободное или устойчивое глагольное словосочетание разной структуры и разного количественного состава компонентов [Рубинчик, 2001: 217].

⁶ Компонирующий глагол – глагол, выступающий в составе устойчивого двучленного глагольного словосочетания и сообщающий ему глагольные свойства [Рубинчик, 2001: 203].

⁷ «Денкард» содержит описание нескольких глав «Авесты» — собрания не дошедших до нас священных зороастрийских текстов.

ного анализа всех дошедших до нас свидетельств [Nasr Ashrafi, 2000: 12].

В индийской культуре, которая очень близка к персидской, материалом для подобного детального исследования служат чётко идентифицируемые материальные и письменные источники, проливающие свет на историю развития искусств. В частности, до нас дошли «Самаведа» (II тыс. до н.э.), в которой подробно описывается музыка и принципы исполнения ритуальных песнопений, и «Натьяшастра» (от V в. до н.э. до VII–VIII вв. н.э.) – трактат по театральному искусству, теории драмы и музыки. Так как в древней Персии существовала преимущественно изустная традиция накопления и передачи знаний, сохранилось крайне мало документов, проливающих свет на специфику развития хореографии. Зато любовь древних иранцев к эстетическим движениям закрепились в устном народном творчестве.

Две формы художественного самовыражения – пластическое искусство и музыкальное творчество – развиваются синхронно, находясь в неразрывной связи. Устное песенное творчество было известно в Персии с глубокой древности – поэты сопровождали декламацию стихов игрой на народных музыкальных инструментах: таре⁸ или уде⁹. Известно, что традиция чтения рифмованной прозы благодаря певцам «гусанам» достигла большой популярности во времена правления персидской династии Сасанидов (224–651 гг.) и впоследствии обрела новую жизнь в творчестве сказителей «наггалов» [Березина, Делинад, 2018: 117]. Есть много оснований полагать, что при дворе, содержащем целые департаменты поэтов-певцов, призванных украшать своим искусством пышные пиры, вряд ли могли обойтись без танцоров [Бертельс, 1988: 473]. В мусульманский период персидская музыка, в отличие от танца, не только не была запрещена, но даже оказала ощутимое влияние на развитие арабского музыкально-песенного творчества

[Рипка, 1970: 72]. Танец же в первые века после внедрения ислама пришёл в упадок из-за сурового отношения пророка Мухаммеда к всяким народным увеселениям и презрения к мирским утехам. В условиях новой культурной парадигмы появились уникальные формы пластического самовыражения – воспевание, оплакивание и знаменитый суфийский ритуал «сама».

Все известные работы по теории музыки на персидском языке относятся к XV–XVIII вв. Е.Э. Бертельс называет учебник игры на таре «Та’лимат-и мусики» ‘Али-Наки-хана Вазири, изданный в Берлине в издательстве «Кавиани», первой печатной работой о персидской музыке [Бертельс, 1988: 520]. Книга снабжена необходимой теоретической базой, дающей представление о четвертитонной хроматической гамме, состоящей из 24 ступеней. Благодаря присутствию полудиезов и полубемолей музыка приобретает характерный восточный колорит. Вазири, однако, оговаривается, что не считает персидскую музыку в полной мере четвертитонной [Бертельс, 1988: 520].

Периодом становления персидского классического танца называют эпоху правления династии Каджаров (1795–1925). Вновь открыв для себя древние народные танцевальные традиции, иранцы усовершенствовали технику исполнения, превратив танец в достояние шахского двора и сделав его прерогативой знати. Сведения о состоянии хореографического искусства можно почерпнуть лишь из путевых очерков иностранцев. Вот как в 1807 г. охарактеризовал танцовщиц британский путешественник и писатель Эдвард Скотт Уоринг: «Самые прекрасные женщины Персии преданы профессии танцовщицы; прозрачность их накидок, которые одни только покрывают их тела, изящная гармония их форм, их явная возбуждённость, откровенность их поэзии создают столько соблазнов для страсти, обуздать которую не хватит философии всех персов» [Scott Waring, 1807: 55].

⁸ Тар (букв. «струна») – струнный щипковый музыкальный инструмент.

⁹ Уд (руд) – струнный музыкальный инструмент, аналог лютни.

Итальянка Карла Сарно в книге «Путешествия Карлы Сарно» (1877 г.) делится своими впечатлениями о танцевальной культуре иранцев: «В Персии танцуют только женщины, на музыкальных инструментах же играют исключительно мужчины. Танцовщицы иногда поют, однако женские голоса уступают мужским в проникновенности и певучести. Движения тела и рук танцовщиц, напротив, настолько стремительные, гибкие и плавные, что кажутся невероятными. Их молниеносные прыжки и повороты исполняются с такой скоростью, что глаз не в силах уловить все детали» [цит. по Nasr Ashrafi, 2000: 27]. Сохранилась информация о том, что пластической техникой владели и отроки, нередко приглашаемые к шахскому двору.

После Конституционной революции (1906–1911) и о интенсивной вестернизацией Персии статус танцовщиц постепенно падал, а вскоре эту традицию стали поддерживать лишь бродячие труппы и куртизанки. Данный вид искусства получил новое рождение в эпоху правления династии Пехлеви (1925–1979): с 50-х гг. правительство поддерживало развитие персидского классического и народного танца, а благодаря трансляциям выступлений танцовщиц по телевидению, появлению хореографических школ, балета и специальной учебной литературы народ избавился от связанных с ним негативных ассоциаций. Известно, что в 1962 г. вышла в свет книга «Šāhed-e Širāz» («Свидетель Шираз») Ахмад Хана Малека Сасани, глава «Aqsām-e raqs» («Виды танца») которой повествует о технике исполнения движений, искусстве подражания и выражении эмоций в боевых персидских танцах [Jama Izadeh, 1995: 119–120]. Однако с победой исламской революции и возвратом к идеологии пуританской морали персидский танец покинул профессиональную сцену, продолжив развиваться в сугубо женской и семейной среде либо за пределами Ирана.

Например, только в Лос-Анджелесе, где проживает наиболее многочислен-

ная иранская диаспора, помимо нескольких талантливых солисток, персидские классические и фольклорные танцы исполняют профессиональные коллективы «Bāle-yemelli-ye Pārs» («Национальный балет «Парс») под руководством Абдоллаха Наземи, «Sabah Dance Company» («Танцевальная группа «Сабах»), управляемая Мохаммадом Хордадияном, а также Международный танцевальный театр «Аваз», художественным руководителем которого является Энтони Шай [Персидский классический танец].

Этнические танцы отражают климатические особенности среды обитания народа, специфику его истории, культуры, верований и музыкальных предпочтений. К ним относят и ритуально-обрядные традиции, древнейшие из всех существующих видов, символизирующие поклонение, подношение, посвящение, благодарение или молитву, а также народные, классические и современные танцы.

«Por-xāni» или «rogi-xāni» («завораживание») – одна из ритуальных традиций, ранее распространённых на восточных территориях обозначенного региона, ныне ушедшая в историю. Танец исполнялся без какого-либо музыкального сопровождения, ритм и согласованность задавали сами танцующие, издавая невнятные низкие горловые звуки. С помощью языка тела люди стремились получить благословение природных сил на осуществление своих планов.

Традиция «mowludi-xāni» (букв. «воспевание рождённого») была распространена среди обитателей прибрежных территорий Персидского залива и ближайших островов. Обряд исполнялся мусульманами в честь рождения пророка Мухаммеда. Участники рассаживались по кругу и несколько часов подряд раскачивались в такт музыке и пению, впадая в своеобразный транс. Таким образом они якобы приближались к Всевышнему и излечивались от всех недугов.

«Samā'» («сама») – суфийский¹⁰ ритуал, совмещающий игру на музыкальных ин-

¹⁰ Суфизм (тасаввуф) – эзотерическое течение в исламе, проповедующее аскетизм и повышенную духовность, одно из основных направлений классической исламской философии.

струментах, пение, декламацию стихов, молитву и танец. Название происходит от арабского «samāʿ» («слышание»). Исполняется суфиями, мог быть как сольным, так и групповым. Цель ритуала заключается в достижении экстатического состояния «vajd» – переживания присутствия Божества и опьянения Божественной любовью. Возникновение суфийского танца связывают с именем великого персидского мистика и поэта Джалаладдина Руми (Мевляны) (XIII в.), основателя дервишеского¹¹ ордена «Мевлеви», который ещё называли «орденом танцующих / вращающихся дервишей» или орденом «дервишей-вертунов» [Бертельс, 1988: 513]. Поэтому на церемонии часто зачитывают лирические газели¹² самого Руми, которые в сочетании с музыкой и другими элементами обряда магическим образом очищают помыслы суфия, помогают преисполниться любовью к Создателю и приблизиться к состоянию полного слияния с ним. Во времена Мевлены танец дервишей сопровождался игрой на национальных инструментах, таких как чанг¹³, ней¹⁴, даф¹⁵, тар и тамбур¹⁶. После нескольких часов такого ритуального вращения, которое символизирует движение Вселенной, танцоры входят в транс, им кажется, что весь мир вертится вокруг них. Подобные обряды практикуют и сегодня в странах Востока. Раз в год в период между 9 и 13 декабря дервиши съезжаются в город Конью (Турция) на могилу Руми, чтобы провести этот ми-

стический обряд. В 2005 г. ритуал «сама» был включён в список шедевров устного и нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО.

«Sang-zani» (букв. «метание камня») или «karb-zani» – особый танец, исполняемый шиитами в знак траура по имаму Хусейну¹⁷. Мерный тяжёлый ритм участникам ритуала задаёт музыкант, играющий на тарелках. Люди с камнями или деревянными палицами в обеих руках размеренно, синхронно и в такт музыке ударяют ими, предварительно пропустив между ног. Ещё около тридцати лет назад такие танцы были распространены по всей территории Ирана, особенно к северу от горной системы Эльбурс [Mahfuz, 2009: 179].

Весёлые танцы – это очень живые и музыкальные танцы, исполняемые по случаю праздников и радостных событий, как-то: свадьбы, прихода весны, сбора урожая и т.д. Наибольшее число их разновидностей зафиксировано в Азербайджане, Иранском Азербайджане¹⁸ и северных провинциях Ирана: «asmakasme», «anzali», «gelin ātlaāndi», «gelingiterme», «gelinhāvāsi», «vāqzāli» и «mirzāi». Танцуют вместе мужчины и женщины, а иногда только девушки перед въездом молодой жены в мужнин дом или до появления невесты на свадьбе. К весёлым ритмичным танцам также относят «uzundare», который распространён также в Грузии и Армении. Также известен древний обряд «samani», совершаемый во время при-

¹¹ Дервиш (букв. «бедняк, нищий») – мусульманский аналог аскета, монаха; приверженец суфизма.

¹² Газель – строфа восточного стихосложения, в которой рифмуются два полустишия (мисры) первого двустишия (бейта), и та же рифма сохраняется во всех вторых полустишиях каждого последующего двустишия.

¹³ Чанг (чанг, оттоманская арфа) – струнный музыкальный инструмент Ближнего Востока.

¹⁴ Ней – народный деревянный духовой музыкальный инструмент семейства флейты.

¹⁵ Даф (азербайджанский гавал, узбеко-таджикская дойра) – персидский ударный музыкальный инструмент, разновидность бубна. Считается древнейшей и важнейшей частью иранского музыкального фольклора [Towhidi, 2004: 35].

¹⁶ Тамбур (танбур) – струнно-щипковый музыкальный инструмент типа лютни с корпусом грушевидной формы и длинным грифом.

¹⁷ Хусейн ибн Али – второй сын имама Али и Фатимы, дочери пророка Мухаммеда. Третий имам шиитов-имамитов. День его гибели во время сражения близ Кербелы с войском омейядского халифа Язида отмечаются шиитами как траур первые 10 дней лунного месяца Мухаррам (ашура).

¹⁸ Иранский Азербайджан – историко-географическая область на северо-западе Ирана, примерно соответствует территории современных иранских провинций Ардебиль, Восточный Азербайджан, Западный Азербайджан и Зенджан.

хода весны. На территории других иранских провинций получили распространение народные пляски с названиями на местных диалектах «se čekke», «halehale», «qorse-bāzi», «mojassame», «afšāri», «xānamiri», «landuki», «dāyere», «estekān», «dorā», «sepā» и т.д.

В иранской области Курдистан популярен «gaqs-ekordi» – курдский танец, в котором танцоры, держа друг друга за мизинцы или за руки, становятся в линию и синхронно передвигаются небольшими шажками в такт музыке. При этом корпус исполнителей остаётся неподвижен. Ведущий танцор активно размахивает платком, задавая ритм музыкантам, играющим на сорне¹⁹, томбаке²⁰ и дафе. На юге Ирана, в районах расселения арабов, распространён танец «bandari» (букв. «портовый»). Ритмы и движения соединяют в себе песни и зажигательные элементы цыганских, африканских и арабских танцев, нижней части тела отводится доминантная роль. В «gaqs-eqašqāi», кашкайских²¹ танцах, также задействованы платки, а на свадьбах исполняют «gaqs-ehaftdastmāl» танец с семью платками. Женщины облачаются в национальные костюмы, состоящие из длинных рубаш с прорезями по бокам и нескольких пышных длинных юбок. Голову покрывают шалью, а в руках держат разноцветные платки. Двигутся под аккомпанемент сорны по кругу мелкими шажками, размахивая платками и подпрыгивая.

Боевые танцы. Исторически иранцы подвергались нападениям соседних и кочевых народов, что породило целое направление в культуре – боевые танцы, отражающие доблесть и самоотверженность бойцов, поднимающих их воинский дух и способствующих консолидации этноса. К таким видам можно отнести čub-bāzi (букв. «танец с палками»), распространённый в трёх провинциях Хорасан,

а также среди бахтияров²² и кашкайцев; gaqs-eħanjar (букв. «танец с кинжалом») туркменов, проживающих в провинции Голестан на северо-востоке Ирана; «kurāuqlu», «qātiyārmāsi», «qazāqi», широко известные в Иранском Азербайджане. Их сопровождает задорная ритмичная музыка, а движения обращают внимание зрителей на ловкость и выносливость танцоров.

В отдельную группу можно объединить танцы, отражающие и воспроизводящие в пластической форме трудовые процессы и повседневную деятельность человека, т.е. трудовые танцы. Они подчёркивают близость человека к природным циклам, так как имитируют сельские работы, как-то: уборку пшеницы, перемол её в муку, выпекание лепёшек или стрижку овец, прочёсывание шерсти, прядение ниток и ковроткачество. К данному виду относят танцы, воссоздающие процессы рыболовства, добычу мускуса. Их появление традиционно обуславливалось почвенно-климатическими условиями и географическим расположением региона обитания этноса. Так, в северных прикаспийских провинциях Ирана, пригодных для возделывания риса, популярны танцы с подносом риса или решетом, символизирующие сбор урожая «белого зерна» и его лущения. Известен также массовый танец «qāsemābādi» (от названия деревни Гасемабад), изображающий прополку рисовых грядок.

Подражательные и развлекательные танцы. Неотъемлемой частью иранского фольклора являются подражательные танцы, которые можно отнести к одной из разновидностей кукольного искусства. Традиционно представляют собой сольное исполнение какой-либо весёлой или шуточной песни, причём одной рукой человек играет на музыкальном инструменте, а второй удерживает небольшую круглую сцену и, дёргая за ниточки,

¹⁹ Сорна (сорнай) – духовой музыкальный инструмент, аналог гобоя.

²⁰ Томбак (тонбак, домбак, зарб) – барабан в форме кубка, созданный ещё в древней Персии.

²¹ Кашкайцы (кашкаи) – обитающие в области Фарс в Иране тюркоязычные племена.

²² Бахтияры – группа племён персидского и курдского происхождения, кочующих на юго-западе Ирана.

заставляет танцевать на ней куклу в виде овцы, козла, газели или другого животного. В Хорасане одним из распространённых народных развлечений считается танец оленёнка. Подобные развлечения известны и в Азербайджане – они исполняются *sāuāci* (буквально «тот, кто поёт песни об овцах»), которые считаются предвестниками Новруза²³. Приводя в движение куклу в виде овцы или козы, они якобы ускоряют приближение весны [Mahfuz, 2009: 180].

К данному виду искусства относят и шуточные танцы в народном кукольном театре *хеуте-šab-bāzi* (досл. «игра в ночном шатре»), а именно танец чёрной куклы, которая жалуется на своего хозяина. А в день *šahāršambe-suri* (букв. «праздник среды»), древнего иранского праздника огня, отмечающегося в последнюю среду накануне Новруза, исполняет свой танец Хажди Фируз – предвестник счастья, человек с чёрным лицом, в красной одежде и высоком колпаке. По одной из версий этот персонаж связан с древним божеством плодородия и сельского хозяйства Таммузом, который каждый год возвращается из мира мёртвых и символизирует собой ежегодную смерть и возрождение растительности [Санаи, 2016]. Также известен танец «*jāheli*» (отперс. «*jāhel*» – невежественный), т.е. танец необразованного неопытного человека, хулигана. Исполнялся в чайханах, где собирались люди разного возраста и сословий, чтобы выпить чая, покурить кальян, обсудить новости и пообщаться [Бакланова, Берверс, Березина и др., 2019: гл. 2, п. 7].

Траурные танцы исполняются некоторыми иранскими народами во время погребальных церемоний под звуки дохоль²⁴ и сорны. Наиболее распространены в провинции Лурестан на западе Ирана.

Целительные танцы также составляют иранский фольклор. Они исполняются сидя либо стоя, характерной чертой

является интенсивное раскачивание корпуса. Большую популярность получили среди племён, проживающих на юге Ирана, в частности среди населения побережья Персидского залива и островов. Например, для проведения мистического ритуала *nubiān (-bāzi)* (букв. «нубийский танец») танцоры становятся вокруг сидящих больных. Под звуки тамбуре²⁵ они начинают медленное движение, которое вскоре превращается в пляску: участники топают ногами, активно трясут руками и плечами. В конце женщина исполняет сольный ритуальный танец, сопровождающийся громким пением, во время которого все присутствующие читают молитвы. В завершение ритуала все участники целуют тамбуре.

К исцеляющим танцам относят и *gaqs-e šeuḫi* (букв. «танец шейха»), распространённый в городе Ираншехре на юго-востоке Ирана. Жители города и его окрестностей уверены в лечебной силе этого танца, исполняемого под песню «*šeuḫi*», изгоняющего злого духа из тела больного. В провинции Систан и Белуджистан²⁶ известны также танцы *govāti* и *sehhat*, последний из которых исполняется исключительно женщинами в золотых и серебряных браслетах, позвякивание которых и приносит облегчение страждущему [Mahfuz, 2009: 181].

Отдельного рассмотрения требует уже упомянутый классический персидский танец. Как в музыке, так и в танцах можно проследить близость иранской и индийской культур: движения исполнителей очень выразительны и пластичны. Нижняя часть туловища почти не задействована, доминантная роль отводится верхней половине тела: плавным движениям рук, восточному «танцу головы», взгляду и выражению лица. Иногда используется реквизит – платки, цимбалы или блюдца. Техника исполнения очень сложна из-за неодинаковости ритмов в

²³ Новруз (Навруз) (букв. «новый день») – праздник нового года по астрономическому солнечному календарю у иранских и тюркских народов. Отмечается 21 марта.

²⁴ Дохоль – фольклорный ударный инструмент, разновидность литавр.

²⁵ Тамбуре – священный ударный музыкальный инструмент нубийцев [Mahfuz, 2009: 181].

²⁶ Систан и Белуджистан – провинция на юго-востоке Ирана, граничит с Афганистаном и Пакистаном.

музыкальных фразях и широкого простора для импровизации, позволяющей проводить бесчисленное количество комбинаций и связок. Танцоры облачаются в свободное длинное расшитое бисером платье и удлиненный жакет. На голову надевают шапочку с эгретом и шалью, женщины заплетают косы. Музыканты обычно играют лишь на нескольких национальных инструментах, иногда с вокальным сопровождением.

Современные иранские танцы иногда именуют стилем «tehrāni / tehruni» (букв. «тегеранский»). Они сочетают в себе пластичность рук и корпуса, выразительную мимику и соблазнительную пластику бёдер, отчасти заимствованную из арабских танцев. Полностью импровизированы, т.к. не являются сценическими, исполняются только на семейных торжествах и вечерах.

Научная литература на персидском языке о данном стиле танца отсутствует. Однако в 1977 году увидела свет книга упомянутого выше Энтони Шая, выдающегося американского хореографа, танцовщика, создателя и художественного руководителя ряда хореографических ансамблей, под названием «Хорофобия: боязнь сольной танцевальной импровизации в иранском мире»²⁷. Проанализировав историю развития персидского танца, автор приходит к выводу о наличии у иранцев страха открыто выражать себя в движении, т.к. этот вид искусств с древних времён считался «нижайшим из всех жанров» [Sprachman, 2000: 449]. Авторы данной статьи, однако, считают, что обозначенная научная позиция требует корректировки. Издание Э. Шая является доработкой его докторской диссертации, защищённой в Калифорнийском университете в Риверсайде, в которой он выявляет два полярных аспекта танца в иранской культуре. С одной стороны, иранцы подвергают данный вид искусства резкой критике, ведь он запрещён на государственном уровне в таких исламских ре-

спубликах, как Иран и Афганистан. По их мнению, танец, как сольный, так и групповой, может быть формой выражения политического протеста. С другой стороны, те же люди, находясь в кругу близких людей и друзей, с великим удовольствием прибегают к такой форме человеческого самовыражения. Энтони Шайвизу анализирует разнообразные танцевальные движения, сравнивая их с буквами персидского алфавита, например, «син», «лям», «ха-йехотти», имеющих изящные выгнутые элементы [Sprachman, 2000: 448–449].

Действительно, пластичность, утончённость, замысловатость линий и изысканность форм хореографического самовыражения иранцев можно сопоставить с любой из существующих персидских художественных техник: миниатюрой, ковроткачеством, каллиграфией, хатам-кари²⁸, минакари²⁹ и даже классической поэзией. Они способны удовлетворить самый придирчивый вкус, услаждают слух и взор. Особую культурную ценность представляет импровизация, в которой иранцы видят созидательную функцию искусства: мастерам следовало творить в рамках канона, однако с известной долей свободного авторского выбора, новаторского преломления, позволяющего создавать новое, апеллируя к укоренившимся элементам. Персидский танец не организован и не детализирован, что позволяет посредством индивидуальной инициативы способствовать эволюции канона. Однако, как и любой другой вид искусства, он требует серьёзного анализа, а следовательно, кодификации.

Персидский классический танец развивался параллельно с иным аутентичным культурным материалом – индийской и арабской танцевальными традициями, что внесло свой вклад в эволюцию его формы. Сходство с индийской традицией читается в подчёркнутом выражении эмоций и настроения танцора посредством мимического выражения,

²⁷ «Choreophobia: Solo Improvised Dance in the Iranian World».

²⁸ Хатамкари (хатам) – древняя персидская техника инкрустации по дереву.

²⁹ Минакари – иранское искусство росписи разноцветной эмалью.

следование сложным не четвертитонным ритмам. Близость к арабским техникам обеспечивают мягкость и пластика рук, плавность движения тела, импровизация. Народные танцы, несмотря на всю простоту, отражают образное мифологическое мышление, религиозные верования, моральные и эстетические ценности. Их разновидности отражают всю богатую этническую палитру проживающих на территории Ирана народов. Не только отдельным танцевальным направлением, но и полноценным культурным течени-

ем стал мистический обряд ритуального вращения «сама».

Ещё одной особенностью персидского сценического и профессионального хореографического искусства является то, что на современном этапе оно развивается в условиях территориальной удалённости от своих истоков. Для того, чтобы по-настоящему раскрыть и понять красоту и глубину персидского танца, необходимо проводить дальнейшие исследования и знакомить мир с этим уникальным видом искусства.

Список литературы:

Бакланова Е.А., Берверс Е.В., Березина А.В. и др. Вкус Востока. Гастрономические традиции в истории, культуре и религиях народов Азии и Африки / Под ред. И.Т. Прокофьевой, Е.Ю. Карачковой. М.: МГИМО-Университет, 2019. 639 с.

Березина А.В., Делинад М.Г. Наггали как древнейший вид зрелищного искусства в Иране // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. Пятнадцатый межвузовский семинар по лингвострановедению 14-15 июня 2017 г. Часть II. Национальные особенности зрелищ: обычаи, праздники, театр / Под ред. Л.Г. Ведениной. М.: МГИМО-Университет, 2018. С. 115-126.

Бертельс Е.Э. Избранные труды. История литературы и культуры Ирана. М.: Наука, 1988. 558 с.

Гладкова Е.Л. Пути развития общественно-политической лексики современного персидского языка. М.: МГИМО-Университет, 2013. 316 с.

Персидский классический танец [Электронный ресурс]. URL: <http://persiankingdom.4bb.ru/view-topic.php?id=81> (дата обращения: 02.12.2018).

Рипка Я. История персидской и таджикской литературы. М.: Прогресс, 1970. 440 с.

Рубинчик Ю.А. Грамматика персидского литературного языка. М.: Восточная литература РАН, 2001. 600 с.

Санаи М. Хаджи Фируз – предвестник счастья [Электронный ресурс]. URL: <https://sanaei.livejournal.com/175052.html> (дата обращения: 02.12.2018).

Abadis. Raqs [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.abadis.ir/fatofa/%D8%B1%D9%82%D8%B5/> (дата обращения: 25.11.2018).

Jamalzadeh S.M. Raqs-e Irāni // Kaweh. 1968. № 21. P. 119-122.

Mahfuz F. Pažuhešidarraqshā-ye irāniazruzegārān-e bāstāntāemruz // Farhang-e mardom. 2009. № 29, 30. P. 175-200.

Nasr Ashrafi J. Negāhi be tārixčē-ye raqsdarlārān // Maqām-e musiqāi. 2000. № 8. P. 8-43.

Scott Waring E.A. Tour to Sheeraz, by the Rout of Kazroon and Feeroozabad [Электронный ресурс]. L., 1807. 329 p. URL: https://books.google.ru/books?id=kc1NAAAAMAAJ&pg=PA47&hl=ru&source=gb_s_toc_r&cad=3#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 09.12.2018).

Sprachman P. Bimazraqs (raqs-e badāhei-eyyeknafaridarjahān-e irāni – nevešte-ye Anthony Shay) // Irānšenāsi. 2000. № 46. P. 448-453.

Taheri S. Raqs, bāzi, namāyeš: barresi-ye konešhā-ye namāyešidarāsār-e pišazeslām-e Irān // Honarhā-ye zibā. 2011. № 43. P. 41-50.

Towhidi S.E. Tārix-e musiqi-ye Irān: sāzhā: dafdarāyne-ye tārix // Maqām-e musiqāi. 2004. № 27. P. 33-35.

Об авторах:

Березина Анна Владимировна – PhD, старший преподаватель кафедры индоиранских и африканских языков Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России. 119454, Москва, пр. Вернадского, 76. E-mail: a.berezina@inno.mgimo.ru.

Делинад Максим Голамхасанович – старший преподаватель кафедры восточных языков Астраханского государственного университета. 414056, Россия, Астрахань, ул. Татищева, 20 а. E-mail: m_delinad@asu.edu.ru.

PERSIAN DANCE: TRADITIONS AND MODERNITY

Anna V. Berezina, Maxim G. Delinad

Abstracts. *This article attempts to explore Persian dances in order to determinate its national identity. The authors refer to the semantic core of the lexemes that express this phenomenon, give a brief outline of the genesis and evolution of this traditional physical culture of Iranians, the historical dynamics of its development, consider and group existing types of dance styles. Such a multifaceted approach allowed to study the specifics of this art and to identify the characteristic features of this language of art in Iran. Ethnic dances reflect the climatic characteristics of the people living environment, the specifics of its history, culture, beliefs and musical preferences. These include the oldest of all existing types' ritual traditions, which symbolize worship, offering, dedication, thanksgiving or prayer, as well as folk, classical and modern dances.*

Persian dance is neither organized nor detailed, which allows, through individual initiative, to contribute to the evolution of the canon. However, like any other kind of art, it requires a serious analysis, and codification. Classical dance has developed in parallel with the other authentic cultural materials – Indian and Arabic dance traditions that contributed to the evolution of its forms. Despite their simplicity, folk dances reflect figurative mythological thinking, religious beliefs, moral and aesthetic values. Their varieties show the whole rich palette of ethnic peoples living in the territory of Iran. Not only individual dance styles, but also a full-fledged cultural rite of passage has become a mystical ritual of rotation of "sama". Another feature of the Persian scenic and professional choreographic art lies in the fact that at the present stage it develops under the territorial remoteness of its origins.

Key words: *Persian classical dance, folk dances, culture, Iran, traditions, fighting dances, entertaining dances, labor dances, healing dances, mourning dances.*

References:

Bakhlanova E.A., Bervers E.V., Berezina A.V. idr. *Vkus Vostoka. Gastronomicheskie traditsii v istorii, culture i religiyah narodov Azii i Afriki* [Taste of the East. Gastronomic traditions in the history, culture and religions of the peoples of Asia and Africa] / Ed. I.T. Prokofievoy, E.Yu. Krachkovoy. Moscow, MGIMO-University, 2019. 639 p. (In Russian).

Berezina A.V., Delinad M.G. *Naggali kak drevneishii vid zrelishchnogoiskusstva v Irane* [Naghali as the most ancient form of performing arts in Iran]. *Lingvostranovedenie: metodyanaliza, tekhnologiya obucheniia. Piatnadsyatyi mezhvuzovskii seminar polingvostranovedeniю 14-15 iyunia 2017 g. Chast' II. Natsional'nye osobennosti zrelishch: obychai, prazdniki, teatr.* [Culture-through-language studies: methods of analysis, learning technology. The Fifteenth Inter-university seminar on culture-through-language studies 14-15 June 2017. Part II. National features of performing arts: customs, holidays, theater] / Ed. L.G. Vedenina. Moscow, MGIMO-University, 2018. pp. 115-126 (In Russian).

Bertel's E.E. *Izbrannye trudy. Istoriia literatury i kul'tury Irana* [Selected works. History of literature and culture of Iran]. Moscow, Science, 1988. 558 p. (In Russian).

Gladkova E.L. *Puti razvitiia obshchestvenno-politicheskoi leksiki sovremennogo persidskogo iazyka* [Development of political vocabulary of modern Persian language]. Moscow, MGIMO-University, 2013. 316 p. (In Russian).

Persidskii klassicheskii tanets [Persian classical dance]. Available at: <http://persiankingdom.4bb.ru/viewtopic.php?id=81> (accessed 02 December 2018) (In Russian).

Ripka Ia. *Istoriia persidskoi i tadzhikskoi literatury* [History of Persian and Tajik literature]. Moscow, Progress, 1970. 440 p. (In Russian).

Rubinichik Iu.A. *Grammatika persidskogo literaturnogo iazyka* [Grammar of the Persian literary language]. Moscow, Oriental literature of RAS, 2001. 600 p. (In Russian).

Sanaei M. *Khadzhi Firuz – predvestnik schast'ia* [Haji Firooz – a harbinger of happiness]. Available at: <https://sanaei.livejournal.com/175052.html> (accessed 02 December 2018) (In Russian).

Abadis. *Raqs* [Dance] Available at: <https://dictionary.abadis.ir/fatofa/%D8%B1%D9%82%D8%B5/> (accessed 25 November 2018) (In Persian).

Jamalzadeh S.M. Raqs-e Irāni [Persian dance]. *Kaweh*, 1968, no. 21. pp. 119-122 (In Persian).

Mahfuz F. Pažuhešidarraqshā-ye irāniazruzegārān-e bāstāntāemruz [Study of Persian dance from ancient times to the present day]. *Farhang-e mardom – Culture of the people*, 2009, no. 29, 30. pp. 175-200 (In Persian).

Nasr Ashrafi J. Negāhi be tārixčē-ye raqsdarIrān [A look at the history of dance in Iran]. *Maqām-e musiqāi – Musical frets*, 2000, no. 8. pp. 8-43 (In Persian).

Scott Waring E. *A Tour to Sheeraz, by the Rout of Kazroon and Feeroozabad*. London, 1807. 329 p. Available at: https://books.google.ru/books?id=kc1NAAAAMAAJ&pg=PA47&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=3#v=onepage&q&f=false (accessed 09 December 2018).

Sprachman P. Bimazraqs (raqs-e badāhei-eyeknafaridarjahān-e irāni – nevešte-ye Anthony Shay) [Choreophobia: solo improvised dance in the Iranian world by Anthony Shay]. *Irānšenāsi–Iranology*, 2000, no. 46. pp. 448-453 (In Persian).

Taheri S. Raqs, bāzi, namāyeš: barresi-ye konešhā-ye namāyešidarāsār-e pišazeslām-e Irān [Dance, game, performance: study of performance types in the pre-Islamic period]. *Honarhā-ye zibā – Fine Arts*, 2011, no. 43. pp. 41-50 (In Persian).

Towhidi S.E. Tārix-e musiqi-ye Irān: sāzhā: dafdarāyne-ye tārix [History of Iranian music: instruments: daf in the mirror of history]. *Maqām-e musiqāi –Musical frets*, 2004, no. 27. pp. 33-35 (In Persian).

About the Authors:

Anna V. Berezina – Ph.D. (Philology), Senior Lecturer of Indian, Iranian and African Languages Department of Moscow State Institute of Foreign Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. E-mail: a.berezina@inno.mgimo.ru.

Maxim G. Delinad – Senior Lecturer of Oriental Languages Department of Astrakhan State University. 20 a, Taticshevast., Astrakhan, 414056, Russia. E-mail: m_delinad@asu.edu.ru.

ЯЗЫКИ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЯ

Н.Б. Ковыршина*

10 —11 июня 2013 г. в Московском государственном институте международных отношений (МГИМО) состоялся XI межвузовский семинар «Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения».

Этот ежегодный семинар по проблемам языка и культуры проходит с 6 февраля 2003 г. под руководством доктора филологических наук, профессора кафедры французского языка № 1 МГИМО (У) Людмилы Георгиевны Ведениной. Работа семинара традиционно осуществляется в рамках пленарных заседаний и по секциям, которые посвящены научно-практическим вопросам: языки в аспекте лингвострановедения, проблемы лингводидактики, проблемы перевода, анализ конкретных лингвокультурологических проблем и т.п. На пленарные заседания приглашаются ученые, известные своими открытиями в области науки о языке, смежных дисциплин (истории, философии, психологии) и педагогической науки.

На протяжении более 10 лет в работе семинара принимали участие видные российские и иностранные ученые-лингвисты (в 2004 г. академик Российской академии образования В.Г. Костомаров, академик, действительный член Российской академии наук А.А. Зализняк; в 2005 г. д.ф.н., профессор Минского государственного лингвистического университета, известный специалист в области семиологии культуры В.В. Макаров; в 2006 г. д.ф.н., профессор, заведующий Отделом культуры русской речи Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН А.Д. Шмелёв; в 2007 г. д.ф.н., член-корреспондент РАН Ю.Н. Караулов, член-корреспондент РАН, профессиональный африканист В.А. Плунгян; в 2010 г. академик Международной академии наук высшей школы, заслуженный деятель наук РФ, почетный профессор РУДН Н.М. Фирсова; в 2011 г. д.ф.н., директор Института лингвистических проблем РГГУ М.А. Кронгауз, д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой делового иностранного языка и перевода Института права Башкирского государственного университета В.И. Хайруллин; в 2013 г. д.ф.н., заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета В.И. Карасик и д.ф.н., заслуженный деятель науки РФ Е.И. Пассов и многие другие).

Литературоведы, культурологи, психологи, а также искусствоведы и преподаватели западных и восточных языков из более 35 высших учебных заведений России являются активными участниками семинара. Возникновение семинара стало значительной вехой в консолидации сил специалистов в области языкознания, социоло-

* **Н.Б. Ковыршина** Кафедра иностранных языков Филологический факультет Российский университет дружбы народов ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198.

гии, культурологи, педагогики в целях обсуждения вопросов, связанных с насущными проблемами общества, науки и образования. Например, темой последнего, XI, семинара был «Образ России в иноязычных культурах».

Возникновение семинара стало значительной вехой в консолидации сил специалистов в области языкознания, социологии, культурологи, педагогики в целях обсуждения вопросов, связанных с насущными проблемами общества, науки и образования. Например, темой последнего, XI, семинара был «Образ России в иноязычных культурах».

По итогам работы семинара публикуются статьи докладчиков (обычно в сборниках, состоящих из 2-х частей), ответственным редактором которых является Людмила Георгиевна Веденина.

Фактически благодаря ее огромным усилиям каждое издание представляет собой коллективное монографическое исследование, построенное на богатом и интересном материале целого ряда языков с выходом на серьезные научные тенденции в современной науке. За период с 2003 по 2012 г. вышли в свет 18 книг общим объемом 169 печатных листов, включающие тексты 373 выступлений. В связи с обоснованием основных положений этнолингвистики (гипотеза Сэпира—Уорфа) и теории обучения языкам как формированию основ нового иноязычного мышления (Г. Фриз, Р. Ладло, Б.В. Беляев) возникла потребность ориентировать обучение на глубокое проникновение в язык. Было сформулировано положение о том, что для успешного коммуникативного общения необходимо не только владеть одинаковыми языковыми средствами и навыками (фонетическими, лексическими, синтаксическими, грамматическими), но и общими содержательными знаниями о мире изучаемого языка (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров). Поэтому овладение лингвострановедческими знаниями и умениями стало обязательной составляющей учебного процесса по иностранным языкам. По словам Л.Г. Ведениной, «лингвострановедение располагает свойственным только ему объектом исследования, использует приемы анализа, признанные объективными в других науках (в частности, в науке о языке), есть основания считать лингвострановедение сложившейся лингвистической дисциплиной в рамках проблематики «Язык-человек-общество»: синтезируя данные социологии, психологии, культурологи и лингвистики, эта дисциплина изучает национально-культурную специфику иноязычного социума, отраженную в речевом поведении его членов»*.

В работе секции, посвященной актуальным вопросам лингвострановедения, которой руководит Л.Г. Веденина, постоянными и активными участниками являются преподаватели кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО. Большой вклад в этом принадлежит заведующему кафедрой доценту Штанову Андрею Владимировичу, который разработал ряд тем лингвострановедческого характера на примере турецкого языка. Доцент кафедры Нина Алексеевна Успенская в своих выступлениях проводит лингвострановедческий анализ арабской литературы XX в., а доцент кафедры Наталья Михайловна Шуйская уделяет внимание новым литературным тенденциям.

Следует отметить, что за последние 11 лет этот научный форум из семинара практически превратился в полноценную научную конференцию.

LANGUAGES THROUGH LINGUISTIC AND CULTURAL STUDIES
N.B. Kovyryshina The Department of Foreign Languages Peoples' Friendship
University of Russia Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

* Веденина Л.Г. Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. — МГИМО, 2012. — С. 13.

НАТАЛИЯ ИЛЬНИЧНА САЦ: ДЕМИУРГ ДЕТСКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ТЕАТРА

К.М. Долгов*

Прежде чем отослать эти воспоминания в журнал для публикации в «Год театра», я посчитал необходимым связаться с дочерью Наталии Ильичны Сац Роксаной Николаевной, которая по и сей день работает в театре, и попросить её ознакомиться с моим материалом, если нужно, что-то уточнить и исправить. Я написал ей краткое письмо с моей просьбой и номером мобильного телефона для связи. В тот же день она позвонила мне, чему я был очень рад, и у нас состоялся очень добрый и тёплый разговор.

Я был приятно удивлён, когда услышал её такой же энергичный, красивый, молодой голос, каким я его знал несколько десятилетий назад. Но ещё больше я был удивлён тем, что она мне сказала: к сожалению, Константин Михайлович, я ничем не могу Вам помочь относительно уточнений. Дело не в том, что я не хочу читать, а в том, что скорее это я должна проконсультироваться у Вас, если мне нужно будет уточнять что-то, касающееся деятельности Наталии Ильичны, у меня

не может быть никаких сомнений в качестве содержания Ваших воспоминаний. Мама сама не раз мне говорила, что всё, чем она занималась и занимается, лучше других знает Константин Михайлович, поэтому в случае необходимости она советовала мне обращаться именно к Вам.

Я, надеявшийся узнать её мнение о моих воспоминаниях и, может быть, что-то уточнить, был, с одной стороны, несколько разочарован, но, с другой – неожиданно польщён таким советом Наталии Ильичны. Видимо, почувствовав некоторое смятение в моём голосе, Роксана Николаевна обещала мне, что как только выйдет публикация моих воспоминаний, она с большой радостью и немедленно разместит её в театре, в школе и будет всячески распространять по другим доступным ей каналам. После этого я с чистой душой отправил свой текст в журнал.

Задолго до личного знакомства с этой великой женщиной – актрисой, режиссёром, общественным деятелем, писателем и публицистом, – я слышал о ней много добрых слов. А познакомился я с ней в самом начале 70-х годов прошлого

* Долгов Константин Михайлович – д.филос.н., профессор, , главный научный сотрудник Института философии РАН, Заслуженный деятель науки РФ.

века, когда она уже создала свой детский музыкальный театр, спектакли которого проходили в помещении бывшего кукольного театра на улице 25-го Октября. И хотя труппа тогда ещё формировалась и спектакли ставились, по существу, в неподходящем для детского музыкального театра помещении, тем не менее, небольшой зал всегда был переполнен, и дети, буквально замирая, слушали и смотрели эти великолепные спектакли. Я приходил туда со своим старшим сыном Костей, который после каждого такого спектакля не только находился под сильным впечатлением, но и постоянно воспроизводил какие-то музыкальные фразы, спрашивая, когда мы опять пойдём на следующий спектакль. Наталия Ильинична и до начала спектакля, и после его завершения старалась беседовать с юными слушателями и зрителями, и беседовала она так сердечно и задушевно, что малышам не хотелось уходить, они готовы были беседовать с ней без конца.

А с нами, взрослыми, она говорила о трудностях своего театра, было ясно, что такой театр не может долго существовать в подобных условиях. У неё, видимо, уже тогда были планы построения нового здания детского музыкального театра, но она об этом скромно умалчивала и только повторяла: я мечтаю когда-нибудь поставить свой самый лучший спектакль в новом здании. Но когда это произойдёт и произойдёт ли, вот вопрос, который стоит передо мной лично и перед моим театром.

Здесь мимоходом могу только отметить, что мне и другим родителям наших юных любителей театра было понятно, что он являет собой нечто новое, невиданное до сих пор органическое соединение прекрасной музыки с великолепными литературно-поэтическими сюжетами. Более тесное и конкретное знакомство с Наталией Ильиничной произошло у меня в самом начале 70-х гг., когда меня назначили директором издательства «Искусство». Как-то раздался звонок: с Вами говорит Наталия Ильинична Сац. Я хотела бы прийти к вам в издательство и принести написанные мной воспоминания. Мы договорились о встрече.

Когда мне сообщили, что пришла Наталия Ильинична, я вышел к ней и увидел перед собой необычайно привлекательную женщину в платье выше колен, в огромной шляпе, достаточно большом декольте и на каблуках. Откровенно говоря, я её не сразу узнал, и только когда она со мной поздоровалась и стала благодарить за встречу, я понял, что передо мной действительно Наталия Ильинична. Подобное одеяние в её уже тогда немолодом возрасте было необычным даже для представителя театра. Она заметила мое удивление и, видимо, была весьма довольна, поскольку, судя по всему, и рассчитывала на подобный эффект. Она выложила на стол огромную папку с рукописью и сказала: вот то, что я написала за несколько лет. Я просила бы Вас прочитать мои воспоминания и сообщить мне ваше мнение. После краткого разговора мы расстались.

Я выбрал время и начал читать. Содержание рукописи оказалось очень интересным, но местами текст был совершенно безграмотным с точки зрения русского языка. По ходу чтения я делал пометки и когда завершил, позвонил Наталье Ильиничне с просьбой приехать в издательство. Когда она вошла ко мне в кабинет, уже в обычном, не экстравагантном, костюме, я попросил её набраться терпения и выслушать мои критические замечания. Они были довольно резкими, особенно относительно безгра-

мотности некоторых страниц. Она еле сдерживалась от своих возражений, но выслушала меня до конца. Настроение у неё всё время ухудшалось и под конец мне стало её просто жаль. Я пытался это как-то смягчить, но было уже поздно, она взяла папку с рукописью и чуть не бегом вышла из кабинета, сказав на ходу «до свиданья».

Месяц или два, а может быть и больше, она не подавала никаких сигналов, но потом вдруг позвонила и сказала: Вы, наверно, заметили, что я на Вас очень обиделась за Ваши резкие замечания и критику. Но, прочитав снова рукопись, признаю, что Вы правы, я попытаюсь отредактировать рукопись и представить её в надлежащем виде. Я ответил: хорошо, когда рукопись будет готова, принесите её в издательство. Эта работа заняла у неё немало времени, но своё слово она сдержала. Получив рукопись, я снова перечитал ее и убедился, что практически все замечания были учтены.

Я сообщил Наталии Ильиничне, что в таком виде рукопись нас удовлетворяет, хотя необходимы какие-то издательские коррективы, редаKTура. Я отдал рукопись редакторам, которые стали готовить её к печати. Здесь я могу только добавить, что чтение этой рукописи принесло мне немалую пользу, поскольку я как бы из первых рук узнал не только историю жизни самой Наталии Ильиничны, но и судьбы её родных и близких. И ещё раз убедился в том, что это была незаурядная личность как в собственно человеческом, так и в театральном-культурном отношении. Её «Новеллы моей жизни» вызвали огромный интерес, выдержали несколько изданий с дополнениями и выходили большими тиражами.

Последнее издание воспоминаний вышло с существенными дополнениями и имело иное название: «Жизнь – явление полосатое». Здесь Наталия Ильинична подробно и открыто рассказывает о том, о чём раньше она не могла в полной мере писать и говорить:

- о расстреле её мужа;
- о своём аресте, когда она посидела за одну ночь;

- о допросах в застенках тюрьмы, в том числе о допросе у Берии, которого она после этого назвала орлом-стервятником;

- о пятилетних лагерных мучениях и т.д.

Вспоминаю, что при первом издании «Новелл моей жизни» я спрашивал её, почему она так обтекаемо пишет о трагических годах своей жизни, проведённых в тюрьме и лагерях, где она несколько раз была на грани смерти, потеряла не родившегося ребенка, болела тифом, после чего её разбил паралич и т.д. На это она отвечала, что ещё не пришло время. А позднее, прочитав в ее последней книге эти страшные, на грани почти непереносимого для нормального человека натурализма, трагические откровения, я ощущал, что даже это – лишь небольшая доля того, что ей пришлось пережить.

И более всего меня потрясло то, что после всего этого ужаса она не озлобилась на страну, не сломалась, не деградировала, не замкнулась в себе, не потеряла волю к жизни и активной деятельности. Наталья Ильинична сохранила искреннюю любовь к своей родине и народу и продолжала заниматься любимым делом, театром, даже в лагерях ставя любительские спектакли. Я увидел, что она – необычайный, уникальный человек, такая человеческая глыба, с которой никто и ничто не сможет сделать, что это образец высшего благородства и духовности, подлинного патриотизма без всякой фальши и нарочитости. Не могу не привести отрывок из её «Новелл», подтверж-

дающий это: «Но почему её мемуары обрываются на тридцать седьмом? Боится владык своих!» Так, прочитав мои «Новеллы», вышедшие в 1973 г., написал в журнале один зарубежный скептик.

Нет, не боюсь. Слова «владыка» не понимаю. И все же задумалась: почему, дойдя до тридцать седьмого, почувствовала, как внутри меня скрипят ржавые тормоза? Поняла: иногда ушибёшься так, что до ушибленного места не хочется дотрагиваться ни пальцем, ни словом. Растревлять свои раны? Нет, я отношусь к мороозустойчивым. Пережили страшное, но душевной трещины не дали. Верят: такое большое не повторится. Ступают твёрдой ногой по родной земле. Всегда вперёд.

Я люблю мою страну!

Да, люблю со всеми её сложностями. Когда в сердце зацеплено что-то главное, даже огрехи бессильны вытеснить это «я люблю». Да и непонятно мне, как можно плевать в колодец, из которого пила и пью столько животворной воды, той воды, которая сделала меня мною, открыла невиданные возможности творческой работы»¹.

А в последних главах Наталия Ильинична описывает современную жизнь театра, его достижения. В конце книги она пишет: «Вот незаметно и 85 исполнилось. Могла ли я думать когда-нибудь, что на моём юбилейном вечере на сцену театра выйдет Аня, Анна Михайловна Ларина-Бухарина, выйдет из нашего общего сурового прошлого, чтобы обнять и поздравить меня, свою бывшую сокамерницу?!

Вот уже и праздник 25-летия театра остался позади. Как же волнующе хорош он был, сколько по-настоящему верных друзей пришло к нам в этот незабываемый вечер!

Надо жить и работать. Неужели стукнуло уже 88?

Когда перед тобой ясная цель и страстная любовь к своему делу – это не так уж страшно»².

Я до сих пор бережно храню все подаренные ею издания с трогательными автографами.

Издательство «Искусство» находилось в то время на Цветном бульваре и размещалось в ветхом здании, которое в любое время могло рухнуть. Я как директор издательства вынужден был обращаться к высокому руководству, в частности, к Первому секретарю МГК КПСС В.В. Гришину, чтобы нам дали другое здание или построили новое. Однажды, когда я прибыл на встречу к Гришину, я увидел там Н.И. Сац, которая, как оказалось, тоже пришла с просьбой о постройке здания для своего театра. Здесь мы уже стали коллегами по несчастью и обещали помогать друг другу. В конечном счёте, наши усилия увенчались успехом, было принято специальное решение МГК КПСС о строительстве трёх новых зданий: для газеты «Известия», издательства «Искусство» и детского музыкального театра. Мы были просто счастливы, хотя, может быть, и преждевременно, учитывая, сколько впереди ещё предстояло хлопот. Здания для «Известий» и детского музыкального театра были построены, а издательству «Искусство» предложили здание бывшей гимназии, являвшееся тогда жилым домом, откуда предстояло выселить жильцов, а затем провести реконструкцию.

Наталия Ильинична не раз обращалась ко мне за советом, где лучше всего разместить новое здание детского музыкального театра, и мы сошлись на том, что лучшего места, где оно и было

¹ Н.И.Сац. Новеллы моей жизни. Кн.1-я. М.: Искусство, 1984. С.387.

² Н.И. Сац. Жизнь – явление полосатое. М.: Изд-во «Новости», 1991. С. 588. Кстати, однажды, когда я пришел к Н.И. Сац, я увидел ещё трёх женщин, с которыми она меня познакомила. Это были жёны расстрелянных. Одна из них была Анна Михайловна Ларина-Бухарина. Я тогда рассказал Наталии Ильиничне о своих детских впечатлениях, когда в нашем деревенском доме собирались мужики и обсуждали происходящие события. При этом они очень резко отзывались о Сталине и Троцком, хвалили Бухарина и говорили что-то нейтральное о Ленине. Неужели Вы это запомнили? – спросила меня Наталия Ильинична. Да, – ответил я, – поскольку события последующих лет во многом оживили и оживляют то, что остаётся в детской памяти.

построено – недалеко от Московского университета на Ленинских горах – не найти. Сколько времени и сил заняло у Н.И. Сац строительство здания, сложно представить. Она буквально день и ночь жила стройкой, планами, замыслами, связанными с новым зданием театра. Можно только удивляться, как она выдержала всё это.

Когда театр был построен и состоялось его открытие, я, пожалуй, за всё время знакомства с Наталией Ильиничной не видел её более счастливой, радостной, открытой. Она вся сияла, излучала счастье, помолодела, казалось, к ней снова вернулась юность. Это был триумф её театральной деятельности, новое здание позволяло ставить спектакли на таком высоком художественно-эстетическом уровне, что, по существу, означало новый этап музыкально-театрального и эстетического воспитания юных поколений. Музыка, театр, эстетика, нравственное и художественное воспитание – всё органически сливалось в единое целое.

Перед началом каждого спектакля выступала сама Наталья Ильинична, раскрывая перед юными душами сокровенные мысли, глубину и утончённость и всего содержания спектакля, и каждого из действующих героев. Тем самым она стремилась возродить традицию, идущую от древнегреческого театра, где перед каждым спектаклем выступали первые лица государства и режиссёры театра, ведя непосредственный разговор со зрителями о самых важных и животрепещущих идеях и проблемах искусства и жизни. Восторгам юных зрителей не было предела, да и те, кто их приводил – родители, бабушки и дедушки, – восхищались всем, что происходило на сцене, ибо ничего подобного им не приходилось встречать и переживать. Когда Наталия Ильинична не могла выступать сама, её с успехом заменяла дочь Роксана, которая и внешне, и внутренне была похожа на свою мать.

После окончания спектакля Н.И. Сац оставалась в зале, беседовала со зрителями, и практически никто не хотел расходиться. Она для всех представляла

какой-то величественной богиней детского царства, где всё предназначалось для детей и принадлежало детям, а не просто режиссёром театра, ловили каждое её слово, запоминали жесты, не могли оторвать взор от её вдохновенного образа. Наталия Ильинична беседовала с детьми серьёзно, на равных, как со взрослыми, расспрашивая их о том, что им понравилось или не понравилось в спектакле, об их пожеланиях. Детям этот серьёзный разговор приходился по душе, потому что мало кто с ними беседовал так серьёзно и на таком уровне о волнующих их сердца и души вопросах. А иногда она приглашала некоторых юных зрителей к себе в кабинет и дарила им карандаши, буклеты, книжки с автографом на память. Малыши были счастливы, эти подарки были для них бесценными и зачастую становились в семьях настоящими реликвиями.

Мы старались водить своих детей на все спектакли этого замечательного театра. Наталия Ильинична, беседуя с моими сыновьями Костей и Сашей, иногда подолгу, убеждалась в благотворном воздействии её театра на их образование, воспитание и развитие. И, надеюсь, не случайно на своей книге «Жизнь – явление полосатое», подаренной мне в январе 1993 г., она написала дорогие для меня слова: «Большому другу нашего театра, мудро использующему искусство в воспитании своих одарённых детей – Константину Михайловичу Долгову от Нат. Сац». Мои дети продолжают ходить в этот театр, теперь уже с внуками, испытывая каждый раз новые волнения и восторги. Он заложил в них любовь к литературе, музыке, танцам, художественной гимнастике, к художественному творчеству вообще, которым они занимаются с огромным удовольствием.

Мы с Н.И. Сац на протяжении многих лет, до самой её кончины, поддерживали добрые, даже дружеские, отношения. Как-то, когда я возглавлял ВААП, она обратилась ко мне с необычной просьбой: к нам приехала серьёзная зарубежная делегация, которую нам негде и не на что достойно принять, может быть, вы

нам поможете в этом? Я, не раздумывая, ответил: разумеется, поможем. Скажите только, где и когда вы хотите их принять. Приём гостей удался на славу, Наталия Ильинична была искренне благодарна.

В свою очередь, когда зарубежные научные делегации выражали просьбу посетить спектакли Детского музыкального театра, Наталия Ильинична никогда не отказывала. Так, когда в Москве состоялся очередной международный конгресс по логике науки и его участники выразили желание посетить Детский музыкальный театр, руководство Академии наук попросило меня договориться об этом с Наталией Ильиничной. Она охотно согласилась. Делегаты конгресса, заполнившие весь театр, находились в неописуемом восторге от выступления артистов, поскольку ничего подобного в европейских странах, да и во всем мире не было до сих пор.

Что касается главного дела жизни Наталии Ильиничны Сац – создания детского музыкального театра, то, как она утверждала, этот замысел появился у нее чуть ли не в детстве. Поскольку она родилась в театральной семье и ее родители были известными деятелями культуры (мать – оперная певица, отец – композитор, дирижер), она, будучи погруженной в искусство с самого раннего детства (в мемуарах она вспоминала, что впервые «выступила» в театре, когда ей было всего около года). Как бы невольно следуя семейным традициям, она хотела создать что-то своё в искусстве, близкое ей и её сверстникам – театр для детей.

Этот замысел она вынашивала много десятилетий, с ранней юности, пока, наконец, не осуществила его. Вот что писала она сама, вспоминая начало своего творческого пути (в 1918 г.), работу в детской секции театрально-музыкального отдела Моссовета, пытаясь создать первый Детский театр Московского Совета: «Но сейчас знаю, чего хочу уже сама.

Хочу так сильно, как ещё никогда. Это «хочу» горячо во мне созрело. Хочу создавать театр для детей. Совсем но-

вый. Такого театра ещё никогда нигде не было. «Синяя птица» был лучший, в своём роде единственный спектакль большого искусства. Но он так и остался единственным. Художественный театр жил интересами взрослых, а в задуманном театре всё должно быть для детей. Не отдельные спектакли, а театр – это большая разница. В этом театре дети – не случайные посетители, а полноправные хозяева. Лучшие писатели должны думать о детях, создавать для них новые пьесы, большие художники сцены – посвятить целиком свое творчество маленьким. В театре для детей, конечно, должно быть свое собственное помещение, так же как оно есть у театров для взрослых»³.

Исходя из столь глубокого и универсального понимания сущности детского театра, можно сказать, что в то время создание такого театра было невозможным, поскольку не было ни соответствующего литературного, ни музыкального материала, советское искусство делало только первые шаги в создании условий для возникновения подобного театра. Н.И. Сац шла к этому долгие годы, практически всю жизнь. Только в 60-е гг. XX века в силу множества объективных и субъективных факторов ей удалось создать настоящий Детский театр, расположившийся, как уже было отмечено, в здании бывшего кукольного театра на улице 25-го Октября. А настоящий Детский музыкальный театр, прекрасное здание, великолепный дворец для детей, увенчанный эмблемой «Синей птицы» – первого спектакля для детей, с прекрасными скульптурными композициями перед фасадом, был торжественно открыт 6 октября 1979 г.

В театральной Москве, где было столько знаменитых театров, вдруг появился новый театр, который стал своеобразным центром театральной жизни столицы, и коренные москвичи – взрослые и дети, и гости из регионов нашей страны, и особенно зарубежные гости – все стремились попасть в этот театр, посмотреть и послушать хотя бы один

³ Н.И. Сац. Новеллы моей жизни. Кн.1-я. М.: Искусство, 1984. С.119-120.

спектакль. Театр действительно стал реальным осуществлением великого замысла Н.И. Сац, такого театра не было, и, как мне кажется, до сих пор больше нигде нет, он вызывал всеобщее восхищение. Не случайно Наталию Сац называли «матерью детских театров мира». Это было новое слово в художественно-эстетическом и музыкальном воспитании детей, которое почти естественно возрождало и развивало традиции образования и воспитания античности, Средневековья, Возрождения, Нового времени. Театр как бы дополнил ту удивительную сокровищницу для детей и юношества, которая находится на Воробьевых (Ленинских) горах: университет, цирк, Дворец пионеров, а чуть дальше, на другом берегу Москвы-реки – Дворец спорта Лужники. Таким образом, лучший район Москвы стал настоящим центром образования и воспитания детей и молодежи.

Наталия Ильинична много раз говорила мне и не переставала повторять, что театр – это лучшая школа сознания и самосознания человека, и поскольку именно в детские годы активно формируется ум, сознание и характер человека, то детский театр должен занимать первостепенное место в этом великом созидании человеческих душ и сердец. Вот что она писала в своих воспоминаниях о сущности, задачах и направлениях развития детского театра, расширения его репертуара, охватывающего мир во всем его многообразии, что особенно важно для юных душ: «Нет, мы не закрыли дороги ни добрым медведям и оленям, ни

злым хищникам на нашу сцену для маленьких зрителей. Но и для них, а тем более для школьников более старших классов, наряду со сказками, появлялись оперы, рассказывающие о:

- людях, настоящем и прошлом нашей и других стран;
- борьбе, способности чувствовать локоть друга и бороться с врагами;
- умении понимать самых разных людей, людей живых, сейчас, на наших глазах живущих в спектакле, их характеры, поступки, жизненные обстоятельства;
- человековедении в театре – великом помощнике в овладении этим искусством»⁴.

Наталия Сац была своеобразным генератором, побуждавшим представителей литературы и искусства писать и создавать произведения для детей. Именно благодаря ей многие наши писатели, поэты, драматурги, кинематографисты, композиторы сочинили прекрасные произведения, которые по сей день исполняются художественными коллективами. В этом смысле Центральный детский театр был и остаётся одним из неиссякаемых источников развития всей нашей многонациональной культуры.

Наталия Ильинична была исключительно энергичным человеком – её энергии хватило бы на добрый десяток самых деятельных людей искусства и культуры. Она всю жизнь занималась самообразованием, не переставала учиться всему новому, интересному, необходимому, прежде всего для театра. Она понимала, что полноценная жизнь и творческая деятельность возможны только при постоянном развитии собственной личности, изучении и усвоении опыта культур многих народов, ибо театр, искусство и культура с необходимостью предполагают единство многообразия, глубину содержания и бесконечное разнообразие форм его выражения.

Хотелось бы сказать и о других особенностях личности Н.И. Сац. Она, как и все дети, родители которых занимаются

⁴ Н.И. Сац. Жизнь – явление полосатое. М.: Изд-во «Новости», 1991. С.514.

искусством, как мне представляется, испытывала недостаток внимания и общения с родителями. Может быть, именно этим объясняется, что она с ранних лет тянулась к детям и стремилась дать им то, чего не хватало ей самой – любви, добра, заботы. У меня было какое-то ощущение, не совсем понятное мне самому, что она почему-то находила воплощение этих чувств в цветах, прежде всего в розах. Я не раз замечал, что, когда ей дарили букеты роз, она чуть не со слезами на глазах брала их в руки, долго рассматривала, вдыхала их аромат, неожиданно вынимала из букета одну розу, любовалась ей, нежно прикасалась к ней губами. Точно так же она и сама любила дарить цветы, главным образом розы. В этой любви к ним было что-то сокровенно-личное, даже таинственное.

Вообще, роза была для нее многоплановым, глубинным, универсальным символом, в который она вкладывала самые разные аспекты утверждения жизни:

- её развитие, оптимизм, без которого невозможно ни жить, ни творить;
- ту любовь, которая пронизывает сердце и душу человека;
- любовь, которая существует вечно, до рождения человека и после его кончины;
- такую любовь, которая олицетворяет бессмертие.

Может быть, поэтому она любила повторять слова из французской песенки «Ищите розу»: Всегда и везде ищите розу. На мостовой, в темнице, в самые тяжелые минуты думайте о розе, ищите розу. И если Вы даже не найдёте розу, какое счастье, что вы её искали! Ищите розу, всегда, везде, во все дни жизни!

Наталья Ильинична не раз говорила мне, что, несмотря на тяжёлые, трагические моменты и времена в её жизни, она считала и считает себя счастливым человеком. И не только потому, что ее окружали выдающиеся деятели культуры XX в. – К.С. Станиславский, артисты Художественного театра, Е.Б. Вахтангов, С.В. Рахманинов, Л.В. Собинов, С.С. Прокофьев, Д.Д. Шостакович, Т.Н. Хренников, А.Н. Толстой, О. Клемперер, А. Эйнштейн и многие-многие другие. Но и потому, что замысел, который она пыталась воплотить в течение своей жизни, осуществился. Создание Детского музыкального театра – это великий памятник ей как личности, как человеку искусства, как представителю великой русской и советской культуры. И по сей день её театр сохраняет свою уникальность и неповторимость в отечественной и мировой культуре, стимулируя развитие нашей и зарубежной детской литературы и искусства, он по-прежнему оказывает огромное воздействие на художественно-эстетическое и музыкальное воспитание уже многих поколений детей и юношества.

Все, кто знал Наталью Ильиничну лично, считали её добрым и благодарным человеком, она всегда старалась бескорыстно помочь тем, кто в этом нуждался. Самым великим богатством она считала общение людей. Может быть, поэтому её окружали достойные люди, она сама была примером в высшей степени благородного человека.

Каждый раз, когда я прохожу или проезжаю мимо Детского музыкального театра имени Н.И. Сац, мне всегда вспоминаются встречи и беседы с этой удивительной, талантливой, великой женщиной и великим человеком культуры. Я вновь и вновь переживаю содержание наших встреч и вижу почти наяву её вдохновенное лицо, слышу её незабываемые выступления, и меня снова охватывает чувство настоящего счастья и даже восторга от этих встреч. Может быть, эти воспоминания пробудят у читателей такие же добрые чувства, какие они пробуждали и пробуждают у меня.

© Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-67951 от 06 декабря 2016 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, к. 4114 а.
Тел./ факс. +7(495) 299 38 22
Веб-сайт: www.concept.mgimo.ru
e-mail: concept@mgimo.ru
ISSN 2541-8831

Выходит 4 раза в год.
Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.
119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.
Тираж 2000 экз. Объем 20,83 п.л.
Заказ 119

© Federal state autonomous institution of higher education «Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation»

The Founder and Publisher:

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.
Vertificate of registry
ПИ № ФС77-67951, 6 December 2016.

The Publisher Address: 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 4114 a.
Phone/fax: +7(495) 299 38 22.
URL: www.concept.mgimo.ru;
e-mail: concept@mgimo.ru.
ISSN 2541-8831

Published by MGIMO University Press.
Number of printed copies: 2000.